

Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текущая вода...
/ Велимир Хлебников /

Экскаватор безостановочно трудился два часа, прокладывая траншею для нового водопровода параллельно старому, давно устаревшему. Группа рабочих, одетых в теплые спецовки с надписью ПО «Водоканал», пристроилась у широкого длинного котлована и обсуждала последние новости, главной из которых было повышение заработной платы.

- Обещали с первого февраля, а на дворе середина марта, - сообщил молодой парень, который пришел в бригаду полгода назад.

Немолодой мужчина с пушистыми усами хмыкнул и заявил.

- Ты бы, Петька, помолчал. Как оставаться на сверхурочные работы, так тебя не допросишься, а как требовать прибавки, так ты первый.

- Если за сверхурочные работы платили нормально, я бы...

- Я бы, я бы, - перебил его усатый, - Учти, я капризы более терпеть не намерен! Вмиг вылетишь из бригады!

- Подумаешь, - протянул Петр, поднимаясь на ноги. Теперь он возвышался над остальными работниками, сидевшими на присядках у ямы, и мог видеть ее основание.

Он настороженно приблизился к краю, надеясь разглядеть в земле непонятные предметы желтоватого цвета. В этом момент экскаватор с ревом вытащил очередную порцию грунта, еще сильнее зарычал и едва начал отъезжать в сторону, чтобы освободить ковш и вновь вернуться к монотонной работе, как из него что-то выпало обратно в яму. Теперь никто не загораживал парню обзор. Он с опаской заглянул вниз.

- Кажется, человеческие кости, - испуганно пробормотал он, зажмурился, потом вновь открыл глаза и более внимательно стал изучать разбросанные по яме предметы.

- Что ты мелешь, - отмахнулся от него бригадир. Но все же поднялся на ноги, за ним последовали остальные рабочие.

- Палыч, точно, человеческие останки, - подтвердил один из них – вихрастый молодой мужчина с носом-картошкой, которого все называли Витьком. Он громко шмыгнул выдающимся носом и азартно провел под ним ребром ладони.

- После вчерашнего выходного дня вы бредите, - сразу поставил диагноз Иван Павлович, пригладил свои пышные с проседью усы, подумал, свистом обратил на себя внимание экскаваторщика, скрестил руки перед собой, приказывая приостановить работу, взял в руки лестницу, опустил ее в яму и, несмотря на свой возраст, лихо спустился вниз.

Вперемежку с рыхлой землей, потревоженной ковшом экскаватора, по дну ямы были разбросаны кости, неподалеку лежал череп.

- Ну, что там? – спросил нетерпеливый Петька, от нетерпения переминаясь с ноги на ногу.

- Кончай работу, ребята, - приказал бригадир из ямы. – Надо вызывать полицию, мало ли что?

- А можно и мне посмотреть? – любопытствовал Витек.

- Ничего интересного здесь нет, - пробубнил, поднимаясь по лестнице, Иван Рудый.

- Палыч, тебе, что жалко?

- До чего же ты любопытный, Недошкур! – попенял ему бригадир, - твою энергию, да в мирных целях.

- Ну, чего ты, Палыч, на него напал?! - заступился за приятеля Петр Сумеркин. – Я тоже хочу посмотреть.

- На экскурсию будете в музей ходить, - отрезал Рудый и направился к вагончику, стоящему неподалеку.

Мужчина не хотел выставлять напоказ проблемы со здоровьем. Сердце все чаще и чаще напоминало о себе жгучей болью. Вот и сейчас, жаром обожгло грудь, перехватило дыхание. Подобное случалось не впервые, но впервые сердечный приступ был таким сильным и продолжительным. Рудый зашел в вагончик, опустился на топчан, вытащил из кармана упаковку с нитроглицерином и сунул таблетку под язык. Боль стала медленно отступать, сужаясь в размерах и позволяя вдохнуть полной грудью. Палыч налил себе воды из остывшего чайника и медленно ее выпил. Повернул голову к крохотному окну и заметил, как его работники, включая экскаваторщика Леню, по очереди спускаются в яму.

- Детский сад, - прошептал он, растер ладонью грудь и вышел на улицу.

Его появление вызвало сумятицу в рядах любопытствующих. Они закрыли своими телами показавшегося из котлована Леонида. Когда он вылез, рабочие стали громко и излишне возбужденно обсуждать непостоянство весны.

С утра сыпал дождь со снегом. К полудню осадки прекратились, но тяжелое серое небо, давящее на головы прохожих, позволяло предположить, что к вечеру снова повалит мокрый снег.

Воспитательную работу бригадир проводить не стал – бесполезно. Даже его помощник – Сергей Беленоватый, возраст которого подбирался к полтиннику, поддался на провокацию молодежи.

С проспекта на улицу, где едва начались ремонтные работы, свернул полицейский автомобиль. Группа бравых мужчин в количестве трех человек, без интереса выслушала доклад бригадира. Один из них, тот, что моложе и с сержантскими погонами на плечах, спустился вниз, внимательно изучил останки и крикнул.

-Надо бы историков вызвать. Не могу точно утверждать, но мне кажется, этим костям лет сто, не меньше. Я в школе увлекался историей, в старших классах все летние каникулы проводил в археологических экспедициях, так что кое-чему научился. Хотел на исторический поступать...

- Тоже мне археолог-любитель, - сквозь зубы процедил капитан полиции, но при этом облегченно вздохнул – вековые человеческие останки не требуют заведения очередного дела, ставшего в будущем крепким висяком. Но протокол составил, опросил рабочих бригады, оградил место нахождения останков полосатой лентой и приказал сержанту ждать прибытия историков.

Мужики в спецовках потянулись к вагончику, а полицейский стал прохаживаться вдоль котлована в ожидании специалистов.

Они не заставили себя долго ждать и вскоре прибыли на место. Для начала стали осматриваться, словно окружающее пространство могло дать подсказку, затем один из них, седовласый старик с бородкой клинышком, сказал.

- В этом месте никогда не было кладбища.

- Не было, - подтвердил другой мужчина, чуть моложе, но также переступивший черту пенсионного возраста.

- Здесь не массовое захоронение, а останки одного человека, - вмешался в разговор сержант.

Оба корифея непроизвольно скривились и недовольно взглянули на щекастого молодого мужчину в полицейской форме. Тот стусевался и отошел в сторону.

Третий специалист–историк, молодой аспирант с чемоданчиком в руках, первым спустился в яму и принялся изучать находку. Его старшие коллеги увлеченно стали отвечать на вопросы вездесущих репортеров, прознавших про найденные останки. Пресс-конференция заняла не более пятнадцати минут, после чего они присоединились к молодому коллеге, осторожно извлекающему из земли человеческие останки, предварительно терпеливо очищая их кисточкой...

Спустя три месяца...

Группа пассажиров бойко поднималась по трапу самолета. Маленький ребенок капризничал, нервная мать дергала его за руку и придушенным шепотом призывала успокоиться. При этом она успевала бросать затравленный взгляд на симпатичного молодого мужчину в темных очках, в элегантном светло-сером костюме, несмотря на палящее солнце, и с щегольским кожаным кейсом в руках. Они столкнулись с ним у входа в здание аэропорта. Мужчина улыбнулся малышу, обаял молодую мать, услужливо подхватил ее багаж и отнес его к стойке регистрации. Оказалось, что они летят одним рейсом. Оказавшись в зале ожидания, он, наконец, разглядел женщину, мягко намекнувшую на отсутствие мужа, и принялся осыпать ее комплиментами. Люся Клейменова и впрямь была женщиной редкой красоты, портило впечатление выражение лица, на которое не легла печать интеллекта. Люська полагалась на инстинкты, а не на работу буксующей одинокой мысли. Она выпрямила и без того ровную спину, отчего ее обтягивающий сарафан нежного бирюзового цвета едва не треснул в районе груди. Молодая мать не поленилась, нашла в дорожной сумке, не отданной в багажное отделение, игрушечный автомобильчик, и предоставила сыну полную свободу действий. А сама стала с придыханием слушать воспоминания мужчины, назвавшегося Германом, о невероятных случаях на борту самолета. Путешествовал мужчина немало, рассказ мог занять все время до посадки, а затем и все время перелета до столицы. Новый знакомый поедал глазами Люськину грудь, выставленные напоказ круглые коленки, между делом дотрагивался до локтя, словно боялся упустить внимание симпатичной женщины. Женщина не собиралась отвлекаться, позабыла о сынишке, заботу о котором взял на себя совершенно посторонний пожилой мужчина. Герману проследил взглядом за мальчиком, затем внимание перескочило на няню-самозванку мужского пола, занятую починкой автомобиля, и непроизвольно зацепил глазами сидевшую рядом девушку. Девица не была конкуренткой Люське: худющая дылда с тусклыми неухоженными волосами. Она без эмоций наблюдала за действиями соседа. Со стороны казалось, что она, вообще, не понимает, что происходит.

Ну, и чучело, - подумала Клейменова и более пристально изучила девушку, которая сидела, скрючившись, на скамье, обхватив свои плечи скрещенными руками, словно мучилась от холода и пыталась согреться таким проверенным способом. – Это ж надо быть такой страшненькой, - мысленно добавила она без тени жалости.

Люся так увлеклась разглядыванием несуразной особы, что упустила момент, когда ее визави смолк. А он в это время также пристально изучал девушку. Как художник, чьи долгие поиски увенчались успехом – он нашел женский образ, о котором мечтал. На удивление отстраненная от мира незнакомка своеобразно отреагировала на пронзительный мужской взгляд. Дернулась, повертела по сторонам головой, успевая при этом нервно заправлять волосы за уши. Провела быстрым взглядом по Людмиле и Герману, которые нагло пялились на нее, не замерла во внимании и узнавании, и снова погрузилась в себя. Она напоминала заводную игрушку, которой хватило завода на очень короткий промежуток времени.

Клейменова хотела отпустить колкость в ее адрес, но чрезмерное внимание Германа к странной девушке ее отвлекло.

Надо сказать что-то умное, чтобы опять завоевать его внимание, - сообразила Люська. Ничего необычного, да и обычного, в ее голову не приходило. Про непривычно жаркий июнь она уже говорила, про недавнюю выходку сына рассказала... А если о работе... Нет, ничего захватывающего на ее работе не происходит.

Доселе разговорчивый Герман продолжал сверлить взглядом незнакомку, которая, в свою очередь внимательно изучала гранитный пол зала ожидания. Люся поняла, что счастье ускользает из рук, и попыталась его удержать. Увы, она не помнила, о чем говорил мужчина перед тем, как окаменеть, но на всякий случай спросила:

- И что было дальше? – при этом Клейменова ухватилась за рукав его пиджака. Ткань была приятной на ощупь, она непроизвольно поводила по ней ладонью.

Очнувшийся Герман принял изучение качества костюмной ткани за заигрывание и резко высвободился. Соизволил натянуто улыбнуться, извинился и прошествовал к девице, ни разу не оглянувшись на опешившую Люську.

Он пристроился рядом с каменным изваянием, которое снова ожило. Мужчина начал о чем-то возбужденно говорить. Девушка хмурилась, односложно отвечала, но больше молчала, и на новоявленного поклонника почти не обращала внимания, словно его красноречие было обращено не к ней, а к приятному пенсионеру, успевшему к тому времени починить игрушечный автомобиль.

Расстроенная Людмила позвала к себе сына, отобрала машинку, чем вызвала неудовольствие малыша, вылившееся в громкое завывание. Сама она тоже едва не расплакалась и начала мысленно жаловаться на свою нелегкую женскую долю, прожигая взглядом соперницу.

А потом объявили посадку на их рейс.

Сын продолжал хныкать, Люська нервничать, а Герман ухаживать за другой девушкой.

Пока не рухнул на середине подъема по трапу. Поначалу пассажиры не поняли, в чем дело, решили, что молодой мужчина оступился. Кто стоял ближе, попытались оказать ему помощь, но он не двигался. Все решили, что он потерял сознание и собрались обратиться к стюардессе, чтобы она вызвала врача. Но одна энергичная женщина протиснулась сквозь толпу, застопорившуюся перед неожиданной преградой, приложила пальцы к шее, задумчиво кивнула, потом выхватила из сумки круглое зеркальце и поднесла к губам пострадавшего. После чего внимательно изучила, не запотело ли оно, и беспристрастным тоном заявила:

- Кажется, он мертв...

Прибывший на место дежурный врач из медико-санитарной службы аэропорта, подтвердил смерть Германа Борисовича Клунина.

- Похоже на сердечный приступ, но точнее вам скажет судмедэксперт после вскрытия, - сказал он полицейскому из линейного ОВД и выписал направление в морг.

Тот взял показания у других пассажиров, и самолет, вылет которого был на время отложен, в семь вечера взял курс на Москву.

Но вскрытие сделать не успели. Труп Клунина неожиданно исчез. Заметили это, когда через два с лишним часа прибыл фургон с надписью «Специальная». Каталка с телом все это время находилась возле служебного въезда с территории аэропорта. Охранник в будке никого рядом с телом не видел. Его отвлекла от несения службы девушка, которая вывихнула ногу неподалеку. Ему пришлось покинуть свой пост и оказать ей помощь – довести до шоссе (всего-то пятьдесят метров!) и остановить автомобиль, водитель которого согласился довезти пострадавшую до ближайшего травмпункта. Номер автомобиля охранник Марченко не запомнил, спешил вернуться к выполнению своих обязанностей. Он переложил ответственность на полицейского Крыжуху, который должен был передать тело Клунина прибывшим на «труповозке» санитарам. Но Крыжуха ненадолго отлучился по естественной надобности, после чего обнаружил, что каталка пуста, труп исчез...

Следственными органами Следственного комитета РФ по Ростовской области было возбуждено уголовное дело по факту исчезновения тела Клунина Германа Борисовича.

Утром старший оперуполномоченный майор полиции Терещенко и лейтенант полиции Прилуков прибыли на квартиру Германа. Тимофею Прилукову казалось, что сейчас дверь распахнется и перед ними предстанет живой и здоровый хозяин. Рассмеется и скажет, что хотел всех разыграть. Нет, лейтенант не увиливал от расследования, но ему

хотелось настоящего, запутанного дела, а не заниматься поисками трупа, который внезапно воскрес и вернулся домой.

Дверь им открыла женщина лет пятидесяти с крашеными светлыми волосами в бежевых бриджах и красной футболке. Она держала двумя пальцами дужку очков, выражение лица было недовольным, отчего мужчины сделали вывод, что хозяйка занималась важным делом и ее отвлекли. Для начала женщина долго изучала удостоверения майора и лейтенанта, а затем представилась Элоизой Георгиевной Клуниной-Местерской. Полицейские решили уточнить, кем она приходится Герману Клунину и очень удивились, что матерью. Значит, женщине было больше пятидесяти, но выглядела она превосходно, и если бы не хмурилась, то морщинки на лбу и возле глаз были не заметны, и ей можно было дать не больше сорока пяти лет.

Прямолинейный Спиридон Терещенко, не любивший «ходить вокруг, да около», сразу рассказал о причине их прихода. Женщина смерила майора пытливым взглядом.

- Этого не может быть, - заявила она, а полицейские поначалу не поняли, что имеет в виду: смерть сына или исчезновение его тела. - Мой сын никогда не жаловался на здоровье. Он сейчас находится в командировке в Москве, а то, что не позвонил и не доложил по приезду, так я не удивлена: контролировать каждый шаг взрослого сына я не вправе.

Женщина тут же взялась за телефон и стала набирать номер Германа. Звонок раздался в портфеле майора Терещенко, в котором кроме мобильного Клунина лежали его документы и наручные часы, изъятые в аэропорту после вынесения медиком вердикта.

Спиридон Яковлевич предъявил матери вещи сына. Она долго их рассматривала, вертела в руках, словно искала подтверждение, что мобильник и часы принадлежат Герману. При этом женщина не проронила ни одной слезинки. Только губы были плотно сжаты, лицо стало белым, как лист мелованной бумаги, а между бровями залегли две отчетливые борозды. Следователь испугался, что мужественная женщина не станет рыдать и причитать, а попросту упадет в обморок, поэтому услужливо препроводил ее к дивану и предложил воды. Она отрицательно покачала головой.

Долго молчала, уставившись в одну точку, а затем еле слышно сказала.

- Про телефон я ничего сказать не могу, а часы я сама подарила сыну на тридцатилетие.

- Герман проживал вместе с вами?

- Прописан был здесь, на самом деле он живет на улице Социалистической, у приятеля, который несколько лет назад перебрался в Израиль. Но квартиру продавать не стал, мало ли как жизнь сложится, вдруг придется возвращаться.

- Вы видели этого приятеля?

- Никогда. Герман был не в том возрасте, чтобы контролировать круг его знакомств. Я с сыном редко виделась, чего уж говорить о его друзьях. Мы чаще перезванивались. - она вскинула опущенную голову и заискивающе спросила, - а вы не ошиблись? Это точно Герман?

Майор Терещенко и лейтенант Прилуков промолчали.

- Я... могу увидеть сына?

- Пока нет, - ответил майор.

- Вы что-то скрываете, - догадалась мать, изучив прищуренным взглядом полицейских.

- Дело в том, что тело Германа Клунина исчезло.

- Значит, я была права - он жив! Гера просто потерял сознание, очнулся и ушел, - монотонным голосом произнесла женщина, поднялась с дивана и вернулась к столу, на котором лежали вещи ее сына. Она снова стала их перекаладывать с места на место, словно их расположение могло что-то изменить.

- Его осматривал опытный врач... - начал Терещенко.

- Врачи часто ошибаются, - перебила его женщина, не желая слушать продолжения. - Вот недавно мне стало плохо, я позвонила сыну, он примчался и вызвал неотложку. Приехала

немолодая женщина и с порога заявила, что у меня инсульт. А на деле оказалось, что у меня резко подскочило давление по причине переутомления.

- Поверьте, врач не мог перепутать смерть с обмороком.

- Почему не мог? – продолжала стоять на своем Элоиза Георгиевна, - очень даже мог. А если вы утверждаете обратное, то куда делся мой сын? Вернее, его... тело? – споткнулась она на последнем слове. Теперь она выглядела на свои годы, если не старше. Горе незаметно подкралось к ней, как бы она от него не отгораживалась стеной самообмана.

- Элоиза Георгиевна, вы не осведомлены о цели поездки вашего сына в столицу? – витиевато и непривычно для себя выразился майор. Ему захотелось соответствовать этой интеллигентной женщине с мягким приятным голосом.

- Понятия не имею, - передернула она плечами.

- А чем занимался ваш сын?

- Он владелец ювелирного салона «Мерц»... Ой, постойте, кажется, он говорил мне о предстоящей в Москве выставке ювелирных украшений, но не знаю, связывать ли его поездку с выставкой.

- А когда он вам о ней рассказывал?

- Сегодня у нас вторник, тринадцатое июня... Тринадцатое... А я всегда считала число тринадцать счастливым числом, - печально вздохнула Клунина-Местерская. – Герман рассказывал о выставке девятого, в пятницу, еще сказал, что еле взял билеты на самолет, не думал, что люди устремились не на жаркий юг, а в сторону столицы, где температура сейчас не выше восемнадцати градусов.

- Следовательно, ваш сын собирался посетить выставку?

- Честно признаться, я не прислушивалась, о чем он говорит. Я писатель, живу в своем мире. В тот день обдумывала встречу главных героев, никак не выходил диалог, получался каким-то неискренним, высокопарным, а мне хотелось простоты, хотелось вызвать сочувствие у читателей. Поэтому почти не слушала сына. Но слова «выставка» и «командировка» отчетливо врезались в память.

- Мы проверим, совпало ли время выставки со временем поездки в Москву Германа Борисовича, - заявил майор и посмотрел на лейтенанта Прилукова. Тот согласно кивнул головой, вняв негласному приказу старшего по званию.

Потом Терещенко поинтересовался адресом, по которому проживал Клунин, расспросил о его друзьях, полистал фотоальбом, в котором на первой странице красовался голопузый мальчуган, а на последней он же, но уже при костюме, белой сорочке и галстукке, получал диплом о высшем образовании из рук декана факультета журналистики.

- Дипломированный журналист стал бизнесменом? – не особо удивился майор.

- На выборе профессии журналиста настоял мой муж, отец Германа. Он много лет был главным редактором журнала «Вотчина». В нем печатались статьи о памятниках старины, о родовых наследственных владениях, сохранившихся до наших дней. Некоторым удалось вернуть себе наследство, экспроприированное после революции, другие особняки так и остались в собственности государства или частных лиц, выкупивших коммунальные квартиры у бывших собственников. В журнале печатались рассказы о невероятных находках. Издание пользовалось популярностью, тираж рос, муж пропадал на работе сутками. Он мечтал, что сын продолжит династию. Я тоже окончила факультет журналистики, была внештатным сотрудником журнала, пропадала в архивах, писала рассказы. Брала за основу реальные события, а далее безгранично фантазировала. После окончания университета, Борис взял сына на работу, но не прошло и двух месяцев, как муж скорострительно скончался. Ему тогда было всего-то пятьдесят два...

Она с силой сжала ладони, приложила ребрами к губам, оперев подбородок на большие пальцы. Затем сместила ладони чуть выше, заключив в их «объятия» нос и глубоко вздохнула несколько раз, пытаясь успокоиться. Поправила волосы, печально улыбнулась и тихо сказала:

- Моему Герке исполнилось тридцать три.

Голос слегка вибрировал, но женщина упорно не сдавалась.

- Он вернется, я уверена.

Майор Терещенко старался на нее не смотреть, а стажер Прилуков активно подтвердил кивком головы. Спиридон заметил его участие, по выказывать эмоций не стал. Он постучал пальцами по альбому, лежащему на столе рядом с вещами Клунина, и спросил:

- А можно я возьму его с собой? Обещаю вернуть. – майору не понравились непривычные заискивающие нотки в собственном голосе, он излишне суетливо прихватил альбом, еще не получив разрешения.

- Берите, - разрешила Элоиза Георгиевна, наблюдая, как полицейский складывает в свой портфель вещи ее сына, туда же поместился альбом с его фотографиями...

- Странно все это, - сказал Тимофей Прилуков, едва они вышли из подъезда дома, где проживала Клунина и был прописан ее сын.

- Ты об исчезнувшем труп?

- Я о владельце ювелирного салона, который проживал на чужой жилплощади. Неужели за все годы не накопил на собственную квартиру? Допустим, жить на одних квадратных метрах с матерью-писательницей он не хотел, да и она, скорее всего, тоже не горела желанием. Отец умер двенадцать лет назад, сын сразу ушел из редакции, занялся бизнесом, пусть не сразу, но бизнес стал приносить доход. Допустим, на приобретение собственно жилья не заработал, но мог снимать приличную квартиру в престижном районе...

- Зачем тратить деньги, если можно жить даром, - резонно заключил майор. – Хотя, к чему строить догадки? Для начала надо поехать по этому адресу и все выяснить. - Он протянул листок Тимофею. – А я отправлюсь в следственный отдел на доклад к Кошечкину.

- Спиридон Яковлевич, поехали вместе по этому адресу, - заканючил лейтенант, - улица Социалистическая не так далеко, я мигом вас туда домчу! Лукаво прищурился и сказал, - может, что-нибудь новенькое откопаем по делу Клунина, и тогда уже будет с чем идти к следователю.

Майор улыбнулся. Вчерашний студент юридического факультета Прилуков очень напоминал его самого на заре трудовой деятельности. Такой же испуганный, но дерзкий взгляд, такие же оттопыренные уши, скулы, обсыпанные веснушками. Но глаза умные, голова светлая, но совершает зачастую ребяческие поступки. Но странность в поведении бизнесмена Клунина уловил.

Неужели Герман не заработал денег на квартиру? Почему ютился у друга? Бизнес не приносил доход? Или деньги утекали рекой в неизвестном направлении? Но одежда на мужчине была дорогой, кейс из натуральной кожи...

- Слушай, лейтенант, а ключей-то при Германе не нашли, - задумчиво произнес Спиридон, усаживаясь в автомобиль Прилукова.

- В кейсе было совсем мало вещей, наверное, ехал в столицу на пару дней, не больше, - сообразил Тимофей, - умывальные принадлежности, смена белья, - перечислял парень, лихо обгоняя величественный «Мерс» на своем «Hyundai» и... и блок сигарет «Винстон». Ключей не было.

- Он что много курил? – недовольным тоном спросил Терещенко, словно был борцом за здоровый образ жизни. Настроение резко падало вниз, как не пытался майор его удержать на среднем уровне. А при расследовании свои эмоции надо прятать в глубокий погреб.

- Надо бы у матери спросить, курил ее сын или не курил.

- Много эта писательница о нем знает, - снова разозлился майор и перекинул гнев на стажера. – А у тебя, вчерашнего студента, откуда такая иномарка?

- Отец подарил на окончание института, - обиженно пробубнил Тимофей.
- Отец подарил, - передразнил его начальник.
- Так машине уже пять лет. Отец себе новую купил, а мне старую отдал.

Это обстоятельство несколько успокоило вредного Терещенко, у которого не было ни семьи, ни машины. Родители давно ушли из жизни, когда Спиридон только вернулся из Армии и стал слушателем школы милиции. Материальную поддержку оказывал старший брат. В то время он уже был начальником убойного отдела. Несколько лет назад брат погиб в автомобильной аварии. У него тоже кроме Спиридона никого не было. Он утверждал, что при их профессии семью иметь нельзя. Младший брат не спорил, их мнения на сей счет раньше совпадали, но в последнее время он все чаще и чаще приходил к мысли, что работа работой, а семья у человека должна быть. Невзирая на опасность выбранной профессии. А зачем тогда жить? Ради кого?

- Надо бы наведаться в ювелирный салон Клунина... «Мерц», кажется? Сотрудники о хозяине знают больше, чем родная мать... Но сначала на Социалистическую!
- Мы уже подъезжаем. Вот дом номер девять, одиннадцать...
- Нам нужен десятый, - напомнил майор, значит, он на другой стороне, где нечетные. Давай разворачивайся на светофоре...

Дом номер десять по улице Социалистической представлял собой постройку начала восьмидесятых годов, как и многие дома в округе - панельная девятиэтажка с множеством подъездов. Тимофей насчитал целых десять, мысленно прикинул, где может находиться сто сороковая квартира.

- Четвертый подъезд, восьмой этаж, - доложил он Терещенко, выискивая место для парковки...

Как полицейские и предполагали, на их звонок никто не откликнулся. Пришлось звонить в оставшиеся три квартиры. В замке одной из них завозились ключом, наконец, дверь открылась, на пороге появился старик в трико, майке и в шлепанцах на босу ногу.

- Здравствуйте, молодые люди, - первым поприветствовал он, изучая мужчин зорким молодым взором слегка выгоревших синих глаз.
- Здравствуйте, - дружно поздоровались Терещенко и Прилуков и показали удостоверения.
- О, служба, - заулыбался старик и пригласил в квартиру. – С чем пожаловали? – спросил он, когда гости расположились на кухонных табуретах.
- Нас интересует ваш сосед из сто сороковой квартиры.
- Какой сосед? – удивился дедуля, - нет там никакого соседа! Раньше жила Валентина Карасева, а потом вышла замуж за прибалтийца и укатила к нему... в эту... в Палангу. Есть такой город?
- Есть, - подтвердил Прилуков, - в Литве.
- Укатила, а квартиру не продала?
- Нет, не продала, закрытая стоит.
- И никому ее не сдавала, все же лишняя копейка? - с надеждой поинтересовался Терещенко.
- Никому! – уверенно заявил сосед, - у меня хранятся ключи, на случай... стихийного бедствия. Краны перекрыты, но мало ли что... А квитанции на оплату мне отдают, я все оплачиваю.
- Из своих сбережений?
- Почему же из своих, Валентина мне деньги оставила. Она раз в год приезжает вместе с мужем. Он ее одну не отпускает, очень ревнивый. Конечно, я бы сам такую женщину ревновал, - расцвел он молодой улыбкой.
- Что? Хороша соседка? – не сдержался Прилуков.
- Ой, хороша! – с чувством произнес старикан.

Майору не было дела до красоты Валентины Карасевой, которая вышла замуж за ревнивого литовца. Он покопался в своем любимом портфеле, достал фотографию Германа Клунина и протянул старику.

- Вы этого мужчину здесь не встречали?

Разговорчивый сосед долго всматривался в лицо Германа, а потом неопределенно заметил.

- Где-то я его видел. Но где?.. Вы не думайте, господа хорошие, что я из ума выжил. У меня память дай бог каждому.... Кажется мне, что этот парень с фотографии выглядел как-то иначе.

И без паузы перешел к рассказу о случае, который случился совсем недавно, но Терещенко его перебил.

- Извините нас, мы спешим. Вот мои координаты, если вспомните, то позвоните, - без особой надежды попросил он и протянул деду визитную карточку...

- Вот, блин! – возмутился Прилуков, в который раз перечитывая адрес, написанный рукой Элоизы Георгиевны на листке бумаги, и сверяя его с адресом, указанным на табличке дома, из подъезда которого они только что вышли. – Может, она что-то перепутала?

- Объясни мне другое: зачем сыну давать матери адрес временного пристанища, если она никогда туда не придет? В чем смысл? При чем сделал это Клунин незадолго до поездки в Москву, якобы на выставку.

- Писательница сама сказала, что связь они держат... держали по телефону. Понадобилось ей что-то, она звонит сыну, он приезжает. И лишний раз старается его не отвлекать от дел. А вдруг это подстраховка?! – выдал лейтенант. – Клунин знал, что ему грозит опасность и таким образом намекнул на источник угрозы.

- Хочу напомнить, что Валентина Карасева не может быть виновницей смерти Германа Борисовича. Она живет в Литве. Это, во-первых. А во-вторых, Клунин умер своей смертью. Ско-ро-пос-тиж-но! – по слогам произнес майор, вбивая каждый слог в голову стажера. – Следовательно, не мог предугадать, что с ним случится через несколько дней, тем более не мог предположить, что кому-то захочется выкрасть его тело.

- Вы уверены, что Клунин умер своей смертью? – с загадочным видом поинтересовался Тимофей. – Вскрытия-то не было!

- Неужели ты думаешь, что опытный врач не мог отличить естественную смерть от криминальной?

- А если предположить, что Герман был наркокурьером? Проглотил мешочки с зельем. А мешочек возьми, да и тресни.

- По накатанной дороге ходите, молодой человек, занудным голосом заявил Спиридон Яковлевич, - У нас задача – найти тело, рассуждать о причинах смерти мы будем после!

- Нет тела, нет дела, - с умным видом констатировал Прилуков.

- Есть тело, легче закрыть дело, - философски парировал Терещенко. – Поехали в ювелирный салон «Мерц»!..

По дороге каждый думал о своем. Тимофей о свидании с Катериной, Спиридон о пустом холодильнике, который надо бы заполнить съестными припасами. Майор по привычке читал вывески на магазинах, пока взгляд не наткнулся на большие буквы: «Книжный дом Михеева».

- Тима, останови! – неожиданно приказал он, напугав водителя, который резко затормозил.

Сзади ехавшая «Audi» едва не «чмокнула» бампер «Hyundai». Ее хозяин высунулся из окна и сказал все, что думает о выкрутасах Прилукова, не пожелавшего ввязываться в перепалку. Но от возбуждения покраснел, веснушки на лице обозначились еще сильнее, и недовольно покосился на майора.

Терещенко запоздало извинился, Тимка благосклонно дернул головой и пристроился у обочины.

- Что-то случилось, Спиридон Яковлевич?

- Хочу поискать книги Элоизы Клуниной-Местерской, чтобы лучше ее узнать.

- По книгам? – удивился лейтенант, выбираясь из салона «Hyundai».

- Иногда роман лучше расскажет об авторе, чем ее близкий знакомый. Очень часто писатель вплетает в произведения свои собственные переживания, воспоминания.

Прилуков не стал спорить, взял умную мысль старшего товарища на заметку, авось пригодится, и двинулся вслед за ним.

Они долго бродили по двухэтажному зданию, пока менеджер не спросила, что конкретно их интересует? Терещенко назвал автора.

- У нас есть книги Местерской, а про Клунину-Местерскую я не слышала. Хотя. Обеих зовут Элоиза.

- Так покажите нам, где полка с книгами просто Местерской, - разозлился от долгих блужданий лейтенант, который уже считал затею майора пустой.

Девушка подвела их к одной из полок. Здесь стояли книги нужного им автора. И в жестком переплете, и покетбуки. Тимофей взял одну из книг, перевернул на обратную сторону и увидел портрет Элоизы, матери Германа. Она была такой же, как жизни.

- Однако, - протянул он, постукивая пальцем по ценнику. – Двести восемьдесят два рубля. И это за одну книгу в..., - он сосредоточился на последней странице, - в триста двадцать пять страниц. А тираж составил сорок тысяч экземпляров. Не хило...

- Можно подумать, автор все деньги кладет себе в карман, - хмыкнул Спиридон Яковлевич.

- Не все, конечно, но на квартиру сыночку хватило бы. – он провел глазами по полке и добавил, - при ее-то работоспособности.

- Думаю, она и так суживала его деньгами. Не удивлюсь, если настоящей собственницей ювелирного салона является Элоиза, а Герман – лишь управляющим.

Прихватив несколько книг, мужчины направились к кассе. Расплачиваясь за покупку, Терещенко пришла в голову разумная мысль: обеспеченная мать могла приобрести квартиру для сына, но оформила ее на себя. Надо узнать, числится ли за гражданкой Клуниной-Местерской еще недвижимое имущество, кроме той квартиры, в которой они прописаны вдвоем с сыном?.. И надо разобраться - зачем она направила нас по ложному пути? Злой умысел или ошибка по незнанию? Неужели она уверена, что ее сын жив, но вынужден был разыграть смерть с последующим исчезновением, чтобы от кого-то скрыться? Значит, Элоиза знает больше, чем пытается нам доказать. Она в курсе дел Германа и осведомлена, где он жил последнее время. И это не квартира сто сорок по улице Социалистической, дом десять. Но почему всплыл, именно, этот дом? Взглянула от «фонаря» или адрес дан не случайно? Что-то подсказывает, что должна быть какая-то связь... Должна быть...

- Тимофей, надо бы проследить за Элоизой Георгиевной, - вслух сказал Спиридон.

- Сегодня? – испугался лейтенант, у которого на вечер было назначена встреча с девушкой, которую он добивался долгих три недели.

- Нет, послезавтра, - поерничал Терещенко. – Довези меня до ближайшей остановки, я сам доберусь до ювелирного салона, а сам дуй к ее дому. К полуночи я пришлю тебе замену.

- К полуночи?!

- Будешь переспрашивать, останешься на посту до утра.

- Слушаюсь, товарищ майор!..

Тимка нашел выход. Позвонил Кате и попросил приехать по такому-то адресу. И голосом, полным таинства и собственной значимости, добавил:

- Я сижу в засаде!

Поначалу девушку не привлекло тащиться через весь город и сидеть в душной машине весь вечер, но последнее высказывание ее подвигло на подвиг: она собралась в рекордные для себя сроки и через сорок минут сидела рядом с Тимофеем. Лейтенанту польстила ее забота: она прихватила термос с чаем и бутерброды. Влюбленные перекусили, поболтали и перешли к более захватывающему занятию – жарким поцелуям. Прилуков мысленно хвалил себя за сообразительность, бдительности не терял – изредка посматривал на часы, чтобы не позевать момент прибытия смены. Надо было на время удалить девушку.

Одно из окон в квартире писательницы светилось, из чего Тимка заключил, что она кропает свои романы и никуда идти не собирается.

Увлечшись страстными объятиями, он пропустил момент, когда женщина выскользнула из подъезда и быстрым шагом свернула за угол. Свет в кабинете так и остался гореть...

Утром Терещенко и Прилуков прибыли в следственный отдел Октябрьского района к старшему следователю майору юстиции Кошечкину Илье Аркадьевичу, которому было поручено вести дело об исчезновении тела Клунина. Отчет о проделанной работе занял не более десяти минут.

- Это пока всё, - поставил точку в докладе Спиридон Яковлевич.

- Я повторно допросил Марченко, охранника в аэропорту, - поделился информацией Кошечкин. – Девушку, которая отвлекла его внимание от трупа, он описывает расплывчато: симпатичная миниатюрная блондинка с красивой фигурой, без особых примет. Номер автомобиля, на котором она уехала в травмпункт, не запомнил, пока тело Клунина лежало на каталке, никто к нему не подходил и вопросов не задавал.

- А марку автомобиля Марченко не запомнил? – спросил Спиридон.

- Кажется, белый «Opel».

- Редкий экземпляр, - поехидничал Прилуков, с важным видом восседая на стуле.

Оба майора одновременно посмотрели на него. Без осуждения и улыбки.

- Я позвонил Клуниной-Местерской и попросил приехать ко мне в два часа. – продолжил Кошечкин. – Мне она показалась на удивление спокойной. Другая бы на ее месте мне телефон «оборвала», а она затаилась и ждет, словно ее совершенно не беспокоит, где тело ее сына.

- Клунина уверена, что Герман жив, - вставил Прилуков.

- Я не знаю, как это расценивать? Как умение владеть собой? Как актерскую игру? - задался вопросами Терещенко. – Или это попытка оградить себя от доказательств смерти сына? Я знаю, что он жив, и вы не пытайтесь заверить меня в обратном!

- Поведение Клуниной показалось мне искренним, - заметил Тимофей. .

- Я сделаю собственные выводы после разговора с писательницей. - сказал Кошечкин, выслушав обоих.

- Я взял у нее фотоальбом Германа, - сообщил майор. – Снимков последних лет совсем мало, и то они безалаберно всунуты между страницами, в обычном почтовом конверте хранятся фотографии на документы. Я пока не изучал альбом, что на днях выберу время и займусь им вплотную. В альбоме есть несколько «свежих» снимков Клунина с девушками. Отберу их и покажу Марченко, вдруг опознает травмированную особу, которая крутилась у въезда на территорию аэопорта.

- Она такая травмированная, как я сноубордист! - рассудил Прилуков. - К гадалке ходить не надо – девушка отвлекала внимание Марченко. Из чего можно сделать вывод: смерть была криминальной, и преступник попытался спрятать концы в воду. Или...

- Или? - подтолкнул его к продолжению Кошечкин.

- Или при Клуinine было нечто, что не должно было попасть в чужие руки, а это нечто обнаружить сразу не удалось, пришлось выкрасть тело! - заключил Тимофей, удивляясь недогадливости следователя и наставника.

- А что криминалист сказал о кейсе Клунина? Не нашли потайных мест?– спросил Терещенко.

- Обычный кейс без секретов, - ответил Кошечкин, получивший утром заключение эксперта. – Одежду Клунина полицейский из линейного ОВД аэропорта проверил бегло, на предмет ценностей, чтобы после передать их родным. Ничего подозрительного при нем не было. Не спорю, он мог что-то упустить, но кроме паспорта, приличной суммы денег и билета на обратную дорогу в карманах пиджака ничего не было.

Следователь достал из сейфа прозрачный пакет, где лежали паспорт, стильное мужское портмоне и сложенный вдвое билет. Терещенко вернул часы, которые брал для предъявления Элоизе Георгиевне. Мобильный телефон оставил пока при себе - он понадобится для проведения оперативных действий по выявлению людей, с которыми Клунин поддерживал тесную связь и которые могли быть в курсе его дел.

Кошечкин развернул билет и прочел:

- Рейс на тринадцатое июня, на восемнадцать часов пятьдесят минут.

- Я же говорю, Герман что-то вез! Передача много времени бы не заняла, сделал дело и лети обратно, - не унимался Прилуков.

- Хочу напомнить вам, товарищ лейтенант, что предполетный досмотр предполагает не только проверку багажа с помощью технических средств, но и прохождение пассажира через рамку стационарного металлоискателя, - нравоучительным тоном произнес Илья Аркадьевич, который на своем веку много перевидал всезнаек, у которых за спиной неделя службы в рядах внутренних дел. Он не сердился, его забавляли желторотики, желающие выставить себя в выгодном свете. – А если у службы аэропорта пассажир вызывает подозрение, то его подвергают личному досмотру. Герман Клунин личному досмотру не подвергался, вел себя спокойно, во всю ухлестывал за дамами, сначала за молодой мамочкой с малолетним сыном, что подтвердили опрошенные пассажиры, потом переключился на другую кандидатуру.

- Надо бы еще раз побеседовать и с мамочкой, и с другой кандидатурой, - подсказал Прилуков и окинул старших коллег надменным взглядом.

- Что ты говоришь! - восхитился Кошечкин, который обожал подтрунивать над молодыми работниками, особенно над такими наивными, как Тимофей. И обратился к Терещенко, - да, Спиридон Яковлевич, с таким помощником мы быстро дело раскроем.

Тимофей обиженно отвернулся. Но быстро забыл об обиде, когда речь зашла о ювелирной выставке, на которую так спешил Герман Клунин.

- Никакой выставке в Москве не было! – с гордым видом заявил лейтенант, не сдерживая рвущейся наружу новости. – Я все узнал через одного знакомого. Ближайшая выставка ювелирных украшений в середине сентября. Следовательно, Герману надо было скрыть цель поездки, а матери он ляпнул первое, что на ум пришло и что не вызвало подозрений.

- Или мать вам ляпнула, что ей на ум пришло, чтобы у вас не было подозрений, - констатировал Илья Аркадьевич.

- Так мы ей и поверили, - протянул Тимофей. – Я сразу догадался, что Элоиза Георгиевна та еще штучка!

- У тебя есть версии? Если есть, излагай!

-- Клунина послала своего помощника проследить за сыном, чтобы быть уверенной, что тот благополучно улетел. А когда помощник доложил ей о случившемся, то приказала ему похитить тело, – выпалил лейтенант. Сегодня из него сыпались версии, как искры при заточке ножей на шлифовальном круге.

- Версия принимается, - подвел итог разговора посерьезневший Кошечкин, - а сейчас вам надо наведаться в ювелирный магазин и в аэропорт, разослать фотографию Германа Борисовича Клунина по всем отделениям, вдруг обнаружат его труп, пусть знают, что это наш «клиент»...

Полицейские отправились выполнять указания следователя.

- А почему вы, Спиридон Яковлевич, не рассказали Илье Аркадьевичу о посещении ювелирного салона? – спросил Прилуков, когда они покинули следственный отдел. При этом у него был вид профессионального ябеда, готового терпеливо выслушать собеседника, молящего о сокрытии тайны, заверить его молчании, а затем растрезвонить по всему белому свету. Но сделать это так искусно, что никто не заподозрит, кто источник выдачи секретной информации. Отсюда и профессионализм.
- В ювелирном салоне я вчера никого не застал, - выдал «секретную» информацию Терещенко, - так что пока докладывать следователю нечего. Салоном его можно назвать с большой натяжкой. Маленькое помещение в большом торговом комплексе. По соседству расположен бутик с бижутерией, я заглянул туда и поинтересовался, куда подевался продавец из «Мерца»? Мне ответили, что Рае нужно было срочно уйти. Она второй месяц работает одна, без сменщицы, когда ей нужно отлучиться, она звонит хозяину и тот ее подменяет, но сейчас хозяин в командировке.
- Кот из дома, мыши в пляс, - усмехнулся лейтенант.
- После путаницы со съемной квартирой я, честно говоря, ожидал большей интриги от ювелирного салона.
- Владелец «Мерца» всё-таки Герман Клунин? – суксился Тимофей.
- Он родимый! – подтвердил майор. - Вчера у меня появилась одна идея. Я навел справки и узнал, что Элоиза Клунина-Местерская является собственницей еще одной квартиры, номер тридцать четыре по улице Народного Ополчения, дом двадцать.
- Прэлэстно! – возликовал лейтенант, словно уже держал за шиворот ускользнувшего от них Германа.
- Рано радуешься, - осадил его майор. – Не думаю, что в этой квартире мы найдем человека, причастного к похищению тела Клунина... Утром я взял распечатку звонков с телефона Элоизы. После нашего ухода она никому не звонила. Значит, никого не предупреждала о возможном визите. Она не глупа, сразу сообразила, что мы заинтересуемся предполагаемым местом жительства ее сына. Если он не жил с матерью, то жил в другой квартире, которую она купила и оформила на себя.
- Вообще никому не звонила? – обомлел Тимофей, который всегда спешил поделиться новостями с близким другом? И радостными и печальными. – Неужели ей не с кем поделиться горем? Неужели такое возможно? Или это черта ее характера – держать при себе переживания? Тогда верно мое второе предположение: Элоиза – хорошая актриса. Выказала на людях сдержанные страдания, мы ушли, а она занялась своими делами. Или стала обдумывать свои дальнейшие действия, или...
- Или села за стол и занялась работой, - перебил его майор. – Для нее литературный труд это лекарство. Но перед этим внушила себе, что Герман жив. Все случившееся это недоразумение, которое вскоре найдет объяснение.
- Ну, и семейка! – осуждающим голосом произнес Прилуков.
  - Семейка, как семейка, таких миллионы.
- Кажется, я догадываюсь, о чем подумала Элоиза Георгиевна. Она решила, что ее сын потерял сознание, поднимаясь по трапу самолета, или впал в летаргический сон, а все врачи полные бездари, не могут поставить правильный диагноз и отправляют живых людей в морг. Но проспал Герман недолго, очнулся, осмотрелся, встал и пошел, куда глаза глядят.
- Почему, куда глаза глядят? – не понял Терещенко.
- Потому что он потерял память! А когда память к Герману вернется, он даст о себе знать. Наверное, подобное уже случалось, поэтому мать особо не тревожится. Не обзванивает знакомых, не донимает следователя.
- Ты сам в это веришь?
- Верю! – звонко подтвердил стажер. – А человек, потерявший память, двигается автоматически, как пьяный, у которого ноги сами ведут к дому. Поэтому надо искать

Германа в квартире, недавно купленной Элоизой. Именно, в ней он жил в последнее время, а не на Социалистической, как нас уверяла сама писательница. Она запутала нас, чтобы дать сыну возможность восстановиться после болезни, ведь, летаргический сон это своего рода заболевание...

- По-моему у тебя в голове каша из прочитанных книг. Ты мистику предпочитаешь?

- При чем здесь мистика? – обиделся стажер.

- Ладно, проехали, - отмахнулся Терещенко. – Я думаю, что у матери сработала рефлекс самозащиты. Она будет верить, что ее сын жив, пока не увидит бездыханное тело своими собственными глазами и не убедится в обратном.

- Каждый имеет право на свое мнение, - миролюбиво заметил лейтенант. – Спиридон Яковлевич, а мобильник Клунина у вас?

- У меня, - подтвердил майор и похлопал рукой по портфелю. – Нашел подходящее зарядное устройство и подзарядил батарею.

- Надеетесь, что кто-то позвонит и подскажет, где искать Германа? – хмыкнул Тимка.

Вчера он боялся, что начальник заставит выписать всех имеющих абонентов и обзвонить каждого. Это в лучшем случае, а в худшем установить, кому принадлежит тот или иной номер, и собрать сведения о каждом. Но Терещенко смилостивился и приказал выписать абонентов, которые чаще других звонили за последний месяц. Тимофей хотел выказать недовольство: рутинная работа его раздражала, но еле-еле сдержался, но реплику вставил.

- Вы считаете, что в списке есть миниатюрная блондинка, которая отвлекала внимание охранника Марченко?

- А хочу выявить круг близких знакомых Клунина, которые могли быть в курсе его последних интересов.

Прилуков согласно кивнул, выписал несколько фамилий, честно говоря отнесся к заданию безответственно, поэтому сегодня завел разговор о мобильном телефоне. Когда они вернуться в отдел, он найдет причину снова выпросить его наставника и подойдет к порученному делу с большим усердием.

Спиридон сделал вид, что ни о чем не догадался...

Дом двадцать по улице Народного ополчения представлял собой новенькую высотку с несколькими необжитыми глазницами окон. На первом этаже сидела консьержка, фанатично охраняющая один единственный подъезд от проникновения преступных элементов, коих она приняла за двух полицейских, выглядевших непрезентабельно.

Тимофей провел ночь у Катерины, заехать домой и переодеться не успел, а Спиридон всегда выглядел так, будто ночевал на вокзале. Чистая, но плохо выглаженная одежда походила на тряпье, презентованное богатыми благодетелями. Майор пренебрежительно относился к своему внешнему виду, даже гордился этим обстоятельством. Покупал одежду по принципу ненанесения ощутимого удара по кошельку, мало обращая внимания на размер. В связи с чем, рукава пиджаков были или чересчур коротки, или длинные, последнее реже, ворот сорочки не обхватывал шею, поэтому узел галстука находился ниже положенного места – ниже до ключицы, с брюками дело обстояло лучше - они постоянно сползали, как следствие, длина доходила, как и полагалось, до середины стесанного каблука. Подобрать обувь требовательному Спиридону было трудно. Новомодные туфли с длинными носами, в которых нога едва занимала две трети, ему не подходили. В подобной обуви майор мог споткнуться и упасть в самом неподходящем месте. Следующим требованием было отсутствие шнурков. Туфли должны обуваться быстро и без помощи рожка для обуви. Это обстоятельство сказывалось на задниках: даже в новых туфлях они были стоптаны и выглядели изрядно поношенными. Хотя, каждое утро мужчина пробегал по ним щеткой с кремом. Единственный день в году, когда майор выглядел прилично, был День сотрудника внутренних дел или, по старинке, День

милиции, как его продолжали называть сотрудники полиции. На праздник он облачался в форму и выглядел мужественным и подтянутым. В обычный день в своей непрезентабельной одежде и с потрепанным портфелем в руках он напоминал страхового агента, уговаривающего жителей города застраховать свое имущество.

Но внешний вид был обманчив, и многие люди на него покупались, не воспринимая всерьез умного и наблюдательного оперуполномоченного без возраста. Ему можно было дать и тридцать, и сорок, а иногда и под полтинник, в зависимости от степени усталости, от настроения, от желания быть добрым или злым, от необходимости вызывать симпатию и доверие у свидетелей или не вызывать. На самом деле Спиридону стукнуло всего-то тридцать шесть. Он был на три года старше франта Германа Клунина, который бесследно исчез у служебного въезда в аэропорт. Он сам или его тело. В тот день майор жестко раскритиковал действия служб аэровокзала, но получил резонный ответ: В первую очередь они заботятся о пассажирах, которые не должны шархаться от каталки с телом под простыней, которая направляется в медпункт, где будет дожидаться приезда труповозки. После чего каталку с телом провезут по всему зданию аэропорта к выходу, вторично шокируя пассажиров. Второй вариант - оставить покойника на летном поле – был отвергнут сразу. Выбрали третий вариант, который устроил всех, особенно похитителя, который не надеялся на такой легкий доступ к телу.

Но зачем ему понадобился покойник? – этот вопрос измучил Терещенко. Но он возвращался к нему снова и снова. Когда майор найдет на него ответ, он найдет Клунина...

От говорильни грозной консьержки, не дававшей вставить ни слова, у Спиридона сдавило виски. Когда его терпение лопнуло, он рявкнул: Молчать! И сунул ей под нос удостоверение.

- Так бы сразу и сказали, - мгновенно стихла боевая женщина, обеспокоенно поглядывая на мужчину с бритой головой. Не вышло у нее почувствовать себя важным человеком при должности. А жаль... Дома муж ее гнобит, взрослые дети ни во что не ставят...

- Скажите, кто проживает в тридцать четвертой квартире? – голосом, не сулившим ничего хорошего, спросил майор.

- Постоянно никто, но хозяйка квартиры - Элоиза Георгиевна Местерская – часто навещается. У нас живут приличные люди. Вот взять Местерскую, она известная писательница, - отрапортовала консьержка. – Очень симпатичная женщина, и пишет здорово! На днях мне свою книгу вручила, даже дарственную надпись оставила.

- Одна? – уточнил Терещенко, непроизвольно скривившийся от словесного недержания женщины.

- Что одна? – не поняла та.

- Одна проживает или с сыном?

- Так это ее сын, - расцвела она, - я уж чего худого про нее подумала.

- Это он? – Терещенко сунул ей под нос ту самую фотографию Германа, что предъявлял накануне старику с Социалистической улицы.

- Нет, - уверенно покачал головой бдительная охранница. – Этот покрасивше будет, на артиста похож... Но какой-то женственный. Я его никогда здесь не видела. А тот, что в тридцать четвертую ходит, он настоящий мужик. Широкоплечий, бровастый, коротко стриженный.

Почему эти внешние данные можно отнести к мужественности, ни Терещенко, ни тем более Прилуков, не обладающий завидными бровями и широкими плечами, так и не поняли.

- Может быть, Местерская сдает ему квартиру? - заинтересовался майор и уже собрался двигаться к лифту, чтобы пообщаться с квартирантом, но заявление женщины заставило его развернуться.

- Нет, он здесь постоянно не проживает! Он приходит сюда только в те дни, когда появляется писательница.
- И когда вы его видели в последний раз?
- Час назад, - сообщила женщина. – Вчера вечером я заступила на смену, ближе к одиннадцати пришла Элоиза Георгиевна, вскоре пришел бровастый. Ночь провели в квартире, а час назад вместе вышли.
- Значит, говоришь, она из квартиры не отлучалась? – грозным голосом спросил майор у подчиненного.
- Ночью никуда не отлучалась, - ответила консьержка, принимая вопрос на свой счет. – Я же говорю, они утром ушли.
- Спасибо, вы нам очень помогли, - поблагодарил Спиридон Яковлевич и вышел на улицу.
- Она успела уйти до того, как я подъехал, - выкрутился Прилуков, останавливаясь за его спиной.
- Ты подъехал к ее дому около семи, она пришла сюда в одиннадцать, - провел несложные математические вычисления Терещенко.
- Могла добираться пешком. Погода хорошая...
- Тимофей, не зли меня!
- Когда я подъехал к дому писательницы, она точно была в квартире. Вышла на лоджию, осмотрелась, будто выглядывала кого-то, а потом вернулась в комнату... Наверное, я задремал и пропустил момент, когда она вышла.
- Учись отвечать за свои поступки, а не уваливать!
- Спиридон Яковлевич, я подумал, что Элоиза могла договориться о встрече по стационарному телефону. Вы про мобильник говорили, а про домашний телефон забыли, - постарался увести разговор в сторону Прилуков, несмотря на воспитательные меры Терещенко.
- Я ничего и никогда не забываю, - твердо и с паузами внушил лейтенанту майор. - Элоиза могла договориться о встрече, но не договаривалась.
- Откуда вы...
- Оттуда. Сорока на хвосте принесла.... А если серьезно... Аппарат был всё время отключен. По всей видимости, во время работы она его выключила, а включить забыла. Сведения точные.
- Следовательно, писательнице не надо было договариваться с бровастым? У них все заранее обговорено.
- Майор резко развернулся и вернулся к консьержке. Женщина обдумала вопрос Терещенко и ответила, что, действительно, встречи Клуниной с незнакомцем случаются два раза в неделю: по вторникам и пятницам.
- Вчера был вторник, - подсказал лейтенант, словно Спиридон был не в курсе. Затем осудительно покачал головой и возмутился, – вот, дает тетя. У нее сын отправился к праотцам, а она с любовником встречается.
- Пока не установлено, что он ее любовник.
- Ага, встречи под покровом ночи на явочной квартире! – хмыкнул Тимка. - Тут и так все ясно! Мадам прикупила квартирку для любовных свиданий. Там, где она живет подобное недопустимо, вдруг сыночек пожалует в самый неподходящий момент, а тут новый дом, никто никого не знает, никто никем не интересуется. И если бы не любопытная консьержка любовные забавы были шиты-крыты. – Ликование лейтенанта быстро пошло на убыль, - Спиридон Яковлевич, а может этот мужик ее сообщник? Это он следил за Германом Клуниным? И он умыкнул тело! Остается только выяснить, кто он?
- Ларчик просто открывался, - глубокомысленно изрек Терещенко, пронзая критическим взглядом стажера. Тот почувствовал себя виноватым, но вида не подал.
- Я точно говорю...

Наставник сделал такое болезненное лицо, словно уже третий день маялся от зубной боли, а Тимка неосторожным движением зацепил больное место. Выразительная мимика наставника оборвала выдвижение новой идеи на взлете. Стажер сам смолк, от испуга прикусив кончик языка.

- Мы ни на йоту не продвинулись в расследовании. Трупы исчезают, мать ведет себя странно, дает нам липовые адреса, тайно покидает квартиру под покровом ночи и встречается с мужчиной, а наблюдатель в это время предается мечтам или, вообще, находится в другом месте. – с язвительным осуждением заявил Терещенко, отвернувшись от Прилукова, который сосредоточенно водил раненным языком по небу, растирая укушенное место. На лысую макушку начальника было смотреть приятнее, чем на его злое лицо.

Спиридон не мог совладать с недовольством. Он спиной чувствовал безразличие стажера, не сдержался и тихо заметил:

- Как с гуся вода.

Тимофей не услышал, он сосредоточился на своих умозаключениях. В итоге выдал.

- Все сходится к мамаше. Надо бы ее потрясти хорошенько и узнать, знакома ли ей Валентина Карасева – хозяйка квартиры на улице Социалистической? Ответ заранее известен, но очень хочется проследить за ее реакцией.

- Не считай себя умнее Ильи Аркадьевича Кошечкина! Мы будем заниматься своими делами, а он, я уверен, виртуозно опросит дамочку.

- Куда сейчас двинем? - выдал боевой настрой лейтенант.

- Я возвращаюсь в отдел, засяду за изучение фотоальбом Клунина, а ты отправляйся в ювелирный салон «Мерц». Поговори с вчерашней прогульщицей Раисой. Возможно, раскопаешь что-то новое...

Жанна Гоголева находилась под впечатлением смерти молодого мужчины, с которым познакомилась всего несколько минут до этого. Поэтому и развод с теперь уже бывшим мужем прошел незаметно. Жанна увидела мир другими глазами. Поняла, что жизнь коротка, не знаешь, когда к тебе подкрадется старуха с косой, поэтому не стоит укорачивать ее собственными руками: переживать и трепать нервы себе и другим. Опять же насильно мил не будешь, и любовь не купишь. Под другими она подразумевала бывшего супруга Наума. Любить его Гоголева не перестала...

Когда они встретились, она влюбилась сразу и на всю жизнь. До этой встречи ни один молодой человек не завоевал ее внимания. Кто-то хотел познакомиться, с кем-то ее знакомили, но все мужчины были для Жанны общей серой массой. Как строй солдат, марширующий мимо в одинаковой военной форме. Даже большие умники, отчаянные сорвиголовы, обладатели тонкого чувства юмора ее не впечатляли, мимолетно завоевывали интерес, а после расставания лицо нового знакомого стиралось из памяти, как и его имя. Жанна не пыталась запоминать ненужную информацию. Она не верила признаниям особо навязчивых кавалеров, потому что каждый день смотрелась в зеркало.

Гоголева была девушкой с заурядной внешностью: прямые русые волосы до плеч, карие глаза, но не искристые и не темно-карие, а так, невыразительно-прозрачные, как слабо заваренный чай. И нос обычный – прямой с небольшой горбинкой, и губы, как губы, хорошо, что не тонюсенькие, намекающие на желчность характера, и уши слегка оттопыренные, так и норовят, выглянуть из занавеса волос. И не занавес это, а тоненькая шторочка. Волос будто бы и много, но они тоненькие-претоненькие. А фигуре позавидует только толстуха весом под сто пятьдесят килограммов, отчаявшаяся сбросить лишний вес. Позавидует, но недолго, пока не увидит объект зависти в голом виде. Ключицы выпирают, оба запястья может охватить одним разом некрупный субъект мужского рода, попка такая, что долго усидеть на жестком стуле невозможно по причине отсутствия мягкого нароста, потому и мягким это место не назовешь. Одним словом, скелетина. Так Жанку прозвали

еще в школе. Что удивительно, одноклассники с меньшим материальным достатком, чем в ее семье, выглядели розовощекими крепышами, а она доходягой, несмотря на то, что огромный холодильник Гоголевых хранил такие деликатесы, которые другим и не снились. И питалась Жанна нормально, не объедалась, но и на диете не сидела.

- Не в коня корм, - говорила ее мать, подкладывая ей на тарелку очередной блин.

Девочка укладывала на краешек блина ложку красной икры и любовно заворачивала в трубочку.

Мама изо всех сил старалась накормить дочь калорийной пищей, но бесполезно: ключицы выпирали, мясо на попке не нарастало, ножки оставались тонкими палочками, а ручки - ивовыми веточками. Все уходило в рост. Подобное обстоятельство Жанну устраивало: она была выше всех одноклассников, которые выбрали ее объектом для обидных издевательств, поэтому могла смотреть поверх голов и делать вид, что никого не замечает и ничего не слышит. Потому и не сутулилась, как это делают высокие девчушки, стараясь быть ниже сверстников. С годами Гоголева из высокой превратилась в о-о-очень высокую девушку. Высокую, худенькую и нескладную...

В тот год, когда состоялась легендарная встреча с Наумом, Жанна окончила исторический факультет университета. Несколько месяцев сидячей жизни благотворно отразились на фигуре: там, где надо прибавилось. Даже грудь увеличилась на один размер. Жанка с удовольствием рассматривала свое отражение в зеркале и думала, что теперь может продефилировать в бикини по берегу моря.

И сразу же представила, как это произойдет...

Она будет медленно передвигаться в офигительном бикини, погружая ноги в песок по самые щиколотки, прятать глаза под солнцезащитными очками, а волосы под широкополой шляпой, и делать вид, что не замечает восторженных мужских взглядов. У кого еще такая восхитительная фигура, такой бюст, такие длинные ноги, такая тонкая талия и лебединая шея?!

Перед поездкой к морю Гоголева долго себе внушала, что девушка должна обладать умением себя подать. Не смотреть под ноги, скукожившись в три погибели, будто выискиваешь потерянную монету, а идти с гордо поднятой головой. Не забывать про свойственную только ей осанку, про грациозную походку пантеры, про взгляд, устремленный куда-то вдаль, словно идешь к заоблачной цели, а сбить с пути способен лишь незаурядный человек с серьезными намерениями.

Так все и вышло: и Жанна парила, и мужчины поедали ее глазами и отпускали комплименты. А она никого не замечала. Нет, одного все же заметила. Мужчину с безразличным взглядом, который смотрел на нее, как на свою супругу, с которой прожил бок о бок лет сорок. Да, она сохранила стройность, все так же вызывает интерес у других мужчин, что ему льстит, но он знает, все её «трещинки». Каждое утро употреблять на завтрак экзотическое блюдо на протяжении нескольких десятков лет надоест даже фанатичному любителю.

Безразличный взгляд с долей самолюбивого торжества зацепил внимание Жанны.

Надменного мужчину звали необычно - Наум Рысс.

Редкое имя, редкая фамилия, необыкновенная внешность и уверенность на успех сделали свое дело. При одном взгляде на этого мужчину захотелось пойти за ним на край света, а когда достигнешь края, вместе рухнуть с обрыва.

В тот день он не двинулся в сторону конца света, не отвернулся, а загородил своим рельефным телом величественное шествие девушки, знающей себе цену, и одновременно оторвал от наслаждения самой собой. Жанна будто видела себя со стороны и любовалась теперешней обновленной формой: ладной попкой, грудью второго размера, увеличенную с помощью специальных вставок в лифчике купальника, длинными ногами без жировых отложений, растяжек и целлюлита, хрупкими ручками, как у статуэтки, гордо вздернутым красивым подбородком, намекающим на дворянское

происхождение. А на пальчике переливается колечко – подарок папули на окончание университета. Было еще много чего, заслуживающего внимания представителей сильного пола. Самовнушение пошло ей на пользу. Хватит считать себя одичавшим лесным чучелом, от которого одни шарахаются в стороны, а другие ведут себя неискренне.

Преградивший ей путь мужчина задал банальный вопрос: «Как вас зовут, прекрасная незнакомка?» Голос был сексуальным и гипнотизирующим. Жанна оторвала взгляд от заоблачной цели, к которой двигалась грациозной походкой, и уперлась в мужскую грудь. Впервые ее глаза не увидели пустоту – это в худшем случае, а в лучшем – макушку, неважно какую – бритую или вихрастую, пологую или куполообразную. Пришлось сместить взгляд выше, чтобы глаза мужчины и женщины встретились.

- Жанна, - назвалась она, банальность ее не покорежила. Раньше предложение познакомиться её пугало, и она спешила ретироваться. Теперь внимательно изучала лицо мужчины, спрятав глаза за непроницаемыми солнцезащитными очками.

- Наум, - представился он и без перерыва стал рассказывать о прогулке на яхте, случившейся накануне. Можно было подумать, что они расстались всего на сутки, и за это время произошло это важное событие. Но ради нее он согласен повторить. И не только это. Ради нее он способен на все.

Это позже Гоголева поняла, что любовь с первого взгляда не свалила предприимчивого парня с ног. Это она сразу поддалась его очарованию, как полоумная дура ловила каждое его слово и безоговорочно верила всему.

И не только любовь с первого взгляда не коснулась его, этот человек, вообще, был не способен испытывать высокие чувства. Если только не к себе любимому.

Но если бы знать... Она плохо соображала, тонула в волнах его сексуального голоса, который не давал ей выбраться на поверхность и глотнуть воздух, чтобы прокачать одереvenевшие без кислорода мозги.

Как оказалось впоследствии, накануне триумфального шествия по пляжу и последовавшему за ним знакомству, Наум сидел неподалеку от входа в дорогой отель и наблюдал за перемещением постояльцев женского пола, выбирая очередную жертву. Он видел, как к отелю подъехал шикарный авто, из которого вышел водитель и помог выбраться молодой девушке.

Жанна терпеть не могла пафосные выходы в свет, но папуля, хозяин крупного автомобильного холдинга, настоял на своем. Он не мог отпустить дочь без сопровождения. В роли телохранителя и водителя выступал доверенный отцу человек – Геннадий Ветров.

Наума потрясло царственное прибытие. Узнать имя молодой девушки не составило труда: за один комплимент и обворожительную улыбку девушка-администратор была готова выложить информацию обо всех постояльцах. После этого Рысс принялся за работу. Он покопался в интернете, желая выяснить, чья это дочь или жена. Это было немало важно. В первом случае он сыграет роль влюбленного мужчины и предложит руку и сердце, во втором – просто развлечется на курорте за ее счет. Второй вариант Наума устраивал больше: жениться в его планы не входило, но упускать такой случай было нельзя. При разводе можно оттяпать у богатой супруги хороший кусок торта...

Лучше бы я приехала на отдых в обычном поезде, остановилась в частной гостинице, тогда судьба не свела меня с обманщиком, - позже думала Жанна.

А тогда она влюбилась в красавца с длинными волнистыми волосами и орлиным профилем. Особо не прислушивалась к избитым словам, иначе бы разгадала скудость интеллекта. Она таяла под его томным взглядом, голова кружилась от поцелуев, его глаза сверкали, как тот бриллиант, что красовался на ее пальчике, и гипнотизировали.

Море, солнце, льстивые речи и ласки – притупили ее бдительность и отключили мозги весьма неглупой девицы. Это с виду Жанна походила не несмышленную папенькину

дочку, желающую вырваться из-под его опеки единственным способом – выйти замуж на первого встречного, который встанет у нее на пути.

Жанна легко разбиралась в людях, будто видела их насквозь. Или срабатывал инстинкт недоверия. Гоголева знала, чья она дочь, потому и сторонилась мужчин, не веря в их искренность. Да, ее отец был известной фигурой в городе. Фотографии его самого и в кругу семьи часто печатали в местных газетах и журналах. О желаниях дочери никто не спрашивал. Глава семейства Гоголевых намеревался в будущем выставлять свою кандидатуру на выборах на пост губернатора, поэтому должен показать избирателям, что он человек надежный во всех отношениях. Кто ценит семейное счастье и уют, кто заработал деньги своим горбом, кто исправно платит зарплату своим работникам, печется об их здоровье, тот достоин взять на себя руководство областью.

Жанна не отказывалась от родителей, но не хотела, чтобы ее жизнь выставлялась напоказ. Есть у Андрея Исаевича жена и дочь - прекрасно, а как они выглядят, чем занимаются, горожанам знать не обязательно. Мало ли Гоголевых в стране! Мечтала после школы уехать в Москву, стать песчинкой в бескрайнем людском море, так нет! Разве папочка разрешит единственному чаду вылететь из гнезда?! Чадо должно быть под его контролем, под его присмотром. Дружить надо с теми, с кем он считает нужным, а замуж выходить за того, кого он выберет.

Надо признать, что Жанну в передвижениях не ограничивали, но она-то догадывалась, что Гена Ветров следует за ней повсюду, чтобы не дай бог, девочку не обидели или «не обвели вокруг пальца». Со временем она привыкла к негласному надзору и перестала возмущаться.

Наум в деле обольщения был профессионалом, запудрил мозги даже такой неприступной девице, как Жанна Гоголева. Но она должна была когда-нибудь поверить и влюбиться, и этот момент настал. Ей захотелось стать другой, более легкомысленной, раскрепощенной, испытать новое чувство. На отдыхе инстинкт притупился, девушка решила, что здесь никто не знает, чья она дочь.

Геннадий сразу доложил о новом друге отцу. Тот приказал немедленно возвращаться, но некогда послушная дочь выказала непокорность. Андрей Исаевич опустил до уговоров, но Жанна была непреклонна. Тогда он нашел компромисс, который устроил всех: она проводит на курорте еще несколько дней, а потом возвращается назад вместе с Наумом. Если дочь влюбилась, то отец обязан познакомиться с ее избранником. Отец заранее был уверен в своей победе. Каким бы ни был новый знакомый, он не войдет в их семью. Дочь спокойно выслушает неоспоримые доводы отца и согласится с ними. А новоявленный жених исчезнет из ее жизни раз и навсегда.

Гоголев не скрывал, что невлюбил поклонника Жанны еще до знакомства с ним, если не сказать возненавидел. Он тайно ревновал дочь, ругался с женой, которая была счастлива: она всегда считала, что их девочка способна самостоятельно выбрать себе спутника жизни, без помощи отца, у которого на первом месте не желания самой дочери, а операции по слиянию капиталов.

Наум подкупил будущую тещу галантностью и любовью к ее дочери, а будущего тестя желанием включиться в работу. Молодой человек произносил правильные слова, которым его научила Жанна. Она знала, что отец хочет видеть зятя в первую очередь своей правой рукой, а во вторую – мужем его дочери. А то, что жених не обладает достаточным капиталом, это не беда. Главное, есть голова на плечах и желание.

Желание у господина Рысс было, но не то, о котором думали трое Гоголевых. Желание обеспеченной жизни за счет богатого тестя.

Сразу после роскошной свадьбы, молодожены отправились в квартиру, подаренную родителями невесты. Она находилась на тихой улице в центре города в старинном особняке. Коммунальные квартиры давно выкупили нувориши, одну прикупил Андрей Исаевич Гоголев. Его жена Алла Николаевна уверяла, что до революции весь особняк

принадлежал ее предкам, но документальных подтверждений тому не было, иначе заметная фигура в городе, как Гоголев, смогла вернуть себе экспропрированную собственность.

Пока молодым пришлось довольствоваться квартирой на втором этаже из четырех комнат.

Переступив порог, Наум придирчиво осмотрел комнаты, завернул в ванну, полюбовался на себя в зеркале, прошествовал мимо супруги, стоящей в ожидании внимания в необыкновенном красоте наряде, заново прошелся по комнатам, заглянул в камин в гостиной и закончил изучение огромной жилплощади не в спальне, а в кухне.

Жанна заглянула туда и увидела, как он наливает себе водку в рюмку из запотевшей бутылки и одним махом опрокидывает в себя. Потом еще раз и еще...

Девушка развернулась и ушла в спальню. Не раздеваясь, легла на широкую кровать, накинув на себя край шелкового покрывала.

Впервые в ее голову заползла здравая мысль: что за человек Наум Рысс?..

Через несколько дней муж уехал в Москву, где проживал до встречи с Жанной. Якобы для завершения дел. Уехал и пропал на месяц. Жена страдала, но не показывала вида. Убеждала родителей, что в столице у мужа полно забот, и он скоро вернется. Он вернулся, когда закончились деньги, причем немалые, которые ссудила ему перед отъездом супруга. Хотел снова улизнуть после улучшения материального положения, но Андрей Исаевич поставил условие: или они остаются здесь, в городе, или уезжают вдвоем. Зять намекнул, что он живет на съемной квартире и Жанне такие условия непривычны. Тесть мигом отправил в столицу своего человека, и тот купил нешикарную, но вполне приличную квартиру в экологически чистом спальном районе Москвы.

Наум рассчитывал на нечто большее, например, на квартиру в центре, чтобы из окон виднелись рубиновые кремлевские звезды, но сделал вид, что подарком доволен. Гоголев выдал сумму на развитие бизнеса в столице, и молодожены уехали. Кругленькая сумма быстро испарилась в ночных заведениях, где проводил время супруг. О Жанне он вспоминал лишь тогда, когда остался на мели. Приказывал звонить отцу, супруга слушалась, но однажды ее терпение лопнуло - она собрала вещи и вернулась в родной город. Вскоре в столицу прибыли крепкие ребята и выкинули зятя из квартиры в экологически чистом районе. Зять «поджал хвост» и поехал мириться с супругой. Та простила, но предложила остаться в четырехкомнатной квартире на втором этаже особнячка. Науму пришлось согласиться. Месяц он изображал влюбленного мужа, готовил завтраки, провожал жену на работу, встречал с букетом милых лютиков, пока снова не сбежал в Москву. Поманил пальчиком Жанну, и она упорхнула вслед за ним, не послушав отца, который в сердцах заявил, что не желает ее больше видеть. Но со временем поостыл, разрешил Алле Николаевне погостить у дочери. Та вернулась через неделю и успокоила мужа: дочь с зятем живут «душа в душу», но... Тут женщина замешкалась, и Андрей Исаевич догадался: привыкшая к достатку Жанна перебивается «с хлеба на воду». Он отправил в Москву курьера Ветрова с энной суммой денег. Конечно, Гоголев мог бы просто перечислить деньги на банковскую карту дочери, но он хотел убедиться, что в молодой семье царит мир и покой. Отец требовал от Геннадия полного отчета: как выглядит Жанна, не заплаканы ли у нее глаза, искренне ли она счастлива, как к ней относится муж, как успехи в бизнесе у зятя, довольна ли новой работой дочь? Впоследствии подобные поездки вошли в привычку. Андрей Исаевич возмущался жене, вспоминал начало их семейной жизни, когда два молодых специалиста получали небольшие зарплаты, но никогда не рассчитывали на помощь родителей, сами умудрялись им помогать. Алла Николаевна успокаивала и убеждала себя и мужа, что главным для них является счастье дочери, а если есть возможность помочь, то почему бы не помочь? Наум делает всё возможное, чтобы бизнес развивался.

Жанна искусно прятала проблемы. Гена ни разу не заподозрил неладное, пока в один прекрасный день дочь снова не оказалась в родном городе.

Теперь Наум Рысс подал на развод. Он нашел себе новую претендентку на высокое звание его жены, более богатую, знаменитую и самостоятельную, не зависящую от папеньки.

Гоголев грозил бывшему зятю и жалел дочь, которая не соглашалась на развод, как ее не уговаривали родители.

Когда экс-супруг заявил, что ее присутствие при расторжении брака не обязательно, их разведут без ее согласия, Жанна засобиравшись в Москву, чтобы еще раз увидеть Наума и сказать, что все еще любит его, а если новая семейная жизнь не сложится, то она готова все забыть.

В аэропорту у Гоголевой кружилась голова, ее слегка мутило. Она пыталась сосредоточиться на пассажирах, заметила смешного мальчугана с игрушечной машинкой, и на нее накатила такая тоска, что хоть в петлю лезь. Потом навалилась злоба: горькая и жгучая, остервенелая и мрачная. Жанна ненавидела Наума. Если бы сейчас он появился в зале ожидания, она начала рвать его на клочки.

Только теперь до нее дошло, до какой точки унижения она дошла. Захотелось закрыть глаза и перенестись на несколько лет назад. Вот она идет по песчаному берегу навстречу настоящему счастью...

Она очнулась, когда рядом с ней присел мужчина с кейсом в руках. Жанна его давно заметила. Он разговаривал с матерью мальчика.

Но теперь Гоголева была прежней, не той доверчивой дурочкой, в которую превратилась под действием морского бриза, жаркого солнца, сладких речей и страстных объятий.

Она слушала мужчину, который назвался Германом, и молчала. Мысли снова и снова возвращались к бывшему супругу. Жанна уже жалела, что решилась на эту поездку.

Потом Герман умер, а она весь перелет мысленно философствовала о скоротечности жизни, о конце, который может наступить в любой момент, а ты будешь не в состоянии что-то изменить.

Надо меняться, менять свое отношение к жизни, к людям, получать кайф! Из-за одного альфонса нельзя избегать новых знакомств, шарахаться в сторону. Надо жить и наслаждаться каждой минутой. А о том, что было, забывать не надо. Это урок для нее.

Жанна уверена: когда-нибудь ей на пути встретится человек, которого заинтересует она, а не положение ее отца...

Разговор с продавщицей Раей из ювелирного магазина Прилукову ничего нового не дал. Она больше жаловалась на отсутствие сменщицы и невысокую зарплату, чем кручинилась об умершем боссе. Вместе с его уходом на нее навалилась новая проблема – надо искать работу. Герман Клунин для Раисы был перевернутой страницей жизни, зачем вести ненужные разговоры? Умер человек своей жизнью, пусть не в собственной постели и не закате жизни, что ж теперь. Жалко Германа, конечно, но все мы смертны. А то, что тело исчезло, то такое бывает. Наверное, сатанисты унесли, чтобы свои обряды совершать.

Подобная версия в голову лейтенанту не приходила. Если, действительно, труп присвоили сатанисты, но вряд ли его найдешь. И никто не признает Клунина ни живым, ни мертвым. Прямо как во время войны, когда человека не находили ни среди живых, ни среди мертвых, ни среди раненых. Пропал без вести...

Тимофей представил, как Герман наблюдает из-под простыни за охранником Марченко, а его сообщница пытается всеми силами его отвлечь. Охранник покидает пост, желая помочь девушке, подвернувшей ногу, а в это время Герман Клунин спрыгивает с каталки и быстро покидает территорию аэропорта.

- Черт бы побрал этого джентльмена Марченко и полицейского, которого приставили к телу Клунина, - вслух выругался Прилуков. Он, наконец, повернул ключ зажигания и покинул стоянку у торгового центра, где находился ювелирный салон.

Раиса сказала, что ранее Герману принадлежала сеть ювелирных салонов «Мерц», теперь остался всего один. Значит, бизнес медленно шел на спад, - мысленно рассуждал Прилуков. – Возможно, переживания отразились на здоровье молодого человека. Матери он не жаловался, она сказала, что Герман был совершенно здоров. Или жаловался, да она не слышала, была погружена в свои мысли... У меня никак не получался диалог главных героев, - вспомнил Тима объяснение Элоизы Местерской. – Или погрузилась в мечты о будущем свидании с любовником.

Терещенко восхищался этой женщиной, удивлялся ее молодости, а двадцатитрехлетнему Прилукову она казалась пожилой дамой, пусть и симпатичной, которой надо думать о вечном, а не предаваться развлечениям на новой квартире, специально купленной для этих целей. Когда Тимофею стукнет сорок лет, для него шестидесятилетние будут молодыми...

Лейтенант сам не заметил, как подъехал к зданию аэровокзала, будто в его автомобиле был установлен автопилот с указанием нужного конечного пункта. Постоял пару минут, затем повел автомобиль к служебному въезду на территорию. Припарковался неподалеку и попытался издали рассмотреть, кто находится в будке охранника. Обрадовался, что это бессменный Марченко, и поспешил к нему.

Анатолий Марченко, завидел лейтенанта полиции, с которым успел ранее пообщаться, вышел из будки и ожидал его приближения. На лице отразилось явное недовольство.

Тимофей поздоровался и не успел ничего спросить, как Марченко заявил.

- Я вчера был на допросе у следователя и все рассказал!

- Я знаю, - кивнул головой Прилуков, - но может быть, ты вчера о чем-то забыл, а сегодня вспомнил? Или не захотел рассказывать, чтобы не выглядеть смешным? Какие-то странности...

- Что ты имеешь в виду? – вздрогнул Анатолий, не желая слушать предположения.

Тимофей зашел с «другого края».

- Я вижу, ты парень наблюдательный, мог заметить кого-то неподалеку, но сначала не придал этому факту значения, мало ли необычных людей по городу бродит.

Он имел в виду сатанистов, которые приглядели тело Германа для своих обрядов. В повседневной жизни они должны отличаться от обычных людей.

- Так смеркалось уже, - после раздумий заявил Марченко и почему-то потупил взгляд.

- Ты мог заметить что-то подозрительное, но рассказывать следователю постеснялся, чтобы тебя не приняли за умалишенного, - продолжал настаивать лейтенант. Раз парню не понравилось определение смешной, пусть будет умалишенным, а чтобы убедиться в обратном, надо высказать наблевшее. В этом случае тебя попытаются переубедить.

- Кое-что видел, - тяжело вздохнул Толя, намекая, что признание далось ему нелегко.

- И что же? – спросил Тимофей, стараясь придать голосу легкое безразличие.

- А ты никому не расскажешь?

- Если твое признание поможет в расследовании, то я вынужден буду все рассказать майору Терещенко, а потом уж пусть он сам решает.

- Он может подумать, что мне померещилось, - задумчиво пробормотал Марченко. – Скажет, что у меня галлюцинации, подобным людям нельзя доверять охрану важного объекта... Мне и так за провинность светит выволочка. И это в лучшем случае. В худшем, могут уволить за невыполнение служебных обязанностей... Но когда я покидал пост, то не думал, что труп исчезнет. Хотел всего лишь помочь девушке, думал, что Крыжуха уже вернулся. Он предупредил меня, что ненадолго отлучится, а прошло достаточно времени, - сбивчиво оправдывался он.

Прилуков терпеливо ждал, не перебивал, не задавал встречные вопросы, обнадеживающе кивал, будто соглашался со всем сказанным охранником.

- Я покойников ужас, как боюсь, - продолжал делиться тот, - поэтому в тот день не смотрел в сторону каталки, на которой лежала тело. Но один раз взглянул и мне показалось...
- Тебе показалось, что простыня сползла с тела, - подсказал Тимофей, не дождавшись продолжения. – Но во всем виноват ветер.
- Не совсем, - пробормотал Толик. Ему хотелось поделиться своими соображениями, но он боялся быть осмеянным.
- Давай я не буду гадать, а ты отрицать. Говори, как есть, не стесняйся, - милостиво разрешил Прилуков и приветливо улыбнулся. Мол, не дрейф, я тебя пойму и доверие оценю.
- В общем, мне показалось, что этот...
- Герман.
- Герман издавал странные звуки.
- Ты расслышал тихие звуки под простыней в городском шуме? Неподалеку шоссе, автомобили носятся, люди ходят по улицам, смеются, громко разговаривают, опять же в аэропорту диктор все время что-то долдонит, - перечислил лейтенант, недоверчиво поглядывая на охранника.
- Бывают минуты тишины. Редко, но случаются. Неожиданно стало так тихо, будто на меня наушники одели. Среди городского гомона я старался про мертвеца не вспоминать, а тут...
- Вспомнил и обратил на него внимания.
- Повернул голову и мне показалось, что я услышал стон. Или вздох.
- Один раз?
- Кажется, один. Потом опять стало шумно. Как я не присматривался, но ничего не услышал. И не заметил, чтобы простыня шевелилась. Знаешь, как у живых людей, когда они накроются с головой и спят.
- У страха глаза велики, - выдал Прилуков, но заметил сконфуженный взгляд Марченко и поспешил его успокоить. – Если Герман ожил, то это все объясняет. Он встал и ушел... Правда, пока не знаю, куда...
- Может, он все забыл, будто начал жизнь с чистого листа, - предположил несколько успокоенный Анатолий. – Поднялся и пошел, а его никто не остановил. Так и бродит где-то бедолага...- быстро опомнился и затравленно произнес, - но врач сказал, что парень умер! Единственно, чего я не могу понять, как можно было живого человека принять за мертвого?
- Вот и я не понимаю! И откуда взялась девушка? Прямо, как по заказу!.. Допустим, Герман очухался. Но после такого приступа, когда сердце билось еле-еле, а затем снова запустилось, человек не может выглядеть бодрячком. Он медленно возвращается к жизни, а не уносит ноги, чтобы его не отправили в морг... Доктор сказал в морг, значит, в морг, - невесело пошутил лейтенант.
- Конечно! – поддержал его Анатолий, - тело, то есть, оживший Клуни, для начала бы посидел на каталке, изучил обстановку, окончательно пришел в себя, дождался моего возвращения и спросил: Где я? И что со мной произошло?
- Правильно, - обрадовался пониманию со стороны Марченко Прилуков. – Представь себе: ты внезапно потерял сознание, очнулся на скамейке, куда тебя заботливо уложили прохожие, или обморок продлился так долго, что тебя успели отвезти в больницу и поместить в палату. Ты открываешь глаза, не помнишь, что с тобой произошло, и спрашиваешь...
- Где я? – тут же повторно высказался Толик.
- А Клуни пришел в себя и смылся. О чем это говорит?
- Это говорит о... - начал собеседник, но сразу застопорился.

- О том, что он все время претворялся! – возликовал Тимофей от неожиданно пришедшего в голову открытия. – А биение сердца он каким-то образом сумел приостановить. Есть такие люди, который вводят себя в транс и совершают невозможное... - И тут же привел контраргументы, - но Герман себя в транс не вводил, он упал на трапе, когда поднимался в самолет. На ходу никто себя в транс не вводит, для этого нужны специальные условия.

- И что из этого следует?

- Что следует? – задумался Тима, - то и следует, что Клуниин был скорее мертв, чем жив.

- А стоны? Я ясно слышал стоны, - напомнил Марченко.

- Тебе точно не показалось?

- Не показалось! – уверенно заявил он так громко, словно произносил слова присяги. Сам испугался своего голоса и чуть тише добавил, - я следователю Кошечкину постеснялся сказать, он бы мне все равно не поверил.

- А я поверил, и этот стон все бы объяснил, если бы эскулап не стоял на своем – Герман Клуниин умер и точка!

- Умер-то умер, но вдруг подхватился, ушел в неизвестном направлении и пока не объявился.

- Скорее, подхватили и унесли в неизвестном направлении, пока ты оказывал помощь пострадавшей девушке. Интересно, если бы дама неприглядной внешности подвернула ногу, ты бы тоже бросил пост и побежал к ней?

- Чего ты прицепился! – взвился Марченко, - я сам переживаю, а тут еще ты.

- И чтобы вести расследование по ложному пути, решил сочинить небылицу про стоны,

- догадался Прилуков.

- Я тебе правду сказал, а твое дело во всем разобраться.

- Не волнуйся, разберемся, - деловым тоном сказал Тимофей, подражая Терещенко...

Прилуков вернулся к автомобилю, свернул на стоянку перед аэропортом и направил стопы в линейный отдел полиции. Ему сегодня везло - нужный полицейский по фамилии Крыжуха, проворонивший Клунина, стоял у входа и следил за перемещением пассажиров.

В тот памятный день его внимание привлек майор Терещенко, на молчаливого лейтенанта он внимания не обратил, поэтому сейчас измерил Тимофея недоверчивым взглядом, а его заявление, что ОН расследует дело об исчезновении тела Германа Борисовича Клунина, вообще, проигнорировал, встал к человеку в штатском полубоком, но из поля зрения не выпускал. И пока тот не показал ему удостоверение, в разговор вступать не спешил. Веснушчатый лейтенант попросил уделить ему пять минут. Тогда Крыжуха вызвал по рации напарника, а когда тот пришел, в сопровождении Прилукова вышел на улицу.

Сумерки сгущались. Дневная жара сменилась тяжелой духотой. Наступило приблизительно тоже время, когда исчез Клуниин.

Лейтенант выслушал полицейского, который самопроизвольно оставил тело без присмотра, а потом задал тот же вопрос, что и Марченко.

- Я ничего странного не заметил, - без особой уверенности произнес Крыжуха.

- А если подумать? – не отставал Тимофей.

- Честно сказать, я старался близко к каталке не подходить. Стоял в сторонке и ждал прибытия «труповозки».

- И на тело не смотрел, и ничего подозрительного не заметил? – продолжал настаивать лейтенант.

Крыжуха повертел головой. Вокруг сновали пассажиры с котомками. Он прихватил Прилукова под локоть и отвел подальше. Тимка догадался, что тот решил поделиться с ним собственными наблюдениями.

- Мне показалось, что этот мертвец... ногой подергивал, - признался полицейский и опять боязливо поозирался по сторонам, будто после подобного заявления ожидал появления врача-психиатра, который наденет на него смирительную рубашку и отправит в лечебницу.

- Ты имеешь ввиду умершего Клунина?

- Умершего или не умершего, это не мне решать, но ногой он под простыней подергивал,

- уже более уверенно констатировал Крыжуха.

- Поэтому ты смылся в туалет? Живот от испуга прихватил?

- Я бы на вас посмотрел, если бы человек, которого все считали мертвым, вдруг стал дергаться... Когда я вернулся и увидел пустую каталку, то решил, что этот парень, действительно, ожил.

- Ты присутствовал при первоначальном осмотре Клунина?

- Присутствовал. Доктор сказал, что похоже на сердечный приступ, более точный диагноз можно поставить после вскрытия...

Прилукову не терпелось поделиться добытой информацией с Терещенко. Он не боялся выглядеть смешным. Ему казалось, что майор серьезно его выслушает и станет предлагать свои версии случившегося, а лейтенант опровергать или соглашаться.

Не взглянув на часы, Тимофей позвонил Спиридону Яковлевичу, чтобы узнать, где тот находится – в отделе или уже дома. Оказалось, что майор был дома и читал роман Местерской, купленный накануне. К себе в гости он подчиненного не пригласил, предложил новости перенести на завтра, чем удивил лейтенанта. По всей видимости, книга захватила Спиридона Яковлевича.

Обиженный Тимка хотел позвонить своей девушке Кате, с которой вчера отлично провел время в салоне автомобиля, но вспомнил, что за этим последовало. Настроение испортилось окончательно, и он отправился домой, чтобы пораньше лечь спать, а рано утром навестить знакомого медика и кое о чем расспросить...

Майор Терещенко потратил несколько часов изучению фотоальбома Германа Клунина. Он сам не знал, зачем прихватил с собой чужую жизнь в фотографиях? Но чутье не раз его выручало. Он надеялся, что не подведет и сейчас. Спиридон терпеливо перелистывал альбом, терпеливо переключал отдельные снимки, вложенные между страницами, а когда была перевернута последняя страница, принялся за изучение содержимого обычного почтового конверта, в котором лежали стандартные фотографии на различные документы. Когда Спиридон хотел вложить стопку снимков обратно, то непроизвольно заглянул внутрь конверта. Заглянул и увидел застрявшую в углу малюсенькую фотографию круглой формы. Мужчина осторожно ее достал и присмотрелся.

Это был портрет милой девушки. Судя по прическе и по одежде, фотография была сделана много-много лет назад, а если точнее, то еще до революции.

То, что это не фотомонтаж, не современная подделка под старину, мужчина был уверен. Он долго изучал портрет, вооружившись лупой. Милая особа с фотографии походила на женщин с картин известных портретистов. И не только красиво уложенными волосами, лебединой шеей, платьем с высокими пышными рукавами, о тонкой талии, затянутой широким поясом можно были лишь догадываться, она была аристократкой. Спиридон не мог перечислить признаки, которые привели к подобному умозаключению, возможно принятая без доказательств утонченность, высокий лоб, аристократический подбородок, выразительные умные глаза, правильной формы аккуратный носик, идеальные губы. Такую женщину нельзя представить в метро или в переполненном трамвае. Только в экипаже, плавно проезжающим по мостовой.

- Прелестница! – невольно вырвалось у майора полиции. Он затравленно осмотрелся и облегченно вздохнул: в кабинете он был один.

Спиридон Яковлевич засунул портрет в свое портмоне, чтобы еще раз полюбоваться девушкой уже дома и поиграть в угадайку: кем она может приходиться Герману Клунину?

Он отправился домой, мысленно выдвигая предположения, откуда в альбоме молодого повесы могло взяться изображение девушки из далекого прошлого? Или это все же фотомонтаж и это милое создание близкая знакомая Германа? Спрашивать Элоизу Местерскую бесполезно: в дела и личную жизнь сына она была не посвящена, да и особым желанием не горела. Никого похожего в альбоме Спиридон не обнаружил. Не могла знакомая быть «в единственном экземпляре», причем весьма в странном виде. Значит, это родственница Клуниных, и Элоиза должна о ней знать...

Едва майор переступил порог, ему позвонил Кошечкин. Между прочим заметил, что еще корпит над бумагами, в интонациях преобладало легкое осуждение вперемежку с завистью, грубым словом отозвался о бумажной волоките, и перешел на главное.

- Элоиза Клунина пришла с заявлением о пропаже сына.

- С какой стати?

- Она решила, что мы бездействуем и хотела таким способом натравить на нас начальство.

- Так она к тебе пришла после посещения начальственного кабинета?

- А ты думал?! Непростые смертные ногой открывают двери руководства, а простые - осторожно стучат в двери низших чинов, - философски рассудил Кошечкин. - Я ей объяснил, что дело об исчезновении ТЕЛА ее сына заведено, а госпожа писательница меня одарила таким взглядом, что едва чувств не лишился, и сквозь зубы с расстановкой произнесла: «У меня пропал единственный сын!» Противоречить я не стал.

- Илья Аркадьевич, что она тебе рассказала интересенького о Валентине Карасевой, проживающей по улице Социалистической, дом десять, квартира сто сорок?

- Эта особа ей не знакома. Адрес ей дал Герман на случай «ядерной войны», в любом другом случае для связи использовался мобильный телефон. Про ювелирную выставку повторила слово в слово, подозрений у нее поездка не вызвала, так как сын не пропускал подобных мероприятий.

- Моя хата с краю, я ничего не знаю, - с раздражением сказал Терещенко.

- Будем ждать... Наружное наблюдение мы к ней приставили, авось, узнаем чего новенького.

- А про мужчину, с которым Клунина встречается на новой квартире, ты спросил?

- Спросил, и ее не обрадовало наше вмешательство в ее личную жизнь...

- Она снова одарила тебя «приветливым» взглядом?

Кошечкин покряхтел и поделился с собеседником возникшей проблемой.

- За свою долгую службу в прокуратуре, затем в следственном отделе мне пришлось иметь дело с разными людьми: и хитрыми, и наглыми, и честными, и совершеннейшими отморозками, но я никогда не тушевался перед ними. А перед писательницей я краснею, как начинающий следователь. Хватает одного возмущенного взгляда и сведенных выщипанных бровей.

- Не верю! - по-станиславски выразился Терещенко.

- Верь, не верь, а так оно и есть, - вздохнул Кошечкин.

Спиридону почудилось, что он при этих словах оглянулся, словно боялся, что упомянутая женщина стоит за спиной и терпеливо слушает разговор двух профессионалов, ведущих расследование об исчезновении ее сыночка. И не дай Бог, им перефразировать дело.

Убедившись в одиночестве, следователь продолжил.

- Я долго подходил к интересуемому нас вопросу о тайных встречах, наобум не брякнул, как это часто бывает, чтобы огорошить свидетеля и увидеть его реакцию. Заявил, что в интересах следствия она обязана рассказать о последних контактах за прошедшую неделю. Элоиза Георгиевна поведала о встрече с редактором, со старинной подругой, с

сыном, который заезжал к ней в пятницу, и про... художника, который делает наброски будущего портрета.

- В основном по ночам, и не в собственной мастерской, а на конспиративной квартире заказчика, - поерничал майор. – Я уверен, что Герман не знал о приобретении матери. Она намеренно скрыла от него, чтобы тот не обустроился на новом месте на долгое время, если не навсегда, и не стал мешать любовникам.

- Клунина могла встречаться с мужчиной в своей квартире, она женщина одинокая, - рассудил Кошечкин.

- В этой квартире она живет сто лет, ее каждая собака знает. В доме проживают в основном пенсионеры, которые от скуки зорко следят за перемещениями граждан, особенно незнакомых. Писательница не желает подрывать свою незапятнанную репутацию. Это современной молодежи наплевать на чужое мнение, а Элоиза – женщина старой формации, она дорожит уважением соседей, которые сами зачастую ведут себя неблаговидно, но не желает становиться с неприличными гражданами на одну ступень, боится фамильярности, косых взглядом и кривых усмешек, не говоря о нелестных эпитетах бросаемых вдогонку. Падать с хрупкого пьедестала травмоопаснее, чем с горы.

- Спиридон, ты, конечно, правильно мыслишь, но с высоты преклонного возраста. Только старики осуждают современную молодежь! И знаешь почему? Потому что завидуют им! Сами вести подобный образ жизни уже не силах, вот и злятся. Но тебе-то так не пристало, - осудительно произнес Илья Аркадьевич, - ты еще молод, полон сил и энергии. Советую почаще заглядывать в паспорт, чтобы не забывать об истинном возрасте. В твои годы личная жизнь не должна стоять на последнем месте!

Внезапно Терещенко вспомнил про портрет девушки, обнаруженный в фотоальбоме Клунина, почему-то связал упоминание личной жизни именно с ней. И рассказал о находке следователю.

- Старинный, говоришь? – задумчиво спросил Кошечкин.

- Старинный, - подтвердил Спиридон.

- А ты завтра поезжай к Элоизе Георгиевне и покажи фотографию. Может быть, вопрос выведенного яйца не стоит? Возможно, это ее родственница в четвертом поколении.

- И ее портрет хранится в конверте в фотоальбоме Германа вместе с его фото на документы? – недоверчиво спросил майор. – Что-то не верится. Мне показалось, что Клунин специально припрятал портрет. Кто сунет нос в отделение для невыразительных фотографий на документы, на которых любой человек с трудом себя опознает?

- Спиридон, но ты всё равно навести нашу писательницу, глядишь, чего умного услышишь?.. Или ты ее тоже побаиваешься?

- Еще чего?! – задиристо возмутился Терещенко, в голове которого родилась здравая мысль: отправить к Элоизе беспечного Прилукова – человека без страха и упрека. Без страха к особам женского пола и начальства, без упрека не потому что он безупречный: все замечания отлетают от него, как теннисный мяч при игре об стену, а нравоучения в одно ухо влетают в другое вылетают.

Таким людям остается только позавидовать, - подумал Терещенко, обмозговывая фразу Кошечкина о своем «преклонном» возрасте.

Желая отвлечься от невеселых выводов, он занялся приготовлением ужина. Чтобы не отрывать время от драгоценного бездействия, он ограничился яичницей с любительской колбасой. Хотел сделать салат из помидоров, но передумал, быстро разрезал каждый помидор на четыре части, посолил и поперчил. Ужин решил совместить с чтением. Выбрал наугад одну из книг Элоизы Местерской и так увлекся, что просидел за кухонным столом около двух часов, позабыв про игру в угадайку. Затем быстро вымыл посуду, принял душ и растянулся на кровати. В горизонтальном положении читалось труднее, вскоре книга стала падать на грудь, Спиридон устал издеваться над своим уставшим организмом, выключил свет и заснул крепким сном...

До начала рабочего дня Тимофей Прилуков отправился в парк революции, где совершал пробежку близкий друг их семьи, а по совместительству преподаватель по судебной медицине в юридическом ВУЗе, который имел большой стаж работы в качестве судебно-медицинского эксперта. Звали профессора Чапля Владлен Борисович. Естественно, все студенты за глаза называли его Цаплей, но беззлобно. Владлена все уважали, кроме заядлых двоечников, считавших, что «уды» вместо «неудов» им должны ставить за «красивые глаза».

Возраст мужчины перевалил за вторую половину шестого десятка, но выглядел он лет на десять, а то и пятнадцать моложе. Никогда не был женат, но к слабому полу благоволил, имел любовницу значительно моложе себя, но узаконивать отношения не спешил, на горизонте маячила новая кандидатура по имени Зина, с которой Владлен познакомился пару дней назад в парке революции во время утренней пробежки. Сегодняшнее ранее свидание было прервано по причине появления Тимофея, с которым они условились о встрече накануне. Чапля попрощался с новой знакомой, проводил ее восхищенным взглядом и устроился на скамейке вместе с молодым человеком, осуждающе поглядывающим на престарелого ловеласа.

Прилуков изложил суть дела. Он знал, что профессор не станет над ним насмехаться, а всё «разложит по полочкам»: подтвердит или опровергнет возможность шевеления усопшего и объяснит происхождение его стонов.

Владлен внимательно выслушал молодого человека, которого знал с рождения, не перебивал, заявляя «все ясно», и не переходил к чтению лекции. В сторону Тимки не смотрел. Сосредоточился на своих ультрамодных кроссовках, изредка вскидывал голову и наблюдал за своей знакомой, которая грациозно бегала по дорожкам парка, не приближаясь к мужчинам. Это обстоятельство радовало лейтенанта, который боялся, что девушка станет отвлекать внимание профессора. И подкупало самого профессора, который ценил понимание момента. Перед приходом Тимофея он пояснил, что его знакомому нужна профессиональная консультация. Зина не выказала недовольства, лишь мило улыбнулась, вздохнула и развела руками: ясно, придется на время остаться одной, но я не в обиде, хотя, вашим обществом очень дорожу.

- Ты решил, что Герман Клунин внезапно ожил и покинул территорию аэропорта, - подвел итог рассуждениям Прилукова профессор Чапля.

Тимофей поднял и опустил плечи, словно занимался утренней гимнастикой. Владлен не стал напоминать недавнему студенту, что тот изучал в университете судебную медицину, пусть это был краткий курс, но всё же. Он сразу перешел к делу.

- Современные технологии размыли переход между жизнью и смертью: мозг умирает, а сердце продолжает качать кровь, или после остановки сердца доктора объявят о смерти пациента лишь после смерти мозга. Этот промежуток мозг использует для поиска кислорода и питательных веществ, необходимых для дальнейшего функционирования. Такое состояние можно продлить с помощью медицинской аппаратуры на несколько дней. Иногда это спасает жизнь, иногда – нет.

- Вы считаете, что тело Клунина могли выкрасть, чтобы реанимировать? Или медик в аэропорту вынес неправильный вердикт, и сейчас Германа держат в какой-то больнице, надеясь на чудо? Он владеет какой-то информацией, которую хотят заполучить... Или он уже мертв, похитители убедились в этом и теперь думают, как его вернуть... А может быть, он все-таки жив, пришел в себя и потихоньку восстанавливается. И мать об этом знает, поэтому ведет себя спокойно. А нам не говорит, потому что ее сыну грозит опасность. Когда он окончательно выздоровеет, она снабдит его фальшивыми документами и отправит за границу! - длинный полувопросительный-полуутвердительный монолог Прилуков протараторил на одном дыхании.

- Это всё? Я могу продолжить? – поинтересовался профессор, оставив без внимания перечень версий лейтенанта.

Возликовавший от скорого закрытия дела, в котором он сыграл не последнюю роль, Тимофей сразу сник. Он догадался, что за перспективным началом последует безнадежное продолжение.

- Извините, Владлен Борисович, - покаялся он.

- Так вот... В связи с тем, что мозг еще в поиске, обменные процессы внутри человека пока действуют. Внутри кишечника бактерии продолжают свою работу, волосы и ногти продолжают удлиняться, клетки кожи живы. Даже после смерти мозга, многие районы нервной системы могут оставаться активными. Часто наблюдаются рефлекс, которые могли бы означать передачу нервных сигналов в спинной мозг, приводящих к мышечным судорогам и спазмам. Этим объясняется подергивание конечностей... Теперь об издаваемых стогах... Наши тела наполнены газом и жидкостями, которые поддерживаются мышцами и костями. Одним из выходов газа является трахея. Трупное окоченение распространяется и на мышцы голосовых связок. Очень часто мертвецы издают разные звуки: стоны, вздохи, свист.

- Впечатление не из приятных, - констатировал Прилуков, вспомнив испуганные лица Марченко и Крыжухи. – Владлен Борисович, значит, Герман Клуниин умер и его тело кто-то выкрал? Или все же доктор мог ошибиться, приняв живого за мертвого, и тот исчез. Специально придумал план по своему исчезновению. Кто-то наблюдал за Германом со стороны, увидел, что медицинская помощь ему больше не требуется. А что можно еще предположить, если человека уложили на каталку и накрыли простыней с головой? Это окончательно убедило – Клуниин мертв. А Клуниин выпил какой-то препарат, на время замедляющий сердцебиение, рассчитывал, что вернется к жизни в морге и спокойно оттуда улизнет, но с отправкой тела вышла заминка. Тогда его сообщница отвлекла охранника, а Герман пришел в себя и скрылся.

- Тима, ты меня слушаешь? Или пытаешься все-таки оживить труп, как это проделал когда-то колдун Юрий Лонга? – усмехнулся профессор.

- А он его, правда, оживил?

- Бред! Такого быть не может.

- И замедлить сердцебиение нельзя, чтобы врач констатировал смерть?

- Надо быть полным профаном в своем деле, чтобы живого человека назвать мертвым.

- Я про хитромудрые препараты еще спросил, - напомнил занудный лейтенант.

- Существует алкалоид красного мухамора – мускарин, который вызывает остановку сердца в расслабленном состоянии. Чтобы восстановить сердцебиение, необходимо сделать инъекцию атропина.

- Вот! – возрадовался Прилуков. Не удержался, вскочил со скамейки и забегал по замкнутой линии туда-сюда. Чапля старался проследить за его быстрыми перемещениями, но потом устал и поискал взглядом Зинаиду, но не нашел. По всей видимости, девушка успела уйти.

- Тимка, да сядь ты, наконец! – скривился профессор. Он был расстроен, что его сегодняшнее общение с девушкой вышло таким коротким.

Визави вернулся на скамейку и перешел к дальнейшим рассуждениям.

- Перед вылетом Клуниин выпил мухаморный алкалоид, театрально вырубился на трапе самолета, а потом...

- Не приходя в сознание, вколол себе несколько кубиков атропина, очухался, встал и пошел, - продолжил за него Владлен. Его стало забавлять поведение парня. Раз Зина ушла, то почему не послушать молодого лейтенанта, из которого версии вылетают, как пули из автомата Калашникова.

- Издеваетесь? – обиделся Тимофей.

Профессор дернул головой: то ли подтвердил, то ли опровергнул, и продолжил.

- Существует еще один алкалоид, способный замедлить сердцебиение, довести его до полной остановки, а по прошествии некоторого времени возобновить обычный ритм без внешнего вмешательства.
- Ну-ка, ну-ка, - придвинулся поближе к Владлену лейтенант, позабыв про недавние обиды.
- Например, никотин.
- Клуниин был заядлым курильщиком, - придушенным шепотом сообщил Прилуков. – Мне об этом рассказала Раиса, продавец из ювелирного салона «Мерц», который принадлежал Герману... Или принадлежит? – с надеждой поинтересовался он у всезнающего ученого.
- Я мистикой не занимаюсь, - парировал профессор.
- Но вы же сами сказали про мухомор и про никотин!
- Никотин это тоже алкалоид. Да, он содержится в табаке, в меньшем количестве в зеленом перце, в томатах, в картофеле, но это не значит, что все курящие люди, или большие поклонники выше перечисленных продуктов, подвержены такой болезни, как аритмия сердца.
- Тогда зачем вы мне рассказали об этих алкалоидах?
- Чтобы ты научился слушать и вникать в смысл сказанного, а не выхватывать фразы, которые тебя устраивают и которые способны стать недостающими кирпичиками в стоящемся здании твоих версий. То, что подходит, принимаю к сведению, то, что не подходит, напрочь забываю или просто не придаю этому значение.
- Майор Терещенко тоже ругает меня за это.
- Тимофей, если бы ты пришел не ко мне, а к псевдоученому, который разрабатывает теорию возвращения к жизни с помощью магии, причем сам в это не верит, а пудрит мозги людям, потерявшим своих близких, то нашел бы ответы на все вопросы, и эти ответы тебя бы устроили. В результате ты ограничился одной версией, отмел все остальные, следствие пошло в неправильном направлении. Я показал тебе это на примере.
- Терещенко не дал бы пойти следствию в неправильном направлении.
- А ты представь, что над тобой нет начальников, ты самостоятельно принимаешь решение, к твоему мнению прислушиваются подчиненные. Тебя устраивает версия, что Клуниин жив. Именно, ее ты принимаешь в разработку. Из показаний свидетелей ты вырываешь куски, которые являются доказательством твоего предположения, пусть и ошибочного. Но в результате получишь «висяк». Драгоценное время упущено. Легче раскрыть преступление по горячим следам.
- К тому времени, когда я стану начальником, я поумнею и научусь внимательно слушать.
- Твоя профессия, как и профессия врача, не терпит пренебрежения, не терпит «лови на лету». Допустим, пациент перечисляет свои жалобы доктору, который четвертый год корпит над диссертацией об алкогольных болезнях печени. Он видит перед собой человека с явными намеками на злоупотребление алкогольными напитками: отечность, нездоровый цвет кожи, тремор рук и так далее, мысленно ставит диагноз, который его устраивает. Доктор продолжает слушать больного, сосредотачиваясь на нужных ему симптомах. В итоге, поставлен неправильный диагноз, за ним последует неправильное лечение.
- Но доктор не поставит окончательный диагноз, пока больного полностью не обследуют,
- заспорил Тимка. – Уже после начнется лечение.
- Всякое бывает, - пространно заметил медик. – Я знаю много случаев, когда обследования как такового не было, а лечение проводилось дорогостоящими препаратами, толку от которых не было.
- Препараты, естественно, покупались за средства пациента, - догадался Прилуков.
- И препараты покупались за средства пациента, и проводились ненужные операции по удалению здоровых органов.

- Это от профессиональной некомпетентности врачей?
- А ты знаешь, что такое профкомпетенция?.. Это способность успешно действовать на основе практического опыта, умения и знаний при решении профессиональных задач. Вот и делай выводы! У тебя умная голова, но в ней ветер гуляет. Я понимаю, что ты молод, хочешь сделать всё быстро и результативно. Но не забывай, ты работаешь с людьми. От тебя зависит, сядет за решетку виновный, а невинный будет оправдан. Научись терпеливо выслушивать человека, вдруг одно случайно обороненное слово окажется ключевым. Человек сам об этом не догадывается. Произнес и забыл. А ты обязан помнить.
- Спасибо за обучение терпению на практике, - пристыжено поблагодарил профессора Прилуков. – Владлен Борисович, а вы на сто процентов уверены, что Герман мертв и его тело похитили?
- Никогда нельзя быть ни в чем уверенным, если нет веских доказательств. Но обычный человек не может погрузить себя в транс до такой степени, чтобы профессионал признал его мертвым. Это всё сказки. Врач мог ошибиться в диагнозе, только вскрытие может рассказать о причине смерти.
- Можно предположить, что смерть Клунина была некриминальной, а можно предположить и обратное. – Тимофей заметил пристальный взгляд профессора и поспешил успокоить, - я принял к сведению вашу фразу о вскрытии, которое может дать ответы на все вопросы... Осталось найти тело. Но почему внешне здоровый молодой мужчина умер от сердечного приступа? Предположительно от сердечного приступа, - поправился он.
- Возможно, от быстро развившейся аритмии. Ритм сердца изменился, сердце остановилось.
- А почему ритм изменился? – не успокоился лейтенант.
- Не хочу забивать тебе голову заумными непонятными словами, - отмахнулся профессор, не любивший гадать «на кофейной гуще».
- Но всё же?
- Здесь может быть ряд причин... Например, выброс гормонов. С тебя довольно! Занимайся своим делом, а мне пора!..
- Если бы Прилуков знал, что воспитывают не только стажеров, но и профессионально подкованных майоров, то этот факт немного его успокоил. А так всю дорогу он ругал себя и даже подумал: а не подать ли рапорт об увольнении, пока не вышел испытательный срок, по истечению которого он получит заключение о несоответствии занимаемой должности?..
- Доброе утро! – излишне бодро поприветствовал майора лейтенант, входя в их общий кабинет, в котором стояло всего четыре стола. Двое сотрудников находились в очередном отпуске, что радовало Прилукова, иначе он был задействован в эпизодических ролях.
- Собственная значимость так вскружила голову молодому лейтенанту, что он возомнил себя гениальным сыщиком. Забыл про субординацию, о начальственных указаниях, проявил чрезмерную инициативу, поскакавшую в ускоренном галопе, благо ее бег прервал давний знакомый Владлен Чапля.
- Привет! Что-то ты непривычно серьезный сегодня? С девушкой поссорился?– поинтересовался Спиридон.
- При чем здесь девушка? – недовольно скривился парень. - Возраст такой, что пора бы стать более... вдумчивым.
- Майор подумал: один хочет быть старше, другой пытается вернуть себе свой возраст. Он сдержал улыбку и сразу перешел к делу.
- Рассказывай, что успел вчера накопать?
- Еще по дороге Прилуков решил, что не станет ничего утаивать, расскажет всё, как есть, а там пусть Терещенко сам решает.

Тимка начал с посещения ювелирного салона «Мерц», перешел на Марченко и Крыжуху и закончил пересказом беседы с профессором Чапля.

- Вот почему ты вчера был такой взведенный, - догадался Спиридон Яковлевич.

- И ничего не взведенный. Просто наслушался баек о мертвецах на сон грядущий.

- Наслушался и загорелся желанием поделиться с начальником, чтобы проверить его на впечатлительность?

- Хотел услышать ваше мнение.

- Мое мнение – надо искать Германа Клунина. Живого или мертвого. Для начала мне нужны все сведения о Забалуеве Эдварде Викторовиче, художнике. С этим человеком встречается Элоиза Георгиевна в своей новой квартире.

- Что конкретно вас интересует? – подобрался лейтенант.

- Всё! А там разберемся. Это первое. Второе. – майор достал из кармана портмоне и вытащил из него фотографию девушки. – Возьми этот фотопортрет и отправляйся к нашей писательнице, предъяви ей для опознания. Заодно верни альбом сына. Предъявлять кого-то Марченко для опознания нет смысла: среди фотографий последних лет девушек, подходящих по описанию, нет. У него в альбоме больше старых фотографий, те девушки, что изображены, ровесницы Клунина. Сейчас им больше тридцати, а охранник Марченко говорил, что та была моложе.

- А кто это? – спросил Тимофей, с интересом рассматривая изображение незнакомки.

- Вот ты мне и дашь ответ на этот вопрос! – сдерживая недовольство, отрезал Спиридон, удивляясь переменам в молодом коллеге. Стремление стать старше и серьезнее отразилось на его умственных способностях. Все-таки человек должен пребывать в гармонии с собой,

- подумал Терещенко, наблюдая за лейтенантом, который напряженно всматривался в портрет девушки, будто пытался ее вспомнить.

- А если писательница ни сном, ни духом? – задумчиво спросил он, перевернул фотографию и полюбовался чистой обратной стороной.

- Я нашел портрет в альбоме Германа. Наверное, это родственница Клуниных из далекого прошлого.

- Только этого нам не хватало, - недовольно буркнул лейтенант. – Не вижу связи между исчезновением тела Германа и этой дореволюционной аристократкой. Мы время потеряем, если будем отвлекаться на разные мелочи. – Еще раз взгляделся в лицо девушки и выдал, - не красавица!

- Сам ты... не красавец? – не сдержался Спиридон.

- Да это я так, - надулся парень, - настроение плохое.

- Проехали, - высказался начальник, которого неприятно зацепило нелестное определение стажера. Ему девушка показалась весьма симпатичной. Он с трудом вернулся к теме разговора. – Тимофей, ты веришь в интуицию?

- Н...наверное, - слегка заикаясь, ответил тот после недолгих раздумий.

- А я верю без оговорок! Думаешь, мне хочется изучать генеалогическое дерево Клуниных? Не горю желанием! Но чутье мне подсказывает, что портрет девушки оказался у Германа не случайно, и к тому же недавно. И пахнет здесь криминалом. А иначе, зачем прятать его среди фото на документы? – майор заметил недовольное лицо Тимофея. Видимо пояснение не было принято. – Сам не люблю копаться в прошлом, это всё равно что плыть против течения. Усилий прилагаешь много, а нужных результатов не приносит. Барахтаешься на одном месте или попадаешь в водоворот событий прошлого, которое утягивает тебя в неправильном от расследования направлении... Как говорил Героклит Эфесский: «Все течет, все меняется». Наша жизнь, как река. Иногда быстроводная, иногда как стоячее болото. В первом случае не всегда получается плыть по течению, вмешиваются обстоятельства, и приходится преодолевать скорость течения, но это лучше, чем завязнуть в трясине.

- Только рыба на нерест плывет против течения, - со знающим видом заметил лейтенант, до которого с трудом доходили философские рассуждения Терещенко.
- Рыба и мы с тобой, - усмехнулся Спиридон, подумал и поделился, - я вчера читал книгу Местерской. Догадайся, как она называется?
- Страсти-мордасти и любовь в придачу, - без особого интереса ответил Тимофей.
- Не угадал! Книга называется «Против течения». В ней романтические отношения перемешиваются с незлостными преступлениями. В сюжете настоящее и прошлое ходят бок о бок. Хотя, роман отнесли к детективам, расследование идет на втором плане, на первом – отношения главных героев, их чувства, переживания.
- А трупы в этом романе случайно не исчезают? - насторожился лейтенант, искоса поглядывая на фотопортрет незнакомки, лежащий на столе.
- Увы, не исчезают, так что подсказок к раскрытию нашего дела мы не дождемся. Но если тебя заинтересовали подобные шедевры, то можешь скупить все и читать на сон грядущий.
- И сколько шедевров написала наша любвеобильная пенсионерка?
- Не стоит отзываться о ней в подобном тоне, - мягко пожурил Терещенко, - Элоиза - приятная симпатичная женщина.
- Так сколько книг она написала? – настойчиво повторил Тимофей.
- Двенадцать.
- Это много или мало?
- Для нас с тобой это недостижимое число. И не отвлекай меня от работы! Давай, дуй к Местерской!

Прилуков сложил брови домиком, сделал страдальческое лицо и заканючил.

- Спиридон Яковлевич, пожалуйста... -

Продолжить он не удосужился. Раз начальник такой умный, то к чему договаривать?

А начальник, в свою очередь, едва сдержался, чтобы не рассмеяться: уж, слишком по-детски наивной была веснушчатая физиономия Тимки, стоящего спиной к окну, отчего его лопухие уши просвечивались.

Как можно отказать в просьбе такому взрослому ребенку? – подумал майор.

- Ладно, поехали вместе! Может, заодно узнаем что-нибудь о таинственном художнике, – смилостивился он, резво вскочил со стула и рванул к выходу.

Лейтенант устремился за ним, мысленно внушая себе на ходу:

Я буду внимателен и собран, внимателен и собран! Вдруг писательница случайно обронит ключевое слово, которое станет подсказкой к раскрытию сложного дела.

То, что это дело обещает стать сложным и запутанным, он уже не сомневался...

Любая несообразительная девица, как Люся Клейменова, догадается, что ею тяготятся, когда услужливо вручат купленный билет на обратный рейс уже на следующий день после приезда.

Людмила мысленно подсчитала установленный срок для гостевания и поняла: ей предоставлено четыре дня.

И зачем было тратить деньги на билеты, мотаться по магазинам в поисках подарков, желая угодить отцу и его новой жене? Лучше было потратить эти деньги на себя и сына. Опять же поссорилась с матерью, которая тихо ревновала единственную дочь к бывшему мужу.

Родители Люськи развелись, когда она окончила школу. Вскоре отец перебрался в Москву, где родился и вырос. В Ростов он попал по распределению после окончания университета. Здесь познакомился с девушкой, женился, родилась дочь Люся. Жили Клейменовы спокойно, без всплесков любви и выяснения отношений. Поэтому уход главы семьи стал полной неожиданностью для супруги и дочери, благотворившей отца. Иван Клейменов собрал вещи, сказал, что сам подаст на развод и покинул квартиру. Мать с

Люськой переглянулись, находясь в полном непонимании. Анастасия Клейменова решила, что муж нашел ей замену. Но оказалось, что разлучницы-то нет. Ваня месяц жил на даче у друга, а после развода покинул город, не удосужившись попрощаться с дочерью. Он только позвонил и сказал, что возвращается домой, будто теперешняя квартира, в которой они вместе прожили почти двадцать лет, была временным пристанищем.

Людмила затаила обиду на отца. И даже не потому, что он развелся с матерью – женщиной без страстей, как она считала, а потому, что не взял ее с собой в Москву, где больше возможностей для получения качественного высшего образования.

Девушка пребывала в расстроенных чувствах, в итоге завалила вступительные экзамены в ВУЗ, неделю пострадала и пошла на курсы секретарей-референтов.

Внешность позволила ей устроиться на хорошую работу. Ухаживания начальника она пресекла на корню, подумала, что ее выставят из конторы, но, напротив, седовласый руководитель стал относиться к ней по-отечески. Его ревнивая супруга сначала настаивала на увольнении молоденькой секретарши с миленькой мордашкой, но быстро просекла, что угрозы семье нет, и тоже стала относиться к Людмиле благосклонно, пусть без материнской любви и заботы. Клейменовой это было и не нужно.

Через год ей был предоставлен отпуск, который она хотела провести в столице, у отца. Но тот намека не понял, напрашиваться дочь не решилась, и надумала отправиться на море «дикарем». Н заботливый начальник настоял на приобретении путевки, выдал приличную денежную премию и позвонил своей знакомой, которая директорствовала в туристическом агентстве. В результате Люська купила «горящую» путевку за полцены и поехала в поселок Дагомыс с толстым кошельком.

В пансионате в основном отдыхали семейные пары с крикливыми детьми и одинокие девицы типа самой Людмилы, желающие развлечься на курорте. О серьезных отношениях с продолжением никто не мечтал. Но в тайне надеялся.

На второй день своего пребывания Клейменова заметила симпатичного мужчину с масляными глазами, который оказался работником пансионата. Из всех одиноких охотниц он выбрал её. Люська с вызовом и злорадством посмотрела на соперниц, те, в свою очередь, стали судачить о непрезентабельной внешности мужчины, хотя, до этого считали его неписанным красавцем и мечтой всех женщин.

Неписаного красавца звали Михаилом. Он красиво ухаживал, читал стихи собственного сочинения, был ласков, заботлив. Особенно Люсе запали в душу строки:

Она на пальчиках привстала и подарила губы мне,
Я целовал ее устало в сырой осенней тишине.

Миша декламировал с таким тягучим вдохновением, что она сразу поняла: стихи родились внезапно, под действием воспламеняющей любви, и посвящены ей. А как иначе? В любви поэт признался в первый вечер, Люся были значительно ниже ростом своего высоченного поклонника, поэтому ей пришлось приподниматься на цыпочках, чтобы поцеловать его в губы - отблагодарить за милую безделушку и великолепное двустушие. Пусть случилась встреча не сырой осенью, а в жарком июле, но не беда, это задумка автора. Осень более располагает к трогательным чувствам.

Уже позже Клейменова узнала, что строки принадлежали известному поэту Игорю Северянину...

Две недели отдыха пролетели слишком быстро. На вокзале Михаил заверял, что после окончания летнего сезона приедет к ней в Ростов, чтобы познакомиться с матерью и попросить руки ее дочери.

- Это так старомодно, - со смущением произнесла Людмила, - я могу вырваться к тебе на несколько дней, начальник разрешит, и мы распишемся здесь, в Дагомысе.

Любовник испуганно на нее посмотрел. Девушка приняла его испуг за неприятие поведения современной молодежи, которая легко женится, легко разводится. Она стусевалась и не стала настаивать.

А потом они долго стояли на перроне, крепко обнявшись, и молчали, не замечая никого вокруг. На прощание Михаил страстно ее поцеловал. Люська села в вагон, забралась на свою верхнюю полку и проплакала всю дорогу.

Через месяц она узнала, что беременна. Позвонила Мише, чтобы сообщить радостную новость, но он долго не мог понять, кто такая Люся Клейменова из Ростова. А на заявление о беременности отреагировал жестко.

- С чего ты взяла, что это мой ребенок? Ну, отдыхала ты в пансионате, где я работаю, и что? У меня жена в Барнауле и двое детей.

Начальник предложил Клейменовой свою помощь. Он направит в Дагомыс парочку охранников из своей фирмы, и те быстро объяснят сезонному донжуану, как надо вести себя с порядочными девушками.

- Порядочные девушки не спят с первым встречным, - парировала Людмила, - я сама во всем виновата. Сама и буду расхлебывать.

- Каким образом? – строго спросил начальник.

- Я... я...

- Ты хочешь избавиться от ребенка?! – трагическим голосом задал вопрос мужчина. Он побагровел и расслабил тугий узел галстука. Люська испугалась, что его хватит удар.

Мысль об аборте моментально выветрилась из головы.

- Я буду растить ребенка сама. И пусть малыш будет похож на Михаила. У меня были две недели счастья, и я ему за это благодарна.

- Благородный жест с твоей стороны, но мужчина обязан отвечать за свои поступки.

- Я не хочу разбивать его семью, не хочу, чтобы страдали его дети... Я знаю, какие чувства испытывает ребенок, когда из семьи уходит отец... Миша меня не любит, и никогда не любил, а насильно мил не будешь... Честно признаться, и я его уже не люблю. Зачем жить в безразличии друг к другу? Я такое проходила. Думала, что это нормальная модель семьи, а оказалось, что это не семейная жизнь, а сосуществование на одних квадратных метрах, которому рано или поздно наступает конец. Хочу, чтобы мой ребенок рос в любви, пусть пока со стороны мамы и бабушки, но жизнь полна сюрпризов, неизвестно, что произойдет завтра, через неделю, через год.

- Молодец, девочка, правильно мыслишь! Я уверен, ты встретишь порядочного мужчину, который полюбит тебя и твоего ребенка. – отец-руководитель понимал, что произносит банальные слова, но ничего неординарного придумать не мог.

- Всё может быть...

Людмила назвала сына Иваном, в честь своего отца. Единственный раз за все время со дня развода с женой он приехал в Ростов, чтобы встретить дочь у дверей родильного отделения. В то время он был свободен, и Люся надеялась на восстановление семьи. Но родители были совершенно чужими друг другу людьми, словно не провели двадцать лет вместе. Вместе и в то же время врозь. Мать давно смирилась с одиночеством. Дочери казалось, что ей комфортно жить без мужа, который требовал заботы и внимания.

Людмила, напротив, после развода родителей и курортного приключения замкнулась в себе. Она считала, всех мужчин предателями, жалела брошенных женщин, сосредоточилась на единственном любимом существе – маленьком сынишке, который к счастью не был похож на Михаила.

Иван Михайлович Клейменов рос спокойным и смышленным мальчиком. Постоянного внимания матери не требовал, ей надоело пребывать в депрессивном состоянии, она, наконец, очнулась от спячки и посмотрела на себя в зеркало. Увидела в нем странное существо с затравленным взглядом, с длинными волосами с посеченными кончиками, с бледным лицом, и решила кардинально измениться и изменить свою однообразную жизнь.

Посетила салон красоты, стала заниматься аутотренингом, внушая себе, что будущее в ее руках. Все проблемы ушли на второй план, на первый план выступило желание устроить личную жизнь. Из одной крайности в другую.

Ванечке к тому времени исполнилось два года. Заботу о нем взяла на себя бабушка Люси, мать Анастасии. Пожилая женщина была бодра, подвижна и полна собственных планов, но на просьбу внучки сразу откликнулась, но без особого энтузиазма.

- Можно пригласить для Вани няню, - обмолвилась Людмила, заметив тень неудовольствия на лице молодящейся бабули.

- Ни в коем случае! – резко заявила пожилая женщина, посещающая два раза в неделю вечер танцев, а по субботам – кружок домоводства.

Дочь и внучка знали о ее увлечениях, поэтому Люська поспешила успокоить бабушку.

- Обещаю по вторникам и пятницам не задерживаться на работе.

- И на том спасибо, - улыбнулась бодрая пенсионерка...

Людмила ловила себя на мысли, что ведет себя неправильно. Она превратилась в пустоголовую особу, жаждущую женить на себе обеспеченного мужичка. Но поделаться ничего не могла. В фирме, где она продолжала трудиться на должности секретаря, в основном работали женщины, пожилые мужчины и молоденькие мальчишки. Подходящими кандидатурами были сотрудники вневедомственной охраны, но почти все были женаты, а свободные от брачных уз не подходили ей по причине непривлекательной внешности и скудости заработной платы, которой едва хватало им на собственные удовольствия, а менять привычки ради смазливой секретарши и ее сына никто не станет.

Желание скоро переросло в отчаяние. Клейменова пыталась освободиться от навязчивой идеи выйти замуж по расчету, начала снова погружаться в депрессию, из которой вытянула полная идей бабушка. Она была осведомлена о желании внучки и потребовала направить мысли в другую сторону. Когда у человека есть мечта – это прекрасно, надо прилагать силы к ее осуществлению, но не болеть этой мечтой, иначе она никогда не исполнится.

- Я уже, вообще, ничего не хочу! – скривилась Людмила, устав от нравоучений.

- Сейчас ты снова скажешь, что у тебя депрессия!

- Скажу и...

- Хватить носиться с жалостью в себе! Выбрось все глупости из головы! Хочешь избавиться от плохого настроения?

- Допустим, - неопределенно сказала внучка.

- Тогда ежедневно, перед тем, как лечь спать, прокрути в голове прошедший день, найди три счастливых момента и сосредоточься на них. Они затмят печальные моменты, если таковые имели место.

Люська взяла бабушкину теорию на заметку...

Когда Клейменова увидела в аэропорту Германа, она влюбилась с первого взгляда. Он пришел из ее мечты, которая продолжала жить глубоко внутри. Красивый мужчина, умный, внимательный и сразу видно, не бедный. Капризы малыша его не раздражали, как это обычно бывает у мужчин, которые заинтересовались одинокой молодой мамочкой.

Людмила слушала Клунина и понимала, что превратилась в дуру в квадрате. Она остановилась в развитии после рождения ребенка, она не может поддержать разговор, лишь тупо пялится на привлекательного разговорчивого мужчину, с уст не сходит глуповатая улыбка, еще не хватало открыть рот и захлопать длинными ресницами. Глупая безмозглая корова! Кто такой заинтересуется?!

Люська дала себе слово, что займется самообразованием. Надо только не упустить Германа, заинтересовать его. Но чем? Чем, чем, чем? – раздумывала Клейменова. Архиважный вопрос пульсировал в ее голове, не находя ответа.

Ответ так и не пришел. А Герман переключился на худую пигалицу с печальными глазами, которая смотрела в одну точку, изредка поглядывая на маленького Ванечку.

Людмила приказала себе не паниковать. По прилету в Москву она попросит мужчину помочь ей с багажом, проводить до автомобиля, на котором приехал встречать отец. Она умудрилась позвонить ему и попросить, чтобы он оставался в машине, а не бродил по залу ожидания.

Потом Клейменова поблагодарит на помощь и ненавязчиво предложит подвезти. Отец не станет противиться. По дороге завяжется непринужденная беседа, вся надежда возлагается на папеньку – человека разностороннего, который приложит все усилия, чтобы помочь дочери устроить личную жизнь. Он часто в разговорах по скайпу говорит, что Люся не должна заикливаться на ребенке и на работе.

- Ваня должен расти в полноценной семье, - всякий раз заявляет молодой дед, который всегда участвовал в воспитании дочери и параллельно преданно любил науку, которой посвятил всю жизнь. А когда понял, что дочь выросла и в его заботе не нуждается, то собрал вещички и отбыл в известном направлении, не подумав, что ребенку в любом возрасте нужны оба родителя. Несколько лет прожил с наукой в любви и согласии, потом понял, что кроме работы человеку необходима дружная крепкая семья, и выбрал себе спутницу жизни. Благо далеко ходить было не надо...

Людмила по несколько раз в неделю перезванивалась с отцом. Но это всё не то. Он не так активно, как хотелось, участвует в ее жизни, дает советы, не вникая, больше рассказывает о своей работе, которой фанатично предан, а в последнее время упоминает нового персонажа - супругу. Ангелина на десять лет моложе мужа, и так же погружена в ненавистную Люськой химию, которая сместила дочь с верхней ступени пьедестала. Теперь Клейменова оказалась на третьей ступени, вторую заняла Ангелина – кандидат химических наук. Грымза в очках, сумевшая привлечь внимание Ивана Ивановича.

Людмила заранее возненавидела мачеху, придумала, как станет реагировать на ее навязчивую заботу, но не тут-то было, Ангелине было наплевать на падчерицу. Она не удосужилась приготовить праздничный ужин по случаю ее приезда, заказала по телефону суши, не подумав о том, употребляет ли Люся этот модный продукт, не говоря о трехлетнем ребенке, для которого заранее не купила молока.

На следующий день вечером гримза привезла билеты на обратный рейс, не удосужившись произнести объяснение. Люська посмотрела на отца, но тот посчитал поведение супруги нормальным. Развлекать гостью у него нет времени, кажется, и желаний, повидались и гут бай. Четырех дней вполне достаточно, чтобы держать себя в рамках приличия и не намекать на усталость от мелькания в квартире двух посторонних людей, один из которых ведет себя излишне громко.

Радость от встречи с отцом сменилась жгучей обидой. Мысли снова вернулись к Герману Клунину, о котором она успела забыть. Конечно, смерть молодого человека подействовала на нее. Она потужила о нем два часа – время перелета до Москвы. Потужила, как об известном артисте, поклонницей которого была, и о кончине которого узнала из новостных программ, и забыла.

На следующий день обиженная Клейменова обменяла билеты и вечером вернулась домой, сообщив об этом отцу по телефону, когда самолет приземлился в ростовском аэропорту.

После дождливой столичной погоды, усугубляющей ее грустное настроение, в родном городе ее порадовало заползающее на горизонт важное солнце, горячий асфальт, улыбки горожан, замедленный ритм жизни. Люська будто сбросила надоевшую за зиму тяжелую шубу и одела легкий веселый сарафан. Жизнь озарилась новым светом. Печальные события окончательно вычистили из души шелуху, ненужные мечты, в голове просветлело, ушла заторможенность и однобокая нацеленность на замужество.

А почему я не могу просто жить и радоваться каждому дню? – задумалась молодая женщина, которой еще не исполнилось двадцати трех лет. Вспомнилась бабушкина

теория о трех счастливых моментах, которую она решила применить на практике сегодняшним вечером.

С чувством полного высвобождения от всех горестей она вышла из здания аэропорта, ведя за руку Ванечку. Другой рукой молодая мать тянула за ручку чемодан на колесах. Поозиралась по сторонам в поисках такси. От группы водителей, занимающихся частным извозом, отделился мужчина весьма недурной внешности, и предложил свои услуги, не требуя высокую цену за поездку.

Но Клейменова отрицательно мотнула головой, крепче сжала ладошку Ванечки, который сегодня был непривычно молчалив, и пошла к стоянке такси.

Всю дорогу водитель болтал без умолку, рассказывая о пассажирах, с которыми ему пришлось общаться, потом перешел к невероятным жизненным историям.

- Вот давеча был случай - в аэропорту труп пропал, - придушенным голосом сообщил он, вырывая Людмилу из собственных мыслей о светлом будущем.

- Как пропал? – удивилась она, любовно приглаживая вихры на голове сына.

- А ты не слышала? – в свою очередь поинтересовался мужчина, решив, что об инциденте обязан знать весь огромный город.

- Я в Москве была, - пояснила девушка и недовольно скривилась. Обида на отца и его супругу накрепко засела внутри, наскоро присыпанная искусственной радостью.

- Так ты ничего не знаешь?! – обрадовался водитель, в салоне которого оказалась пассажирка, не посвященная в события последних дней. – В аэропорту один мужик окочурился прямо на трапе. Сначала решили, что он просто потерял сознание, рейс задержали, вызвали врача, а тот и объявил его умершим. Уложили тело на каталку, приставили к нему полицейского, чтобы тот передал его санитарам, которые перевезут мужика в морг. Причину смерти-то установить надо... Полицейский отлучился на время по естественной надобности, а труп возьми да и скройся.

- Что значит скройся? – вздрогнула Людмила, у которой от возбуждения зачесалась голова. Она взлохматила волосы, чтобы хоть как-то унять зуд и не выглядеть педикулезной больной. У нее подобное чесоточное состояние на нервной почве случалось постоянно.

- А черт его знает, - передернул широкими плечами мужчина, - то ли упер кто, то ли сам убег.

- Но он был мертв, одна женщина пульс на сонной артерии проверяла и зеркальце ко рту подносила, чтобы удостовериться, дышит он или нет.

- А ты откуда знаешь?

- Я тем рейсом летела. Этот... мужчина шел позади меня, разговаривал с одной из пассажирок и выглядел вполне здоровым. И вдруг неожиданно рухнул без чувств. Я поначалу тоже подумала, что он потерял сознание. Хотя и наступил вечер, но солнце палило немилосердно, жара была жуткая, а на пострадавшем был надет костюм. Любому в такой одежде дурно станет.

- Дела-а-а, - протянул водитель. – Наши ребята промеж собой версии высказывают, - доверительно сообщил он, переходя на шепот. Люсе пришлось придвинуться ближе, чтобы расслышать мужчину. - Говорят, он состоял в бандитской группировке и перевозил большую сумму денег. Ты ничего подозрительного не заметила?

- При нем был кожаный кейс, - вспомнила Клейменова, - он не выпускал его из рук. Сидел на скамье в зале ожидания и даже рядом не ставил, на коленях держал, положив на кейс две ладони. Только время от времени отрывал руки, чтобы поддержать рукав пиджака и взглянуть на часы.

- А ты с ним не разговаривала? Может, сболтнул что-то?

- Мы с ним столкнулись перед входом в здание аэропорта. Ваня капризничал, боялся лететь, Герман предложил помощь. Я хотела обменять свой багаж на его кейс, но он

воспротивился, причем довольно в резкой форме. Я еще подумала, что он везет ценности и не хочет передавать кейс незнакомым людям.

- Так его Герман зовут? Звали, - поправился мужчина.

- Герман Клуни, я фамилию узнала, когда полицейский его паспорт проверял. Он долго сличал стоящего перед ним пассажира с фотографией в паспорте, будто сомневался. А Герман усмехнулся и говорит: «Да, я, это, я, не сомневайтесь! Герман Борисович Клуни!»

- Слушай, а когда он упал на трапе, крови, случайно, не было?

- Это вы к тому клоните, что его могли убить? – догадалась Клейменова и резко затрясла головой, - нет, крови не было. Никто в него не стрелял, врач сказал, что, скорее всего, он умер от сердечного приступа.

- Не думаю, что в него решили палить при большом скоплении людей, это я так спросил. – с деловым видом произнес водитель. - Если хотели забрать кейс, то забрали бы по дороге в аэропорт. В людном месте у них шансов не было. После смерти его багаж оказался у полицейских?

- Да, - односложно ответила женщина.

- А ты не заметила, кто-нибудь обращал на Германа чрезмерное внимание? Может, кто-то вертелся неподалеку, прислушивался к разговору. Или он сидел в гордом одиночестве и ни с кем не разговаривал?

- Разговаривал. Сначала со мной, потом пересел к одной пассажирке, которая привлекла его внимание?

- Небось, красавица?

- В том-то и дело, что... не красавица. – Люська постаралась смягчить характеристику несостоявшейся сопернице. – А больше кажется никто... Или... Знаете, когда мы сидели рядом, на нас все время косился один неприятный субъект. Амбал в наколках. Я сначала решила, что он мною заинтересовался...

- И не мудрено, ты очень симпатичная, - перебил ее водитель, бросив взгляд за спину. – И что было потом?

- Потом оказалось, что его внимание привлек Герман Клуни. Я это поняла, когда он пересел к той девушке. Амбал в наколках отвернулся от меня и стал наблюдать за ними.

- А Герман не заметил, что за ним следят?

- На слежку это не было похоже. Тот мужчина сидел неподалеку, не таился. А Клуни не обращал на него внимание. Или делал вид, что не замечает пристального интереса. Но амбал прямо сверлил его взглядом.

- А это неприятный субъект в наколках полетел с вами тем рейсом или после смерти Германа резко передумал?

- Летел, еще сидел от меня через проход и пытался заигрывать с той девушкой, к которой пересел Герман. У них места оказались рядом.

- А о чем они разговаривали?

- А вы случайно в полиции не служили? – хмыкнула Клейменова.

- Я из любопытства интересуюсь. Хочется понять, что произошло с парнем? А то все вокруг судачат, а правды никто не знает. И не узнает. Разве полиция расскажет о результатах расследования.

- Желаете похвастать перед коллегами сведениями, полученными из первоисточника?

- А почему бы нет?

- Да, мне и рассказать нечего. Амбал сначала отвечивал ей грубые комплименты, потом понял, что ему здесь ничего не отломится, поел, выпил водки и захрапел. А девица не произнесла ни звука. Весь перелет до Москвы смотрела в иллюминатор. Мне показалось, что она не любит облаками, а погружена в свои мысли. Девушка была очень грустной... Ой, мамочки! – заверещала не своим голосом Люська, напугав одновременно

и задремавшего сынишку и любопытного водителя. - Остановите! Слышите меня? Немедленно остановите!

- Ты чего, милая? – удивился водитель. – Я не могу здесь припарковаться, стоянка запрещена, сейчас немного протяну...

- Неужели это он? – испуганно пробормотала девушка. Сначала она смотрела в боковое стекло, затем извернулась и стала смотреть в заднее стекло, пытаясь разглядеть человека у входа в торговый центр, мимо которого они проезжали.

- Кого ты там увидела? Привидение? – спросил мужчина, выбирая место для парковки.

- Точно, привидение, - быстро согласилась Людмила, стараясь открыть дверь еще едущего автомобиля. – Знаете, кто это был? Это бы Герман Клунин!

- К...который того? Который исчез и умер? – поперхнулся он.

- Сначала умер, а потом исчез, - автоматически поправила его Клейменова, пытаясь выскочить на ходу.

- Да, подожди ты, торопыга! Еще пара секунд и ты окажешься на воле, - разозлился водитель. – Может, это вовсе не он, а ты на ходу выпрыгиваешь.

- Лица я не видела, но мне показалось... Нет, не показалось, это точно он! Таких особенных людей узнаешь из тысячи.

- Выходит, очухался покойничек и дал деру?.. – хмыкнул мужчина, но сразу посерьезнел.

– И что нам теперь делать?

Люся не ответила, она выскочила из такси, уже рванула к торговому центру, но быстро повернула назад. В салоне сидел ее сын, оставлять которого на попечение чужого человека она не могла, и лететь к особенному человеку уже не было смысла: Герман бесследно исчез, причем во второй раз. Но для этого ему не понадобились хитрые уловки.

Клейменова вернулась на свое место и, хотя, была уверена в своей правоте, заявила.

- Обозналась! Увы, но это не Герман Клунин, хотя, очень похож.

- Ты уверена? – напряженным голосом спросил водитель. Она кивнула. – Жаль, вот бы я нашим ребятам нос утер!

У Людмилы родилась идея. Она знает номер мобильного телефона Клунина. Как только окажется дома, сразу ему позвонит и скажет: Здорово ты всех разыграл? Я бы так не смогла. Поделись опытом.

Но по приезду она заметила, что Ванечка непривычно вял. Заботливая мать смерила ему температуру и ужаснулась: тридцать восемь и четыре. Она сразу вызвала врача, который заявил, что на малыша подействовала перемена климата. Дал лекарство и ушел, пообещав, что завтра мальчик будет здоров.

Пришлось отложить звонок Клунину на следующий день...

- Ну, вы видели эту начальницу ЖКХ? – разозлился Прилуков, выходя из подъезда дома, где жила Элоиза Клунина.

- Почему начальницу ЖКХ? - удивленно вскинул брови Терещенко.

- Потому что управы на нее нет! Она ведет себя так, словно одолжение нам делает. Будто не стремится найти сыночка-разгильдяя, а умышленно вставляет нам «палки в колеса»! – Тимка забыл о данном себе обещании. Возмущение бурлило в нем и лезло наружу, как шампанское из бутылки, которую намеренно потрясли перед вскрытием.

- Эх, молодость! – с осуждением произнес Спиридон, поздно опомнился, мысленно произнес цифру тридцать шесть, словно это был код, возвращающий его в истинный возраст, и пожурил себя за очередное возмущение в адрес молодежи. Постарался убрать из голоса нравоучительные нотки и продолжил. – Не переживай, Тимофей, с опытом всё придет, ты перестанешь так остро реагировать на поведение людей, которые не желают оказывать помощь следствию, несмотря на то, что заинтересованы в скорейшем раскрытии. Не спорю, поведение писательницы вызывает недоумение, но надо то малое, что она соизволила из себя выдавить, делить на два. Убрать ее негодование по поводу

нашего бездействия и непрофессионализма, отбросить возмущение нашим некорректным вмешательством в ее личную жизнь, которая, якобы, не имеет никакого отношения к расследованию, а в итоге что останется?

- Что?

- Остается следующее: фотопортрет девушки Элоиза видит впервые, но его нахождение в альбоме ее сына среди фотографий ее напрягло, из чего можно предположить: Герману не чуждо ввязываться в сомнительные делишки, из которых ей приходилось не раз его вытягивать. Женщина напряглась, но вскоре вздохнула с облегчением. Вывод: появившаяся в альбоме фотография незнакомки подтвердила ее предположение, что легкомысленный сыночек жив и скрылся намеренно. Ввязался в очередную авантюру и умело разыграл комедию в аэропорту, надеясь на свои актерские способности и на некомпетентность айболита, то есть на авось. Чего греха таить, бывают врачи грамотные, бывают полные бездари, бывают замотанные жизнью люди, которые халатно относятся к своим обязанностям, сосредотачиваясь на собственных неразрешенных проблемах.

- Спиридон Яковлевич, я окончательно запутался! - взвыл Прилуков и затряс головой, будто путаница сидела в ней, а энергичные подергивания могли распутать клубок. - Ответьте мне прямо: Клунин жив или мертв?

- Мертв, и я в этом уверен, но Элоиза так не считает. И нам это на руку. Сейчас она начнет усиленно разыскивать сына и приведет к людям, которые участвуют в его сомнительных играх.

- Но Клунина не в курсе дел Германа, она погружена в свои романы.

- Так мы и поверили! В личную жизнь она не вмешивается, в это я еще поверю, делает вид, что не интересуется его бизнесом, хотя, ювелирный магазин «Мерц» всё же принадлежит ей, а Герман был управляющим. Об этом мало кто знал, они оба и службы, которым положено это знать. Мать предоставила сыну полную свободу действий, надеясь, что он возьмется за ум, иначе потеряет последний источник дохода. По всей видимости, доход был так себе, не та величина, чтобы жить припеваючи, поэтому мальчику пришлось искать иные источники, даже криминальные.

- Купля краденым? – подобрался Прилуков.

- И купля краденым тоже. Герман мог иметь знакомства среди богатых коллекционеров раритетных ювелирных изделий и быть посредником между ними и людьми, промышляющими музейным воровством... Но это пока мои предположения.

- Интуиция подсказывает?

Терещенко хмыкнул и не ответил.

- Хорошо, что Элоиза снизошла и сказала, что за парень постоянно мелькает рядом с ее сыном на фотографиях. – вспомнил Тимофей, стараясь сгладить оплошность по отношению к начальству.

- Мы бы и без нее узнали. Я устал от пустых разговоров, она уловила мое неудовольствие, после чего я намеренно спросил о парне с фотографии. Спросил и получил четкий ответ. Элоиза догадалась, что «перегнула палку» и попыталась исправиться. Тем более вопрос не таил подводных камней. Женщина была рада отклониться от скользкой темы о художнике.

- Клунина врет и не краснеет! Видите ли Эдвард Забалуев для нее лишь знакомый, который вызвался написать ее портрет. А почему приходит ближе к ночи, так у него заказов по горло, в другое время он не может, но ради нее жертвует своим отдыхом, - писклявым голосом произнес лейтенант, стараясь пародировать писательницу.

- Дели на два! – напомнил майор, – раз принесена жертва, значит, есть чувства! Есть чувства, есть отношения.

- И опять же, позировать можно было в той квартире, где постоянно проживает писательница, а не скрываться в... в любовном гнездышке, - выдал Тимка.

- Всех соседей не убедишь, что по ночам Элоиза позирует художнику, а не предается страсти, - заметил Терещенко, - это я о подрыве репутации положительной во всех отношениях женщины. Но в любом случае мы должны найти подтверждение, что существует связь между Элоизой Клуниной и Эдуардом Забалуевым и не существовало связи между Германом Клуниным и Забалуевым. Художник вертится в богемных кругах, мог свести Германа с нужными людьми, а через сына познакомиться с матерью.
- И я должен установить эту связь или ее опровергнуть, - догадался Прилуков.
- Молодец! – похвалил лейтенанта майор и хлопнул по плечу. – И надо начать с Павла Маруськина, школьного приятеля Германа. Иногда друзья, с которыми встречаешься от силы раз в два года, знают о тебе больше, чем близкие люди, с которыми общаешься каждый день.
- Я возвращаюсь в отдел, уточняю адрес Маруськина и еду к нему. А вы куда?
- Парой мы больше ходить не будем, - огорошил Тимофея Спиридон Яковлевич.
- Но как же так, товарищ майор? Я же пока стажер, за мной нужен глаза да глаз.
- Ты что-то можешь сделать самостоятельно?
- Могу, но у меня принцип, как у врача: Не навреди!
- Вот и не навреди, - усмехнулся Терещенко. – Учись отвечать за свои дела.
- Тогда я поехал в отдел? А вы?
- А я сметаюсь в аэропорт. Хочу ознакомиться со списком пассажиров злополучного рейса 3401: Ростов – Москва.
- Можно...
- Нельзя! – отрезал Спиридон Яковлевич, и не надо делать несчастное лицо!
В это время в портфеле Терещенко зазвонил мобильный телефон.
- Это мобильник Германа, - еле слышно сказал майор, будто абонент мог его услышать. Он быстро достал из потертого портфеля громко воющий телефон и всмотрелся в дисплей.
- Высветился только номер, без имени и фамилии.
- Наверное, кто-то ошибся номером, - предположил Прилуков, склоняясь над чужим мобильником.
- Слушаю, - бодро буркнул в трубку Спиридон.
На том конце молчали, будто сравнивали услышанный голос с голосом хозяина телефона. Наконец, снизошли до ответа.
- Привет, Герман, - произнес тягучий женский голос, принятый называть сексуальным. – Это Людмила, мы с тобой познакомились в аэропорту. Помнишь меня?
- Да, - выдохнул мужчина.
- Я тебя видела вчера у торгового центра. Здорово ты всех разыграл, я бы так не смогла. Я хочу поступать в театральный институт, не хочешь дать мне пару уроков?
Прохожие с любопытством поглядывали на двух мужчин, на лице которых отразилось зашкаливающее изумление. Сногсшибательная новость пришла из телефона, который один из участников держал в руке, а другой приложил ухо с обратной стороны. И видимо удачно, потому как услышал то, что предназначалось первому.
- Терещенко быстро пришел в себя.
- Девушка, с вами говорит старший уполномоченный майор полиции Терещенко. У меня к вам есть несколько вопросов. Скажите, как вас зовут и куда мне подъехать?
Девушка по имени Людмила не решилась отключиться, зная, что вездесущая полиция ее найдет в любом случае, но и вступить в диалог не спешила.
- Мне повторить вопрос? – голосом со звенящей сталью спросил майор.
Людмила Клейменова назвал адрес.
- Она его видела! – обалдел лейтенант, внутренне ликуя: всё же его предположение подтвердилось.

- Могла обознаться, - без особой уверенности произнес Спиридон, чем еще больше порадовал подчиненного.

- Я поеду с вами! – тоном, не терпящим возражением, заявил Тимофей.

- Это я с тобой, ты же на машине. Чем скорее мы всё выясним, тем лучше.

- Наконец, появился просвет в этом деле, - с оттенком гордости заявил Прилуков, поворачивая ключ зажигания.

А еще говорят: молодо-зелено, - подумал он, - у некоторых профессионалов так глаз «замылился», что они не видят очевидных фактов.

Но радужно-боевой настрой пошел на спад, едва Терещенко спросил, как продвигается работа по выяснению личностей абонентов из мобильного Клунина и установлено ли его последнее пристанище, о чем он напоминал ежедневно, будто Прилуков целыми днями только и делал, что прочесывал город на предмет обнаружения съемной квартиры покойного.

И надо же было позвонить этой Клейменовой! – мысленно возмутился Тимка, который еще пять минут назад радовался этому звонку.

- А ведь в протоколе имелась фамилия этой девушки по имени Людмила, - «перевел он рельсы» с опасной темы.

- Я задал тебе конкретный вопрос и требую конкретного ответа.

- Я работаю, работаю, товарищ майор. Когда будет что-то достойное внимания, то я доложу, - отрывисто произнес лейтенант...

Люся не пригласила полицейских в квартиру, предложила спуститься во двор, так как в это время она обычно гуляет с сыном.

Мальчуган стоял в прихожей в полной боевой готовности и исподлобья поглядывал на двух серьезных мужчин, которые могли помешать его планам. Когда мать взяла его за руку и вывела в подъезд, он повеселел и даже приветливо улыбнулся, вызвав ответную реакцию у Прилукова, который ему задорно подмигнул.

Они спустились на лифте вниз и расположились на скамейке. Малыш присоединился к друзьям, копошащимся в песочнице.

Людмила начала рассказ со встречи с Клуниным в аэропорту, уделила особое внимание его заботливому отношению к ней и к сыну, не забыла про амбала в наколках, которого заинтересовал Герман, вскользь помянула худосочную девицу, и грустным голосом поведала о внезапном падении и последующей за ним констатацией смерти.

- Как я понял, вы вчера видели человека похожего на Германа Клунина? В котором часу это было? - спросил Терещенко, приготовившись делать записи в блокноте.

- Я была уверена, что это он, Герман, но раз мобильный телефон оказался у вас...

- Телефон изъявили вместе с вещами в аэропорту.

- А Герман, правда, исчез? Или это городские сплетни?

- Тело Клунина пропало, и мы пока не можем его найти, - подтвердил лейтенант, которому приглянулась симпатичная девушка. Он приосанился и попытался примерить на себя начальственный образ.

- Так всё же, в каком часу вы видели мужчину похожего на Клунина?

- Приблизительно от семи до восьми вечера, ближе к восьми. Самолет приземлился в восемнадцать двадцать, пока нас выпустили, пока я получила багаж, пока нашла такси. Поездка до торгового центра заняла какое-то время.

- Этот мужчина входил или разговаривал с кем-то у входа?

- Если бы он входил, а не успела его заметить, - поумничала Люська. – Герман... или человек, похожий на него, стоял сбоку от входа и разговаривал с каким-то мужчиной. Когда я выскочила из такси, ни того, ни другого уже не было. Они, как сквозь землю провалились.

- Вы не рассмотрели собеседника этого человека? – Терещенко намеренно не стал уточнять, какого человека. Клейменовой не нравилось, что ее постоянно хотят убедить, что Клунин мертв, майор не стал лишним раз ее нервировать, чтобы получить рассудительные ответы на вопросы. Он догадался, что она натура впечатлительная, раздражительная и эмоциональная.

- Я успела его рассмотреть, он стоял ко мне лицом, а... Герман спиной, но когда он на несколько секунд отвернулся от собеседника, я увидела его профиль, и сразу поняла, что это Герман Клунин. – девушка снова переключилась на исчезнувшего в аэропорту знакомого, проигнорировав вопрос майора.

- Неужели успели его рассмотреть за несколько секунд? – насмешливо хмыкнул Прилуков, который не догадался, что при этой молодой женщине свои эмоции надо оставлять при себе.

- Представьте себе! – фыркнула она. Хотела сказать, что Герман особенный мужчина, ни на кого не похожий, в отличие от некоторых умников с большими ушами и лицом, обсыпанным веснушками. Хотела добавить, что часто вспоминала встречу в аэропорту с обаятельной женщиной, но это не значит, что он мерещится ей в каждом встречном. Но не стала вступать в полемику, совладала с негативными эмоциями и сосредоточилась на старшем по званию, который вызывал у нее большее уважение своим вниманием и деловитостью, чем несолидный мальчик. Сразу видно, майор - птица высокого полета, легко доберется до вершины власти без чужой помощи благодаря своему уму и преданности службе. - с уважением подумала Людмила.

Спиридон смутился под взглядом свидетельницы, которая рассматривала его с явным интересом. Впервые подумал о приобретении новой одежды и обуви. Удобство это хорошо, но люди встречают по одежке, об уме не всегда выносят правильное мнение. Своим видом я вызываю пренебрежение, если ни неуважение. Но это играет мне на руку: человек расслабляется, он считает, что такого неотесанного мужика «от сохи» с ограниченными умственными способностями легко обвести вокруг пальца. И ошибается. Но в некоторых случаях я должен быть одет пусть не модно и изыскано, но более презентабельно. И одежда должна соответствовать должности, возрасту и не отвлекать внимание окружающих.

- У вас еще есть ко мне вопросы? – спросила Клейменова, стараясь увидеть, что записывает в блокноте полицейский. Но видела одни нестройные каракули.

- А вы куда-то спешите? – опередил начальника лейтенант, – вы забыли рассказать о собеседнике Клунина! – напомнил он с вызовом. Ему не понравился пристальный интерес Людмилы к майору, который, судя по странному поведению, смутился под ее взглядом и позабыл, зачем они к ней пришли.

- Разве? – удивилась она. - Мужчина, как мужчина. Лет пятидесяти, среднего роста, нос картошкой, глаза глубоко посажены, мордастый, тучный. Постоянно вытирал пот с лица. На улице было очень душно, как в сауне, а у него избыток веса. Одет в светлую шведку и светлые широкие брюки... Да, еще у него были глубокие залысины.

- За несколько минут успели его так хорошо рассмотреть? – недоверчиво протянул Тимофей.

Люська смерила его убийственным взглядом и сказала, обращаясь к Терещенко.

- Извините, но мне надо сына кормить обедом и укладывать спать.

- Мы вас надолго не задержим, - успокоил майор, отрываясь от блокнота. - Опишите нам девушку, которая привлекла внимание пострадавшего.

Клейменова достаточно точно описала соперницу, исключив пренебрежительные нотки.

- Значит, ей приблизительно от двадцати пяти до тридцати лет? – уточнил он. Возраст поможет ему отыскать девушку в списке пассажиров.

- Где-то так... И еще я слышала, что Герман называл ее Жанной, - вспомнила Людмила, хотя, до этого ей на ум ни разу не пришло имя этой невзрачной девицы.

- А вам не показалось, что Клунин был с ней знаком раньше?
- Когда он к ней подсел, я особой радости от встречи на ее лице не заметила.
- Может быть, они расстались не совсем хорошо, и в ее душе еще осталась обида, - предположил Тимофей.
- Нет, она смотрела на него без эмоций. Если бы у них были отношения и закончились, то она смотрела враждебно или радостно с долей надежды, а Жанна смотрела так, как смотрит замужняя женщина, у которой ревнивый супруг.
- Это как?
- Затравленно и испуганно. Мне показалось, что эта Жанна, вообще, не от мира сего. Или всё гораздо проще – ее бросил муж, и теперь она от всех мужчин шарахается, как от чумы. Любой другой на ее месте польстило бы внимание такого мужчины, как Герман, а она уставилась в одну точку, погрузилась в свои мысли, особо не прислушиваясь к тому, что он ей говорит.
- Такое безразличие не охладило Клунина?
- В том-то и дело, что нет! – возмутилась Люська, – напротив, ее поведение его еще больше раззадорило. Он как прилип к ней, так не отлипал всё время до посадки. Всё говорил, говорил, а она молчала и в его сторону даже не смотрела. Ой, вру, один раз покосилась на Германа с таким недовольством, что другой на его месте развернулся и ушел. А он еще больше заулыбался, будто хотел таким образом сгладить неловкость. Но она только презрительно скривилась и отодвинулась от него настолько, насколько это было возможно. С другой стороны сидел пожилой мужчина, очень симпатичный на вид и, по всей видимости, обожает детей: он быстро подружился с Ванечкой, а когда у его машинки отломалось колесо, то мигом починил. Мужчина угостил его конфетой. Я не разрешаю сыну что-либо брать у незнакомых людей. Прежде чем взять конфету он посмотрел на меня, я кивнула.
- Значит, пожилой мужчина сидел рядом с Жанной и Германом?
- Рядом. Он мог слышать их разговор.
- Молодые люди вместе поднимались по трапу?
- Я же говорю, Клунин к ней как прилип, так и не отлипал до посадки.
- И как Жанна отреагировала на его смерть?
- Особых эмоций это у нее не вызвало. Только побледнела еще сильнее. Я подумала, что в обморок упадет, но нет. Достала из сумки влажную салфетку, обтерла лицо и ничего, живехонькая, в отличие от Германа. – голос Клейменовой дрогнул. Полицейские догадались, что Клунин оставил след в сердце девушки. – Скажите, - Люся помялась, - скажите, а он, правда, умер?
- На девяносто девять процентов, - ответил майор, а лейтенант удивленно вскинул брови: однако Спиридон Яковлевич оставил один процент. Тот заметил и пояснил, – дежуривший в тот день врач в медпункте аэропорта весьма компетентный человек, но я оставил задел для ошибки. От ошибок никто не застрахован, даже специалист высокого уровня.
- Вы могли бы мне сообщить о результатах ваших поисков? – попросила Клейменова, обращаясь теперь к Прилукову, который смотрел на нее с сочувствием и интересом. Чего не скажешь о Терещенко, который остался безучастным к ее красоте, только всё время смущался и отводил глаза. Или это не смущение, а сдерживаемое недовольство? Чтобы не выказать его, он старается сосредоточиться на допросе и не отрывает глаз от своего блокнота.
- На ее вопрос Тимофей ответил кивком и подумал, что звонок будет поводом для продолжения знакомства. И чем скорее они найдут тело Клунина, тем лучше.
- Терещенко не собирался уходить, он с интересом рассматривал сына Клейменовой.
- Значит, пожилой мужчина угощал Ваню конфетой, - с трагизмом в голосе заключил он.
- Да, пожилой мужчина, но не Герман, - подтвердила она.

- Вы рассказывали полицейскому в аэропорту, что не видели, чтобы Клунин глотал таблетки, пил воду?

- Он выглядел совершенно здоровым человеком! Поэтому я сразу не поняла, почему он свалился на трапе. Мало ли... Люди и на ровном месте падают.

- А кого еще пожилой мужчина угощал конфетой? – неожиданно вмешался Прилуков. Оба, и Терещенко, и Клейменова, посмотрели на него, как на недоразвитого.

- Кажется, Жанну угощал. Она сидела такая понурая, что ему, наверное, стало ее жаль.

- Может, и Клунину стало ее жаль? – поинтересовался Спиридон Яковлевич.

- Герман не походил на заботливого, чуткого и добросердечного человека, больше на эгоиста, который извлекает выгоду из любого нового знакомства, - подумав, ответила Люся, которой очень понравилась собственная формулировка. Честно признаться, она ее позаимствовала у героини любимого сериала, которая жутко переживала очередное расставание с бой-френдом. Он то исчезал, то вновь возвращался, а девушка страдала, ждала, встречала с распростертыми объятиями. Ее фраза так понравилась Люське, что она записала ее слово в слово, а потом заучила наизусть. Как знала, что пригодится...

Полицейские попрощались с Людмилой. Лейтенант хотел перейти к восторженным характеристикам наблюдательной девушки, но майор был не склонен к лирике, он отправил его в торговый центр, чтобы проверить камеру наружного наблюдения у входа. Камера должна была зафиксировать человека, похожего на Клунина, а заодно и его собеседника, через которого можно выйти на двойника. Возможно, это обычный покупатель, а возможно, он работает в этом торговом центре. По странному стечению обстоятельств, именно в нем находился ювелирный салон «Мерц», который принадлежал Элоизе Клуниной.

Прилуков замешкался у автомобиля, не спуская глаз с Клейменовой, которая осталась сидеть на скамейке и домой не спешила, хотя, ранее утверждала обратное, но его внимание перехватил Терещенко, который минуту назад наотрез отказался от его услуг в качестве извозчика. Тимка думал, что начальник уже на пути к остановке общественного транспорта, и спокойно любовался Людмилой, но тот и не думал уходить, проследил на его взглядом, намеренно загородил своей долговязой фигурой девушку на скамейке, и напомнил, что следующим пунктом он обязан отправиться к Павлу Маруськину, школьному приятелю Клунина. И не забывать работать по списку абонентов из мобильного телефона и поиску съемной квартиры.

- Я помню, - без радости произнес лейтенант и шепотом добавил вслед удаляющейся спине майора, - Вот пристал! Ну, никакой личной жизни.

Едва он это произнес его мобильник, установленный на режим вибровызова, запрыгал на панели автомобиля.

Разговаривать с Катей у него не было желания. Его интерес к ней, первоначально принятый за любовь, быстро улетучивался после встречи с Людмилой Клейменовой. Прилукова не пугало наличие у нее малолетнего сынишки. Мальчик ему сразу понравился, как и его мать – слегка вздорная особа, которая под конец разговора снизошла до обращения к нему. До этого она его игнорировала, будто была наедине с майором.

Тимофей не решился сбросить вызов. Но не стал слушать девушку своей бывшей мечты и быстро протараторил.

- Я занят, перезвоню позже.

И сразу отключился, словно боялся услышать голос Катерины.

А еще недавно он так мучился от безответной любви... Неужели он остался легкомысленным мальчиком, которому не важны чувства, а важен процесс борьбы за девушку. Едва та сдалась, ему она стала безразлична.

Возраст здесь ни при чем, - постарался мысленно переубедить себя Прилуков. – В любом возрасте человек может ошибаться, принимать любовь за увлечение... Но как любит

говорить мой уважаемый начальник: сейчас не время для лирики! Пора, мой друг, пора, вершить серьезные дела!

Последняя складная фраза уже была не «из Терещенко» и родилась спонтанно...

Клейменова исподтишка наблюдала за лейтенантом, который топтался у своего автомобиля. Ей хотелось, чтобы он вернулся. И не потому, что ей понравился этот лопоухий парень, ей хотелось выговориться, а он мог отказаться от своей привычки перебивать и иронизировать. К концу допроса она это поняла.

Майор оставил один процент надежды. Совсем капельку, но она, надежда на то, что Герман жив, осталась. Или всё же не стоит обольщаться на его счет? Не надо забывать, что Клунин легко расстался с ней и пересел к другой девушке.

Не тот человек Герман, ради которого надо отказаться от всего и жить одной мечтой на его воскрешение и возвращение, - подумала Люська. – Одним словом – ненадежный мужчина. И с чего я взяла, что Клунин будет принадлежать мне? Всего лишь мимолетное знакомство в аэропорту, ни к чему не обязывающее.

Она мысленно поставила рядом Германа и майора Терещенко и улыбнулась: это все равно, что сравнивать зиму и лето. А кто из них зима, а кто лето? – задумалась Клейменова. – Наверное, Герман – зима, а Спиридон Яковлевич – лето. Это касается душевных качеств. Если судить по внешности, то легкий и улыбчивый Герман – лето, а «металлический» Спиридон – зима.

Неопрятный майор Терещенко на первый взгляд показался ей жестким человеком, недаром возле губ видны глубокие складки. И слова он произносит отрывисто, будто топором рубит. А взгляд колючий-колючий. Не глаза, а два острых шила. Но это на первый взгляд. На самом деле майор – человек добрый и симпатичный, просто хочет казаться другим, а причина кроется в профессии.

Люська подумала о его супруге, которая позволяет ходить мужу в обносках. Ей нет до него дела или она сама замухрышка, - решила девушка. – Если бы я была его женой, то он щеголял бы у меня в модных джинсах, удобных туфлях, приятной телу рубашке-поло. Всё зависит от женщины, - философски рассудила она и переключилась на рыжего лейтенанта. – Детский сад, штаны на лямках, - поставила она «диагноз», - в полиции без году неделя, а изображает из себя генерала. А смотрел-то на меня, смотрел! Прямо не смотрел, а поедал глазами. Сколько ему лет? Не иначе мой ровесник. У меня уже есть сын, а этот лейтенант все в охи-ахи играет.

Людмиле стало жаль себя до слез. Вот они с Тимофеем ровесники, он еще молод и полон планов, а она похожа на зрелую женщину, прожившую целую жизнь. Она ругает прошлое, ее бесит безрадостное настоящее, от будущего она ничего хорошего не ждет.

А почему в двадцать три года ее всё раздражает? Потому что нет любви? Нет надежды? Есть одно тупое желание выйти замуж за олигарха, которое она искусно прячет. А зачем она олигарху, тем более с ребенком? Что она из себя представляет? Не модель на длинных ногах и не девушка, способная поразить искрометным умом. Надо признать, что желание выйти замуж за олигарха, медленно уходит. Ему на смену приходит желание найти достойного спутника жизни, который станет ей хорошим мужем, а Ванечке – хорошим отцом.

Воспоминания снова уплыли в тот день, когда она встретила Германа. Подкупило джентльменское отношение к ней, забота о сыне, но зачем себя обманывать – сразу было видно, что он донжуан, у него таких Людмил в каждом городе десятков. А Клейменовой такой муж не нужен. Она хочет доверять своему мужчине, а не мучиться от ревности и гадать – где он и с кем?

Вот майору Терещенко можно доверять. И не потому, что он неухожен, плохо выбрит и несексуально лыс, открывая миру некрасивой формы черепушку, и как следствие никому не нужен. Такой человек никогда не предаст. В этом Люська была уверена.

Она снова вернулась к размышлениям о роли жены в создании образа мужа. Воображаемый живой манекен был собирательным образом из Клунина, Терещенко, Прилукова и... Михаила – отца ее сына. С какой стати он пришел на ум? Люська давно о нем не вспоминала. И зачем ей беречь душу воспоминаниями о предателе и трусе?

Мой сын будет его полной противоположностью, я приложу для этого все силы, – успокоила себя молодая мать и погрузилась в чтение книги, на обложке которой было написано: Лев Толстой «Анна Каренина».

Ванюшка в это время с увлечением нагружал лопатой песок в кузов игрушечного грузовичка.

Мать отрывалась от чтения и поглядывала на него. Сосредоточиться на чтении мешал майор Терещенко. Или для самообразования надо было взять что-нибудь полегче для восприятия? Не Льва Толстого. А то мысль постоянно соскальзывает в сторону.

Интересно, я ему понравилась? – вопрошала себя Людмила и неожиданно не давала привычный в таких случаях положительный ответ...

А Терещенко в это время уже сидел в помещении линейного ОВД аэропорта и изучал списки пассажиров. На его счастье девушка по имени Жанна в этом списке оказалась одна. Она носила фамилию Гоголева. Майор записал данные в блокнот, но на этом не успокоился. Стал внимательно перечитывать список пассажиров рейса 3401. И тут его взгляд остановился на знакомой фамилии: Криворучко Виктор Анатольевич, больше известный по кличке Кривой, правая рука криминального авторитета Лени Косолапого по кличке Лапа.

Не о нем ли говорила Людмила Клейменова, называя его амбалом в наколках? – подумал Спиридон.

Хуже дело обстояло с пожилым мужчиной, который мог быть свидетелем разговора Жанны Гоголевой и Германа Клунина. Для молоденькой Людмилы и сорокалетние мужчины кажутся пенсионерами. Установить возрастные границы она затруднилась, поэтому весь груз ответственности Терещенко взял на себя. Он решил выписать всех мужчин, начиная с пятидесятилетнего возраста и далее. Билеты на самолет стоили почти так же, как и билеты на поезд, цена на которые за последнее время значительно выросла, но малообеспеченные жители города, к коим принадлежали пенсионеры, предпочитали все же поезда. То ли по причине подорванного здоровья, то ли из боязни. В связи с чем, среди ста двадцати пяти пассажиров подходящих кандидатур оказалось шестеро. Майор аккуратно выписал их в блокнот, сунул блокнот в портфель и направился в медико-санитарную службу.

Врач, осматривающий тело Клунина, сегодня не дежурил, но его коллега был в курсе дела и излишне нервно стал его защищать. Майор подумал о врачебной солидарности, сказал, что не подозревает медика в непрофессионализме, с составленными по всей форме бумагами он ознакомился у следователя.

- Так чего же вы хотите? – задал резонный вопрос дежурный врач, немного успокаиваясь.

- Хотел кое-что уточнить, - пространно ответил Терещенко.

- Если вы намекаете на то, что потерпевшего могли отравить, то могу вас заверить – никаких симптомов, подтверждающих смерть от отравления, не было. В отчете моего коллеги всё отражено.

Отчет отчетом, а сомнения всегда присутствуют. – мысленно заключил Спиридон Яковлевич, поблагодарил нервного доктора и вышел на свежий воздух, который свежим можно было назвать с большой натяжкой. На улице стояла привычная духота. Судя по сгустившимся свинцовым тучам, назревала гроза. Сорочка Терещенко мигом прилипла к спине, он представил, как впихивается в жаркий салон маршрутного такси или автобуса и ему стало еще жарче. Спиридон достал из кармана мятый носовой платок и обтер лысину и лицо. Подумал и решил позвонить следователю Кошечкину. Доложил последние новости, и сообщил, что у него есть человек в группировке Лени Косолапого, который

узнает, что делал Кривой в Москве? А заодно, между делом, заведет с ним разговор о происшествии в аэропорту, случившемся с одним из пассажиров, ведь Кривой мог стать свидетелем. Терещенко не преминул спросить об Элоизе Георгиевне. Он почувствовал, как Иван Аркадьевич скривился, как от зубной боли, при упоминании этой грозной женщины, но совладал с эмоциями и сказал.

- Сидит дома и носа на улицу не кажет. Продукты приносит домработница, которая приходит два раза в неделю. Своему художнику Элоиза позвонила и сказала, что работа над ее портретом переносится на неопределенный срок. Она сейчас очень занята, поджимают сроки сдачи в редакцию очередного шедевра. Забалуев отреагировал спокойно, пожелал ей удачи и сказал, что будет ждать звонка.

- Спугнули мы птичек, - заметил Терещенко, который особо не надеялся на развитие цепочки Клунина – Забалуев - Клунин, но на всякий случай отмашку Прилукову дал. Пока любая версия требует тщательной проверки.

- Меня беспокоит другое: почему Элоиза Георгиевна ничего не предпринимает для поисков сына, а сидит в четырех стенах и крапает свои книжонки?

- А может не сидит и не крапает, а каким-то образом покидает квартиру? После последнего разговора с ней я надеялся, что она разовьет бурную деятельность.

- У нее в подъезде есть выход на крышу? – неожиданно спросил Илья Аркадьевич.

- Нет, я проверял. И не думаю, что она могла так преобразиться, что опытная «наружка» ее бы не раскусила.

- Эта женщина не опустится до участия в самодеятельности. Она может отдавать приказы, а другие будут их выполнять. Клунина догадывается, что за ней ведется наблюдение, а игры с переодеванием подведут ее под подозрение. А так, сидит человек дома, пытается отвлечься с помощью любимого творчества и терпеливо ждет, когда нерасторопная полиция отыщет ее сына.

- Но с этими с помощниками она должна иметь связь, а мы знаем, что кроме Забалуева и редактора издательства писательница никому... - майор замолчал, не договорив фразу.

- А ведь наше наружное наблюдение стоит только на улице...

- Естественно, в подъезде они разбивать лагерь не будут, - без доли иронии заметил Кошечкин, догадываясь, куда клонит Терещенко.

- Отправлю-ка я местного участкового на поквартирный обход.

- А причина?

- Пусть сам придумает! Это участок Федора Михайловича Крутова, он мужик сообразительный. Главное узнать: не приходила ли к соседям Элоиза Клунина с просьбой позвонить с их телефона. А если приходила, то, зная номер исходящего звонка, мы легко вычислим, кому наша дамочка звонила и почему пыталась этот факт скрыть? А если повезет и хозяева окажутся людьми любопытными, но узнаем, о чем они говорили?..

И Терещенко, и Кошечкин знали, что вести служебный разговоры по мобильному телефону строго запрещено, но время поджимало. Пока майор переделает все дела, запланированные на это день, пока доберется до кабинета следователя, пока то да сё, а воз не сдвинется с места, или сдвинется с опозданием на сутки.

Делать было нечего, Спиридону пришлось топтать на автобусную остановку и ехать к Федору Михайловичу Крутову, которого он знал много лет. По дороге майор купит пачку хорошего чая, до которого немолодой полицейский был весьма охоч, и за чаем поставит перед ним задачу. В способностях капитана Крутова Терещенко был уверен, тем более местные жители его уважают и ему доверяют. Если госпожа Клунина приходила к кому-то звонить по телефону, то они от участкового скрывать не станут.

Перед тем, как погрузиться в автобус-сауну, майор позвонил в отдел и попросил пробить по базе Жанну Андреевну Гоголеву...

После проверки камеры наружного наблюдения, установленной у входа в торговый центр, Прилукову пришлось тащиться через весь город, чтобы встретиться с Павлом Маруськиным. Хорошо, что в салоне автомобиля было прохладно, работал кондиционер, а то бы длинная дорога и стояние в пробках доконали бы лейтенанта.

Запись с камеры он перекачал на флешку. Тимофеем не понял, Клунин это или не Клунин? Живьем он его не видел, а сравнивая фотографию с увиденным на камере оригиналом, не мог прийти к определенному выводу. Продавщица Рая так же запуталась и не смогла дать точный ответ, кто на записи?

- А если отвлечься от Клунина и посмотреть другими глазами, то можете сказать, видели вы раньше этого мужчину? – спросил лейтенант у Раисы.

- Н... не знаю, - подумав, неопределенно ответила девушка.

- А мужчину, который с ним разговаривает? – Тимофей попросил в очередной раз остановить кадр. - Присмотритесь, Раечка, может он заходил в ювелирный салон? Или вы видели его в другом месте?

Девушка переводила испуганный взгляд с полицейского на застывшего на экране полного мужчину. Прилуков понял, что ничего от нее не добьется. Остается распечатать его фотографию и обойти все магазины, расположенные в торговом центре. В руках у немолодого мужчины не было фирменных пакетов, по которым можно было догадаться, где он делал покупки. В этом случае поиски пошли легче. Теперь придется ехать «в пригород Ростова через Москву», как любила говорить мать Тимки, когда он шел к цели обходными путями.

Прилуков брел к автомобилю и мысленно возмущался: И почему бы человеку, похожему на Клунина, не повернуться к камере лицом? Так нет, он будто нарочно отворачивался! И куда делся его собеседник, тоже неизвестно. Стоянка перед торговым центром с камеры видна, но не вся, большая часть. Когда мужчины попрощались, один, якобы Герман, зашел внутрь, а другой двинулся в сторону автомобильной стоянки, но не упростил нам жизнь, в поле зрения его машина не попала. По номеру личного авто его можно легко вычислить. А может он предпочитает пешие прогулки? Увы, но немногочисленные камеры внутреннего наблюдения торгового центра, нужного мордастого мужчину не зафиксировали, что неудивительно: расположены они так, что остается спросить: зачем они стоят в малопроходимых местах? Почему бы их не поставить у ювелирных салонов, коих всего три? Одна из камер находится неподалеку от мест общего пользования. Для какой цели? Чтобы наниматель был в курсе того, сколько раз его наемный работник покидает рабочее место? Особо зачавших в туалет ждет увольнение, - додумался Тимофей, усаживаясь на горячее сиденье собственного «Hyundai». Отступление от темы невольно подняло настроение и вселило уверенность. – Отчаиваться я не собираюсь! Конечно, найти человека в миллионном городе – дело непростое, но возможное при моем упорстве. Я... мы его найдем, он ответит на интересующий нас вопрос... - Неожиданно Прилуков снова приуныл. - А ведь не факт, что он разговаривал с Клуниным. Скорее всего, не с Клуниным, - мысленно поправился он, потому как придерживался мнения начальства, далекого от мистики. – Встретились два знакомых человека у дверей торгового центра, перебросились парой слов и разошлись. А мне теперь надо найти одного из них, того, чье обличье запечатлела камера наблюдения, найти и спросить: а с кем это вы, любезный, беседовали такого-то числа там-то и там-то около восьми вечера? А он ответит: делать мне больше нечего, как помнить, что я делал в этот день и с кем разговаривал! У меня друзей половина города, а вот Германа Борисовича Клунина среди них нет!..

Адрес Маруськина лейтенант еще с утра записал в органайзер мобильного телефона, за что получил возмущенный взгляд Терещенко, который предпочитал жить в середине двадцатого века и все сведения заносить в блокнот.

Ему бы родиться до революции, - подумал тогда Прилуков, - служить в уголовном сыске, ездить на место преступления в двуколке, запряженной шустрым жеребцом, и каждый раз снимать шляпу при встрече с симпатичной дамой... Пожалуй, шляпа и Терещенко – понятия несовместимые, но это в наше время можно пренебречь этикетом, модой, условностями, а то время подобное не прошло... Да, Спиридон Яковлевич выглядел бы эффектно! – впечатлился лейтенант и представил рядом с ним милую девушку с портрета, обнаруженного в альбоме Клунина.

О встрече он договорился с Павлом Маруськиным заранее. Тот сказал, что у него сегодня выходной, и он целый день будет дома. Они условились на три часа, Тимофей не думал, что время в торговом центре пролетит так быстро. Он перезвонил Павлу, чтобы предупредить, что задержится, и очень удивился, когда тот оказался в больнице.

- Ничего страшного не произошло, но с травмами головы не шутят, поэтому пришлось согласиться на госпитализацию.

- А что случилось? – опешил Прилуков.

- Приезжайте, я всё расскажу, - окончательно заинтриговал его Павел и пояснил, как его найти...

По пути Прилуков вспомнил о списке абонентов на сим-карте Клунина. Когда лейтенант старательно переписывал знакомых Германа, то удивился длинному списку женских имен. Причем, просто имена, без фамилий. А с остальными абонентами, вообще, беда. Ну, мама, это понятно. И еще: Школа, Встреча, Лапочка. Всё в таком духе. Лапочка это, скорее всего, девушка. Но почему Герман отошел от привычных имен? Написал бы Леночка, а то Лапочка. А встреча? Что это значит? Конечно, майор прав - надо пробить все номера, особенно последние, и вплотную заняться этими людьми. Но постоянно вмешиваются обстоятельства... А школа? Клунин так тосковал по прошлому, что периодически звонил в школу?..

Тимофей приткнулся к обочине, достал с заднего сиденья пижонскую папку на молнии, нашел в ней раздражавший его список, и сравнил номер телефона Маруськина с номером телефона школы.

- Один в один! – ошалело протянул он. – Но зачем зашифровывать? Написал бы просто – Павел Маруськин! Не так много школьный друзей было у Клунина... Если Герман не хотел, чтобы чересчур любопытная особа совала нос в его мобильный телефон, чтобы вычислить соперниц, то почему не шифровал всех знакомых девушек? Мог назвать Василису – Василием, Людмилу – например, Русланом, Марину – Мариком и так далее... Что бы на это сказал товарищ Терещенко? А он бы сказал, что... господин Клунин играет в шпионов. Засиделся мальчик в детстве...

Прилуков снова пробежал глазами по списку. Кроме Элоизы, да и то не часто, женщины Герману не звонили. Лейтенант выделил двух человек: Верещагин и Комов. Теперь он не сомневался, что это не настоящие фамилии, а прозвища, данные Клуниным для «конспирации». Но это Тимка легко выяснит. «Пробьет» по имеющимся номерам абонентов, наведет о них справки, а потом созвонится и договорится о встрече. По телефону он задавать вопросы не будет. Советоваться с Терещенко не станет, тот отдал ему инициативу в этом вопросе, потому и не требует отчета до поры до времени. А потом припрет к стенке бедного стажера, а тому и сказать нечего...

В палате стояли четыре кровати. На одной кровати храпел мужик, лежа на спине, на его груди покоилась загипсованная рука, на другой - сидел парень в шортах, внешне совершенно здоровый, и с аппетитом уплетал котлету с гречневой кашей из пластиковой квадратной коробки. Рядом с ним пристроилась женщина средних лет, по всей видимости, мать, уж очень парень был на нее похож. На третьей кровати лежал молодой мужчина с перевязанной головой. У его постели на стуле сидела испуганная молодая женщина, которая что-то тихо ему выговарила. Четвертая была свободной.

Когда на пороге появился Прилуков, присутствующие обернулись, ответили на приветствие, только храпун продолжал выводить потрясающие рулады. Тимофей видел Павла на школьных фотографиях, поэтому сразу двинулся к его кровати. Надо признать, что с тех пор Маруськин мало изменился. Может, немного прибавил в весе, и во взгляде не осталось озорства. Но откуда взяться озорству, когда у тебя травма головы.

Павел познакомил товарища лейтенанта с супругой. Миленькая курносая особа с зелеными глазами и медными волосами звалась Кирой. Приход полицейского ее не порадовал. А когда она узнала, что к аварии визит не имеет никакого отношения, то и вовсе сказала, что Павлу нужен покой.

- Я хорошо себя чувствую, - извиняющимся голосом произнес муж, - завтра получу результаты томографии головы и вернусь домой.

- Вернешься, если ничего страшного не обнаружат, - со злорадством заявила курносая, будто только это и ждала.

- Так что с вами случилось? – спросил Прилуков, усаживаясь на стул, позаимствованный у кровати храпуна. Визгливую Маруськину он проигнорировал. Тимофей ценил женскую заботу, но не фанатичную, переходящую все границы, когда опекунша заставляет поверить опекаемого в то, что у него страшная болезнь, избежать которую возможно при условии соблюдения всех ее требований. Она сама верит в существование болезни и внушает это мужчине. Кира была из разряда фанатичных опекунш, которые заигрались в дочери-матери.

- Я вышел в булочную, переходил дорогу и угодил под колеса автомобиля. – с натянутой улыбкой пояснил Маруськин, невольно дотрагиваясь до перевязанной головы.

- Сколько раз я тебе говорила, что нельзя переходить дорогу в неполюженном месте, - продолжала трезвонить жена, бросая на лейтенанта полиции убийственные взгляды.

Тимка посочувствовал Павлу и мысленно порадовался, что до сих пор холост. Все девушки такие прелестные до замужества и превращаются в таких зануд в браке. Под одну гребенку всех мерить нельзя - это жизненный принцип стажера, но почему-то из всех знакомых замужних женщин он ни разу не встретил ту, с которой не произошло превращение.

- Водитель автомобиля оказал вам первую помощь? – спросил Прилуков, стараясь отгородиться от эмоций зеленоглазой женщины, которая была ему симпатична до той поры, пока не открыла рот.

- Какая помощь? О чем вы говорите! – взвыла скандалистка, - он скрылся с места аварии!

- Павел, вы не запомнили номер автомобиля?

- Он ничего не успел заметить! Его уже спрашивали об этом, - прогнусавила Кира.

- Мне еще раз повторить вопрос? – повысил голос лейтенант, забыв, где находится. Ему хотелось услышать ответ от пострадавшего, а не от его «адвоката». От громкого голоса храпун не проснулся, но звук прикрутил, а здоровый на вид парень едва не поперхнулся котлетой. Мать со всей силы треснула его кулаком по спине, что еще раз подтвердило, что он симулянт и в травматологии ему делать нечего. Оба, не сговариваясь, поднялись, и исчезли в коридоре. Маруськин проводил их взглядом и обратился к супруге.

- Кира, иди домой, там сын один.

- Он не один, а с соседкой, - обиженно пробубнила она, но прихватила сумку и ушла, бросив на ходу, что придет завтра.

- Вы извините ее, товарищ лейтенант, она сильно перенервничала. Всё произошло на ее глазах. Когда я вышел из подъезда, Кира вешала на лоджии белье, услышала свист тормозов, посмотрела вниз и увидела меня лежащим на асфальте.

- Ваша супруга тоже не рассмотрела марку автомобиля и номер?

- Мы живем на седьмом этаже, а Кира близорука. Я упал и ударился головой, поэтому тоже не успел ничего увидеть. А свидетелей не было. Был полдень, на улице солнце

палит, прохожих почти нет... Но мне показалось, что это был отечественный автомобиль светлого тона.

- Вы в состоянии отвечать на мои вопросы или мне прийти в другой день? – поинтересовался Тимофей, заметив гримасу боли на лице мужчины. При этом Павел постоянно прикладывал ладонь к травмированной голове.

- Я готов ответить на вопросы о Германе Клунине... Если не секрет, то в чем вы его подозреваете?

- А вы как думаете? – схитрил лейтенант, внутренне ликуя, что рядом нет Терещенко, который подобное поведение не одобрил.

- Я не знаю. Но Герман всегда был авантюристом, любил приключения, не задумывался, что повлечет за собой «хождение по лезвию ножа».

- Вы что-то конкретное имеете в виду?

- В школе мы близко общались. Думаю, Герман выбрал меня среди других одноклассников потому, что я был обычным парнем. Без выдающихся способностей, без высокопоставленных родителей, с заурядной внешностью. Одним словом, не затмевал его. Учился я неплохо, особенно мне давались точные науки, а Герман был гуманитарием.

- Я так понимаю, что он вас использовал?

- Почему использовал? – нахмурился Маруськин. – Я сам предлагал ему помощь, когда видел, что он затрудняется с выполнением контрольной работы. Мне не сложно, я успевал за урок прорешать два варианта. Мне было не трудно. После школы наши пути разошлись, я поехал в Таганрог и поступил в радиотехнический, а она подался на журфак. Не хотел с отцом спорить. Видеться мы стали всё реже и реже, в последнее время только по телефону разговаривали. И то я ему звонил, а он... никогда.

- А вы знаете, где последнее время жил Клунин?

- Где-то квартиру снимал. Часто переезжал с одного места на другое, но к матери не возвращался. В нашем возрасте жить с родителями неприлично, тем более холостому мужику.

- Его мать, Элоиза Георгиевна, утверждает, что в последнее время сын жил в квартире одного приятеля, который уехал в Израиль. Квартира находится на Социалистической улице.

- В мою бытность у него таких приятелей не было. А если говорить честно, что Гера, вообще, к себе близко никого не подпускал. У него больше были шапочные знакомства.

- А среди женщин?

- Среди женщин тем более. Он утверждал, что навсегда останется холостяком, потому что красивых женщин много, он не может никого выбрать. Понравилась одна и вдруг встретил другую, еще более восхитительную, и забыл о первой... Но не думайте, что Герман - легкомысленный, он хочет казаться таким.

- Зачем? – задал резонный вопрос Прилуков.

- С легкомысленных спрос меньше.

- Это в отношениях с противоположным полом, а в бизнесе?

- Он говорил, что бизнесмен из него хреновый, не за горами крах его предприятию. Но в голосе не проскальзывали трагические нотки, он, как всегда, шутил, смеялся, рассказывал о девчонках.

- Имена не называл?

- Обходился без имен.

Тимофей достал из папки портрет незнакомки и показал Павлу.

- Вы когда-нибудь видели эту фотографию у Клунина?

Маруськин долго изучал девушку, перевернул портрет обратной стороной, повторив действия самого Прилукова и предположил.

- Может быть, это его прапрабабушка. Но Герман мне никогда не говорил, что его предки были дворянами. Если бы это было на самом деле, он бы прихвастнул своей родословной. А Элоиза что сказала?

- Она тоже не признала девушку.

Маруськин хотел вернуть фото, уже протянул его Тимке, но отдернул руку. Снова полюбовался портретом и сказал то, что никак не ожидал от него услышать лейтенант.

- Недавно мы совершенно случайно встретились с Герой...

С утра Прилуков совместил завтрак с погружением в интернет. Решил присовокупить полученную от Маруськина информацию о Забалуеве с данными из сети. Полюбовался фотографией «бровастого» мужчины, который больше напоминал спортсмена-тяжеловеса, чем художника, распечатал фотку и успел заехать к вездесущей консьержке, чтобы предъявить для опознания изображение Забалуева. Женщина сразу его узнала, но не отпустила просто так лейтенанта. Тому пришлось удовлетворить ее любопытство и озвучить версию писательницы Местерской относительно художника, который пишет ее портрет. Консьержка оживилась и сказала, что такие люди, как Элоиза Георгиевна, достойны того, чтобы запечатлеть их на холсте. Тимофей представил портрет писательницы на стене в кабинете литературы среди русских классиков и подумал, что старшеклассницам современные детективно-любовные истории пришлось по душе больше, чем страдания Татьяны Лариной или метания Родиона Раскольникова. А всплывание сюрпризов из прошлого или, выражаясь языком Терещенко, заплыв против течения еще сильнее разжег бы интерес...

Тимофей Прилуков хотел поразить начальника самостоятельно добытыми сведениями, но начальник не дал ему вымолвить ни слова. Коротенько рассказал о списке пассажиров пейса 3401, и поставил перед стажером очередные задачи.

- Я не понимаю, зачем нам нужен пожилой мужчина, который стал свидетелем разговора Гоголевой и Клунина, если мы может обо всем узнать от самой Жанны Гоголевой?! – моментально привел свои доводы стажер, позабыв на время о личных изысканиях в деле Германа Клунина.

- А с чего ты взял, что девушка всё нам выложит? – вопросом на вопрос ответил Терещенко, пребывавший спозаранку в отвратительном настроении. Ему было стыдно признаться, что он читал книгу Местерской до трех часов ночи, а потом еще долго крутился в кровати и не мог уснуть, несмотря на то, что по окну барабанил дождь, проникая внутрь и оставляя на полу лужицы. Вместе с дождем в комнату влетал свежий ветер, остужая разогретое за день помещение. К утру Спиридон замерз, закутался в махровую простыню и начал погружаться в сон. На улице уже светало. Ранее июньское солнце выкатилось из-за соседнего дома. Терещенко в очередной раз пожалел, что его окна выходят на восток, а соседний пятиэтажный дом за зимне-весенний период не прибавил десяток этажей. Задернуть шторы у него не было сил, как не было сил отвернуться от окна, мужчина лишь накрылся с головой, прячась от солнечных лучей, и, наконец, уснул тревожным сном.

Как у профессионала, детективный роман Местерской вызвал у него снисходительную улыбку, но надо было признать, что ему с трудом удалось вычислить преступника, сюжет был закручен витиевато. Терещенко поразили точные описание характеров героев, их трогательные отношения. Он с удовольствием читал те места, где неопытный в «лямурных» делах мужчина пытается признаться в любви молодой женщине. Автор не высмеивал его поведение, словно поддерживал «за кадром», но не забывал плеснуть щепотку юмора. Если человек способен смеяться над собой, то ему легче жить на свете...

- Спиридон Яковлевич, вы меня слышите? – завопил у его уха стажер, опершись кулаками на начальственный стол.

- Чего ты орешь, как скаженный! – скривился майор, прикрывая ладонью заложившее ухо.

- Так я к вам обращаюсь, а вы молчите и молчите. Я даже испугался, - засуетился лейтенант, побродил вдоль стола Терещенко и вернулся за свой стол.

Спиридон подавил зевок, помечтал о паре часов сна и стал листать свой блокнот.

- Всех шестерых мужчин обходить необязательно, - успокоил он Тимофея. – Идешь в паспортный стол по месту их жительства, делаешь ксерокопию фотографий и едешь к Людмиле Клейменовой. Она опознает человека, который подружился с ее сыном и который сидел рядом с Жанной Гоголевой, а потом...

- А потом я поеду к пожилому мужчине и узнаю, о чем беседовали его соседи в зале ожидания, - выдал сообразительный лейтенант.

- Кто тебя научил перебивать старших по званию?! Что за молодежь... - начал майор и осекся. – Тима, я тебя накажу, - шутливо пожурил он и погрозил пальцем.

- Каюсь, виноват.

Как у них всё легко, - то ли позавидовал, то ли посокрушался Терещенко и вслух сказал.

- Для начала мы соберем сведения об этом человеке.

- Понял, - прищурившись, произнес Прилуков, покачивая головой.

- Теперь перейдем к Павлу Маруськину. Докладывай, что удалось узнать!

Сначала лейтенант рассказал о ДТП, случившееся с Маруськиным, в результате которого тот оказался на больничной койке. Хотел сделать кое-какие выводы, но майор его прервал и предложил излагать дальше. После короткого рассказа о школьной дружбе, лейтенант перешел к случайной встрече Германа и Павла.

- У Маруськина в тот день был выходной, он ездил по магазинам в поисках подарка для своей супруги на день рождения. Шел по тротуару и услышал, как его кто-то окликнул. Повернулся, видит, у обочины притормозило такси, из такси выскакивает Клунин.

- Когда это было?

- В тот самый день – двенадцатого июня. Клунин спешил в аэропорт. Павел сказал, что он был очень весел. Они перекинулись парой слов, Герман уже собрался вернуться на свое место, но передумал, подошел к приятелю и с загадочным видом сообщил, что скоро разбогатеет.

- Даже так? – хмыкнул майор. - А каким образом, не сказал?

- Маруськин заверил, что Клунин не любил распространяться о своих делах. О любовных похождениях, пожалуйста, о чем угодно, но предстоящими планами не делился. Он, вообще, был суеверный. Боялся черных кошек, женщин с пустыми ведрами и тому подобное.

- Никогда бы не сказал, - удивленно пробормотал Терещенко.

- А я подумал: интересно, ему черная кошка в тот день дорогу не перебежала?

- Еще скажи, что ты тоже суеверный.

- Я? – сложил бесцветные брови домиком Тимка и ткнул в грудь указательным пальцем, словно уточнял, о ком идет речь. – Я, нет! – с вызовом ответил он, но без особой уверенности.

- Значит, наш пропавший летел в Москву, чтобы заключить сделку, после чего его дела пойдут в гору, - начал рассуждать Спиридон Яковлевич. Чтобы взбодриться, он стал прохаживаться по кабинету, дошел до столика, где стояли чайно-кофейные принадлежности, и надавил рычаг электрического чайника. Решил, что третья по счету чашка крепкого кофе пойдет ему на пользу. – Насколько я могу судить о Клуnine, он был человеком увлекающимся, быстро загорался идеей, быстро остывал. Не думаю, что его поездка имела отношение к теперешним делам. Он давно охладел к ювелирному бизнесу, заскучал, потому не было развития. Напротив, некогда крупный бизнес свернулся до одного ювелирного салона.

- Но почему тело пропало? – придушенным тоном спросил стажер. Наставник так правдоподобно описал предшествующие события, что он решил: интуиция, находящаяся на пике, поможет ответить на злободневный вопрос.

- Думаю, Клунин был курьером, перевозил некую ценную вещь, о чем мы с тобой уже говорили. За это должен был получить неплохие деньги... - Терещенко с наслаждением пил кофе, Тимка внимательно за ним следил, словно подсыпал ему в чашку отравы и теперь ждал как она на него подействует.

- Не наркокурьером? – попытался продвинуть собственную версию лейтенант.

- Клунин до подобного не опуститься... Он не просто курьер, он был посредником между нанимателем и покупателем. Герман был связующим звеном, оба его знали, но не были знакомы друг с другом. В этом была выгода Клунина, потому он выставил за посредничество немалую цену.

- За одну поездку можно получить большие деньги? – с недоверием поинтересовался Тимофей.

- Можно, если ему обещали высокий процент от продажи дорогостоящей вещи. Или другой вариант - это была первая поездка Клунина, так сказать пробный шар, после чего наладился постоянный поток. Но люди, нанявшие Германа, не желали каждый раз отрезать часть денег от выручки, им не нужен был посредник. В связи с чем, тем же рейсом летел человек, которому было поручено проследить за посредником, найти покупателя и вступить с ним в переговоры.

- А что делать со ставшим ненужным посредником?

- Сразу бы Германа никто устранять не стал. Мало ли что... Никто не знает, в каких он находится отношениях с покупателем. Но случилась трагическая неожиданность – посредник внезапно скончался при всем честном народе, не приведя к покупателю. Но не это самое ужасное. Ужас заключается в том, что ценная вещь осталась у Германа. Наблюдатель звонит нанимателю, тот приказывает любой ценой заполучить вещь. Не думаю, что Клунин делился своими соображениями по поводу того, каким образом он собирается перевозить вещицу. Его сотоварищам ничего не оставалось делать, как выкрасть тело. Времени обыскивать покойного у них не было.

- Прав был Маруськин – Герман был рискованным парнем. И любил красиво пожить. А тут тебе и риск, тут тебе и денежки рекой. Так сказать, соединял приятное с полезным, - констатировал Прилуков, мягко сворачивая на школьного приятеля Клунина, чтобы возвыситься в глазах начальства: ему было что рассказать.

- Кстати, о Маруськине... Кто еще знал о твоём визите к нему?

Терещенко снова вырывал инициативу. Но на то оно и начальство, чтобы «править балом».

- Я спрашивал об этом Павла. Его жена Кира не знала, больше он в тот день ни с кем не общался.

- Неужели не сказал супруге, что к нему придет человек из полиции?

- Если бы он ей заранее сказал, она бы ему всю плешь проела! Зануда, каких свет не видел! Хотел поставить перед фактом или рассчитывал, что на тот момент ее дома не будет.

- Остается Элоиза Местерская. Она была в курсе нашего интереса к школьному приятелю ее сына. Но что такого мог знать Павел Маруськин, чего не должны знать мы?

- Спиридон Яковлевич, а вы не подумали, что наезд на Павла произошел случайно? С кем не бывает. В нашей стране, что у водителей, что пешеходов «башню сносит». Пешехода шныряют через дорогу в неположенных местах, водители гоняют, не сбавляя скорости, а в случае наезда скрываются с места аварии?.. А вдруг водитель элементарно испугался? Уже после пожалел, но возвращаться побоялся.

- Узнай, кто занимается расследованием дела о наезде на Павла Маруськина и что удалось выяснить? – приказала Терещенко. Пустые разглагольствования на тему: кто прав, кто виноват, и почему подобное происходит, его мало интересовали. Ему нужны факты!

- А по паспортным столам кто поедет?

- Я поеду, только дождусь звонка от капитана Крутова. И еще... А ну-ка вспомни, милый друг, где ты находился, когда первый раз звонил Маруськину?

- Я... я находился... - вопрос поставил «милого друга» в тупик, на подобные мелочи он не привык обращать внимания. – Кажется, я вышел из нашего здания ОВД и шел к своему автомобилю... Спиридон Яковлевич, вы думаете, что... кто-то ходит за мной по пятам, чтобы быть в курсе расследования?

- Почему бы нет? – пространно рассудил майор. Воспитывать подчиненного он не стал, сам вел телефонные переговоры на ходу, особо не оглядываясь по сторонам, как вражеский агент на чужой территории. – А ты, конечно, никого рядом с собой не заметил?

- Естественно! – с вызовом произнес Тимка, еще не хватало, чтобы он был «пуганой вороной, которая куста боится». Но в следующий раз ему это будет наукой.

Терещенко снова включил остывший чайник. От кофе голова гудела, глаза резал яркий свет, но спать хотелось до чертиков. Он едва сдерживался от зевоты. Снова взялся за банку кофе, но передумал, предпочел чай. Взял пакетик, положил его в чашку, положил две ложки сахара и стал ритмично постукивать чайной ложкой по горстке сахара, будто собрался сделать из него пудру. Стажер переминался у двери.

- Тимофей, ты что-то хотел сказать? – спросил начальник, не поднимая головы.

- Это о Забалуеве. – с едва скрываемым торжеством в голосе произнес тот.

- Слушаю, - милостиво разрешил Спиридон Яковлевич, как это делают учителя в школе, когда не ждут от учеников ничего сверхгениального.

- Эдуард Забалуев учился в одной школе с Маруськиным и Клуниным. Только он пошел в десятый класс, а те были первоклассниками. На праздничной линейке по случаю начала учебного года выпускники по традиции вручают первоклашкам книжки, берут за руки и ведут в школу. Забалуеву достался Герман Клунин – низкорослый мальчишка с огромным ранцем за спиной и одинокой розой в руках, которая достигала размеров его роста. Удивительно, но Павел Маруськин запомнил такую мелочь. Но эта мелочь едва не стала для первоклашки роковой. Гера держал ее бутоном вниз, стеблем вверх. И когда поднимались в школу по ступенькам, то споткнулся, и острый стебель едва не воткнулся ему в глаз. Надо сказать, что в ту пору он не был лощеным франтом, а был косолапым нескладным мальчишкой. Спас его Эдуард Забалуев – первый спортсмен школы с быстрой реакцией. Роза лишь поцарапала мальчишке щеку. Первую помощь так же оказал Забалуев. Он приложил к кровоточащей ране свой носовой платок, а потом отвел его в медпункт.

- А старшие Клунины? Неужели не присутствовали на этом мероприятии?

- Они к тому времени успели уйти. Люди занятые, чего с них взять... Но на следующий день Элоиза Георгиевна пришла в школу, чтобы выразить благодарность спасителю ее сына.

- Тогда и состоялось их знакомство...

- И продолжается до сей поры. Эдик весь учебный год опекал Германа. Он посчитал себя ответственным за маленького мальчишку, которому впору ходить в младшую группу детского сада – уж очень Герман был крошечным и испуганным. Забалуев заставлял его заниматься спортом. Клунин увлекался то гимнастикой, то волейболом, в общем, перескакивал с одного вида спорта на другой.

- Тимофей, ты сказал, что Забалуев был первым спортсменом в школе? Странная с ним произошла метаморфоза.

- Да, Эдуард занимался тяжелой атлетикой. Ходил в секцию с пятого класса. После школы поступил в технический университет, выбрал не престижный факультет – ему было всё равно, на первом месте у него был спорт. На занятиях появлялся редко, завоевывал на крупных соревнованиях высокие места, и умудрялся вовремя сдавать сессию. Про младшего друга не забывал, захаживал в школу, где на первом этаже среди других выдающихся выпускников школы висела его фотография. В то время Гера

подружился с Павлом Маруськиным, поэтому тот был в курсе отношений Забалуева и Клунина. Эдуард был частым гостем в семье Клуниных. Элоизе в ту пору было около тридцати, а Эдуарду в районе двадцати. У них разница в возрасте одиннадцать лет. Она всегда выглядела молодо и свежо, чем старше становился ее сын, тем их чаще принимали за брата и сестру.

- Ты намекаешь на то, что между Элоизой Георгиевной и Эдуардом Забалуевым завязались отношения еще в ту далекую пору? - спросил заметно повеселевший Терещенко, причем изменения в настроении не были связаны с рассказом Прилукова: чашка крепкого чая вернула его к жизни.

- Об этом история умалчивает. Маруськина я не стал спрашивать напрямую, не похоже, что он был в курсе отношений в семье Клуниных. Но про портрет, над которым работает художник Забалуев в данное время, я не преминул рассказать. Павел не удивился, сказал, что знает о жизни и работе Эдуарда со слов того же Геры Клунина.

- Но как случилось, что тяжелоатлет стал художником?

- В период расцвета своей спортивной карьеры Забалуев получил серьезную травму колена. Ему сделали несколько операций, в том числе и в зарубежных клиниках и не без участия Клуниных, это дало возможность не стать инвалидом, но с профессиональным спортом пришлось расстаться. Эдик вспомнил о полученном образовании, отказался от тренерской работы и устроился на завод на должность инженера-конструктора. Решил в корне изменить свою жизнь.

- И его взяли?

- Старший Клунин посодействовал, у него везде были свои люди. Забалуев всегда привык отдаваться делу без остатка. На этот раз он себе не изменил. Восстанавливал пробелы в знаниях, не стыдился спрашивать у старших коллег. Вскоре на него перестали смотреть, как на питекантропа, случайно оказавшегося в чужом времени. Однажды Эдуарда привлекли к выпуску стенной газеты, и он обнаружил в себе талант художника. Коллеги сошлись во мнении, что ему необходимо серьезно заниматься живописью. Тогда Забалуев поступил на вечернее отделение художественного училища, так сказать, без отрыва от производства. После окончания училища уволился с завода и стал писать пейзажи на заказ. Потом переключился на более выгодное занятие – написание портретов.

- Снова посодействовала Элоиза или ее супруг?

- Супруг к тому времени скончался. Но уверен: без Клуниной дело не обошлось. Эдуард всячески поддерживал женщину после скоростижной смерти мужа, но визиты в дом старых друзей прекратил. Вероятно, по настоянию самой Элоизы, которая всегда дорожила своей незапятнанной репутацией.

- Это тебе Маруськин поведал?

- Опять же со слов Германа. Сына всегда удивляло болезненное отношение матери к чужому мнению. Тем более он не понимал, каким образом может подпортить ее репутацию Забалуев, почти член семьи.

- Дети часто не замечают очевидных фактов, лежащих на поверхности. Их нестораживают отношения матери и друга их семьи, всё привычно, всё без новизны. Но встречают «в штыки» нового персонажа, который оказывает матери чрезмерные, по их мнению, знаки внимания, даже если таковых и нет. За Забалуевым он подобного не замечал. Он был Герману другом, а как друг сына может стать любовником матери?

- Спиридон Яковлевич, вы придерживаетесь версии, что Эдуард Забалуев - любовник Клуниной?

- Почти уверен. Я видел фотографии ее покойного мужа. Невзрачный мужчина, притом был фанатично предан своему журналу. Не могу сказать, что Элоиза лукавила, когда говорила о том, что боготворила мужа, но любая женщина хочет видеть рядом с собой мужчину, который умеет совмещать любовь, секс, внимание к любимой женщине с работой, которой он фанатично предан. После смерти Бориса Клунина Эдуард Забалуев

мог перейти дозволенные рамки и разбудить спящие желания еще молодой женщины. Некоторое время она сопротивлялась, а затем уступила напору. Тогда и попросила Эдуарда прекратить визиты в дом, где она много лет прожила в счастливом браке. Так она считала и так будет считать... Но Эдуард Забалуев для нее не просто любовник, он ее доверенное лицо, ее исповедник. Кому, как ни ему знать, что твориться в душе этой женщины? Но это не значит, что он ответит на все наши вопросы. Он лучше отрежет себе палец, чем предаст любимую женщину... Кстати, он не был женат?

- Представьте себе, был, причем два раза, но детей не нажил. Первый брак продлился месяц, и это случилось вскоре после смерти отца Германа, а второй брак длился почти год.

- Все понятно. Это были периоды борьбы Элоизы Клуниной со своей совестью. Когда совесть побеждала, женщина прерывала отношения с Забалуевым, тот сгоряча женился. Потом совесть проигрывала, едва на горизонте начинал маячить Забалуев. Связь возобновлялась, он разводился с очередной женой. Ясно одно – версию о пособничестве Эдуарда Забалуева в криминальных делишках Германа Клунина можно исключить. Он всегда на стороне Элоизы, а она, как мать, никогда не пожелает, чтобы ее сын пошел «по кривой дорожке».

- И попроси мы госпожу писательницу предъявить портрет работы художника Забалуева, она легко выполнит нашу просьбу, - с досадой произнес Тимофей. Ему казалось, что Эдуард мог стать тем человеком, который способен выкрасть тело Германа по наущению любимой женщины. Но внимательно выслушав уверенные предположения Терещенко, он полностью согласился с ними: ни мать, ни преданный ей рыцарь-художник, не были посвящены в дела Германа.

А Спиридон думал о том, что поквартирный обход участкового уполномоченного капитана Крутова результата не даст. Если Элоиза Георгиевна и звонила кому-то, то это мог быть только Забалуев. А делала она это тайно потому, что не хотела, чтобы ее личная жизнь, скрытая за дверью с восемнадцатью замками, стала достоянием гласности. Клунина ведет замкнутый образ жизни. За годы писательской деятельности она растеряла всех подруг: кто-то из зависти к славе отдалился от нее, кто-то обиделся на ее отчуждение, принятое за зазнайство. Но это было не зазнайство, Элоиза Георгиевна не находила времени для бывших знакомых, она была с головой погружена в любимую работу. Для общения ей хватало одного понимающего Эдуарда Забалуева. Редкие визиты легкомысленного сына ее огорчали. Придавали силы встречи с любимым мужчиной, он всегда находил нужные слова. Но всё же главным ее спасением было погружение в новый роман. Тогда она забывала обо всем, даже о сыне и преданном друге...

Если бы знал майор Терещенко, насколько он был прав, то посчитал себя прорицателем. Благодаря опыту и приобретенному психоанализу он легко разобрался в хитросплетениях жизни Клуниных, будто был соучастником, но, увы, не мог предсказывать будущее, не говоря уже о запутанном настоящем. А так хотелось закрыть это несложное, на первый взгляд, дело. Он знал, что исчезнувшее тело когда-нибудь «всплывет». Можно спустить дело на тормозах, надеясь на «всплытие», как это всегда бывает: первоначально любое расследование идет в ускоренном темпе, затем утыкается в преграду, топчется на месте, и в итоге превращается в «висяк». Или снова возобновляется, когда появляются новые факты. В одном Терещенко был уверен: Герман мертв.

У Элоизы Клуниной-Местерской было свое мнение на этот счет: она надеялась на благоприятный исход. Ее сын не впервые впутывается в авантюрные истории, и всякий раз самостоятельно выпутывается. Как мать ни пыталась наставить его на путь истинный, так и не смогла. Раньше прибегала к помощи Эдуарда, но после того, как они стали любовниками, свела их отношения к телефонным переговорам. Прервать их общение она не могла. Во-первых, Гера тянулся к старшему товарищу, считал его единственным

авторитетом. А Элоиза могла узнать о жизни сына только через Эдика, с ней сын не делился перипетиями своей наполненной событиями жизни.

Вот и в ту пятницу, незадолго до командировки Германа в Москву, Элоиза Георгиевна заподозрила неладное. Слишком сын был возбужден, глаза блестели, как у наркомана, принявшего дозу. Но она была уверена, что своему здоровью сын не навредит. Так приучил его Забалуев. Вот только с пристрастием к курению совладать не смог. После ухода Геры она позвонила Эдику и попросила его «навести мосты». Но не в тот же день, чтобы сын ничего не заподозрил, а в субботу, а лучше в воскресенье. И не по телефону, а при «случайной» встрече.

На новую квартиру Герман перебрался меньше двух месяцев назад. Он сам заставил мать записать адрес, что ее несколько удивило. Раньше он просто ставил в известность, что сменил местожительство. Мог назвать улицу или сказать, сколько времени занимает дорога от новой квартиры до дома матери, и не более того. Женщина записала адрес и спрятала бумагу в ящик письменного стола, совершенно забыв об этом. До той поры, пока к ней в дом не нагрянули полицейские с ужасной новостью. Сердце зашипело, а потом взорвалось и разлетелось на мелкие кусочки. Клунина несколько раз брала в руки часы сына, которые сама подарила ему на день рождения. Это ее несколько успокоило, и она смогла вспомнить, о чем разговаривали Эдик и Гера накануне злосчастливого полета...

В субботу Забалуев кружил на своем автомобиле возле длинного дома номер десять по улице Социалистической, надеясь на встречу с Германом, который в полдень обещал приехать в ювелирный салон «Мерц», о чем Элоизе сообщила продавец Раиса. Клунин предпочитал передвигаться по городу на такси, о собственном авто не мечтал, водительских прав не имел. Он утверждал, что он и автомобиль – понятие несовместимые. Водитель должен быть сосредоточен на дороге, а Герман всегда сосредоточен на девушках, идущих по тротуару.

Так как Гера не отличался пунктуальностью, Эдуард мог прибыть в нужное место с опозданием, но он приехал за полтора часа, в десять тридцать, хотя, дорога до торгового центра, где располагался ювелирный салон, занимала минут сорок. Это время без пробок. В часы «пик» и того больше. Эдик удивился, что приятель нашел квартиру в спальном районе, далеко от привычного для него центра города. Но Элоиза говорила, что он живет на квартире друга, который укатил на ПМЖ в Израиль. Это так же удивило Забалуева. Экономить на своем комфорте Гера не привык. Это к тому, что переезд не связан с личной выгодой. Значит, что-то его подтолкнуло к принятию такого решения.

Почти час провел Эдуард у надоевшего ему дома, а потом перезвонил Элоизе. Та, в свою очередь, Раисе, которая сказала, что Герман Борисович был, быстро решил все дела, и минут пять, как ушел. Но, кажется, он собирался пойти в кафе «Нимфа», расположенное неподалеку, о чем Рая узнала из телефонного разговора Клунина с неизвестным абонентом.

Забалуев рванул к торговому центру, мысленно удивляясь, как мог пропустить приятеля.

Когда он проезжал мимо кафе «Нимфа», из него, как по заказу, вышел Герман Клунин, один, без человека, которому назначил встречу. Эдик посигналил, тот обратил на него внимания и поспешил присоединиться.

Гера сел на пассажирское место и сразу сказал, что у него мало времени.

- Но для друга найдется несколько минут? – с улыбкой спросил Забалуев.

Клунин посмотрел на часы - подарок матери, улыбнулся в ответ и заверил, что у него есть двадцать минут. Художник не стал выяснять причину, но сын его любимой женщины сам пояснил, что через двадцать минут он должен сидеть в кресле в салоне красоты «Престиж», хочет привести волосы в порядок перед поездкой в Москву.

Ага, - обрадовано подумал Эдик, - сам повернул в нужном направлении.

- По делам едешь или так, тоску разогнать? - спросил он, стараясь придать голосу вежливую заинтересованность.

- Всё вместе. Хочу развеяться немного, что-то мне стало душно и тесно в этом городе, а заодно кое-какие связи наладить.

- Для развития бизнеса?

Герман подумал и повторил слово в слово с легкой усмешкой.

- Для развития бизнеса.

Больше расспрашивать Забалуев не стал. Он знал: если Гера хочет, то слегка приоткрывает завесу тайны. Слегка, не больше, выворачиваться наизнанку он не привык. А если не хочет, то из него клещами правду не вытянешь. Одним словом, овен - родился десятого апреля.

Но радость всё-таки лезла из Клунина наружу. Эдик нарочно перевел разговор на другую тему, делая вид, что его совершенно не волнуют чужие дела. Он стал рассказывать о новом заказчике, которому взбрело в голове сделать портрет своей внучки, которой исполнился месяц. Гера слушал невнимательно, ерзал на месте, словно не мог дождаться, когда оратор, наконец, смолкнет. Клунина переполняли собственные эмоции, но не внучка миллионера местного разлива. Обещанные двадцать минут быстро истекли. Эдуард делал паузы в рассказе, надеясь, что нетерпеливый слушатель вставит реплику «не по делу», но тот держался, как партизан на допросе: страдал, но молчал. Вскоре Герман снова бросил взгляд на часы и стал прощаться. Уже захлопнул дверь автомобиля, но распахнул ее снова и сказал.

- Эдька, я так рад, что скоро буду материально независим от матери.

- Можно подумать, она когда-нибудь тебе отказывала в просьбе или попрекала немереными тратами, - не сдержал эмоций Забалуев.

- Никогда! – согласился Герман, - но ты не знаешь, как чувствует себя человек, который не может рассчитывать на себя, а ждет материальных пожертвований со стороны.

- Ты сам виноват, что не научился зарабатывать себе на жизнь, а пора бы... - попенял ему Эдуард, который придерживался мнения, что расходы не должны превышать доходов.

- Я был в поиске... Но кажется... - Клунин замялся.

- Нашел золотую жилу?

- Нащупал.

- Не огорчи мать, - грозным голосом предупредил Забалуев, для которого спокойствие этой женщины всегда было на первом месте.

- Ты меня знаешь, - расплылся в улыбке Клунин, попрощался, обещал перезвонить по возвращению и захлопнул дверь.

- Знаю, потому и говорю, - едва слышно произнес художник, проводил взглядом приятеля, а потом взял в руки мобильный телефон, чтобы позвонить Элоизе, Изочке, как он ее называл наедине, и попытался ее успокоить.

- Я встречался с Германом. Он сказал, что это деловая поездка. Он не хочет быть нахлебником, мечтает о самостоятельности...

- Он опять связался с дурной компанией, - перебила его расстроенная мать.

- Герману не десять лет, и не пятнадцать, - напомнил Эдик, - он отдает отчет своим поступкам.... Прошу тебя, дорогая, не расстраивайся, твой сын заверил меня, что ничего криминального в этой поездке нет. – придумывал он на ходу. – Иностранцев всегда интересовали местные ремесла, Гера нашел в одной деревне местного умельца. Он такие поделки из дерева делает, просто закачаешься. Вот он и решил наладить рынок сбыта в столице. К нам иностранцы не так часто приезжают. Твой сын хочет открыть торговую лавку, один московский знакомый обещал посодействовать. Но надо спешить, конкуренты тоже подбираются к этому умельцу.

- Свежо преданье, да верится с трудом, - печально вздохнула Клунина. – Эдик, а ты сам в это веришь?

- Честно?

- Честно.

- Думаю, Гера сказал половину правды. - монотонным голосом поделился «догадкой» Забалуев, мысленно отругав себя за непродуманное сочинительство. Надо было для начала придумать более правдоподобную причину для поездки Германа в Москву, раз он сам не удосужился поделиться, а уж потом звонить обеспокоенной матери и убеждать в том, что ее сын неожиданно взялся за ум. И это к тридцати-то трем годам...

- Что ты имеешь в виду? – оторвала его от собственных мыслей Элоиза Георгиевна.

Идиот! – подумал Эдуард, - и зачем я напел про эти деревянные изделия мастера-самородка? А всему виной вчерашние местные новости. Показывали бойкого старца, который из коряг делает диковинные штучки.

- Эдик...

- Я здесь, просто размышляю над тем, что услышал от Геры, - поспешил он оправдаться, снова мысленно ругая себя за необдуманность в выдаче ложной информации.

- И что надумал?

- Скорее всего, он боялся спугнуть удачу, в этом кроется причина недосказанности или легкой лжи. Ты давно поняла, что рутинное занятие ювелирным бизнесом Герману не интересно. Пусть человек ищет себя.

- Сколько можно себя искать?! Ты сам сказал, что ему ни пятнадцать лет!

- Ему гораздо больше, - согласился Забалуев,- поэтому можно быть уверенным, что он не вляпается в очередную авантюру. Вспомни, как бы не складывались дела, он всегда выходил сухим из воды.

- Это правда, - вздохнула женщина. – Но я недавно разговаривала с одним высокопоставленным полицейским, он меня иногда консультирует по профессиональным вопросам, так он мне сказал, что... недавно обокрали местный краеведческий музей.

- И что взяли?

- А то время в музее была выставка ювелирных изделий с рубинами... А вдруг...

- Не надо строить предположения на пустом месте! – резко прервал ее приятель. – Неужели ты считаешь, что твой сын может пойти на воровство?

- Он не участвовал в воровстве, но к нему могли обратиться за содействием... Чего греха таить, Герман – человек с запятнанной репутацией, он не гнушается любым заработком, у него много знакомых из разных слоев общества. Ты, понимаешь, о чем я говорю?

Когда Элоиза произносила слово «репутация» у Забалуева начинал ныть правый висок. Он ненавидел сама слово и то, как она носится с ней. Именно, репутация разлучило его с любимой женщиной. Тайные встречи не в счет. Он мечтал надеть ей на палец обручальное кольцо и постоянно наслаждаться ее обществом. Не прятаться по углам, не встречаться на новой квартире по определенным дням, а гулять по парку, взявшись за руки, спать в одной постели, вместе завтракать, обедать и ужинать. И пусть она сидит в своем кабинете, а он в соседней комнате работает над новым портретом, но он будет чувствовать ее близость. Можно в любой момент бросить работу, подкрасться и заглянуть в ее кабинет. Увидеть, как она хмуриться, как улыбается, как смотрит в окно и раздумывает над следующей фразой, которую должен произнести один из героев. Какое счастье просто любоваться ею!

- Эдик, я что-то не то сказала? – спросила Клунина. Она на расстоянии чувствовала изменение в настроении любимого мужчины.

- Изочка, я очень люблю тебя. Я тебя обожаю, боготворю, я счастлив, что ты есть у меня!

Элоиза не могла резко переключиться от переживаний к чувственным признаниям. Но искренние слова мужчины успокоили ее, впрочем, как всегда. К тому же он добавил.

- Я знаю, что с Германом всё будет хорошо... Ты мне веришь?

- Верю...

Она верила ему и доверяла.

И теперь, когда к ней пришло полицейские, вспомнила о воскресном разговоре, и сразу успокоилась.

Мой сын жив, - решила Элоиза Георгиевна. – Пройдет время, и он объявится. Найдет объяснение своему поведению, и я его прощу... Главное, чтобы вернулся...

Но каждый новый прожитый день всё больше и больше тревожил и Забалуева, и Клунину. Тревожил, как неизлечимо больного человека, которому отвели определенный срок для ожидания конца.

Эдуард перестал верить, что невероятная история с исчезновением Германа закончится благополучно. Наступало утро нового дня, не приносящее новостей, и надежды на то, что приятель даст о себе знать или объявится, почти не осталось.

Когда Элоиза позвонила Забалуеву и совершенно чужим, безразличным голосом сказала, что работу над ее портретом надо временно отложить, он всё понял – любимая женщина находится на грани истерики. Она мечется по квартире, как львица в клетке, потом замирает у окна в ожидании чуда – вот сейчас у подъезда остановится такси, из него выйдет ее сын, поднимет голову, увидит мать, улыбнется и помашет ей рукой. А она пойдет в прихожую, откроет дверь, мысленно подгоня тихходный лифт, и будет ждать его появления.

Забалуев знал: Элоиза держится из последних сил. Она не желает верить, что сына больше нет, живет надеждой на его возвращение. В разговоре она намекнула, чтобы Эдик не смел появляться у нее дома. В этот момент она меньше всего беспокоилась о своей репутации. Элоиза не хотела впутывать Забалуева.

Она страдала у себя дома, он у себя.

Она пыталась взяться за работу, но не могла написать ни строчки. Сидела перед экраном компьютера и смотрела на расплывающиеся перед глазами слова.

Он трудился, но без привычного отрешения от действительности – обычное состояние для любого творческого человека. На этот раз действительность не отпускала художника.

Забалуев отличался от своих собратьев по кисти особым умением проникнуться чувствами и мыслями человека, над чьим портретом он работал в данный момент. Простое копирование облика человека его не устраивало. Чтобы достичь совершеннейшего сходства, необходимо распознать душу оригинала, пропустить его чувства, его характер, его мысли через себя, погрузиться в раздумья, и лишь затем приступить к работе над портретом. За это его и ценили заказчики.

Лев Толстой утверждал, что «глаза – зеркало души», художник Эдуард Забалуев считал лицо зеркалом души. Можно с точностью скопировать внешние признаки, но полного совпадения портрета с оригиналом никогда не достичь, если не разгадать внутреннее состояние. Лицевая мимика говорит о душевном состоянии человека. Как бы художник не уговаривал натурщика «сделать» вчерашнее лицо, собственные мысли возьмут верх. Вчера было вчера – у него были проблемы, сегодня он эти проблемы удачно разрешил, поэтому не может сдержать эмоции. Забалуев, как дипломированный технар, должен найти среднее арифметическое - то состояние, при котором человек естественен. Он добр и открыт, он жесток и закрыт, он легкомыслен и болтлив без меры – вот это стоит разгадать художнику, чтобы заказчик остался доволен и порекомендовал его своим знакомым.

Он сожалел, что теперешняя работа не требует особых погружений во внутренний мир оригинала. Заказчик изменил требование: поначалу он просил написать портрет крошечной внучки, теперь настаивал, чтобы внучка находилась на руках своей матери, дочери заказчика. Этакая мадонна с младенцем на руках. Художнику была неинтересна ни мать, ни постоянно орущий младенец, мешавший ему сосредоточиться на собственных мыслях. Что касается духовного мира «Мадонны», но он отсутствовал. В голове брезжила одинокая мысль, но она не касалась новорожденного. Молодую женщину занимал художник – мужчина неординарный во всех отношениях. Чего стоил пронзительный взгляд, который лазером прожигал сердце женщины, уставшей от однообразия.

Эдуард ограничился небольшим количеством графических набросков, чем удивил молодую мать, которая считала, что будет позировать модному художнику на протяжении нескольких месяцев. К тому времени ребенок подрастет, и не будет мешать ее общению с симпатичным мужчиной. Забалуев стал объяснять, что поймал момент наивысшего духовного соединения матери и месячного младенца и теперь перейдет к вдохновенному воплощению его на полотне.

Судя по недовольной мимике, женщину подобный расклад не устраивал. Она решила поспорить, а то и покапризничать, но в этот момент в комнату зашел ее супруг. Он одарил недобрый взглядом художника, потом жену в белом платье-балахоне с глубоким Y-образным декольте, из которого виднелась пышная грудь, помянул сквозь зубы «дорогого тестя» и сел поодаль. Молодая женщина подобралась, притянула к себе младенца, который, наконец-то, успокоился и заснул безмятежным сном, словно закрывалась от звериных глаз супруга и пристального взгляда творца, который сделал еще пару штрихов и стал собирать наброски и складывать их в папку. Женщина больше не обронила ни слова...

Удивительно, но работа без вдохновения давала неожиданный результат – портрет матери с младенцем на руках получался, без ложной скромности, замечательным. К тому же написание заняло меньше времени, чем предполагал сам художник. Но он решил не спешить, чтобы не обидеть заказчика. Почему-то всякий раз, получая готовый портрет, люди мысленно прикидывали, сколько времени заняло выполнение заказа. Чем больше, тем выше была похвала, будто качество исполнения их волновало меньше всего. Если художник трудился долго, значит, отнесся к выполнению заказа со всей ответственностью. Вот портрет жены господина Тырпуськина он написал за два месяца, а мой портрет за два с половиной, даже почти за три, из чего следует, что я натура более глубокая, более интересна для творца, чем жена какого-то миниолигарха.

Забалуев искусственно не затягивал сроки сдачи заказа, он называл конкретную дату, недостаточную для написания портрета, но отдавал портрет с опозданием на неделю или две, объясняя задержку тем, что долго думал над последним штрихом, который, как известно, самый трудный. Подобное неформальное отношение подкупало заказчика.

Когда Эдуарду осталось дописать некоторые незначительные детали портрета «мадонны с младенцем на руках», он полностью переключился на Германа Клунина, хотя, он и так занимал все его мысли.

От ожидания Забалуев решил перейти к действию. Для начала сходил к следователю Кошечкину, представился близким другом семьи Клуниных и поинтересовался, как идет расследование. Илью Аркадьевича не удивил его приход, из чего Эдуард заключил, что тот в курсе его дружбы с Элоизой.

Следователь не стал посвящать Забалуева в тайны следствия, задал несколько вопросов, одним из которых был вопрос, когда он в последний раз видел Германа Борисовича Клунина. Эдуард обо всем честно рассказал, но не стал вмешивать Элоизу, которая просила его о «разведывательных» действиях. После чего расписался под своими показаниями и покинул следственный отдел.

Он понял, что рано или поздно дело спустят на тормозах.

Наплевав на запрет, он отправился к Элоизе...

В ожидании известий от капитана Крутова Терещенко изучал съемку с камеры наружного наблюдения у торгового центра, которую принес Прилуков. Майор, как и его подчиненный, не нашел ничего общего между незнакомцем и Германом Клуниным, но Людмиле Клейменовой лучше знать. В любом случае собственные догадки должны быть подтверждены вескими доказательствами.

Он увеличил изображение мужчины, с которым разговаривал человек, похожий на Клунина, и распечатал на принтере.

Потом открыл блокнот на странице, куда выписал шестерых мужчин рейса 3401.

Майору Терещенко не нужно было ходить по паспортным столам, чтобы получить фотографии этих людей. Это работа для стажеров. У опытных оперов есть «секретные ходы». С их помощью Спиридон Яковлевич попал в нужную базу данных, сверил фамилии и адреса, снова задействовал принтер, и вскоре шесть распечатанных фотографий мужчин лежали перед ним на столе.

Терещенко сразу взялся за телефон. Он позвонил Клейменовой, чтобы договориться о встрече. И очень обрадовался тому обстоятельству, что Людмила в данный момент находится неподалеку. Она сама предложила встретиться в парке у фонтана. Майор отключился, усмехнулся тому обстоятельству, что свидание назначено в неоригинальном месте, как в старом шпионском детективе. Сгреб листы с фотографиями в портфель, на всякий случай прихватил и фотку мужика у торгового центра, дошел до двери, но вернулся. В одном из ящиков стола находилась губка для обуви. Он быстро прошелся ею по туфлям, отчего они непривычно заблестели. В закромах нашлась и платяная щетка, сбросившая пыль с брюк.

Надо было утром пройтись по брюкам утюгом, - неожиданно пришла в голову запоздалая мысль.

Терещенко бросил на стул портфель, который до сих пор был под мышкой и мешал преображению. Задумался о том, как исправить ситуацию с мятыми брюками. Не нашел ничего лучше, как задействовать по два пальца на обеих руках. Пальцами левой руки зажимал место сгиба некогда существовавшей стрелки на брюках, а пальцами правой руки отчаянно вытягивал штанину. Затем смещал пальцы дальше. Прodelал тоже самое с другой штаниной, полюбовался своей работой и остался доволен. «Задние» стрелки его не беспокоили, главное – фасад. Заправил в брюки выбившуюся рубашку, поправил воротник, подтянул ремень, на ходу бросил мимолетный взгляд в зеркало, ну, не вертеться же перед ним, и покинул кабинет, не забыв закрыть дверь на замок...

Люся сидела в тени на скамейке и смотрела на бьющие струи фонтана. Волнение медленно отступало. Мандражировать она начала с утра, когда решила во что бы то ни стало встретиться с майором Терещенко.

Часы показывали половину восьмого, а она уже звонила бабушке. Та удивилась раннему пробуждению внучки-отпускницы и обеспокоенно просила.

- Люся, у тебя что-то случилось?

- Мне нужна твоя помощь!

- Привози ко мне Ванюшку, - сразу сообразила женщина.

- Я не об этом... Я очень хочу, чтобы ты испекла свои фирменные пироги с капустой.

- С каких пор ты любила мучное?

- От твоих пирогов я никогда не отказывалась.

- Допустим, - не поверила бабушка. – И когда ты приедешь?

- Три часа тебе хватит?

- Вполне.

- Ба... Ты уж постарайся.

- От моих пирогов зависит твоя судьба, - без доли юмора произнесла женщина. – Не волнуйся, милая, я постараюсь!.. И Ванечку можешь оставить...

Потом Люська накормила сына манной кашей, сама выпила чашку чая с лимоном и съела два печенья. После легкого завтрака начались тяжелые сборы.

Клейменова перемерила кучу нарядов. Один был неподходящим для июньского дня, больше - для посещения театра или ресторана, другой чересчур обтягивал и выказывал малюсенькие недостатки почти идеальной фигуры. Третий наряд – бирюзовая юбка в складку на широком поясе и белый топ – смотрелся неплохо, но было одно но: на улице был сильный ветер, он гонял пыль, лохматил волосы и проказничал – задирали широкие юбки девчонок. Людмила станет постоянно придерживать двумя руками края юбки,

собирая по бокам, и отвлекаться. Она может доехать до здания районного отделения внутренних дел на такси и быстро проشمыгнуть внутрь. Подойти к дежурному, сказать, что ей нужен майор Терещенко, и отправиться в указанный кабинет. Но разговор в полиции будет носить сугубо деловой характер. Лучше встретиться на нейтральной территории.

За сборами Люська совсем забыла, в каком именно ОВД служит товарищ майор. Но быстро сообразила: раз они занимаются делом пропавшего Германа Клунина, то это место службы находится в том же районе, что и аэропорт. Она могла найти адрес в интернете или набраться смелости, позвонить Спиридону, номер телефона он ей дал, и назначить встречу. А он сразу спросит: «Вы что-то вспомнили?» И очень удивится, что она звонит просто так, без причины, отрывает от дел занятого человека, и тем более САМА назначает свидание.

Но что же делать? – задалась вопросом Клейменова, облачаясь в синий сарафан в мелкий белый горох. Верхняя часть сарафана выгодно обтягивала грудь, а юбка была слегка расклешенной, но длинной, доходила почти до пят. На ноги обула белые балетки, чтобы пыль не забивалась. Хотела надеть на голову широкополую шляпу, но передумала – в ней она будет походить на курортницу, идущую на пляж. Сарафан девушка выбрала намеренно: на улице жаркий солнечный день, она находится в отпуске, просто шла мимо и случайно встретила Терещенко неподалеку от его места работы.

Клейменова не подумала, что Спиридон не сидит день-деньской в кабинете. Девушка была уверена, что встреча состоится. А если придется ждать до вечера, то она готова.

В сумке зазвонил мобильный телефон, едва Люська вышла из автобуса. Каково же было удивление, когда она поняла, что звонит мужчина ее сегодняшней мечты...

И теперь она сидела на скамейке и любовалась фонтаном. Порывы ветра доносили до нее капли воды, это ее успокаивало и одновременно настраивало на игривый лад.

Хорошо, что она сообразила и назначила встречу в парке. Здесь не так жарко и прохожих почти нет. Неподалеку расположено летнее кафе, можно зайти и выпить холодный апельсиновый сок. Или поесть мороженое.

Девушка размечталась и не заметила, как к ней подошел Терещенко. Она очнулась, когда он присел рядом, поздоровался и отгородился от нее портфелем, поставив его между ними. Людмила ответила на приветствие, недовольно покосилась на портфель, словно он сразу встал на защиту своего холостого хозяина.

- Вы одна, без сына? – спросил Спиридон Яковлевич. Он думал, что молодая мать приехала в парк вместе с Ваней. Парк был большим, тенистым, здесь было множество аттракционов.

- Одна. Оставила сына на... маму. С утра напекла пирогов, хотела бабулю порадовать. Она у меня обожает пироги с капустой.

- Значит, несете бабушке пирожки, и тут навстречу серый волк,- сдержанно улыбнулся майор. Ничего подобного он от себя не ожидал. Пусть не всегда, но был излишне сдержан в выражении эмоций, серьезен, немного угрюм и вечно всем недоволен. Пытался недовольство держать в себе, но оно лезло наружу в те дни, когда всё шло наперекосяк, планы срывались по независящим от него причинам, подчиненные бездействовали или действовали спустя рукава – «не горели на работе», подражая начальнику. Тогда Терещенко срывался. Доставалось всем, не только окружению. Особенно возмутительно себя вела современная молодежь, которая слонялась без дела по улицам в дневное время или со скучающим видом сидела на скамейках парка. Сегодняшнее благодушное настроение никто не мог испортить – мечта о встрече с Людмилой сбылась, пусть Спиридон и прикрывал ее необходимостью задать несколько вопросов симпатичному свидетелю. А молодые бездельники не слонялись по парку и не сидели на скамейках.

- Серый волк любит пирожки с капустой? – кокетливо спросила Клейменова, поддерживая настрой, заданный майором. Она не поняла, иронизирует мужчина или пытается

намекнуть, что разговор не будет носить деловой характер. А предложение встретиться, можно расценивать, как желание развить зарождающееся отношения двух мало знакомых людей, которые вызвали друг у друга взаимную симпатию.

- Обожает, как и твоя бабушка, девочка! – неожиданно заявил «волк» не своим голосом, вложив в него рыкающие интонации, чем напугал пожилую женщину с маленькой собачкой, проходившую мимо.

- Молодежь развлекается, - с осуждением пояснила она своей шавке- минидоберману, как называл Терещенко подобные худосочные существа на тонюсеньких лапках.

Ему польстило, что его отнесли к категории молодых людей (действительно, что за возраст – тридцать шесть!), но непривычную для него манеру общения он посчитал неуместной. Он больше походил на бесталанного актеришку в театре юного зрителя, чем на мужчину, которого заинтересовала привлекательная девушка.

И еще он подумал, что он так же как другие бездельники сидит на скамейке и «точит лясы», как говорил его старший брат, не выносивший праздное времяпровождение. Это чувство он передал по наследству младшему брату. А еще... передал одиночество.

Спиридон смутился, автоматически взял пирожок из пакета, услужливо распахнутый Людмилой и стал жевать.

Клейменова зорко следила за изменениями в его лице, надеясь уловить блаженство от бабушкиного мастерства, выданное за свое. Но Терещенко походил на безэмоционального дегустатора, который поедает за этот день уже сто первый пирожок и пытается найти разницу с предыдущими ста.

- Ну, как, вкусно? – не выдержала Людмила.

- Очень, - безразличным голосом ответил майор и потянулся за вторым пирожком с капустой. За вторым последовал третий, потом четвертый. До пятого дело не дошло. Мужчина протянул руку, но быстро отдернул и заглянул в пакет, где осталось всего три пирога. – Извините...

- Не волнуйтесь, я еще испеку, берите, берите.

- А как же бабушка?

- Ей, вообще, мучное и сладкое противопо... - начала она и осеклась. – Я говорю – испеку еще. Бабуля хоть и соблюдает строгую диету, но иногда позволяет нам себя побаловать.

- Мне неудобно, - сказал Спиридон и снова заглянул в пакет с пирогами. Клейменова сунула пакет ему в руки.

- Я к бабуле всё равно не успеваю, так что забирайте. Если сами не съедите, то передайте своему рыжему.

- Тимофею, что ли?

- Я... не запомнила, как его зовут, - неумело солгала девушка, достала из сумки мобильник и проверила, который час. Наручные часы она летом не носила.

- Людмила, вы спешите, а у меня есть к вам парочка вопросов.

- У меня назначена встреча, - сообщила Люська обиженным голосом. Обида, естественно, родилась не на пустом месте. Она так старалась: уговорила бабушку на стряпню, принарядилась, просидела на скамейке битый час в ожидании мужчины, а он... слопал пироги и хорошего слова не сказал.

- Это займет всего десять минут.

- За десять минут я умру от жажды! – с вызовом сказала Клейменова и с явным намеком повернула голову в сторону летнего кафе.

Возможно, на службе майор поражал всех своей сообразительностью, но не в быту. Или попросту сказывалось отсутствие опыта общения с женщинами. Он не уловил намека и стал копаться в своем портфеле. Подобное обстоятельство Люсю не смутило, напротив, она почувствовала себя опытной женщиной, которая может стать скульптором и вылепить из мужчины, незрелого в вопросах отношения полов, идеальную для себя пару.

Она решила взять на себя инициативу, схватить за руку расслабленного после еды Терещенко и потянуть в сторону кафе, но не успела ни схватить, ни слова молвить.

Спиридон ловко выхватил из своего затрапезного портфеля листы бумаги и начал перебирать их, проверяя, всё ли взял. Убедился, что всё и протянул тонкую стопку листов Клейменовой.

- Люда, посмотрите внимательно на этих мужчин и скажите, кто был в аэропорту и сидел рядом с Гоголевой и Клуниным?

Она несколько раз просмотрела фотографии, останавливаясь на каждой. Наконец, выбрала одну распечатку с принтера и протянула ее майору.

- Этот мужчина был в аэропорту. Но я хочу напомнить, что со зрительной памятью у меня проблемы.

Спиридон подтвердил кивком головы, перевернул лист и прочел фамилию, которую собственноручно написал некоторое время назад. Сделал какие-то пометки на обратной стороне, забрал другие листы и сунул их в портфель.

- Это еще не всё, - то ли пригрозил, то ли успокоил он.

- Я пить хочу, - набралась наглости Клейменова и вызывающе облизала «пересохшие» губы.

- Сейчас я вас отпущу, - деловито сообщил Терещенко, как это делает начальник, перечислив подчиненному ряд неотложных мероприятий, который он обязан выполнить перед уходом. Он выудил из портфеля еще один листок. – Скажите, с этим мужчиной разговаривал человек, которого вы приняли за Клунина? Вы говорили, что хорошо его запомнили. Благодаря вашему описанию мы нашли запись этих двоих на камере наружного наблюдения у торгового центра.

- Это он, - сказала Людмила. Ей хватило одного взгляда. - Я плохо запоминаю лица людей, но это лицо запомнила.

- Почему? Лицо, как лицо...

- Этот мужчина очень похож на моего начальника.

- Но это не ваш начальник? – уточнил майор.

- Нет, это не мой начальник, - усмехнулась Людмила. Обида незаметно улетучилась. И как можно обижаться на человека, у которого на первом месте служба? Что в этом плохого?

Первым делом, первым делом самолеты, ну, а девушки, а девушки потом, - вспомнила она слова старой песни.

- А раньше вы этого мужчину не встречали?

- Я же говорю: у меня память на лица отвратительная. Если бы он не был похож на моего начальника, я бы его ни за что не вспомнила.

- А у вашего начальника, случайно, нет брата? – спросил Терещенко. Эта мысль внезапно родилась в голове. – Я, конечно, знаю, что встречаются люди, которые очень похожи между собой, но родственные связи отсутствуют.

- Двойники, - подсказала Людмила и попыталась вспомнить, есть ли брат у ее начальника?

Спиридон пока не знал, играет этот человек определенную роль в деле Клунина, но в любом случае он мог пролить свет, ответить, кем является мужчина, с которым он столкнулся у входа в торговый центр. Нельзя упускать даже самую незначительную деталь. Если девушка даст положительный ответ, и тем человеком окажется брат ее начальника, то это гораздо облегчит его труд и труд стажера Прилукова.

В жизни просто так ничего не бывает, - мысленно рассуждал Терещенко. - Люся случайно проезжала мимо торгового центра, случайно увидела человека, похожего на Германа. У нее случайно сохранился номер его мобильного телефона. Она взяла и позвонила. А я не случайно подзарядил батарею и постоянно носил с собой его мобильник.

- Про брата я никогда не слышала. По крайней мере, к нам в офис он ни разу не приходил, - наконец, произнесла Клейменова.

Не это хотел услышать от нее майор, но не подал вида, что расстроился. Они узнают, кто этот человек. Узнают, но позже, приложив немалые усилия: придется опросить охранника на стоянке, показать ему фото, возможно мужчина постоянно паркует на стоянке перед торговым центром свой автомобиль, если это не поможет, то придется обойти весь торговый центр. Но надо предпринять еще одну попытку.

- Люда, я понимаю, что моя просьба будет несколько странной, но вас не затруднит позвонить начальнику и спросить о брате? Если это проблематично, вы боитесь, что вас отзовут из отпуска, то мы сами узнаем, по своим каналам...

Клейменова чуть не сказала, что ради Спиридона она готова отказаться от положенного ей отпуска, но сдержалась – боялась спугнуть неопытного мужчину, в глазах которого нет-нет, да проявляется искорка интереса.

- Мой начальник – самый лучший человек на свете, он мне, как отец, – вслух заявила она.

- А свое любопытство я найду, как объяснить.

- Спасибо вам.

- Пока не за что.

Людмила принялась звонить, а Спиридон не стал ей мешать, поднялся со скамейки и двинулся в сторону ларька, в котором продавали прохладительные напитки. Намек девушки он понял, но прикинулся недогадливым. И причина была банальна и проста: у него в кармане было всего двадцать рублей и еще какая-то мелочь. Завтра был день зарплаты.

Он купил бутылку минеральной воды и вернулся на скамейку. Людмила уже заканчивала телефонный разговор.

- Недаром говорят: в отпуске забудь о работе, чтобы она о тебе не вспоминала! Только позвонила, как мой дорогой начальник вспомнил обо мне и решил, что поры бы мне появиться в офисе. – без сожаления доложила она Терещенко и похвасталась, - он без меня, как без рук.

- Это хорошо, когда тебя ценят.

- Хорошо, но хотелось побыть с сыном, - загрустила она.

Терещенко чувствовал себя всюду виноватым: и на работу отпускницу вызвали, и сегодня загрузил ее своими делами, оторвав от Ванечки, и пирожки, ему не предназначенные, умял за пять минут и не заметил. Спрашивать о результатах разговора с начальником неудобно, но надо.

Но Людмила сама всё рассказала.

А заодно спросила, нет ли фотографии человека, которого она приняла за Германа Клунина?

- В объектив камеры наблюдения попал его затылок. Лишь однажды он слегка повернул голову, возможно, почувствовал чей-то пристальный взгляд, и в камеру попал его профиль. Изображение получилось смазанным, не четким. Но я на всякий случай распечатал его на принтере. Рассчитывал после обратиться к специалистам, чтобы сделать нормальную фотографию двойника Клунина, - торопливо пояснил Спиридон Яковлевич, снова открывая любимый портфель.

Некачественный снимок двойника он предъявил Клейменовой.

- Вы уверены, что Герман умер? – первое, что спросила она, внимательно изучив профиль мужчины...

Элоизу не удивил приход Эдуарда Забалуева. Она прильнула к нему, он обнял ее и чмокнул в макушку. Женщина больше не могла сдерживаться и разрыдалась. Ее тело сотрясалось, мужчина гладил ее по плечам, говорил какие-то ненужные слова, не находя нужных. Он плакал в себе. Ему было жаль эту женщину, напоминавшую маленькую

девочку, которая потерялась в огромном городе, где жили безразличные жители. Одна. Без родных и близких людей. Без сочувствия. Нашелся один сострадатель, да и тот непутевый.

Эдик дал ей возможность выплеснуть из себя накопившееся горе. Потом ей станет легче. Пусть капельку, но легче.

Когда рыдания перешли во всхлипы, он ласково развернул женщину, обнял за плечи и повел в ванную. Помог умыться холодной водой, протянул полотенце, а затем отвел в кухню. Усадил Элоизу на стул, а сам занялся приготовлением чая.

- Я ничего не хочу, - сказала она, проследив за его манипуляциями.

- Не хочешь, а надо, - ответил он и улыбнулся ей приободряющей улыбкой.

Вскоре поставил перед ней большую чашку с чаем, влив в нее изрядную порцию коньяка.

Несмотря на жару, Клунину начало знобить. Эдик сходил в ее спальню и вернулся с шалью в руках. Накинул её на плечи любимой женщины, та благодарно коснулась его руки.

- Пей, Изочка, - заботливо произнес он, подвигая к ней чашку, - чай с коньяком тебя согреет.

- Эдик, а ты веришь, что Гера жив? – в лоб спросила она, не поднимая глаз на мужчину, чтобы не прочесть ответ в его глазах.

- Я... не знаю, - еле слышно произнес Забалуев.

Она закусила губу, чтобы снова не расплакаться, обхватила двумя руками чашку и сосредоточилась на её содержимом. В кухне повисла напряженная тишина. Она беспокоила мужчину и пугала женщину. Он не знал, что сказать, чтобы не обидеть ее и не лишиться последней надежды. Чтобы занять себя он решил приготовить себе кофе.

Женщина заговорила первой.

- Эдик, ты помнишь, как Герман любил разыгрывать людей. Еще называл это розыгрышем во спасение, - тихо произнесла она, ее губы тронула жалкая улыбка.

- На это он всегда был мастак, - согласился Эдуард, усаживаясь на соседний стул с чашкой кофе. Его реплика могла послужить толчком к приятным, самоуспокаивающим воспоминаниям. Так и случилось.

- Я недавно вспомнила, что он вытворил на вступительном экзамене в университет... И зачем мы настояли, чтобы он поступал именно на журналистику... Но ладно, чего уж об этом...

- А я забыл, что он вытворил, - вставил фразу Забалуев. Он всячески старался вернуть Элоизу к трогательным воспоминаниям.

- Не помнишь? – удивилась она. – Экзаменатор заметил, что Гера нагло пользуется шпаргалкой, вскочил с места и двинулся в его сторону. Сын понял, что погорел. Сейчас тот обнаружит, что он списывает и выгонит его с экзамена. О принципиальности экзаменатора мы были наслышаны. Ни на какие компромиссы он не шел, напротив, поставил себе цель завалить Германа Клунина, за которого хлопотало слишком много влиятельных лиц. Не дойдя до нерадивого абитуриента нескольких шагов, мужчина вдруг заметил, как тот медленно сползает со стула, а потом расплывается на полу без чувств. Ничего подобного многоопытный экзаменатор еще не испытывал, потому не сразу сообразил, что происходит? И тут одна девочка как завопит на всю аудиторию: «Откройте немедленно окно, человеку плохо!» Так активно призывала открыть окно, что Герка едва сдержался, чтобы не вскочить и не выполнить ее приказ. Кто-то распахнул настежь окно, а девочка подлетела к Герману и стала махать перед его лицом тетрадкой. Экзаменатор опомнился и отправил одного парня в медпункт за врачом. Прибежала молоденькая медсестра, к тому времени Геру общими усилиями уложили на сдвинутые в ряд стулья... После он еще смеялся: хорошо, что на стол не положили, как покойника... - легкая улыбка соскользнула с лица матери. Глаза наполнились слезами, но она быстро взяла себя в руки. – Медсестра поднесла к носу бутылочку с нашатырем, и Герка,

маленький паршивец, «пришел в себя». Девушка измерила ему давление, и по странному стечению обстоятельств оно оказалось слегка повышенным. Тогда ему было предложено перенести экзамен на следующий день. Но он отказался и попросил экзаменатора немедленно принять у него вступительный экзамен, пока он снова не упал в обморок... Представляю себе лицо это экзаменатора! Наверное, ему самому было впору пасть без чувств. Но он милостиво согласился, выслушал начало ответа на первый вопрос и предложил перейти ко второму вопросу. Герман сказал пару предложений, он его остановил, поставил в экзаменационном листе пятерку, пожелал здоровья и удачи на следующем экзамене...

- Я вспомнил другой случай, - включился в игру Забалуев. – Еще в ту пору, когда у вас был ювелирный салон на проспекте Космонавтов, туда ворвался грабитель с пистолетом. Его лицо закрывала черная шапка с прорезями для глаз. Посетителей не было, охранник, как специально, куда-то отлучился, бандит приставил пистолет к виску одной из девочек-менеджеров, а другой приказал бросать ювелирные украшения в мешок. И тут в зале появился невозмутимый Герман Клунин. Он остановился в шаге от грабителя, который стал вопить, чтобы тот не приближался, иначе он убьет девчонку, а Гера нахмурился и спросил:

- Вася, это ты?

«Вася» обалдел, забыл, что лицо закрывает шапка, и говорит:

- Я не Вася, а Петя.

- Точно! Петя! – восхитился Герка и хлопнул себя по лбу. – Что ж ты, Петруха, своих грабишь?

- Как..это... своих? Почему... своих? – замямлил тот и опустил руку с пистолетом. Этим воспользовался твой сын и скрутил преступника... Занятия спортом не прошли даром...

Они долго сидели на кухне, не решаясь сдвинуться с места, чтобы не нарушить виртуальное спокойствие, поселившееся ненадолго в этом доме.

За окном сгущались сумерки. Ветер, бушевавший весь день, стих.

Я всегда мечтал о том, чтобы вот так сидеть на кухне и тихо переговариваться, - думал Эдуард. – Сейчас я мечтаю, чтобы нашелся Герка – авантюрист по натуре и любитель розыгрышей, любитель ввязываться в сомнительные делишки, любитель женщин, любитель жизни... И самый дорогой человек для самой прекрасной женщины на земле...

Человек из наружного наблюдения доложил Терещенко, что в квартиру Элоизы Клуниной пришел мужчина. Судя по описанию, это был Эдуард Забалуев.

У майора было несколько вопросов к обоим, но он решил отложить их на завтра.

От участкового уполномоченного капитана Крутова пришла неожиданная новость. Она требовала осмысления. Но голова Терещенко была пустой. Почти пустой. Маячила одна мыслишка, но к делу Клунина она не имела отношения. И это злило майора.

Он отправился домой, где его никто не ждал.

В морозильнике лежала пачка пельменей. Кажется, есть сметана. Сейчас он отварит пельмени, выложит их на тарелку, обильно польет сметаной, поперчит и с удовольствием поужинает.

Кроме нескольких съеденных пирожков и утреннего бутерброда он ничего не ел. А молодому, пусть не растущему, организму надо хорошо питаться. Чтобы мозги работали, как часы...

Дома Терещенко претворил планы в жизнь, потом принял душ и лег в кровать, прихватив новый роман писательницы Местерской. Он думал, что его хватит на пару страниц, но чтение увлекло его, как и в прошлую ночь.

Время перевалило за полночь, когда на тумбочке запрыгал телефон, поставленный на режим вибрации. Хотя, майор жил один и мог не беспокоиться, что ночной звонок кому-

то помешает, но он каждый вечер менял один режим на другой: стены в доме были тонкие, а за стеной жила молодая семья с малолетним ребенком.

Спиридон схватил мобильник и прежде чем ответить, двинулся в ванную.

Звонил «засланный казачок» из банды Лени Косолапого, на профессиональном сленге – «барабан». Он рассказал, что Кривой поехал в Москву на операцию. У него варикозное расширение вен на ногах, лечение уже не помогает. Лапа позвонил одному айболиту в столицу, тот согласился принять Кривого в своей клинике. Случай в аэропорту с исчезнувшим телом никто не обсуждает, Кривой звонил пацанам из столицы, но новостью не поделился, видимо ему нет дела до чужих смертей, обеспокоен собственным состоянием и предстоящей операцией. Он перед отъездом так трясся, что стал всеобщим посмешищем. Кривой с детства врачей боится. В разные переделки попадал, но ни одной царапины не получил. А тут проблемы с ногами, смех, да и только.

Терещенко попросил позвонить, если появятся новости.

Он вернулся в кровать, но желание читать роман Местерской пропало. Перед глазами встал Виктор Криворучко - амбал в наколках, как окрестила его Людмила Клейменова. «Кривой» - здоровенный мужик под два метра ростом и весом килограммов сто тридцать - сто сорок с постоянно недовольным выражением на бугристом лице.

Постепенно мысли переключились на Людмилу. Спиридон не мог понять, чем заслужил ее внимание? У них разница в возрасте тринадцать лет, не ахти какая, но всё же. Он уже на девчонок поглядывал, а она только родилась... А поглядывал ли? Терещенко не думал «о глупостях», он всегда старался заслужить похвалу старшего брата. Не думал о собственных желаниях, выполнял его четкие требования. Все мальчишки гоняли во дворе мяч, а Спиридон читал книги. Друзья учились на тройки, а он переживал, когда получал четверку. Значит, недоучил, значит, поленился...

Особенно ему не давалась орфография. Спиридон потому и много читал, таким способом пытался искоренить собственную безграмотность. Но писал всё равно с ошибками, в одном слове мог сделать две, а то и три ошибки, если слово было сложным. Иногда переписывал целый печатный лист, но умудрялся делать ошибки. Мучился ужасно! Но шел к поставленной цели упорно. Книги всегда читал вдумчиво, долго, не особо вникая в смысл, запоминал орфографию. Все правила русского языка он знал «назубок», а применять их на практике не мог. Хорошо, что зрительная память была великолепной.

Людмила Клейменова утверждает, что у нее плохая память на лица, а Жанну Гоголеву смогла описать. Пусть не до мельчайших деталей, но всё же. И пожилого мужчину, который угостил ее сына конфетой, легко опознала. Надеюсь, не ошиблась, потому что среди шестерых подходящих мужчин, двое было похожи между собой.

Завтра с утра я всё о нем узнаю. Если он пока не на пенсии, то нагряну к нему на работу. А потом займусь Жанной Гоголевой. Поинтересуюсь ее разговором с Клуниным и сравню ее показания с показаниями пожилого мужчины. Или препоручу Гоголеву Прилукову. Что-то в последнее время мне трудно общаться с женщинами.

Еще с молодых лет Терещенко была присуща зрелая мудрость и несвойственная людям его возраста сдержанность. Но в последнее время мудрость превратилась в бестолковое брюзжание, а сдержанность уступила место колким замечаниям в адрес нерадивых подчиненных и ненужной заинтересованности противоположным полом. Не могла ли заинтересованность стать причиной резкого изменения характера? В жизни любого человека наступает переходный момент: из мальчика в юношу, из юноши в мужчину, из мужчины в седовласого мудрого старца. У Спиридона произошел скачок – он из мальчика сразу превратился в лысого старца, немного задержался на этапе мудрости и превратился в озлобленного на весь мир старика. В чем причина? Причина в скачках! Всё должно быть постепенным и плавным. Вмешалось желание быть лучше, чем он есть на самом деле. Отсюда появление у Спиридона комплекса неполноценности. Перед ним

всегда был яркий пример настоящего мужчины - его старший брат. На него он хотел походить, ему подражал, перед ним заискивал. Но человек не может быть идеальным во всём. И брат не был идеальным. Наверное, Спиридон идеализировал его.

Уже после смерти Терещенко-старшего один из его коллег рассказал, что он применял незаконные методы воздействия на граждан. Но Спиридон не поверил. Хотел пустить в ход кулаки, постоять за честь брата, но сдержался. Он не испугался, хотя, теперь не было спины, за которую можно было привычно спрятаться. В ту пору он умел сдерживать эмоции. И впервые не захотел, чтобы его сравнили с братом.

Потом ему сказали, что брат сел за руль в изрядном подпитии, но Спиридон снова не поверил, несмотря на то, что видел своими глазами результаты экспертизы.

- Это ошибка! Брат не мог! – попытался убедить он себя и окружающих, чтобы не дать сомнению поселиться в душе. Брат не мог и точка! Брат - образец порядочности, честности, благородства.

Но как не внушай себе, что ты пьешь вкусный чай, когда на самом деле пьешь теплую воду, так и не поверишь. Легкий самообман на короткий период.

Осознание приходит позже, когда в твоих руках оказывается чашка со свежесваренным чаем.

Самообман затянулся у Терещенко на долгие годы. Брат продолжал быть кумиром, его поступки и дела идеализировались, о малейших недочетах забывалось. Спиридон часто задумывался, сохранилось бы поклонение, если бы брат был жив? Возможно, всё осталось на прежних местах, возможно, младший брат смог освободиться от постоянного комплекса несовершенства.

Терещенко был уверен в одном: ему всегда будет не хватать старшего брата. Пусть он был резок, несдержан, любил командовать не и выносил, когда ему не подчинялись безоговорочно, но он воспитал его. Как умел.

И не заметил, как превратил его в мужчину с комплексом отличника. Он не может стать самим собой. Он постоянно переосмысливает свое поведение, свои слова, свои поступки с точки зрения старшего брата. А что бы он сказал, а что бы ответил, а был бы доволен им?

Спиридон всегда боялся создать о себе дурное мнение, боялся ошибок, поэтому пахал, как вол, до седьмого пота, не тратил время на ерунду, не пускал в свою жизнь людей, которые станут мешать его сложной и ответственной работе. Майор Терещенко – смелый человек, профессионал с большой буквы...

А кто-нибудь догадывается, что этот смелый человек боится женского внимания? За все годы службы ни одна женщина не смотрела на него с интересом. Как угодно: с боязнью, с заискиванием, с уважением, с ожиданием, но без интереса, который может вызвать обычный мужчина, не обязательно красавец и богач.

Людмила Клейменова посмотрела на него иначе, а он увидел в ней привлекательную женщину. Ни бесполое существо-свидетеля, а Женщину.

Это не значит, что майор выбрал ее в качестве эталона красоты и совершенства. Заметил и ее хитрые уловки, и некоторую заторможенность в мышлении, и плохую актерскую игру в «красную шапочку», несущую пирожки бабушке. Но ему захотелось ей подыграть. Впервые в жизни.

И это желание превратило закомплексованного труса в обычного мужчину со своими слабостями.

На мгновение он забыл установки, вбиваемые братом в его голову. Захотелось жить своей жизнью и не бояться подсматривающего ока любимого «идола».

Не бывает идеальных людей! Не бывает!

И хорошим для всех ты никогда не будешь!

Уверен, тот же Прилуков «за глаза» называет его занудой и человеком, который издевается над подчиненными - спихивает на них «черную» работу, требующую немалых физических усилий, но дающую капельку результата. Естественно, все через это

проходят. И сам Терещенко «стаптывал сто пар сапог», пока находил иголку в стоге сена. Так называемая облагороженная дедовщина...

Всем мил не будешь, как не старайся...

Спиридону вспомнился разговор с Тимофеем о текучести жизни и поведении человека в бурлящей стихии.

Я плыву по течению, но не отдаюсь силе воды, а стараюсь победить ее. А надо плыть туда, куда тебе нужно. Нужно причалить к этому берегу, причаливай! Нужно к другому, всё в твоей власти! А хочешь повернуть назад, и такое бывает в случае, когда ты о чем-то забыл, так возвращайся! Вернись, замри и оцени свою жизнь до сей отметки, вспомни, что ты хотел изменить? Ведь ты хотел!..

Философские размышления измучили Терещенко. Он включал свет и пытался отвлечься чтением, но не мог понять, о чем пишет госпожа Местерская.

Выключал свет, считал звезды на небе, глаза слезились и закрывались сами собой. Но через некоторое время сон отступал перед очередным размышлением.

Сравнение жизни с плаванием по реке повернули его мысли от наскучившей философии к делу Клунина, которое пока топталось на месте. Мысли побежали слаженно и бодро в нужном направлении. Теперь он чувствовал себя, как рыба в воде. Не то, что в отношениях с хорошенькими женщинами, которые неожиданно заметили, что по земле ходит лысый мужчина вполне приглядной наружности.

Терещенко понял, что сон ушел окончательно и бесповоротно. Он встал с кровати и потопал в кухню. Включил чайник и стал мысленно раскладывать по полочкам результаты работы последних дней...

С утра Прилуков связался со следователем, который вел дело о наезде на Павла Маруськина. Тот рассказал следующее:

- Через два квартала от дома пострадавшего был обнаружен старенький «Фольксваген-пассат» с характерными повреждениями на капоте. Установили владельца этого автомобиля. Им оказался некий гражданин Зубиков Илья Петрович, тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года рождения, который заявил, что машину у него угнали. Как давно, он не в курсе, потому что был в командировке. Когда уезжал три дня назад, «Фольксваген» стоял возле дома, вернулся - его нет. Заметил пропажу, хотел идти в полицию, писать заявление об угоне транспортного средства, а тут полицейские сами нагрянули. Мы навели справки о Зубикове по месту работы. Как оказалось, в командировке он не был, а находился в запое почти неделю.

- И таких работников не увольняют? – удивился Тимофей.

- Зубиков работает в какой-то шарашкиной конторе по ремонту всякой рухляди, которую выбросить жаль. Платят там копейки, все трудяги под стать Зубикову. Один вышел из запоя, другой – ушел в запой.

- Что ж он не придумал более правдивую версию? Командировка в шарашкиной конторе это что-то!

- С бодуна голова плохо соображала. Сегодняшний день он отвел на восстановление, а завтра собирался выйти на работу.

- Он один живет?

- Один, кто с таким уживется?! Жена давно ушла, дети выросли, из прошлой нормальной жизни у него остался один «Фольксваген». Он на нем по работу ездит или по заказам, когда в ремонте нуждается крупногабаритная техника. Говорит, что за руль выпившим никогда не садится. Покаялся, что соврал про командировку, но стыдно было признаться, что пил беспробудно неделю. Мы опросили соседей. Как всегда бывает – нашлась одна любознательная дамочка. Она видела, как Зубиков вышел, пошатываясь, из подъезда и сел за руль. Она еще подумала, как бы беды не случилось. Так и вышло. Зубиков сбил

Марченко, хотел остановиться, но испугался. Удрал с места происшествия, через несколько кварталов решил бросить автомобиль... Так что дело можно считать закрытым.

Прилуков был доволен таким исходом. Как бы он не относился к Элоизе Местерской, ему не хотелось, чтобы она превратилась в преступницу. Пусть творческая личность ведет себя высокомерно по отношению к простым смертным, но это своего рода самозащита. Ежик сворачивается в клубок, черепаха прячется в панцире, ранимая писательница окружает себя забором высокомерия.

Всё-таки, Элоиза Георгиевна достойна уважения. Она не воеет, как белуга, не жалуется на нерасторопных полицейских, а сидит в своей норке в компании невеселых мыслей и крапает романы. Остается позавидовать ее выдержке...

Один Терещенко знал, что Клунина нашла поддержку в лице любимого человека и вряд ли у нее есть силы для занятий любимым делом. Она предприняла кое-какие действия, а сейчас сидит и ждет новостей. Как от полицейских, так и еще от одного человека.

Перед тем, как отправиться к ней на квартиру, Спиридон Яковлевич изучил список абонентов Германа Клунина, который оставался для него загадкой, как и для Тимофея.

Но теперь имя одного абонента майору удалось разгадать...

Когда накануне ему позвонил Федор Михайлович Крутов и рассказал об итогах своих хождений по квартирам в подъезде Элоизы, Терещенко не удивился. Чего-то подобного он ждал, но не рассчитывал, что Элоиза, светская дама, опустится до звонка человеку другого круга.

Ночные бдения к определенному выводу не привели. Среди огромного списка абонентов майор смог выделить «Лапусю», которая подходила человеку, которому тайно звонила Элоиза Георгиевна, и еще две фамилии. С этими людьми Герман созванивался чаще других. «Лапусе» молодой человек звонил не часто, как успел убедиться майор - за последний месяц они разговаривали лишь пару раз, и продолжительность разговора была не более двух минут, что заставило Спиридона усомниться в своем первоначальном выводе. Скорее всего, это девушка, и Клунин договаривался с ней о встрече. Та оказалась сговорчивой, и переговоры много времени не заняли. А почему он не мог договориться с женщиной о ДЕЛОВОЙ встрече? Мог, но кандидатура, на которую подумал Терещенко, тотчас не даст быстрого согласия. Он попросит перезвонить, чтобы дать ему время для изучения личного расписания, в которое нужно вписать просителя. Это вам не мелкий чиновник, а значимая фигура в определенных кругах, у него из таких просителей целая очередь, как в мавзолей. Но ни через час, ни на следующий день Клунин ему не перезванивал.

Лишь к утру, когда Спиридон уже лег в кровать и начал погружаться в сон, он смог себя убедить, что «Лапуся» вовсе не девушка с умильной внешностью, а тот человек, которому на днях звонила Элоиза Клунина и просила о помощи.

Как доложил капитан Крутов, женщина не отправилась к ближайшим соседям. У нее под боком жила вредная бабенка – Ростислава Макаровна Рубец, которая всё про всех знала и стремилась к тому, чтобы знать больше. Это в планы Клуниной не входило. Путем недолгих размышлений она пришла к выводу, что самым подходящим человеком в подъезде является Юрий Тихонович Шерстнев, который жил этажом выше. Это был безобидный на вид одинокий старичок, всю жизнь проработавший токарем на подшипниковом заводе. Квартиру в элитном некогда доме получила его супруга, которая в советские времена была партийным лидером на том же предприятии, снабжавшем подшипниками всю страну. Супруга скончалась в начале девяностых годов, когда на родную партию начались гонения. Ее фанатичность и преданность делу партии не передались мужу. Он всегда был тихим и малоразговорчивым. А после смерти жены и вовсе замкнулся в себе.

В теплое время года Юрий Тихонович целыми днями сидел на скамейке во дворе, но участия в разговорах не принимал – был туг на ухо, а слуховой аппарат не приобретал по

причине небольшой пенсии. Зимой почти не выходил на улицу, целыми днями сидел дома у телевизора, который раздражал громким звуком всех соседей. Когда пожилой мужчина разговаривал по стационарному телефону, об этом знал весь подъезд, поэтому некоторыми сведения о замкнутом соседе любопытные пенсионерки обладали. Так они знали, что у него есть племянница, дочь его покойной сестры, которая живет в Самарской области. Она каждый раз обещала приехать в гости к дяде, но забывала об обещании, потому как за все годы ее никто не видел. А еще Юрий Тихонович часто звонил своему старинному приятелю, которому недавно успешно провели операцию на сердце. Помогала Шерстневу по хозяйству женщина из соцслужбы, которая приходила два раза в неделю – по понедельникам и четвергам.

Как были бы удивлены обитатели элитного по старым меркам дома, если бы узнали, что безобидный старичок всю жизнь был нештатным сотрудником КГБ. «Стучал» на бригадира, на мастера, на директора завода, на соседей, живущих, по его мнению, на нетрудовые доходы.

Шерстнев давно «отошел» от дел, но к вопросам участкового отнесся со всей ответственностью. Для начала рассказал о своей прошлой жизни, чего уж теперь скрывать, товарищу милиционеру, именно милиционеру, а не полицейскому, как в дореволюционной России, пусть знает, с кем имеет дело. Чтобы не подумал, что старик выжил из ума и привирает от скуки и для собственного удовольствия. Он из ума не выжил и слышит лучше любого молодца, а глухим притворяется, чтобы люди не стеснялись в его присутствии делиться тайнами. Ему эти тайны без надобности, слушает так, на всякий случай, и опять же разнообразие в скучной монотонной жизни.

Как обычно, ближе к двум часам дня, Юрий Тихонович вернулся с прогулки. Пообедал гречневой кашей, что еще надо старику с плохим пищеварением, и по привычке собрался вздремнуть пару часиков, чтобы потом снова выйти во двор. Дома, как и на улице, было нестерпимо жарко, но старик чувствовал себя в это время года лучше, чем холодной зимой. Даже в теплое время года он ходил в теплой обуви и пиджаке. Еще бы и перчатки надел – руки постоянно мерзнут, но не хотел смешить народ... Про то, что Шерстнев не выжил из ума, Крутов помнил... Так вот, поел он каши и только собрался лечь, как в дверь позвонили. Он долго не раздумывал – открывать или не открывать, любой гость был для него в радость. Впервые за все долгие годы к нему пришла Элоиза Клунина, которую все называли «за глаза» гордячкой. Не сказать, что женщина сторонилась соседей, но старалась ограничить общение до минимума. Могла спросить о здоровье, коротко обсудить погоду, некоторым почитательницам своего таланта дарила книги. Но Юрий Тихонович подобные романы не читал, к дамочке относился напускно- безразлично, даже с долей презрения, но исподтишка любовался ею. Ничто человеческое ему не чуждо. Элоиза Георгиевна пришла в тугослышащему соседу, чтобы позвонить с его телефона, объяснив вторжение тем, что ее собственный аппарат упал и разбился, а мобильный телефон она не может найти из-за собственной рассеянности. Об этом она сообщила, переступив порог квартиры Шерстнева и плотно прикрыв за собой входную дверь. Клунина не кричала, как это делают люди, общаясь с глухими стариками, она внятно выговаривала слова, будто хозяин квартиры умел читать по губам. Надо признать, что он так удивился ее приходу, что позабыв о своем «недуге». Не стал переспрашивать и прикладывать ладонь в форме локатора к уху, как обычно поступал при разговорах, а указал на телефон, стоящий в прихожей на высокой одноногой подставке, и удалился, не забыв прикрыть дверь в комнату. Объяснение дамочки ему показалось не убедительным. Для вида он прошаркал к дивану, покряхтел, а потом тихонечко вернулся и прильнул к двери.

Элоиза несколько раз вертела диск старого телефонного аппарата, видимо не могла дозвониться, затем хозяин услышал, как она сказала.

- Леонид, здравствуй, это Элоиза. У меня к тебе важное дело. Ты слышал, что случилось с Германом?

По всей видимости, мужчина по имени Леонид ничего не слышал, тогда женщина коротко пересказал ему историю, произошедшую с ее сыном, и попросила помощи. Наверное, абонент обещал оказать всяческое содействие, потому как дамочка сердечно его поблагодарила и пообещала перезвонить. На предложение мужчины позвонить самому, она ответила резким отказом. Из чего Шерстнев заключил, что она не хочет связывать свое имя с именем этого человека. Больше к соседу Элоиза не приходила.

Крутов добавил, что никто в доме не знал о трагедии в семье Клуниных, кроме Юрия Тихоновича, который обещал хранить молчание. Наблюдательный «разведчик» не преминул сказать капитану, что давно заприметил во дворе чужой автомобиль и двух мужчин в нем, которые покидают салон по очереди. Бегают за соседние гаражи для исправления собственных нужд и в продуктовый магазин, который находится неподалеку, на первом этаже жилого дома. Участковый поблагодарил старика за бдительность и содействие правоохранительным органам, подумал и вручил ему двести рублей. Бывший «агент» КГБ от заслуженных денег не отказался и бодро сказал: «Служу Советскому Союзу!»

После разговора с Крутовым Терещенко сразу запросил распечатку разговоров с телефона Шерстнева Юрия Тихоновича и узнал, кому звонила Элоиза Георгиевна Клунина. Всё это произошло вчера.

А сегодня ему предстояло узнать, что связывает ее и вчерашнего абонента...

Клунину не удивил вопрос майора, который пришел к ней без предварительной договоренности. Не стала скрывать Забалуева, представила его Терещенко, назвав своим другом. «Друг» вел себя по-хозяйски и пригласил гостя к обеду. Гость ограничился чашкой чая с лимоном, хотя, раньше себе и этого не позволял. Но голодный желудок выворачивался наизнанку, а зарплату он пока не получил.

Элоиза принялась за салат из свежих огурцов и помидоров, а Эдуард Забалуев - за большую отбивную и жареный картофель. Спиридон сделал большой глоток горячего чая, чтобы унять выделение желудочного сока, обжегся и закашлялся. Художник налил ему стакан воды и, молча, поставил перед ним на стол. Майор осушил его и занялся своим портфелем.

Для начала он показал фотографию человека, которого зафиксировала камера наружного наблюдения у торгового центра. Не двойника Клунина, а его собеседника.

Элоиза Георгиевна надела очки и внимательно изучила мужчину.

- Я впервые его вижу, - уверенно произнесла она.

Дошла очередь до Забалуева. Результат был тот же. Майор не усомнился в их правдивости. Он поразмыслил и показал снимок с профилем двойника.

- Этот человек вам никого не напоминает?

Она не дернулась испуганно, без эмоций присмотрелась и сказала.

- Он похож на моего сына, но это не он. У Германа нос другой и надбровные дуги не так выпирают.

Художник, наконец, справился с мясом и гарниром, чем очень порадовал голодного полицейского, прихлебывающего чай с лимоном.

- Это не Герман! – заключил Забалуев.

А вот в этих последних ответах майор усомнился. Женщину выдали подрагивающие кисти рук, а мужчина, прежде чем ответить, бросил на нее вопросительный взгляд, будто не мог понять причины данного ею нечестного ответа. Но в знак солидарности решил поддержать «подругу».

Но сходство незнакомца с пропавшим сыном могло встревожить мать, отсюда и тремор. Элементарное объяснение. Если допустить, что Герман жив, на чем она настаивала, то

зачем ей скрывать, что камера зафиксировала, именно, его? Она бы взлетела от счастья до потолка и потребовала найти ее сына. Не тело, а сына! Прежние нападки Терещенко на Элоизу Георгиевну, будто бы она с сыном заодно и скрывает его место нахождения, сами собой забылись после ее вчерашнего звонка. Клунина больше не казалась майору холодной замороженной рыбой. В присутствии любовника она «оттаяла». Теперь рядом с ней есть надежный защитник, который закроет ее от жестких вопросов, оградит от недоверчивых взглядов, согласится с любым ее решением. Она не смотрит в его сторону, но чувствует на себе его ласковый понимающий взгляд.

Спиридон никогда не смешивал работу и собственные чувства, которые до сей поры сидели глубоко внутри, чтобы, не дай Бог, не выплыть наружу. Сейчас он неожиданно переключился с работы на себя – одинокого никому ненужного мужчину. Пусть наделенного логическим умом и искусством предугадывать события, но одинокого. А так хочется вернуться домой, открыть входную дверь и услышать знакомые шаги, почувствовать запах вкусного домашнего борща, не столовского, и жареных котлет. Хочется увидеть лицо дорогого человека, который обнимет тебя, чуть-чуть пожурит за опоздание и пригласит к столу...

От грустных мыслей его отвлек вопрос Элоизы.

- Есть новости в расследовании?

Терещенко порадовался, что не пялился в пустоту, а смотрел на снимок с профилем двойника, будто оценивал сказанное хозяйкой.

- Не думайте, что мы сидим сложа руки. Мы работаем. – уклончиво ответил он и обратился к Забалуеву. – Эдуард Викторович, я знаю, что вы были у следователя и рассказали ему о последней встрече с Германом... Вы больше ничего не вспомнили?

- Я рассказала всё, что знал.

- А вы, Элоиза Георгиевна?

- Что вы хотите от меня услышать, Спиридон Яковлевич?

- Хотелось бы узнать, что вас связывает с криминальным авторитетом Леонидом Косолаповым?

- Леня мой троюродный брат. Он сын двоюродной сестры моей матери.

- Даже так? - удивился майор. Он не рассчитывал, что между интеллигентной Элоизой и вором в законе может существовать родственная связь, как между жителями разных планет космической системы.

- Это друзей выбирают, а родных нет,- вздохнула хозяйка. – Я обращалась к Леониду за помощью. Не думайте, что я подозреваю вас в бездействии, но моему родственнику по силам узнать, что произошло в аэропорту.

- И что ему удалось выяснить?

- Пока ничего. Вчера я снова с ним созванивалась. Новостей нет.

Терещенко догадался, что звонок родственнику был сделан с мобильного телефона Забалуева, который послушался и пришел к ней домой. Она выплакалась на его груди, почувствовав поддержку. Майор не знал, что думает Эдуард об этой истории с Германом, вероятно у него есть свое мнение, отличное от мнения самой Элоизы, но он ее переубеждать. Согласился, а ей этого как раз и не хватало. Теперь нашелся еще один человек, который считает, что ее сын жив.

- А какие отношения были между вашим сыном и Косолаповым? - поинтересовался Спиридон Яковлевич.

- Никаких! Я давно попросила брата, чтобы он предупредил меня, если Герман...

- Если Герман надумает с ним «подружиться», - продолжил за нее Забалуев, заметив, что Элоиза не может подобрать нужных слов. Женщина согласно кивнула. – Леня уважает и ценит сестру, он не позволил бы племяннику исковеркать свою судьбу, как это когда-то случилось с ним.

- Но в последние дела Германа он был посвящен?

- Леня сказал, что ничего не знал, - отозвалась женщина. Судя по голосу, она не сомневалась в словах непутевого брата.
- Возможно, Косолапов был просто не в курсе, - предположил Терещенко.
- Он мог быть не в курсе, если мой сын затеял что-то нехорошее за пределами нашего города, - в сердцах заявила Клунина. – Или если спутался с людьми без криминального прошлого. В любом случае Леня узнал бы об этом, но позже.
- Но я проверил звонки Германа и понял, что пару раз за последний месяц он звонил дяде.
- Он уговаривал Леню вложить инвестиции в строительство коттеджного поселка на берегу Дона, в двадцати километрах от Ростова.
- А Герману какая из этого выгода?
- Он искал способы заработать. Строительством коттеджного поселка занимается один его знакомый. Он в курсе, что у Геры в друзьях ходит половина города, среди них есть очень обеспеченные люди. Мой сын умеет убедить человека, если у него есть в этом выгода.
- И Косолапов согласился?
- Он каждый раз обещал подумать, но Герка надежды не терял.
- Понятно, - кивнул Терещенко.
Он достал из портфеля фотографию пожилого мужчины – пассажира рейса 3401, на которого указала Людмила Клейменова, и положил ее перед Элоизой.
Она снова нацепила очки и внимательно изучила фото.
- Я его не знаю.
Забалуева можно было не спрашивать – он дублировал ответ Клуниной.
- Ладно, на этом закончим, - сказал майор и стал собирать портфель, но передумал уходить.
- Что-то еще?
- Такие фамилии, как Верещагин и Комов вам что-то говорят?
- Верещагин. Комов. – задумчиво повторила писательница. – Мне нет, а тебе Эдик?
- Василий Верещагин – известный художник. Был еще один Верещагин, в фильме «Белое солнце пустыни», а Комов... Комов... Уверен, что слышу эту фамилию впервые. А почему вы спрашиваете?
- Эти люди занесены в список абонентов в мобильный телефон Германа.
- Но я уже вам говорила, что не лезла в жизнь сына, - напомнила Элоиза, - когда он хотел поделиться, то рассказывал. Но крайне мало и редко. О выгоде в строительстве поселка на берегу реки я узнала от Леонида, мне об этом Гера не рассказывал. Еще одним осведомителем был Эдуард. Но это не значит, что я следила за каждым шагом сына. Я боялась... неприятностей. – Осторожно подобрала она последнее слово.
- А у вас с собой мобильник Геры? – неожиданно спросил Забалуев. По всей видимости, у него появилась идея.
Терещенко достал из «волшебного» портфеля телефон и протянул его Эдуарду. Тот нашел нужного абонента по фамилии Верещагин и проверил одиннадцать цифр.
- Всё сходится! – повеселел он, это мой номер телефона.
- А к чему такие сложности? – недовольным тоном поинтересовался Спиридон Яковлевич.
- В этом был весь Герман Клунин – человек загадка, - ответил он.
- Вы художник, Василий Верещагин художник. Это ясно. Но почему, именно, Верещагин? Думаю, было бы лучше назвать вас Никасом Сафроновым. Он тоже пишет портреты на заказ, причем весьма успешно.
- Однако, вы зря время не теряли, успели собрать обо мне информацию, - осуждающе покачал головой художник.
- Это было не сложно! - хмыкнул майор. Хотел поиронизировать о славе, которая бежит впереди художника, но сдержался.

Видимо короткое пояснение не только успокоило творца, но и порадовало. Многие мечтают о славе, и Эдуард не исключение. Найдя в майоре почитателя своего таланта, он решил пояснить, почему Герман нарек его Верещагиным, а не Никасом Сафроновым.

- Гера любил находить ассоциации не только в профессии, но и в чертах характера, в любимых выражениях. Я люблю напевать песню из фильма «Белое солнце пустыни» - «Ваше благородие, госпожа удача». Он знал об этой моей привычке, еще шутил: Как услышу, что ты поешь «об удаче», сам весь день мысленно напеваю.

- Интересно, какие ассоциации у вас вызывает фамилия Комов?

- Кажется, был скульптор с такой фамилией, - вспомнила Элоиза Георгиевна. – Вы, Спиридон Яковлевич, в интернете покопайтесь, может быть, найдете подсказку.

- Благодарю за совет, - искренне поблагодарил майор, прихватил свой портфель и двинулся к выходу.

- А вы не звонили по номеру Комова? – спросил Забалуев, следуя вместе с Элоизой за Терещенко.

- Нет, - односложно ответил он, чтобы пресечь поток новых вопросов.

Но не тут-то было.

- А хотите, я позвоню? – предложила Клунина-Местерская.

- Не надо вмешиваться в оперативно-розыскные мероприятия!

Элоиза одарила его таким взглядом, что майор догадался, какие она держит в голове мысли об их работе.

- Но вы хотя бы узнали, кому принадлежит этот номер? – не унимался Забалуев.

Подобные вопросы унижают опытного опера. Благодушный настрой мигом улетучился. Терещенко поспешил уйти, чтобы не сказать что-то резкое, после чего ему самому будет стыдно.

- Узнали, - буркнул он и принялся за свою поношенную обувь, отчужденно стоящую у сторону от щегольских туфель художника.

Спиридону было неловко по двум причинам: первая - за то, что все видят, какая у него обувь, а момент засовывания ног в туфли в присутствии интеллигентной дамы ему казался унижительным, словно выставляешь напоказ что-то интимно-непритязательное, сопоставимое с выставлением на всеобщее обозрение дырявого носка или застиранных трусов. Предлагала хозяйка не снимать обувь, но ему стало неудобно оставлять пыльные отпечатки туфель на блестящем полу. И вторая причина неловкости кроется в его лжи.

Да, он соврал, когда утверждал, что звонили по нему загадочного Комова. Майор положился на лейтенанта, а тот, как обычно занялся проверкой своих гениальных идей. Но старший по званию никогда не переложит вину на подчиненного. Он мысленно попытался его оправдать, а заодно и себя: каждый день появляются новые факты, они пока не находят объяснения, но отодвигают ранее намеченные дела. Потому произошел конфуз.

Терещенко стал прощаться, открыл входную дверь, но порога не переступал. Ему захотелось что-то сказать, но слова не находились. Он оценил взглядом Эдуарда и с завистью подумал, что этот мужчина более сообразителен, чем он. Над ним никогда не довлел старшего брата, он способен быстро ориентироваться в любой ситуации. Ситуации, в которые попадал майор были привычны, отличались лишь антуражем. Он знал, как себя вести и что говорить. Сейчас он потерялся. Это уже был другой человек. Нормальный человек с живыми эмоциями, способный сопереживать.

Но «заключительный аккорд» был необходим, чтобы избавиться от появившегося унижения. Пусть у него небольшая зарплата, пусть он одет в мешковатую одежду, пусть туфли у него старенькие со сбитыми каблуками, но он обладает незаурядными способностями. А подобным людям свойственны некоторые отклонения от нормы.

Терещенко потоптался у входа, кивнул и вышел. Нужных слов он так и не подобрал. Чуть не сказал, что всё будет хорошо, но вовремя прикусил язык.

Что будет хорошо? Что тело ее сына рано или поздно найдется, и она сможет предать его земле? Или он сам усомнился в собственном мнении, далеко от мистики?

Спиридон, как и следователь Кошечкин, терялся перед Клуниной. Рядом с ней хотелось блеснуть изысканными манерами, красивой складной речью, франтовским костюмом с прилагающими к нему гармонирующими атрибутами. У майора ничего этого не было. Он умел задавать короткие конкретные вопросы и желал получить развернутые правдивые ответы...

Он устал мысленно оправдываться. Сначала перед погибшим братом, теперь перед Элоизой Георгиевной.

Элоиза Георгиевна... Даже сочетание ее имени и отчества заставляет собраться, вздернуть подбородок и повернуть голову в ее сторону и гаркнуть: «Равнение на...»

Сегодня она выглядела взволнованной, но это волнение было сдержанным, не напоминало спящий вулкан, способный в любую минуту проснуться и вылиться безудержной словесной лавой, как это было раньше, когда она боялась, что ее мнение оспорят. Потому и говорила безумолку.

Сегодня всё сказано ею не нужно делить на два. Она отвечала на вопросы, пусть не давала развернутые ответы, но, кажется, ничего не скрывала. Теперь она поняла, что она с Забалуевым и полицейский в несурзной одежде находятся в одной команде, а не во враждующих лагерях...

Майор Терещенко не догадывался, что стажер, который старался откреститься от поисков абонентов Клунина, решил заняться ими вплотную, поставил себе цель – разгадать ребусы Германа.

Он пока не знал, что прозвище «Лапуся» принадлежит криминальному авторитету Лапе, который был троюродным братом его матери. А Верещагиным Гера прозвал художника Забалуева за профессию и исполнение шлягера из известного фильма.

Когда позвонил Терещенко, стажер решил умолчать о собственных поисках в этом направлении - раз результатов нет, нечего сотрясать воздух.

- Чем ты занят? – сразу спросил майор, которому надо было на ком-то разрядиться. От закоренелой привычки просто так не избавишься.

Голос не сулил ничего хорошего. Прилуков сбивчиво рассказал о наезде на Маруськина, надеясь на снисхождение озверевшего начальства.

- И это всё, что ты успел узнать за весь день?! – возмутился Спиридон Яковлевич.

- Товарищ майор, еще только половина четвертого, - попытался оправдаться стажер.

- Ты сегодня в отделе будешь? – смягчился Терещенко. Он понимал, что вина в нулевых результатах лежит на руководителе, а никак не на стажере.

- Пока не знаю, - пространно ответил тот, – вы приказали мне найти мужчину, который был в аэропорту. Того, что опознала Клейменова по фотографии.

- Если я молчу, это не значит, что мне надо объяснять по сто раз, к кому ты собрался! – будто бы без причины снова взвился Терещенко. Причина лежала на поверхности – лейтенант упомянул в разговоре Людмилу Клейменову. У майора «загорелось» лицо. Еще не хватало, чтобы он краснел, как девица, при упоминании объекта нежданного интереса. И нет никакого интереса! Люда – девушка симпатичная, но Терещенко нет до нее никакого неслужебного дела.

Прилуков пропустил мимо ушей возмущение начальства. Он давно научился подстраиваться под перепады настроения майора. Тимка прощал ему нападки и старческое бубнение. Спиридон Яковлевич – профессионал, каких поискать. И он злится, что пустяковое на первый взгляд дело, не может быть раскрыто в кратчайшие сроки. Поэтому не стал снова оправдываться, а, как ни в чем ни бывало, продолжил.

- Я узнал, где живет этот человек, и уже еду к нему. А завтра с утра отправлюсь к Жанне Гоголевой... Или вы сами к ней поедете?

- Нет, поручаю это тебе! Я займусь собеседником двойника Клунина. Кстати, Элоиза никого на фотографиях не опознала.
- Вы ей поверили?
- ???
- У торгового центра был точно не ее сын? Если не сын, то зачем эти «хождения по мукам»?! Значит, Клейменова обозналась. Сами говорили, что у нее плохая память на лица. Незачем нам искать этих мужчин!
- Тимофей, ты опять начинаешь? Еще раз я услышу нечто подобное, и ты подашь рапорт на увольнение.
- А что я такого сказал? - обиженно протянул Прилуков, – раз мать родная не узнала сына, то...
- Довольно! – пресек его разглагольствования Терещенко, - мы обязаны проверить и точка! Элоиза Георгиевна могла ошибиться. Сам видел, с какого ракурса сделана фотография. – Майор не сказал, что странное волнение Клуниной, когда она всматривалась в двойника сына, отложилось в памяти. Он попытался найти объяснение, но... Но всё требует проверки! - Теперь об абонентах Клунина. Лично меня заинтересовали две фамилии: Верещагин и Комов. Как оказалось, Верещагиным оказался Эдуард Забалуев.
- Откуда вы узнали? – опешил лейтенант, который собирался в ближайшем будущем поразить майора собственными открытиями в этом направлении.
- Подробности письмом, - хмыкнул Терещенко.
- Меня заинтересовала Лапуля. Все девушки записаны под своими именами, а эта...
- Инкогнито этой девушки тоже раскрыто. Это Леонид Косолапов. Знаешь такого?
- Наслышан, - обалдевшим голосом ответил Тимофей. – Тогда всё сходится... - начал он, но его неожиданную догадку перебил суровый голос начальника.
- Ничего не сходится. Лапа к нашему делу не имеет никакого отношения.
- Да, ладно, - не поверил Прилуков.
- Элоиза Георгиевна меня заверила, что ее родственник, а Леня Косолапов приходится ей троюродным братом, никогда бы не стал втягивать в свои дела Германа. И принял все меры, если бы узнал, что тот ступил на шаткий криминальный мостик.
- И вы ей поверили? – недоверчиво спросил стажер. – А как же дележ на два?
- Сегодня я застал у нее Забалуева. В его присутствии это совсем другая женщина.
- А если они действуют заодно?
- Учись распознавать, когда тебе говорят правду, а когда лгут.
- А вы никогда не ошибаетесь?
- Не ошибается тот, кто весь день лежит на диване.... И хватит болтологии! У тебя в разработке мужчина из аэропорта и Жанна Гоголева. Докладывай о результатах! Если будешь сачковать и заниматься не тем, что тебе приказано, то... - задохнулся от возмущения майор Терещенко и не нашел ничего лучшего, как сказать, - то пожалуюсь на тебя Кошечкину!
- Прилуков едва не ляпнул: «Ну, и пожалуйста!..» Непочитание признанных кумиров он считал вызовом обществу. Всякий молодой человек в душе революционер. Нравоучения, посеянные профессором Чаплей, пока не дали всходы, но засели в голове, иногда удерживая от неосторожных высказываний. Избавиться от ребячества не поможет взросление и празднования очередной даты. Можно меняться внешне, но в душе оставаться мальчишкой. Тут главное сориентироваться по месту. Теперешнее место не позволяло бросаться необдуманными фразами.
- Спиридон Яковлевич, я обещаю... - начал с пионерским возбуждением Тимка.
- Я тебя умоляю, не надо обещаний! – перебил его Терещенко, скривившись, словно раскусил орех и сломал зуб.
- Я понял!.. И еще хотел спросить, кто будет заниматься Комовым?

- Ты уже начал работать в этом направлении?

Скажешь «нет», получишь нагоняй. Скажешь «да», возмутится, что действуешь не оперативно, - окончательно запутался лейтенант и решил доложить о первых шагах в установлении личности Комова, о которых первоначально хотел умолчать.

- Номер оформлен на гражданку Кошееву Ирину Даниловну, проживающую по адресу переулок Сальский, двадцать восемь. Это частный дом. Не дом, а лачуга и притон для всех алкоголиков из ближайших окрестностей. Ирина Даниловна с трудом вспоминает, что было вчера. Но ее сожитель признался, что месяца два назад их остановил на улице мужчина и предложил заработать, но прежде поинтересовался, есть ли у них паспорта. У сожителя паспорт куда-то подевался, а у Кошеевой в наличии имелся. Она сбегала домой и вернулась с паспортом. Мужчина приобрел по паспорту Ирины Даниловны сим-карту и дал ей пятьсот рублей.

- Отработанный прием.

- Не знаю, где искать этого Комова.

- Элоиза Георгиевна предложила покопаться в интернете, вдруг найдется информация, которая натолкнет на догадку. - Терещенко объяснил связь Верещагин - Забалуев, чтобы стажер понимал, из чего надо исходить.

- И почему людям спокойно не живется?! - возмутился Прилуков. - Взял бы и занес Комова в список под настоящей фамилией.

- Художник объяснил это пространно: Герман - человек загадка.

- Он лентяй и бездельник. А сочинял от скуки. Лучше бы бизнес поднимал...

- Хотел быть оригинальным, - нашел более-менее нормальное объяснение Терещенко.

- Или боялся, что кто-то узнает, с кем он общается.

- Тимофей. Я подумал, что у тебя и так много дел. Я, пожалуй, возьму Комова на себя. Ты не возражаешь?

Прилуков не возражал. Он любил действовать, а не сидеть перед экраном компьютера, искать информацию обо всех Комовых, чтобы затем разгадывать, кем может быть этот человек? Желание разгадать человека-загадку - Германа Клунина - испарилось. Тимофея ждали другие дела.

В последний момент он вспомнил, что Павел Маруськин наречен Клуниным «школой», и доложил майору.

- Это понятно - кроме Маруськина, ни с кем из одноклассников Герман не общался, - сказал Терещенко.

- А почему нельзя написать просто - Павел Маруськин?! - взвился Тимофей. Непонятная конспирация его раздражала всё больше и больше.

- Ты же сам сказал - от скуки. Я не считаю, что Клунин смотрел на три хода вперед. Так ему нравилось. Он действовал спонтанно. Возможно, тренировал эрудицию, а заодно развивал память.

- Чтобы мозги не заплесневели, - вставил Прилуков. - Но какова роль Карасевой, в чьей квартире он якобы жил? Она приезжает в Россию раз в год, сим-карта приобретена Комовым два месяца назад, следовательно, всё закрутилось после этого, и Карасева здесь ни причем.

- Думаю, Герман зачем-то подстраховывался.

- А не легче бы было позвонить родственничку и сказать: Дядя Лапа, если со мной что-то случится, то прошу в моей смерти винить знакомого Валентины Карасевой, которая в данный момент живет в Литве. А еще лучше - назвать фамилию этого знакомого.

- Или бывшего мужа, - задумчиво проговорил Терещенко.

- А разве она была замужем?

- Надо навести справки о Карасевой... А что касается звонка «дяде Лапе», то Герман не мог предупредить: если он ввязался в авантюру, сулившую ему немалый доход, то родственнику знать об этом нельзя. Тот быстро поставил племяннику мозги на место,

афере конец, денежки тью-тью... Карасеву я тоже беру на себя. Для начала проверю, не имеет ли она судимости.

- Нам надо отчитаться перед Кошечкиным, - напомнил лейтенант. Он не хотел создавать проблем Терещенко.

- Докладываться о ступенчатых результатах не будем. Пока это оперативная информация...

Прилуков прибыл по адресу, где проживал мужчина, сидевший в аэропорту рядом с Жанной Гоголевой. Дверь ему открыла полная женщина лет шестидесяти. Она страдала от жары и постоянно обмахивалась газетой, из чего полицейский заключил, что современное благо цивилизации – кондиционер – в ее квартире отсутствует. Лицо хозяйки было отекившим, как и стопы ног, походившие на слоновьи.

Лейтенант показал удостоверение. Женщина впустила его в прихожую, но в комнату не пригласила. Тимофей достал фотографию мужчины.

- Это ваш муж? – заискивающе спросил он, внутренне ругая себя на это. Отечная хозяйка с поджатыми губами сразу дала понять, что разговор будет коротким и уж точно не перейдет в доверительную беседу.

Прежде, чем ответить, она сразу предупредила:

- Молодой человек, у меня гипертония, я с сорока пяти лет на инвалидности, мне нельзя волноваться!

Сказано это было чересчур бодро, будто бы она не жаловалась, а восторгалась наличием у нее серьезного заболевания.

- Я не собираюсь вас волновать, просто посмотрите на фото и скажите, ваш ли супруг на нем изображен? – Прилуков знал, что на фото хозяин квартиры, но хотел лишний раз убедиться в этом.

- А что, собственно, случилось? – дрожащим голосом спросила она, вмиг забыв о хроническом недуге, несвоевременности визита полицейского, опустила руку с зажатой в ней газетой и с угрозой взглянула на Тимофея, словно он был надоедливой мухой, проникшей на чужую территорию, которую она сию минуту прихлопнет свернутым печатным изданием. «муха» непроизвольно отодвинулась от грозной хозяйки с массой болезней. Испуг полицейского порадовал ее, уголок губы дернулся, намекая на усмешку. Она резво придвинулась к гостю, что было несвойственно для ее тучной фигуры, и свободной рукой вырвала фотографию, будто это была последняя улика против супруга.

Лейтенанту показалось, что женщина начнет рвать ее на мелкие кусочки, но она снова проткнула его взглядом, пару раз обмахнулась фотографией, пришедшей на смену газеты, а потом приступила к ее изучению.

- Да, этой мой муж, - задумчиво протянула хозяйка. Фото не вернула, потрясла его, прихватив за уголок двумя пальцами, и поозиралась по сторонам, как это делают люди в поисках урны.

- Я хочу задать вашему супругу всего пару вопросов, - более сдержанно, чем ранее, произнес лейтенант, выдержав паузу. Он уловил в своем голосе знакомые нотки: так успокоительно, но одновременно загадочно и с налетом собственной значимости разговаривал Терещенко.

- Но мужа нет дома. Он взял отпуск, решил погостить в Москве, у брата. Я отказалась ехать по состоянию здоровья. Знаете ли, климат там... - вздохнула она, сунула Тимофею фотографию и снова принялась за обмахивание газетой. – Гипертоники жару лучше переносят, чем холод. Это связано с сосудами...

Перебивать большую женщину, оставшуюся в одиночестве, Прилуков не решился. Он терпеливо ждал, когда поток жалоб и пояснений иссякнет.

Лейтенант догадался, что такие особы устанавливают в семье матриархат, и так привыкли в своей власти, что не терпят снисходительного обращения, тем более посторонних мужчин, нуждающихся в их помощи. Он засомневался, что женщина страдает от гипертонии. Допустим, она не совсем здорова, часто повышается давление, болят ноги, поясница, еще что-нибудь, но к любой болезни можно привыкнуть, если эта болезнь не развивается быстро, а топчется на одном месте... Как расследование, которое они ведут с Терещенко. Сочетание «мы с Терещенко» приободрило испуганного поначалу стажера. Он поднялся на одну ступень со старшим товарищем. Или почти поднялся.

Сейчас главное не торопиться и держать при себе фонтанирующие идеи, - подумал Прилуков, выслушивая с показным вниманием женщину, которая, по его мнению, стала спекулировать своими болячками. Он мысленно посочувствовал супругу, который укатил к брату, желая сменить обстановку и немного отдохнуть от господства узурпаторши жены. Теперь он был на его стороне, в каждом сказанном хозяйкой слове чувствовал недосказанность, если не утаивание правды. Тимка вспомнил один случай, когда жена заявила в полицию об исчезновении мужа. Полиция «с ног сбилась», несколько месяцев искала мужчину, пока не вышла на его любовницу, которая призналась в их долгой связи и сообщила, что жена случайно обо всем узнала, после чего муж пропал. Опытный оперативник, типа Спиридона Яковлевича, прижал печальную мадам к стенке, и та призналась, что поздней осенью заманила изменщика на дачу, где убила, а затем там же и закопала. Оперативник, раскрывший дело, признался коллегам, что от такой жены любой загуляет. Она держала мужа с «ежовых рукавицах», а шаг вправо-влево, больше влево, считался побегом, и «ходок» приговаривался к смерти без суда и следствия.

Тимофей, будучи на стороне угнетенного мужа, понял: скорее всего, он не настаивал, чтобы супруга присоединилась к нему, отсюда и еле уловимое недовольство. Лейтенант не подумал, что майор может осудить за скорые выводы, в его душе родилось ответное недовольство, с которым он ничего поделать не мог.

- А когда он вернется? – поинтересовался он таким непривычно грубым для себя голосом с явным оттенком неприязни, что сам вздрогнул от неожиданности. Чтобы скрыть неловкость, стал излишне суетливо засовывать фото в свою стильную удобную сумку, висящую на плече. Для портфеля он пока не созрел, если, вообще, когда-нибудь созреет. Подражание во всем Терещенко было всё же не полным. Само желание подражать создавало внутри Прилукова некий дискомфорт. Он пытался говорить, как Терещенко, смотреть на собеседника прищуренными глазами, как Терещенко, резко обрывать на полуслове без раскаяний и извинений, как Терещенко... Для него подобное поведение было несвойственным. Да, он любил перебивать собеседника, но не потому что ему не нравилось, о чем тот говорит. Он плохо слушал, думал о своем и хотел сразу же озвучить свои гениальные идеи, зашмыгнувшие в гениальную голову, пока они не ушмыгнули.

Он догадывался, что со стороны напоминает маленького мальчика, мечтающего вырасти в одно мгновение, который обувает отцовские туфли сорок пятого размера и напяливает широкополую шляпу. В таком прикиде он похож на неуклюжий гриб, решивший покататься на лыжах. Мальчик, как и Тимофей Прилуков, прибежал к ухищрениям. Но ухищрения возраста не прибавляли, а делали обоих комичными.

- Муж вернется через неделю, - ответила женщина, наблюдая за его нервическими движениями. Когда он справился с нелегкой задачей по упаковке фотографии с пижонскую сумку, она с придыханием спросила, - товарищ лейтенант, вы что-то от меня скрываете?

- А что мне от вас скрывать? – недовольно буркнул Тимофей, заводя рукой сумку назад.

- Н... не знаю, - испуганно сказала она, - полицейские просто так в дом не приходят.

- Не приходят, - согласно кивнул он головой. – В ваш дом я пришел, чтобы задать вопросы свидетелю.

- Если время не терпит, то позвоните ему. Или вам нужно занести его ответы в протокол? – со знанием дела спросила хозяйка.

- Не обязательно. По приезду он даст показания следователю. Если ему будет что рассказать. Пока мы проводил оперативные мероприятия.

- Ясно, - с серьезным видом сказала она, а Тимофей понял, что она запуталась окончательно. Его скомканное заверение о непричастности супруга к расследуемому делу еще сильнее взволновало ее. Одно радовало: если не требуют срочного возвращения, то он, действительно, проходит по делу свидетелем, а не подозреваемым.

Она начала перечислять положительные черты характера супруга, переключилась на уважительное отношение к нему на работе и поникшим голосом закончила «адвокатскую» речь:

- Он и мухи не обидит.

- Его ни в чем не подозревают, - сердито заявил Прилуков, окончательно убеждая супругу в причастности мужа к запутанной истории.

- Это точно? – теперь дама выступала в роли просительницы.

- Пока не подозревают, а там будет видно, - завуалировано ответил он, злясь на всех: и на себя, и на женщину с газетой, и на ее супруга, который до сих пор не вернулся из столицы.

Хитрым ответом он решил выместить на хозяйке свое недовольство за первоначальное заискивание, за свой безрезультатный приход в эту душную квартиру. Лейтенант задыхался, потел и нервничал. На уличном солнцепеке было лучше, чем в этой «духовке», включенной на максимум. Ремешок сумки противно прилип к плечу. Тимка надел сегодня новую белую шведку и теперь боялся, что на ней останется темная полоска от влажного черного сумочного ремня.

Молодец Терещенко, сделал правильный выбор! – мысленно похвалил он наставника, - портфель в руке это не только не так жарко, но и по-деловому. С ним мужчина выглядит солидно, а с наплечной сумкой, как праздно шатающийся мажор, который не вызывает уважения у граждан. К деловой одежде нужны соответствующие аксессуары, - подумал лейтенант, который был одет соответствующе серьезному моменту. Он надумал прикупить с зарплаты модный портфельчик.

От постоянных «обращений» к Терещенко, оценивания самого себя и постоянных, совершенно ненужных ему, женских жалоб разговор с отечней дамой получился тягуче-нудным, а самое главное – не был необходимого результата. Кроме того, что супруг – человек положительный во всех отношениях, лейтенант ничего «интересного» не узнал.

Домысли созрели в голове Прилукова, как арбузы на бахче в засушливое жаркое лето, и уводили от оценки сказанных хозяйкой слов. Он сразу настроился против нее, ко всему сказанному относился с недоверием, даже к ее волнению за мужа, которое он принял за эгоизм. Если с ним что-то случится, кого она станет распиливать на мелкие кусочки? Кто будет за ней ухаживать и выслушивать ее надоевшие жалобы?

Эгоистичная особа быстро совладала с эмоциями, вспомнив, что ей нельзя волноваться. Появившаяся до этого тревога, благотворно отразилась на ней: женщина вся подобралась, в потухших глазах появился блеск, отчего она помолодела и даже стала выше ростом. Самообладание, напротив, превратило ее в тесто без переизбытка муки, которое стало «расползаться» на глазах. Теперь это была прежняя опухшая женщина, представшая перед глазами Тимофея некоторое время назад, появившись в дверном проеме. Она мечтала о сострадании.

Кремень-лейтенант не тяготел к состраданию.

- Супруг звонил вам из столицы? – спросил он, внутренне ликуя, что не поддался. На самом деле, Тимофей был чувствителен к чужим недомоганиям, потому что сам в детстве сильно болел. Часто простужался, едва не заработал туберкулез, но мать сделала резкий поворот от лекарств к закаливающим процедурам, а потом повела сына в школу

юных хоккеистов, но его не приняли – он превысил возрастной ценз. Но волевая мать не сдалась, приняла, наконец, во внимание совет мужа, который всегда ссорился с женой по поводу ее тепличного воспитания, и отдала Тимофея в секцию вольной борьбы. Но когда сыну сломали ребро, забрала его оттуда. Но сам Тимка уже «не видел себя без спорта». Именно, так он заявил на семейном совете. И сам выбрал волейбол...

- Конечно, звонил! Что вы думаете: с глаз долой, из сердца вон?! - с вызовом заявила хозяйка. – По прилету сразу позвонил, чтобы я не волновалась. И каждый день звонит – утром и вечером, волнуется, спрашивает, как я себя чувствую? Сама я его не тревожу, а то еще московские родственники подумают, что я его контролирую.

- Про инцидент в аэропорту он не рассказывал? – заинтересовался Прилуков, скрывая усмешку: в постоянном контроле он не сомневался, но в то, что она не звонит в Москву, поверил. Наверное, у родных мужа сложилось о ней негативное мнение, и она старается их переубедить.

- Какой инцидент? – удивилась женщина, снова опуская руку с газетой.

- Молодой мужчина скончался от сердечного приступа.

- В самолете?

- На борт самолета он подняться не успел, умер прямо на трапе.

- Так вы по этому поводу пришли? - облегченно вздохнула она. Смерть незнакомого человека ее мало трогала.

- Видите ли, ваш супруг в зале ожидания сидел неподалеку от него. Я хотел узнать, может быть, он заметил, принимал ли тот какие-нибудь препараты или жаловался на недомогание? – лейтенант не зря «приоткрывал завесу», хотел проследить за ее реакцией. И снова действовал инстинктивно, надеясь на то, что успокоенная женщина поделится почерпанными от супруга сведениями. Прилуков, допросив мужа, сопоставит их рассказы и поймет, стоит ли ему доверять.

- А вы сомневаетесь в причине смерти? – сообразила женщина, снизила голос и спросила,

- думаете... ему помогли отправиться на тот свет?

- Нет, он умер своей смертью, ничего криминального здесь нет.

- Ой, темните вы, молодой человек, ой, темните! – пожурила его, прищурившись, дамочка.

- Удивительно, что супруг вам ничего не рассказал, всё-таки смерть человека, пусть и незнакомого, это чрезвычайное событие. – нахмурился Тимофей. Метод Терещенко срабатывал у самого Терещенко, а начинающим оперативникам надо помнить теорию, применять ее на практике и обдумывать каждое произнесенное слово. Теперь жена позвонит мужу и предупредит, что его разыскивает полиция, к разговору с которой он придет во всеоружии. А что ему, собственно, скрывать, если он впервые увидел Германа Клунина в аэропорту? Или если он... не причастен к похищению?

- Он у меня, вообще, скрытный и неразговорчивый. Переживания в себе держит, не говоря о плохих новостях. Бережет меня, - между тем сообщила хозяйка.

- А хорошими новостями делится? - задумчиво поинтересовался Прилуков. Его мысли витали рядом с майором, у которого он просил мысленно посыл-подсказки. Посыл от всезнающего человека не приходил, лейтенант призвал себя быть инициативным и уметь отвечать за собственные поступки, если инициатива вызывает неудовольствие начальства. Не это ли называется взрослением?

- Когда, как. Мы живем однообразно. Муж работает, я занимаюсь хозяйством. Я же вам уже говорила, что давно на пенсии, у меня гипертония!

- Сочувствую, - торопливо сказал Тимофей, чтобы она не уловила сомнение в его голосе и не перешла ко второй серии рассказов о своих неизлечимых заболеваниях. – Хорошо, хоть с мужем повезло, он ограждает вас от лишних потрясений. Теперь я понимаю, почему он не рассказал вам о случае в аэропорту.

- Да, мне с мужем повезло! – с вызовом произнесла женщина, но поумерила свой пыл, вспомнив сочувствие полицейского.

Одни скучают по близким людям, другие – по их сочувствию.

Если близких людей рядом нет, то можно принять чужое сочувствие, пусть и не совсем искреннее.

Прилуков смотрел на нее с ожиданием. Она опомнилась и продолжила.

- Уже поздно было, я ждала – ждала, лекарство выпила и задремала, а тут звонок. Муж сообщил, что благополучно долетел, пообещал на следующий день перезвонить и пожелал спокойной ночи.

- А чтобы же со звонком задержался? Знал, что вы волнуетесь...

- Как самолет приземлился, он сразу позвонил, - с недовольным видом произнесла она. На ее лице ясно читалось: а тебе, лопухий, какое дело, кто и когда мне позвонил? Лучше бандитов лови, а не шастай по квартирам и не тревожь мирных граждан, страдающих от жары. И от гипертонии.

- А который был час? – не унимался Прилуков, игнорируя посылаемые флюиды в свой адрес.

- Около двенадцати, - буркнула женщина, выискивая что-то на блестящем полу. С трудом нагнулась, подняла едва заметную соринку и, недолго раздумывая, сунула ее в карман ситцевого сарафана-разлетайки.

- Странно, вылет самолета отложили, но не более, чем на час. В Москву он прибыл не позже девяти часов вечера.

- Молодой человек, вы что-то путаете! – скривилась женщина и отчетливо добавила, - я своему мужу доверяю.

А я – нет, - подумал Прилуков. – Любая нестыковка в этом запутанном деле вызывает подозрение.

В его мобильном телефоне уже был «забит» номер телефона хозяина квартиры. Неплохо было разжиться стационарным номером брата в Москве, чтобы проверить, там ли гость? О чем он попросил уставшую от разговора женщину. Она мечтала об одном – чтобы полицейский, наконец, оставил ее в покое и удалился вместе со своими странными намеками и недомолвками. Поэтому шустро засеменила в комнату и вскоре вернулась с записанным на бумаге номером телефона...

Лейтенант старался не думать о том, что женщина может броситься со всех ног к телефону, чтобы предупредить супруга. Он надеялся на свою убедительность. Она должна была поверить, что супруг проходит свидетелем.

Но надо было всё-таки сдерживать эмоции! – мысленно пожурил себя Прилуков. - Что-то возмущает, сдержись! А когда останешься один на один со своим возмущением, дай ему волю.

Для начала разморенный от духоты Тимофей решил двинуть в аэропорт и проверить, все ли пассажиры вылетели рейсом 3401 на Москву, а уже потом звонить счастливому отпускнику. Лейтенант знал, что все билеты были раскуплены, регистрацию на «Боинг-747» прошли все пассажиры, посадочные талоны получили и предъявили, оставив себе купоны. Вылетели тоже все, не считая Германа Клунина.

Будто бы все...

Было зарегистрировано сто сорок девять пассажиров. Должно было вылететь сто сорок восемь. Простая арифметика, если не вмешалась теория вероятности...

Когда лейтенант приехал в аэропорт и проверил сведения об улетевших пассажирах, новость повергла его в шок: как оказалось, тем пресловутым рейсом вылетело сто сорок семь пассажиров. Не борту не было умершего Германа Борисовича Клунина и пожилого мужчины, который в зале ожидания сидел рядом с Жанной Гоголевой и супругу которого совсем недавно навестил лейтенант.

- Прэлэстно! – произнес свое излюбленное слово опешивший Тимофей, покидая здание аэропорта. Две пигалицы удивленно на него посмотрели, переглянулись и прыснули.

Молодой человек ступал и поспешил к своему автомобилю. Изучил собственное лицо в зеркале, выискивая изъяны, развеселившие девчонок. Изъянов не было, вернее, их была тьма, но ничего новенького веснушчатый парень не заметил.

Его внимание привлек пожилой мужчина, вылезавший из припаркованного неподалеку автомобиля российского производства. Опираясь на палочку, он проследовал в здание аэропорта. Тимка заметил на лобовом и заднем стекле его машины знак «Инвалид за рулем». Мысль лейтенанта снова перескочила на бесследно исчезнувшего пассажира. Людмила Клейменова говорила, что он производил приятное впечатление. А что может сказать мать о постороннем человеке, если ее ребенок вызвал у него умиление и если он взял на себя заботу о нем? Только восторженные отзывы, тем более этот мужчина дал возможность молоденькой мамашке пофлиртовать с молодым повесой с неповторимой внешностью. Удивительно, что Клейменова удержалась от резких высказываний в адрес Жанны Гоголевой, к которой переметнулся этот любвеобильный мужчина. Охарактеризовала ее сдержанно, но едкие замечания проскальзывали «между строк».

Завтра мне представится возможность составить собственное мнение о девушке Жанне, - решил Тимофей, покидая стоянку. Он замурлыкал себе под нос песню о стюардессе - тезке Гоголевой. Почему-то лейтенант представлял в качестве обожаемой и желанной стюардессы Людмилу Клейменову, а не девушку своей прошедшей мечты – Катю. Вспомнив о ней, он громко запел песню о Катюше, которая во время цветения яблок и груш вышла на крутой берег. Он пел с таким надрывом, как не пел на уроках музыки в начальных классах школы. Его одноклассники дурачились, кривлялись, а Прилуков старательно издавал тягучие звуки, складывая губы в трубочку. Ему всегда нравилось громко петь, как сейчас.

Тимка затормозил на запрещающий сигнал светофора и почувствовал на себе чей-то взгляд. Оборвал чувственное пение на взлете и повернул голову. Рядом с его авто стояла «Audi» лимонного цвета, из нее на него таранилась девушка. И не просто таранилась, а презрительно косилась, изогнув коромыслом губы.

- Фу-ты, ну-ты, какие мы нежные, - недовольно пробубнил он и перевел взгляд на светофор, который не думал загораться разрешающим светом. На девушку в «Audi» он старался не смотреть. Едва зажегся зеленый свет, он рванул с места. Сначала «автомобиль – лимон» ехал за ним, а потом свернул направо. Это обстоятельство огорчило Прилукова: на следующей остановке он хотел получше рассмотреть девушку.

Раз судьба распорядилась таким образом, то нечего вспоминать о незнакомке в желтом автомобиле.

Лирический настрой сменился деловым.

Принятое решение быть инициативным, как показатель мужания, подвигло лейтенанта, стоящего на старте славных дел, отказаться от звонка майору для получения новых ценных указаний и ненужного совета, а позвонить в Москву брату исчезнувшего пассажира.

Для начала Прилуков представился по всей форме и попросил к телефону гостя из Ростова. Судя по сбивчивым фразам, брат к разговору с оперативным работником был не готов. Пытался что-то объяснить, и Тимофей с трудом понял, что тот куда-то вышел и о времени возвращения не сообщил. Но может перезвонить полицейскому, если в этом есть необходимость. В этом случае житель столицы даст номер мобильного телефона загулявшего брата.

И необходимость была, и номер телефона имелся. Осталось выяснить главный вопрос – на самом деле брат в Москве или они оба «водят всех за нос»?

Вопрос поверг мужчину в шоковое состояние. На том конце провода повисла пауза, слышалось только громкое сопение, будто собеседник совмещал телефонный разговор с поднятием тяжестей или восхождением на высокую гору.

- Я еще раз спрашиваю: ваш брат в Москве? – сурово поинтересовался лейтенант.

- Знаете что, позвоните ему сами и спросите, а меня не вмешивайте! – возмутился мужчина и бросил трубку.

- Чем дальше в лес, тем больше интересных персонажей, - заключил Тимофей.

Он сидел в автомобиле у здания ОВД и поглядывал на окно их кабинета на втором этаже. Оно было наглухо закрыто, внешний блок сплит-системы – компрессорно-конденсаторный – работал исправно, оставляя на асфальте лужицу. Из чего лейтенант заключил, что майор несет службу, прохладжаясь в комфортном помещении, а бедный-несчастный подчиненный собирает информацию, чтобы завтра на красивом блюде преподнести ее наставнику, а тот, в свою очередь, профессионально преподаст ее Кошечкину.

Нет, Спиридон Яковлевич не такой человек, чужие заслуги не присваивает, за подчиненных стоит горой, сам может их «размазывать» по стенке, и не всегда заслуженно, но Тимка на него не обижается. В его годы он, может быть, тоже превратиться в ворчуна и зануду...

В это время Терещенко тоже думал о лимонах, как и его подчиненный, обозвавший этим тропическим фруктом немецкий автомобиль. Но Спиридон применял его относительно к себе: он назвал свое теперешнее состояние «выжатым лимоном». Сказывались бессонные ночи. Голова работала плохо, мыслей, вообще, никаких не было. Он решил отложить визит к брату начальника Клейменовой. Но домой не пошел, завернул в отдел. Получил долгожданную зарплату, посидел в прохладном кабинете, полистал свой обожаемый блокнот, а потом полез в портмоне. Достал портрет девушки, обнаруженный в альбоме Клунина, и так задумался, что потерял счет времени.

В кабинет зашел дежурный по ОВД и рассказал об убийстве на их территории – сын жестоко расправился с родителями.

- Его задержали? – спросил майор, пряча портрет незнакомки.

- Задержали эту мразь. Он, вообще, ничего не сообщает, пьяный в хлам.

Они еще немного поговорили, и Спиридон отправился домой.

Пока Прилуков предавался размышлениям, из здания показался Терещенко. Тимка втянул голову в плечи, словно это могло его спасти. Задумчивый майор не смотрел по сторонам, был тоже погружен в собственные думы, и прошел мимо.

Лейтенант выждал, а затем проследовал обратным Спиридону курсом. Дежурный предупредил, что начальство ушло, но Тимофей лишь отмахнулся и взбежал по лестнице.

Ставшие родными стены кабинеты должны помочь ему правильно выстроить разговор с пассажиром, который неожиданно раздумал лететь и исчез после смерти Клунина.

Прилукову ответили сразу, будто с нетерпением ждали его звонка.

- Тимофей Федорович, я хочу вам признаться, - совершенно спокойно заявил мужчина, после того, как Прилуков себя назвал и высказал причину, по которой ему пришлось его побеспокоить. – Так получилось, что я передумал лететь в Москву.

- Я могу узнать, с чем это связано?.. Или с кем?

- Скорее, с кем. Это женщина. Мы должны были лететь вместе, то есть Лена позже, следующим рейсом, для конспирации, - сбивчиво пояснил он. – Она мне перезвонила и сказала, что ее начальница предложила ей перенести отпуск на неделю, причем сказано это было таким тоном, что любой поймет - возражения не принимаются. Мне ничего не оставалось, как покинуть аэропорт, благо наш рейс был задержан. Домой к жене я вернуться не мог, чтобы не вызвать подозрений. Заехал за Леной, и мы отправились на ее дачу.

- Вы на машине?

- Нет, я не вожу автомобиль в отличие от Леночки. Мы прекрасно проводим время в этом райском уголке. Утром она уезжает на работу, вечером возвращается, я кормлю ее ужином, мы гуляем, разговариваем... А с сегодняшнего числа она, наконец, оформила

отпуск. Но мы решили никуда не уезжать. Здесь великолепно! Не так жарко, как в городе, неподалеку пруд, рыбалка... Жаль, мне придется скоро возвращаться... из Москвы.

Прилуков ликовал: он всё точно угадал: этот мужик изменяет жене, становившей в доме матриархат!

Все-таки учеба Терещенко не прошла даром.

- Я сегодня был у вашей супруги... - начал он заговорщицким голосом.

- Надеюсь, она ничего не подозревает? – перебил его мужчина. Боязнь не проскальзывала. Вынужденное признание далось ему нелегко, теперь он успокоился, как получивший отпущение грехов исповедник, а прожитые дни с молодой любовницей заставили иначе взглянуть на скучную семейную жизнь. Не дождавшись ненужного ответа, он продолжил с некоторой укоризной в голосе, - молодой человек, жизнь так быстротечна, и нельзя лишать себя маленьких удовольствий.

Причем сказано было так, будто еще ничего не произошло, и он стоял на распутье и никак не мог решить – изменять жене или остаться ей верным, а полицейский всеми силами пытался остановить его от пагубного шага.

Но Прилуков не вступал в дискуссию, философские рассуждения сбрендившего на старости лет мужичка его не интересовали. А поучительный тон и народно-актерская надменность Тимку покорежила.

Он не знал, как относиться к мужчинам-изменщикам. Еще недавно мысленно одобрял поведение супруга, уставшего от нытья болезненной жены, захватившей власть в доме. Муж не стал оспаривать ее лидерства. Принял, как должное, всю жизнь терпел, а на старости лет решил изменить ей с молодой девчонкой, так сказать отыграться, не ставя ее в известность. Да так ловко всё провернул, что подозрительная супруга ни о чем не догадалась, будто он совершал подобное не в первый раз.

Тимка не восторгался его поведением, в душе появилось осуждение. Возможно, свою роль сыграло ненужное рассуждение о скоротечности жизни с налетом фальши.

Матриархат в их семье родился не вчера, не десять лет назад, скорее всего в первые годы совместной жизни, обоих подобное положение устраивало, никто никуда «не рыпался», и тут у поработанного женой супруга открылись глаза. Он посмотрел по сторонам и понял: оказывается, кроме жены на свете существуют другие женщины, причем выгодно отличающиеся от нее. Вполне может быть, что изменившаяся до неузнаваемости женошка в далеком прошлом была изящной красоткой, которую страшно ревновал муж. Боялся потерять, потому беспрекословно слушался и по сторонам не зыркал – не до этого было, тут бы синицу в руках не упустить, а журавли пусть себе летают и привлекают внимание более раскрепощенных мужчин. Даже после резкого преобразования жены не в лучшую сторону послушание не исчезло, оно намертво закрепилось в его голове, как устав у военнослужащего. Сумасшедшая любовь с ревностью сменилась безразличием с вялым внутренним возмущением.

И вот, оглянувшись по сторонам, немолодой мужчина замечает некую Леночку. Она чем-то напомнила ему супругу в молодости, но более мягкую, более женственную, более заботливую и терпеливую. И что делать с больной женой? Бросить нельзя - жалость навечно поселилась в сердце, заняв место любви. Но как жить без любовницы? Короткие встречи перестали удовлетворять обоих. Чтобы не свихнуться, мужчина решил: как будет, так будет. Им вдвоем хорошо, жена остается в неведении, поэтому не предлагает ему сделать выбор, а таинство встреч благотворно сказывается на его мужских способностях, заряжает его эмоциями, о которых он ранее не подозревал и делает более терпимым к надоевшей супруге. И чем закончится эта мелодрама, никто не знает. Даже сами участники...

... Я чувствую себя рядом с Леной молодым мужчиной. Мне не шестьдесят лет, а самое большее – тридцать, - между тем продолжал обманщик изливать свои мысли, долгое время сидевшие в заточении.

- Меня не интересует ваша личная жизнь, - второй раз попытался остановить поток слов лейтенант. – Я прошу вспомнить двенадцатое июня, когда вы собирались лететь в Москву рейсом 3401. Тогда у всех на глазах от сердечного приступа скончался Герман Клунин...

- Это ужасно! Такой молодой человек, очень симпатичный... Врач сразу сказал, что смерть наступила в результате сердечного приступа.

Ему что, больше поговорит не с кем? С трудом нашел «свободные уши» и теперь никак не может остановиться? - мысленно возмутился лейтенант, но смолчал, предоставил свидетелю право высказаться.

Но свидетель двинулся в направлении, которое мало интересовало Тимофей. Всё, что необходимо, он узнал от специалиста, коим являлся профессор Чапля. Другие мнения, тем более непрофессиональные, ему были до лампочки. Пришлось развернуть говоруна и подвести к нужной отправной точке.

- Меня интересует, как выглядел Герман Клунин незадолго до своей смерти?

- Прекрасно выглядел! Заигрывал с девушками, улыбался, болтал без остановки.

- С кем заигрывал?

- Сначала с молоденькой мамочкой, весьма симпатичной особой, у нее замечательный малыш, его зовут Ванечка. Затем переключился на другую девушку. – на последней фразе восторг пошел на убыль, из чего Тимофей сделал вывод: внешность следующей жертвы Клунина была менее впечатляющей.

- Вот про последнюю девушку поподробнее, - попросил он.

- А что вас конкретно интересует?

- Меня интересует, о чем они говорили?

- Я не подслушиваю чужих разговоров!

- Я вас в этом и не подозреваю, но люди случайно могут стать свидетелем чужого разговора без своего желания. Вы сидели рядом, могли что-то услышать.

- Ни о чем предосудительном они не говорили. Девушка ничем не вызвала его неудовольствия, что могло послужить причиной смерти. Она была печальной, мне показалось, что в ее жизни произошла трагедия. Кажется, она открыла рот лишь один раз, чтобы назвать свое имя... Обычное ни к чему не обязывающее знакомство. Единственно, что непонятно: почему обычную девушку без изюминки не тронуло внимание красивого мужика?

- Вы же сами высказали мысль о личной драме, - напомнил лейтенант.

- Драма драмой, а интерес красивого мужчины стоит того, чтобы на несколько минут забыть о ней. Не думаю, что она привыкла к мужскому вниманию, для нее это такая же редкость, как всплеск любви старца-мужа к старушке-жене, с которой он прожил в браке пятьдесят лет.

- А вы подобного не допускаете?

- Я подобного не исключаю, но для пробуждения интереса нужны новые эмоции.

- Или другая женщина, причем молодая, - не сдержался от ернического намека полицейский.

Мужчина на том конце провода закашлялся, чтобы совладать с эмоциями и избежать полемики. И, во всей видимости, это ему удалось, так сосредоточился на Жанне.

- Возвращаясь к нашей героине, могу сказать, что на любую другую девушку, погрязшую в собственных переживаниях, ухаживание такого мужчины, как... забыл, как звали того молодого человека?

- Герман Клунин, - подсказал Прилуков.

- Ухаживания Германа Клунина сыграли бы роль чудодейственного лекарства. А она осталась безучастной. Сидела, уставившись в одну точку и, похоже не вникала в смысл его речи.

- И всё же... О чем разглагольствовал Клунин?

- Что-то плел про сон. Сказал, что видел ее во сне. Будто бы дело происходило в девятнадцатом веке на балу, они танцевали мазурку. Потом перешел на предков, рассказал о своем предке, который будучи безусым мальчиком воевал против Наполеона. Еще один представитель прошлого поколения, в честь которого его и нарекли Германом, отрекся от своих дворянских корней и служил в Красной Армии командиром конницы. Но в конце тридцатых годов был расстрелян.
- А зачем он об этом рассказывал почти незнакомой девушке? Станный способ ухаживания.
- Может быть, разгадал в ней «голубую» кровь, и хотел стать на одну ступень, - предположил мужчина. – Но она ни опровергла, ни подтвердила. Молчала и в сторону Германа не смотрела. Но пренебрежительное отношение его не охладило.
- А о будущих богатствах не хвалился? – спросил Тимофей. – Вдруг ему захотелось расшевелить спящую красавицу, вот и насочинил в три короба.
- Насчет красавицы вы загнули, - подкорректировал высказывание лейтенанта собеседник. – А насчет обещания будущих богатств, врать не буду, не слышал. Может, пропустил, я с пацаненком занимался, с Ванечкой.
- А у вас свои дети есть?
- И дети есть, и внуки. Я их обожаю.
- Если еще что-то вспомните, то перезвоните. У вас высветился номер моего мобильного телефона.
- Непременно! И напоминаю - я скоро возвращаюсь из Москвы, так что буду доступен для непосредственного общения.
- Тогда, до встречи!..

Прилуков сидел за рабочим столом в кабинете, сложив руки, как примерный школьник. Точно так же некоторое время назад сидел Терещенко и любовался девушкой с портрета. В отличие от него Тимофей с напряженным вниманием изучал свой мобильник, лежащий на столе, будто тот мог подсказать, что не понравилось в разговоре с женщиной. На первый взгляд он был искренним, даже чересчур, попытался вспомнить тот день – двенадцатое июня. Но почему-то внутри поселился холодок от незавершенной части большого дела. Хотелось поставить жирную точку и со спокойной душой перейти к следующему этапу в расследовании, а получилось многоточие.

- И что же меня тревожит? – спросил он у «заснувшего» мобильника. – То, что работяга с восьмью классами образования, но с большим трудовым стажем гладко излагает собственные мысли, прибегая к шестистопному ямбу, образно выражаясь? А если этот трудяга прочел за свою жизнь больше книг, чем дипломированный филолог? Тот поднабрался образования, да и остановился на определенном уровне, а он всю жизнь самосовершенствовался, чтобы доказать себе, а главное супруге, что диплом в кармане это не показатель образованности.

Возникшее объяснение успокоило Тимофея, холодок внутри будто бы исчез. Завтра он с утра позвонит Жанне Гоголевой и договориться о встрече.

Интересно, что вспомнит она о том дне?..

Прежнее решение Жанны Гоголевой о том, что ее должны полюбить такой, какая она есть, без внешних изменений, претерпело кардинальное изменение. Но не на сто процентов, а на пятьдесят: отказаться от богатенького папеньки она не могла, но его материальный достаток остался его материальным достатком, и к дочери по-прежнему не имеет никакого отношения, тем более к ее будущему избраннику, который рано или поздно появится. Но для этого нужно приложить кое-какие усилия.

На зарплату сотрудника музея этнографии прожить было проблематично, но возможно. Большая часть уходила на оплату коммунальных услуг за четырехкомнатную квартиру

немалой площади. Жанна задумалась: а не перебраться ли к родителям? Но быстро прогнала эту едва постучавшуюся мысль: если решила быть самостоятельной, но будь, а не перебегай под родительское крыло. Мать долго уговаривала дочь взять оплату за квартиру на себя, та думала-думала и согласилась.

Это временно, - мысленно убедила себя девушка. О том, что отказ от родительской помощи последует, когда на этой жилплощади появится мужчина, крепко стоящий на ногах и не претендующий на деньги тестя, Жанна боялась даже думать, не то, что произносить вслух. Она стыдилась своего теперешнего настроя на возможное замужество. Ведь еще недавно она зачислила сильный пол в противоборствующий лагерь, с которым у нее никогда не будет никаких отношений, включая военные действия. Военные действия это тоже отношения, пусть и враждебные, но требующие соприкосновений. Девушка решила соблюдать с мужчинами нейтралитет, жить с ними в параллельных мирах, которые никогда не пересекутся. Жанка была гуманитарием, но кое-что из геометрии помнила.

Соблюдать лично установленные правила было несложно - на работе в музее девушку окружали одни представительницы прекрасного пола, которые отбивали всякое желание к общению, потому что относились с завистью к любой чужой обновке, не говоря о крупном приобретении. Они сплетничали за спиной, создавали группы по предвзятому мнению, численность и членство которых часто менялось в зависимости от выбора очередной жертвы. Постоянным оставался лозунг-вопрос: «Против кого сегодня дружим?!» Против той, кто посмел выделиться из толпы!

- Змеиное логово, - охарактеризовала женский коллектив одна из сотрудниц – единственная, кто подходил Жанне по возрасту. Все остальные дамы стояли на пороге пенсии, а некоторые давно его перемахнули.

Девушки быстро подружились. В жизни Гоголевой впервые появился человек, родители не в счет – они своё чадо идеализируют, которому было глубоко наплевать, как она выглядит и чья она дочь. Раньше никто не стремился подружиться с Жанной, любая попытка была расценена ею, как желание поживиться за ее счет, вернее за счет ее отца. Подобное бывало и не раз. Ей пели дифирамбы, она расслаблялась, потом просили займы, пока пришло прозрение, и естественно, деньги никто не возвращал. Напоминать девушка стеснялась, от хитрой и предприимчивой подруги отдалялась, а та и не стремилась вернуть дружбу.

С Раисой Раковой всё было иначе. Ей было до лампочки, кто отец Жанны, чем он занимается и сколько зарабатывает. О своих родителях она рассказывала легко и без особого почитания к их заслугам. А заслуг было, хоть, отбавляй. Отец Раи был ректором одного крупного ВУЗа в городе, имел ученые степени, награду от самого президента, а мать - не последним человеком в министерстве образования области. У отца это был второй брак, его первая супруга умерла почти тридцать лет назад от тяжелой неизлечимой болезни. Через два года он встретил женщину и влюбился, хотя, для себя решил, что на всю жизнь останется холостяком. В ту пору ему было тридцать восемь, а женщина была на двенадцать лет его моложе. Они поженились, через полтора года у них родилась единственная дочь Раечка. Отец ее обожал и баловал, мать любила и держала в строгости. Отец не делал замечаний, но молча страдал, когда его ненаглядная дочурка выкидывала фортели. Поэтому Райка с малолетства научилась правильно себя вести, не переходить границу дозволенного и не пользоваться своим прекрасным к себе отношением. Дружеским отношением пожилого отца она дорожила, его молчание ранило ее сильнее, чем упреки резкой матери. По жизни Раиса шагала самостоятельно, за ней присматривали издали, чтобы успеть вовремя вмешаться, ухватить за шиворот и направить по нужному пути, притом нужному не родителям, а дочери, которую они считали разумным человеком, но склонным к скоропалительным решениям. Свои нереализованные амбиции в Райке не реализовывали. Наверное, потому, что всего, чего хотели, достигли. Так

думала сама Рая, пока не поняла, что достигнуть всего невозможно, а в постоянном беге с препятствиями за совершенство можно и шею сломать.

Излишним самолюбием девушка не страдала, ставила перед собой реальные цели, не заоблачные, чтобы самостоятельно достигать этой цели. После окончания престижного университета в Москве Раиса вернулась в родной город, чтобы быть ближе к родителям, но не из эгоистических соображений, а из желания самой оказывать помощь пожилому отцу, если он будет в ней нуждаться. Она устроилась на работу в местный музей этнографии и поступила в аспирантуру на заочное отделение. Спокойно, без бегания по потолку и тихих завываний по ночам, крапала кандидатскую диссертацию по скифским племенам, и собиралась через год защищаться.

Внешне Раиса Ракова не напоминала научного работника, рассеянного и пренебрегшего уходом за собой, скорее бизнес-вумен высокого полета или продюсера оперной звезды с мировым именем. И бизнес-вумен, и продюсер мировой звезды должны отличаться от собратьев по цеху строгим подходом к выбору одежды и обуви. Раиса никогда не позволяла себе появиться в музее в джинсах и кроссовках, на ней всегда были костюмы, будь-то брючная пара или жакет с юбкой, на ногах обувь на обязательном высоком каблуке. Девушка никогда не жаловалась на усталость ног, легко порхала по этажам, будто была обута в мягкие удобные балетки.

Кто не был с ней знаком, завидев Раису, входящей в здание музея, принимали её за руководителя комиссии, нагрянувшей с проверкой.

Сотрудницы музея дружно, но тайно, сразу невзлюбили Ракову, не любить явно они побаивались, а она на их любовь не напрашивалась, занималась своим делом и в диалоги без надобности не вступала. Пока не появилась новая сотрудница – Жанна Гоголева, которая не напоминала внешним видом ни бизнес-вумен, ни продюсера мировой знаменитости.

Рая не стала навязывать свое видение современной девушки, не приступила к оценке ее одежды и внешности, чем сразу расположила к себе Жанну. Тем более Ракова так мило слегка картавила, когда произносила свое имя и фамилию, что вызвала невольную улыбку на лице новой подруги, ранее не позволявшую себе ничего подобного. Даже мать в сердцах называла ее букой.

Гоголева подумала о Раисе: если бы родители заранее знали, что их ребенок станет прикартавливать, то нашли более удобное имя для произношения, с фамилией-то уже ничего поделывать нельзя до тех пор, пока не придет время ее поменять. Но может и не повести: вдруг в фамилии будущего супруга будет две или даже три буквы «р»?

Именно, картавость свергла барьер, который появился в первую минуту. Жанка сжалась, когда увидела не по годам серьезную девушку, застегнутую на все пуговицы, в прямом и в переносном смысле слова.

С каждым днем зажатость и закрытость Гоголевой медленно отступали, она начала смотреть на окружающий мир не с точки зрения много пережившей женщины, которая разочаровалась во всех мужчинах, а с точки зрения девушки, которая поняла, что повзрослела и готова к новым отношениям с мужчинами. Но в душе Жанна всё еще надеялась на возвращение бывшего супруга. До поры до времени, пока в голове не произошла резкая перестройка. И всё благодаря Раисе, уставшей наблюдать за подругой, закрывшейся в защитном панцире после возвращения из Москвы.

Рая осторожно постукивала по этому панцирю, мягко намекая, что пора бы показать миру голову и осмотреться. Вокруг немало хороших людей, абсолютных противоположностей лгуну Науму. Надо только не бояться людей, не шарахаться от них, как от пришельцев с другой планеты, которые эмигрировали оттуда в связи с возникновением страшного заболевания, «скосившего» половину населения.

Призывы подруги оставались без внимания. Ракова взяла тайм-аут, чтобы не переусердствовать и не вызвать противоположного чувства - еще большего отчуждения от всех и вся, включая ее саму.

Жанка помаялась в своем панцире, подождала-подождала следующего витка уговоров, чтобы окончательно обидеться на весь свет (раз перед ней «сюсюкают», то можно и покапризничать), но не дождалась. Пришлось выглянуть наружу, чтобы убедиться, что Раиса пока здесь. И Раиса была рядом, и встревоженные родители, и сплетницы-сотрудницы, нашедшие прекрасный повод для судачеств в рабочее время.

В общем, всё было по-прежнему, за исключением бывшего супруга, образ которого стал медленно стираться из памяти, но пока сидел в раненой душе...

В день своего рождения Жанна Гоголева поднялась в пять часов утра, именно, в это время она появилась на свет. Долго изучала себя в зеркале, переосмысливала прожитые двадцать шесть лет, а потом громко и внятно произнесла:

- Всё, хватит!

В коротком словосочетании заключилось, действительно, всё: и глупые страдания, которые не нужны Науму, и подозрительность, и неоправданное вбивание в голову, что ее должны любить такую всю натуральную.

- Может еще перестать умываться и чистить зубы? – спросила она у своего невзрачного отражения в зеркале. Отражение нахмурилось, лицо превратилось в печеное яблоко. Жанна тут же избавилась от ненужной мимики, и сделала первый правильный вывод на все прошедшие годы. Даже два правильных вывода: 1. Наумы еще не перевелись, но ко мне они не подойдут на пушечный выстрел, я им этого не позволю! 2. Надо меняться, и чем скорее, тем лучше. Почему бы не начать новый этап жизни в день рождения?!

Почему осознание, наконец, пришло? Да, потому что она испугалась неожиданно появившегося чувства удовольствия от своего несчастья: о, ужас, ей стало нравиться ее теперешнее депрессивное состояние. Никто не трогает, все наблюдают издалека: кто сопереживает, кто ликует, некоторые остаются безучастны. Но поразила реакция посторонних людей на улице – они стали ее сторониться, будто боялись, что ее состояние приклеится к ним. Поначалу Жанна этого не замечала, ходила по улицам, спрятав глаза за темными стеклами солнцезащитных очков: раз никто не видит моих страдальческих глаз, то я закрыта от всех, я за ширмой. Затем она стала исподтишка наблюдать за людьми, ведь никто об этом не догадывается. И догадалась, что спрятанными оказались только глаза. А безвольно опущенные плечи, а опущенная голова, а внешнее безразличие к себе самой, куда денешь? Еще немного и Гоголева превратится в неухоженное существо среднего рода с потухшим взглядом, который не спрячешь за солнцезащитными очками. Ее стали обходить стороной, как грязного бомжа. Конечно, Жанна не опустится до такого состояния, она опрятно одета, пусть не вызывающе ярко, она причесана, пусть волосы собраны в незатейливый хвостик с помощью непонятно цвета резинки, но ее душевное состояние громко заявляет, что она больна. Болезнь лезет из всех «щелей» и пугает окружающих.

Так жить нельзя, - посетила Гоголеву острожная мысль-намек. - Надо, чтобы от тебя не шарахались, а спокойно проходили мимо, бросив мимолетный взгляд: безразличный или заинтересованный, но не презрительный, брезгливый и уничижительный. Недаром один умный человек сказал: полюби себя, тебя любят другие.

Но когда человек себя любит, он не позволяет поселиться в душе безразличию и пренебрежению к своей внешности...

День рождения в этом году выпал на субботу. Жанка хотела позвонить матери, чтобы та записала ее к своему мастеру, но передумала: почему классные специалисты парикмахерского искусства должны обязательно трудиться в дорогих салонах красоты, которые посещают обеспеченные дамы? Считается зазорным стричься в обычной

парикмахерской «за углом», более престижно ходить в новомодный салон с зашкаливающими ценами, которые не всегда оправдывают качество услуг.

Сейчас быстренько соберусь, выйду на улицу, сяду в автобус, проеду три остановки, выйду, посмотрю по сторонам, обязательно увижу нужную вывеску и, не раздумывая, зайду, - решила девушка.

Почему три остановки, а не четыре или две, Гоголева догадывалась: три – это ее любимое число.

Жанна любила, когда всё идет по плану. Она быстро собралась, успела выпить чашку кофе с бутербродом, долетела до остановки и села в полупустой автобус. Девушка мысленно отсчитала остановки, вышла на нужной, третьей. Затравленно огляделась и едва не запрыгала на месте: на противоположной стороне имелась нужная вывеска. Салон красоты назывался «Мастерица». Почему-то название напомнило ей изделие из теста, но не испугало и не заставило начать поиски салона с более благозвучным названием.

Даже лучше, что салон называется «Мастерица», а не какая-то «Жизель» или «Афродита». От них веет холодом и чем-то заморско-нереальным. После посещения такого салона тебя мать родная не узнает, будет жаль потраченного времени и денег, которые у нее под ногами не валяются.

Жанна переходила дорогу по пешеходному переходу и не чувствовала под собой ног, она парила над землей. Девушка находилась в предвкушении чего-то нового, которое должно поддержать ее резкое решение «всё, хватит!».

Настроение поднимал пока не врученный родителями подарок. Конечно, мама не удержалась и выболтала тайну: отец купил ей автомобиль! Жанка всегда мечтала о собственном авто. Еще в годы учебы в университете она получила водительские права. Но родители считали ее несмышленищем, которого надо водить за ручку, не то, что усаживать за руль. У Жанны была хорошая память, знания, полученные в период обучения на водительских курсах, сохранились, не хватает практики вождения. Придется прибегнуть к помощи Генки Ветрова, бывшего главного надзирателя. Как только подарок будет вручен, она позвонит своей «дуэнье» и договорится о практических занятиях уже на следующий день, чтобы не терять время.

Жанна радовалась подарку и сомневалась в его своевременности. Она только решила вылезти из панциря, ходить по улицам с высоко поднятой головой, преображенной и счастливой, как ее снова пытаются засунуть в вакуум, откуда она будет видеть окружающий мир, а мир ее не заметит. Не заметит ее стараний по видоизменению, оградит от оценивающих взглядов прохожих, как мужчин, так и женщин. Ей очень хотелось, чтобы и те, и другие останавливали на ней взгляд, в котором не будет читаться безгливость.

Часто осуществление давней мечты приводит к мгновенной радости, которая тут же сменяется разочарованием. Но Гоголева старалась заглушить разочарование. Она счастлива! У нее есть свой личный автомобиль, о котором она мечтала несколько лет. Хорошо, что мечта сбылась, а разочарование можно заглушить с помощью новой мечты. Человек живет мечтой, на смену одной приходит другая. Это прекрасно, когда мечты сбываются. А если не сбываются, то тоже не страшно, есть смысл жить и надеяться...

После салона красоты «Мастерица» Жанна зашла в обычный магазин женской одежды, обновила гардероб, заскочила домой, чтобы переодеться и отправилась к родителям.

Она не стала открывать дверь своим ключом, изменив привычным для домочадцев правилам, а нажала кнопку звонка.

Мать с отцом, как всегда долго пререкались, кто откроет дверь незваному гостю, в итоге отец победил. Дверь распахнулась, на пороге появилась Алла Николаевна, близоруко щурясь на незнакомую девушку.

- Вам кого? – спросила она, насаживая на переносицу очки в красивой модной оправе. Девушка не ответила, чтобы голосом не выдать себя. Когда очки заняли положенное им место, мать открыла рот и замерла, не издав ни звука. Дочь испугалась за ее здоровье.
- Мамуля, не пугайся, это всего лишь я, Жанна!
- Жанна? – с сомнением переспросила женщина, оглянувшись назад, в сторону комнаты, где находился ее супруг, способный дать отпор авантюристке, выдающей себя за их дочь.
- Мам, ты, правда, меня не узнаешь?
- У...узнаю, - кивнула головой Алла Николаевна и, повысив голос, попросила, - Андрюша, иди сюда!
- Муж не заставил себя долго ждать, появившись за ее спиной.
- Что? – односложно поинтересовался он, мельком взглянув на незнакомку, стоящую на лестничной клетке.
- Андрюша, это наша Жанна, - механическим голосом доложила женщина, пока сама не сделавшая определенных выводов.
- Теперь мужчина приступил к внимательному изучению незнакомки.
- Что у тебя с головой? – деловым тоном спросил Андрей Исаевич, будто разговаривал с подчиненным, не выполнившим приказы начальства.
- Теперь уже всё хорошо, - хмыкнула дочь, намекая на внутренние преобразования в голове, а не на прическу.
- Родители переминались на пороге, видимо пока не осознали, кто перед ними.
- Блондинка? – так же односложно спросил муж у жены, не сдержался, протянул руку и попробовал волосы на ощупь.
- Блондинка, но ей идет. И стрижка необычная, какая-то рваная.
- Здорово! – похвалил отец. – И макияж нанесен умело, сразу видно, поработал профессионал.
- Недурно, недурно, - оценила работу сотрудников «Мастерицы» мать и покосилась на супруга, - а откуда такие глубокие познания в визажном искусстве?
- В чем? – схитрил мужчина, избегая семейных разборок.
- Ой, не надо строить из себя самого умного на свете!
- Я не строю, я такой и есть! – улыбнулся он.
- Уважаемые родители! – вмешалась Жанна, - хотелось бы узнать, как долго вы будете держать меня на пороге?! Или прежняя дочь вам нравилась больше, чем эта?
- Да, что ты, девочка! – хором загомонили мать с отцом и втянули подобно сверхмощному пылесосу ее в квартиру.
- И уже там стали вертеть дочь в разные стороны, ощупывать, снова оценивать и заново восхищаться.
- День рождения они отметили в узком семейном кругу. Так было решено заранее. Но сегодня Жанне захотелось увидеть рядом с собой еще одного человека, который мягким словом и осторожным постукиванием по панцирю заставил её разобраться в собственной жизни...
- В воскресенье Гоголева провела за рулем автомобиля, подаренного родителями. Естественно, рядом, на пассажирском сидении, с деловым видом сидел Геннадий Ветров, корректирующий ее действия.
- В понедельник девушка шокировала своим видом всех сотрудниц и задобрив их огромным тортом, конфетами и шампанским, отметив таким образом свой прошедший день рождения.
- Вечером практические занятия повторились, как и во вторник после работы. В среду Жанна впервые села за руль без наставника и поехала на работу...
- Возвращаться в печальное прошлое ей не хотелось, но звонок сотрудника полиции Тимофея Прилукова заставил это сделать. Причиной было происшествие в аэропорту.

Гоголева привычно пресекла желание постороннего человека пересечь границы ее четырехкомнатной территории и назначила встречу в кафе, неподалеку от работы...

Ох, и злыдня эта Люська Клейменова, - подумал Тимка, опускаясь на стул напротив Жанны Гоголевой, которая пришла в кафе раньше назначенного часа - Как можно такую стильную красотку назвать заурядной?! Я, конечно, видел ее фотографию, она на ней выглядит иначе, но очень часто человек не узнает себя на фото в паспорте, чего говорить о других людях.

Он пристроил на соседнем стуле купленный по дороге коричневый портфель, приглянувшийся ему с первого взгляда. Портфель не был ультрамодным, как у некоторых бизнесменов, сомнительно, что кожаный, хотя, продавец заверила его, что все товары в их магазине, как обувь, так и сумки сделаны из натуральной кожи. Судя по цене, портфель был из кожзаменителя, но хорошего качества. И цена, и качество лейтенанта устроили.

Жанна следила за действиями полицейского, который несколько раз успел коснуться рукой своего идиотского портфеля на двух замках ужасного цвета: нечто среднее между цветом глины и цветом промокшей земли. Если смешать эти два ингредиента, то получится цвет данного изделия кожгалантереи. Сразу видно, что приобретен портфель совсем недавно, ишь как поглаживает, наслаждается приобретением и одновременно хвастает. А совета у своей девушки парень не спросил. А надо бы: она подсказала, что с таким посмешищем в руках ходить просто стыдно, - подумала Гоголева и едва сдержалась от улыбки: а она сама-то не стыдилась ходить в нелепых одеждах и с сосульками волос на голове?

Тимофей поздоровался и больше не произнес ни слова. Сидел и нагло рассматривал Жанну, положив локти на стол.

Неужели таких лопоухих и рыжих берут на службу в полицию? – подумала о нем Жанна, не задумываясь о том, что подобные ограничения по ушам и цвету волос никогда не рассматривались. Её не задело пренебрежение этикетом, она сама любила складывать локти на стол, нервируя мать. Но делала это не нарочно, просто ей так было удобнее.

Прилуков опомнился и показал удостоверение, девушка не поленилась и внимательно изучила его.

- Тимофей Федорович, мне нечего вам добавить по поводу смерти Германа Клунина, - нахмурившись, произнесла она. – Я обо всем рассказала вашему коллеге в тот день в аэропорту. Прежде мы с Клуниным никогда не встречались, он ко мне подсел...

- С какой целью? – перебил ее лейтенант. Он спохватился, но было уже поздно. Как говориться, глупый вопрос вылетел, теперь не поймашь. Нет бы выслушать, не перебивая, а он взял и спросил несусветную глупость? Ну, с какой целью мужчина заводит разговор с симпатичной женщиной?! Сказался настрой, который задала Клейменова, заявившая, что красавец Клунин заинтересовался непривлекательной особой. Определение, данное Людмилой, намертво засело в голове Тимофея. Он опять вспомнил выражение Терещенко: «Дели на два то, что тебе говорят свидетели». И еще раз убедился в предвзятости мнения людей.

- Зачем подсел? – автоматически переспросила девушка, будто сама не задумывалась, с какой целью с ней заговорил мужчина? - Наверное, хотел познакомиться, - без особой уверенности заключила она. – Но не думаю, что сразила его наповал своей неповторимой внешностью, ему хотелось убить время до полета, вот он и выбрал то, что первое попало на глаза.

- Как-то неуважительно вы о себе говорите, - попенял ей лейтенант.

- Я знаю себе цену, - пресекла дальнейшие философствования на эту тему Гоголева. – Ему было скучно, он сел рядом, но я в чужом внимании не нуждалась. Не сомневаюсь, он

догадался, что я не сомлела от его приятного баритона, но раз я не выказала недовольства, он не ушел.

- Значит, Герман сел с вами рядом, назвал себя и спросил, как вас зовут?

- Да, так всё и было. Только выразился как-то витиевато, у меня и без того голова болела, а от его запутанной речи еще больше разболелась.

- А вам не показалось, что Клунина что-то беспокоит? Как он выглядел?

- Не знаю, я к нему не присматривалась.

Ты, вообще, ничего и никого вокруг не замечала. Сидела среди толпы народа, а словно пребывала на необитаемом острове. Даже не видела, что до тебя этот словоохотливый мужчина обхаживал молодую мамашу, - подумал Прилуков, изучая лицо Жанны, надеясь понять, прикидывается она или говорит правду?

- А маленького мальчика с игрушечным автомобилем вы видели?

- Мальчика?

Что за манера переспрашивать? – мысленно возмутился Тимка, - так поступают люди, которым есть, что скрывать. Они берут минутный тайм-аут, чтобы придумать правдивый ответ.

- Я видела мальчика, – с радостной улыбкой подтвердила он, будто это обстоятельство стало подтверждением её присутствия в зале ожидания, в чем сама сомневалась: тот день Жанна повела в полусне, двигалась на автомате, что-то говорила на автомате, собирала вещи на автомате, плохо помнит, как ее доставил в аэропорт Генка Ветров. Отчетливо врезалось в память падение на трапе мужчины по имени Герман, а затем снова провал. – Да-да, я видела маленького мальчика с игрушечным автомобилем. Он крутился возле меня. Его дедушка сидел неподалеку. Когда у машинки отломалось колесо, малыш захныкал, но дедушка его быстро успокоил и починил колесо.

Совсем сбрендил! Сидела битый час в предбаннике в ожидании вылета и так не разобралась в родственных связях пассажиров, - с укоризной подумал Прилуков. – В каждой женщине живет любопытство, тем более во время бездействия. Любая от скуки изучит окружение, попытается угадать, каким видом деятельности занята вон та дама с дорожных очках или вон тот седовласый мужчина в странных шмотках, которые больше бы подошли его внуку... Это я так, для примера, - мысленно пояснил лейтенант, общаясь на расстоянии с майором. Он догадался, что тот предложил бы свою версию: возможно, Гоголева читала занимательный роман, например, детективную историю госпожи Местерской.

Размышления он совмещал с пометками, которые делал в своем блокноте. Не таком затертом, как у Терещенко (можно подумать, он с этим блокнотом просуществовал все годы службы), а в приличном блокноте подходящего формата и достойной толщины.

И блокнотик не преминул прикупить по дороге. Для солидности, - тайно усмехнулась Жанна. – Странный вкус у молодого человека! В подобных записных книжках увеличенного масштаба девчонки ведут личные дневники: записывают свои мысли, выплескивают на бумагу страдания по мальчикам, а этот конопатый паренек с оттопыренными ушами конспектирует мои высказывания.

- А дедушку мальчика вы, случайно, не запомнили?

- Дедушка, как дедушка. Крупный мужчина, седоволосый...

- Это он? – спросил Прилуков и выложил из портфеля фотографию мужчины, с которым накануне разговаривал по телефону.

- Я не могу утвердительно вам ответить, - пробормотала девушка, продолжая рассматривать фотку. - Я его не запомнила. Седая шевелюра отложилась в памяти. Он постоянно склонялся к внуку, поэтому в поле моего зрения попадала его голова, а еще я видела крупные кисти рук, когда он чинил игрушечный автомобиль, поэтому и сделала вывод, что он крупный мужчина... Такие большие рабочие руки.

- А всё-таки, о чем с вами разговаривал Герман Клуни? – без особой надежды спросил лейтенант.

- Тимофей... Федорович, я вам говорила, у меня раскалывалась голова! Мне был неинтересен ни сам мужчина, ни то, что он плел.

- Раз вы утверждаете, что он «плел», а не высказывал гениальные идеи по поводу реконструкции здания аэропорта, то что-то из его речи вы могли запомнить?

- Обычный треп мужчины, который считает себя красноречивым и способным заинтересовать любую особу женского пола... Болтал что-то о сне, в котором я ему явилась... Не помню, в каком виде, надеюсь, до пошлости он не опустился. Я сразу поняла, что ничего экстраординарного не услышу и отключилась.

- Неужели ТАКОЙ мужчина не привлек вашего внимания?

- Какой, такой? – скривилась Жанна. – Мужчина, как мужчина. А красота нужна мужчине так же, как ему же павлиний хвост. Можно и с хвостом, но он будет отвлекать внимание от других достоинств, которые для любой женщины более ценны. – Полицейский взглянул на нее с недоумением, поэтому для особо бестолковых с большими ушами пришлось пояснить. – Женщина ценит в мужчине сдержанность, ум и щедрость.

Ну, то, что она не глупа и наделена способностью к остроумию, я сразу догадался, – подумал Прилуков и чуть не нарисовал в блокноте павлина с распахнутым хвостом. В школе ему это лихо удавалось, особенно вид сзади, когда птица с живописным хвостом больше напоминала веер. Чиркнул пару ничего не значащих слов и снова мысленно обругал Клейменову, которая несколько раз повторила касаясь Клунина: ТАКОЙ мужчина... У нее, что слово, то репей, который липнет к языку собеседника...

- Жанна Андреевна, я не хочу, чтобы вы посчитали мой следующий вопрос некорректным, но...

- Вы хотите спросить, чем или кем были заняты мои мысли? Почему я была погружена в себя настолько, что никого не замечала и ничего не помню?

Прилуков дернул головой, что могло быть расценено по-разному: она угадала, а ему неловко за вмешательство в ее личную жизнь, которая не имеет отношения к данному делу; она не угадала, но он позволяет ей ответить на этот вопрос, раз она изъявила готовность высказаться.

- Все мои мысли занимал предстоящий развод с мужем. Именно, с этой целью я летела в Москву, в город, где проживает мой бывший муж. Скажу прямо - инициатором развода была не я. До последней минуты надеялась, что он передумает и заберет заявление, но, увы... - Гоголева удивилась, что признание ей далось легко, в носу привычно не защипало, горло не стянуло тугим узлом.

- Он развелся с ТАКОЙ женщиной! – невольно вырвалось у Тимофея. – Тогда он полный... олух. – Он поздно заметил удивление на лице женщины, но не обиду за дерзкое высказывание по поводу ее супруга, которого она, скорее всего, по-прежнему любит и надеется на его возвращение.

- С какой такой? – Жанка не удержалась и прыснула. И сразу превратилась из взрослой умной женщины, которая прежде думает, а потом говорит, в молоденькую девушку, которая думает раз в неделю и то по принуждению, а слова из нее вылетают, как пули из автомата.

Прилуков тоже улыбнулся. Он забыл, что разговаривает со свидетелем, что впервые видит эту симпатичную девушку, что она недавно развелась с мужем, и находится пока во власти переживаний и надежд. Напротив сидела его давняя знакомая, с которой Тимка не виделся несколько долгих лет. Таких долгих, что успел позабыть, как был влюблен в нее когда-то. Неужели он мог забыть об этом? Забыть и предать её с Катей, Светой, Леной и чуть не предать с Людмилой Клейменовой, которая еще пару минут назад сидела занозой в его сердце и скребла острым ноготком, постоянно напоминая о себе.

Теперь Тимка догадался о чувствах красавца Клунина, который сумел разглядеть её среди многочисленного количества других женщин. Увидел и забыл обо всех. О Люське, которая преданно заглядывала ему в глаза, о будущем, в котором он станет богатым человеком...

Какое бы потрясение не охватило лейтенанта, о службе он никогда не забывал. Как Майор Терещенко - фанатик сыска и убежденный холостяк.

Прежнее решение Прилукова стать холостяком заколебалось, но пока не ушло окончательно. Сейчас он должен вернуть допрос свидетеля в правильное русло.

Жанна почувствовала перемену в настроении молодого человека. Чтобы унять веселье, она взяла в руки чашку с остывшим чаем и сделала несколько глотков. Но смех лез наружу. Никогда Жанка не была такой безбашенной, как выражается ее подруга Раиса Ракова относительно себя. Это ей часто «попадала в рот смешинка». Она заливалась смехом, будучи не в состоянии успокоиться. Поводом могла быть несуразная юбка Клавдии Ивановны Лягушкиной – дамы преклонного возраста, которая решила вычистить из него половину с помощью короткой юбочки, чего делать категорически запрещалось. Колени были угловатыми и почему-то с двумя круглыми яркими синяками, что наводило подруг на определенную мысль: их коллега по ночам замаливает грехи! На что Гоголева быстро реагировала: Неужели такая благородная дама без мужа и вредных привычек грешит по-тихому? Ракова прерывала свое безумное хихиканье, чтобы дать достойный ответ: По-тихому как раз и нельзя! Чем тщательнее ты маскируешь свое поведение, выходящее за рамки приличия, тем больше привлекаешь к себе внимания. Надо всё делать открыто, не таясь. - Приведи пример, - предлагала Гоголева, с трудом сдерживая улыбку. Подруга вспоминала случай из комедии Рязанова «Старики-разбойники», где двое пожилых мужчин умыкнули картину Рембрандта при всем честном народе. При этом она не сводила глаз с Клавдии Ивановны, неуютно чувствующей себя в короткой юбке. Женщина рассчитывала на внимание архивариуса Степкина, а не двух молоденьких девиц. – Я имела в виду Лягушкину, а не двух дерзких стариканов, - напомнила Жанка. – А теперь про Лягушкину, - многозначительно начинала Ракова, судорожно придумывая историю о коллеге, замаливающей по ночам грехи. И начинала нести полную ахинею, причем без тени улыбки на лице, при этом держала в руках лист бумаги с отпечатанным текстом своей будущей кандидатской диссертации, будто знакомила с ним коллегу в надежду услышать ее мнение. Гоголева задерживала дыхание, чтобы не расхохотаться, больно закусывала палец, а в результате вылетала из кабинета в пустой огромный коридор, где давала волю чувствам. Вскоре появлялась Раиса и с обеспокоенным видом интересовалась, почему ее не дослушали? Это так неэтично! Едва успокоившаяся Жанна вновь заливалась смехом.

Умный мозг требовал отдыха. Ракова веселилась сама и развлекала Гоголеву, выискивая объекты среди закомплексованных коллег. Шутила она беззлобно, лишь для перезагрузки уставших серых клеточек, и всегда напоминала: у человека с чувством юмора продолжительность жизни увеличивается в несколько раз...

От напряжения и нахлынувших воспоминаний зубы Жанны стукнули по чашке. Она нервно хихикнула и закусила верхнюю губу, дав ее на растерзание крепкой челюсти.

Прилуков засомневался: неужели это та самая девушка, которая с унылым видом сидела в зале ожидания и не реагировала на ухаживания Клунина – профессионала в этом деле? Может, это ее сестра-близнец? Они внешне похожи, но характеры и поведение диаметрально противоположны... Но Тимофей успел навести справки о Гоголевой, узнал, кто ее отец, и что она единственный ребенок в семье. Он еще пожалел, что девушка назначила ему встречу в кафе, а не у себя дома, в шикарных апартаментах. Уж, очень хотелось простому смертному полицейскому посмотреть, как живет городская элита, вернее, их дети. Весьма привлекательные дети, к том уже свободные от уз брака.

- Жанна Андреевна, я хочу, чтобы вы вспомнили о последних минутах жизни Германа Клунина. Мне сказали, что вы находились рядом.

Смерть человека, пусть и постороннего, лучшее средство избавиться от несвоевременно нагрнувшего веселья. Гоголева собралась, освободила от тисков распухшую губу и для начала извинилась за свое поведение.

- Тимофей Федорович, вы поймите меня правильно: я не бесчувственное существо, просто я покойного почти не знала. Последние годы жизни постоянно испытывали меня на выносливость. От меня и только от меня зависит, как я буду выстраивать свою жизнь. Мне с трудом удалось настроить себя на позитив. Я стерла с лица гримасу боли и утраты. С разводом жизнь не закончена, тем более в моем возрасте. Я больше не приведиение, я девушка с нормальной внешностью. Я хочу ловить на себе мужские взгляды, хочу улыбаться, хочу жить и наслаждаться каждым днем. Ничего подобного я прежде не испытывала. Я знала цену грусти, теперь хочу понять цену радости. Возвращаться в прошлое, из которого вырвала себя с таким трудом, я не хочу! А ваш Клунин из той, из прошлой жизни. Поэтому стараюсь удержать в себе настрой на позитив любыми способами... Извините за ненужную вам искренность, но я обязана была раскрыться, чтобы вы поняли: я ничего не утаиваю, я, действительно, плохо помню тот день и не хочу копаться в памяти! Помню мальчугана с машиной, помню о чем подумала в том момент, потому что напрямую связала его с бывшим мужем. А ухаживания мужчины в ту минуту мне были не только не нужны, они мне были неприятны... Естественно, меня... удивила смерть молодого человека. Так правильнее будет сказать: удивила, но не тронула. Шел рядом мужчина, улыбался, балагурил и вдруг упал и... конец... Но почему вы задаете вопросы о нем? Сомневаетесь, что смерть была естественной?

Лейтенанта интересовало, не делился ли Герман с нею планами на будущее? Вдруг Клунину показалось, что рассказ о несметных сокровищах, которые заполнят его закрома в ближайшем будущем, станет веским аргументом для привлечения внимания безучастной особы. Но она ясно дала понять, что возвращаться в тот июньский день не горит желанием. А что касается вполне объяснимого вопроса Гоголевой, то он должен был последовать, рано или поздно. Пришел полицейский, задает странные вопросы, зачем-то он их задает? И она имеет право знать, зачем? И он имеет право отбросить лирику и заниматься своим делом – делом получения информации от свидетеля, который последним разговаривал с Клуниным. Чтобы заставить ее вспомнить, Тимофей должен поделиться полученными сведениями из другого источника.

- Жанна Андреевна, школьный приятель Германа случайно встретился с ним ев улице двенадцатого июня. Клунин спешил в аэропорт, но, завидев друга, выскочил из такси, чтобы поделиться радостью: скоро он станет богатым человеком! Ничего подобного он вам не говорил?

- С какой стати?! Я ему не школьный друг! – моментально парировала она.

- А вы подумайте. Вероятно, что он не высказался напрямую: завтра, послезавтра, через неделю у меня будет много-много денег! Ему захотелось растормошить печальную девушку завуалированным признанием, чтобы она, наконец, посмотрела в его сторону и дала высокую оценку его находчивости.

Жанна хотела возразить: она не алчная рыбка, которая ловится на такую банальную наживку, но Прилуков уловил в ее глазах неудовольствие и поспешил оправдаться.

- Клунин сразу понял, что перед ним не охотница за миллиардерами, поэтому не стал выставлять на первый план собственное материальное благосостояние, способное в скором будущем вырасти в несколько раз. Он попытался привлечь ваш интерес необычным способом.

- Думаете, ему светило получение наследства?

- Сомневаюсь. Его наследство к вам не имеет отношения. Герман мог сказать о чем-то, обобщающем вас обоих. В этом случае ваше внимание было бы обеспечено.

- Не хочу показаться вам, Тимофей Федорович, несообразительной, но я пока не могу ничего понять.

- Это я виноват. Сам брожу вокруг да около, пытаюсь найти ответ на вопрос, чего хотел от вас Клуни?

Гоголева опустила глаза на стол, где стояла пустая чашка и где должна быть подсказка. Девушка закрыла глаза, пытаясь восстановить в памяти тот жаркий июньский вечер.

- Мы начали подниматься по трапу, и... Герман сказал: Наконец, я встретил девушку своей мечты! А я с ехидцей подумала: Очень подходящее место для восторженных объяснений.

Она подняла голову и посмотрела на Прилукова.

- И всё?

- Нет, - покачала головой Жанна. - Он сказал, что я девушка-удача, и теперь всё изменится. И я ему в этом помогу... Кажется, так, но я могу ошибаться. Когда Герман так меня назвал, я вспомнила стихи о девушке по имени удача. Девушка по имени удача, протяни мне теплую ладонь... И так далее.

- Он так и сказал: вы - девушка-удача? - переспросил Тимофей. Вид у него был при этом такой, словно он вставил в электрическую цепь недостающий элемент и она, наконец, заработала.

- А вы догадались, на что он намекал? - вопросом на вопрос ответила Гоголева. - Или Герман вам сам рассказал?

- Он не мог рассказать, он умер. И вы сами были свидетелем... А почему я терзаю вас вопросами, то могу признаться: тело Германа Клунина было похищено.

- Из морга? - уточнила Жанна, будто это было важным.

- В морг его переправить не успели. Больше я ничего не могу вам сказать.

- Но он точно умер?

- Точно!

- Но кому...

- Пока не знаем, - перебил ее лейтенант. - Извините, что задержал вас. Могу подвести вас до дома.

- Спасибо, я на машине.

- Тогда позвольте мне вас проводить... до машины.

Они вышли из кафе. Неподалеку был припаркован «Hyundai» Прилукова. Он зачем-то щелкнул брелоком, автомобиль подмигнул ему фарами. Потом снова щелкнул, тот снова подмигнул.

Они свернули за угол. В «кармане» на дороге была припаркована лимонная «Audi». Тимка присмотрелся к номеру и понял, что это тот самый автомобиль, из которого за ним наблюдала незнакомка. Он надеялся, что Жанна пройдет мимо нее, подойдет к стоящему рядом белому «россиянину», хотя, понимал: лимончик, как никто подходит этой девушке со светлой чистой душой.

Так оно и вышло. Она подошла к автомобилю немецкого автопрома, резко развернулась и в лоб заявила.

- Я вас вспомнила. По автомобилю. Вы любите громко петь за рулем?

- Обожаю! - с чувством произнес Прилуков. Ему стало значительно легче: хорошо, что она не стала загадочно усмехаться, задавать намекающие вопросы. А взяла и спросила без обиняков.

- А я петь не умею. Моя подруга Рая превосходно поет. Она всё делает превосходно!

- А ваша Рая, случайно, не работает продавцом в ювелирном салоне? - ляпнул полицейский. Имя Раиса у него произвольно ассоциировалось с «Мерцом».

- Нет, - отрицательно покачала головой Гоголева, удивляясь вопросу. - Моя Рая - научный сотрудник этнографического музея. Если у вас, Тимофей Федорович, больше нет вопросов, то до свидания.

- До свидания, - без энтузиазма ответил лейтенант. Полюбовался на ее высокую стройную фигуру, исчезающую в салоне автомобиля, проводил взглядом лимонный автомобиль, а когда он скрылся из вида, не сдвинулся с места.

Он думал о Жанне. Необыкновенной девушке с «растрепанной» стрижкой, благодаря которой она из бледной поганки она превратилась в задорную блондинку. Ему всё в ней нравилось: и мягкая улыбка, и звонкий смех, и даже сдержанное возмущение, когда она негодовало на его упорное возвращение в недалекое прошлое.

Впервые Тимка слышал из уст девушки хвалебные речи о своей подруге, не просматривался легкий укол, мимолетная зависть. Один восторг. Даже он, Тимофей, когда восхищается Терещенко, нет-нет, да и вставит какую-нибудь нелицеприятность. Тут же поправится, «залепит» осуждение похвалой, но нелицеприятность вылетела и оставила нехороший осадок. Надо уметь сдерживать эмоции! В его годы этому пора научиться. Но Жанна сегодня не сдерживала своих эмоций. Из нее лезет счастье, и она этого не скрывает. Ей очень идет улыбка, благодаря ей она становится моложе. Девчонка...

Как говорит следователь Кошечкин: всему свое время. Может, не надо ускорять бег времени? Надо наслаждаться молодостью, а старость сама придет. Подкрадется, и не заметишь. И вернуться в прошлое весьма сложно. Это тебе не расследование старых дел, когда неожиданное появление новых фактов заставляет плыть вспять. Преодолеть течение в этом случае проще, чем вернуть ускользнувшие годы.

Прилуков повертел головой, будто проверял – уехала ли Жанна или всё еще стоит рядом? Её рядом не было, а жаль...

Он решил: когда дело Клунина будет закрыто, он обязательно позвонит этой необыкновенной девушке с лучистыми глазами. Просто так. Чтобы заразиться от нее молодостью и умением радоваться жизни.

Он даже не догадывался, какой была эта девушка еще несколько дней назад. А то бы сказал: Всё в твоих собственных руках!..

Утром Терещенко пересчитал остаток зарплаты и пожурил себя на транжирство. Ему стало жаль потраченных денег. Вчера он заехал в фирменный магазин мужской одежды «Модернист», купил себе двое брюк – стального и черного цвета из легкой немнущейся ткани, две сорочки с короткими рукавами приглушенных оттенков, подходящих брюкам, и две рубашки-поло в полоску. Они так же подошли к брюкам. Помогли с выбором девушки-консультанты, они же посоветовали, где купить обувь.

Признаться честно в магазине мужской одежды он поначалу чувствовал себя неловко, если не сказать прямо – дикарем, который впервые оказался в цивилизованном мире. Последний раз он приобретал вещи прошлой осенью на вещевом рынке. В суете и толчее. Там же отоварился обувью, с которой мучился целый месяц. Ноги в туфлях были, как в тисках. Пришлось купить средство для разношивания обуви, теперь Терещенко ходил по квартире в туфлях, надеясь, что когда-нибудь он будет чувствовать себя в них комфортно. Не почувствовал. В холода сменил туфли на старые ботинки, которые выглядели не комильфо, но ходить в них было одно удовольствие. С наступлением весны снова произошла смена. Туфли за долгую зиму не «подросли», опять пришлось задействовать средство для разношивания. После долгих усилий Спиридон смог носить туфли целый день, не меняя их в отделе на поношенные сандалии, которые давно требовали утилизации. Ничего подобного Терещенко позволить не мог. Он всегда отличался хозяйственностью и практичностью, упорно носил в ремонтную мастерскую старую обувь, продлевая ей жизнь.

После покупки новой одежды, ему страстно захотелось приобрести удобные легкие туфли. Замшевые и с пробитыми узорными дырочками.

Нагруженный фирменными пакетами с обновами, Спиридон прошел два квартала, свернул на нужную улицу и вскоре обнаружил обувной магазин, о котором говорили девушки из «Модерниста».

В обувном магазине он уже чувствовал себя хозяином положения. Девушки-консультанты сразу поняли – перед ним потенциальный клиент. Большие громоздкие пакеты из фирменного магазина намекали на платежеспособность мужчины.

Когда в его руках оказалась пара обуви, о которой он грезил, то не сразу засунул в них ноги. Для начала долго ощупывал, заглядывал внутрь, постукивал по подошве. А в это время бойкая девица расхваливала фирму-производителя и рассказывала о сроках гарантии на обувь. Расчетливый Терещенко скумекал, что можно проходить без боязни оставшийся летний сезон, а если с туфлями что-то случится, то обзавестись новой парой на будущее лето. Цена на туфли его немного смущала, но он так мечтал, именно, о такой замшевой обуви в узорчатую дырочку, что «закрыв глаза» на цену, и стал примерять туфли. Встал с пуфика и немного походил, исподтишка наблюдая за передвижениями в зеркале.

Тапочки, - мысленно возликовал Спиридон от удобства новой обуви.

К пуфику «прижимались» старые туфли – покупка с вещевого рынка. По сравнению с замшевыми стильными «тапочками» они выглядели, как пара обуви после бомбежки с прямым попаданием.

Это послужило последним аргументом.

Когда он расплатился, ему дали карточку постоянного клиента. Терещенко расцвел от удовольствия, как расцветают дети, получив неожиданный подарок просто так, без причины.

Оказавшись дома, он бросил пакеты на пороге, и помчался в ближайший супермаркет – надо было «обмыть» покупки. Купил кровати, три поллитровые бутылки пива, кружок приплюснутой колбасы «Суджук», сетку с картофелем, две банки шпрот, хлеб, сыр, яйца, овощи и поспешил домой. Пока в кастрюле варился в «мундирах» картофель, он перемерил поочередно каждую пару брюк со всеми сорочками и рубашками-поло, убедился, что всё отлично сочетается, и решил купить со следующей зарплаты еще одну пару обуви, на этот раз кожаную, на случай ненастья. Хорошо, что он прислушался к совету и приобрел средство по уходу за замшевой обувью. Теперь можно ходить в новых туфлях в непогоду. Можно, но жаль.

Варить кровати Спиридону было лень, он сунул упаковку в морозильную камеру, открыл банку шпрот, положил на тарелку горячие картофелины, обжигаясь, быстро очистил их, полил маслом из банки, придерживая рыбу вилкой, крупно порезал огурцы и помидоры, налил из бутылки пива в стакан и стал с наслаждением ужинать...

Утром понял, что «финансы» поют романсы», но особо не расстроился. Если будет совсем туго с деньгами, перехвачу у Прилукова, - подумал майор.

На завтрак у него была яичница с помидорами, два бутерброда с маслом и сыром и большая кружка крепкого кофе.

Затем он быстро погладил брюки стального цвета и сорочку, нашел более-менее целые носки, напомнив себе о покупке новых. Обул новые замшевые туфли, бросил мимолетный взгляд в зеркало, пугаясь излишнего удовольствия от обновок, и взял в руки портфель. Старый проверенный друг не подходил ни по каким показателям.

Терещенко вернулся в комнату, где у него в круглой супнице хранились деньги, вернее жалкий остаток от вчерашнего загула. Недолго раздумывая, выхватил тысячу и вернулся в прихожую. Повертел в руках потертый портфель, потом перегрузил его содержимое в один из вчерашних фирменных пакетов, чтобы потом всё переложить в новый портфель, который он купит по дороге. Если он пойдет на службу со старым портфелем, то жадность разыграет и покупка на время отложится, если не навсегда. А если купит новый портфель, то куда девать старый? Сунуть его в пакет и явиться в отдел, как базарная

клуша с двумя котомками в руках? Не вариант! А так старый друг останется дома, в нем можно хранить какие-нибудь бумаги или документы, или паспорта на бытовую технику. И не появиться желание избавиться от портфеля...

В отдел Терещенко заглянул ненадолго. Встреченные в коридоре сотрудники провожали его удивленными или безразличными взглядами. Это что касается мужчин. А женщины все, как одна, не преминули восхититься.

Спиридон подумал, как отреагирует на него обновленного «Красная шапочка», но быстро забыл о том, что на нем новые брюки, новая сорочка, новые туфли, а в руках новый аккуратный черный портфель, к которому прилагался длинный ремешок, позволяющий носить портфель на плече, если надо освободить руки. Он настроился на разговор с братом начальника Людмилы Клейменовой, который, по словам всё той же Люды, беседовал у торгового центра с человеком, похожим на Германа Клунина.

Адрес и телефон был известен майору. Так же он знал, что мужчина имеет вторую группу инвалидности. Живет он в Западном микрорайоне, до торгового центра, где его видели, расстояние вполне приличное.

Терещенко вышел из здания ОВД. Сегодня погода радовала - температура воздуха не превышала двадцати восьми градусов, солнце давно спряталось за тучами, легкий ветерок обдувал счастливых прохожих, которые более бойко, чем в прежние жаркие дни, сновали по улицам.

Спиридон Яковлевич сел в нужный автобус. Путь предстоял длинный и долгий, но пересадок не требовалось. Теперешние маршруты общественно транспорта пролегали из одного конца города в другой. Это обстоятельство порадовало полицейского. Можно спокойно заняться размышлениями на тему «Комов». Чем он и занялся, присев у окна и пристроив на колени новый портфель.

Комов, Комов... Первое, что пришло ему в голову это ком земли. Человек работает с землей. Или с глиной. Тогда он... гончар. Или народный умелец, который лепит фигурки, обжигает их, покрывает глазурью... Но какое отношение это имеет к Герману Клунину? Никаких кувшинов или фигурок у него в кейсе не было. Холодно, холодно...

Майор успел узнать, что в городе проживает пятеро Комовых. Но зашифрованный Комов обязательно окажется вовсе не Комовым. Тогда Клунин был бы не Клуниным, не человеком-загадкой. И жить он может не в городе Ростове, а где угодно. И не важно, что номер был зарегистрирован в нашем городе, причем на чужое имя, что наводит на определенные выводы. Терещенко пытался звонить по номеру Комова и услышал известную фразу: Абонент находится вне зоны действия сети. Запеленговать отключенный мобильный телефон также не получилось. Следовательно, абонент давно выбросил сим-карту в ближайшую канаву. Надежда, что он объявится, есть, но она минимальная. Этот Комов знает, что произошло с Клуниным, а, возможно, сам похитил его тело с помощью блондинки, которая отвлекла внимание охранника Марченко. Попадать в руки полиции по глупости или из жадности у него нет желания. Остается только его вычислить. Но как? Ни мать, ни Забалуев нам в этом деле не помощники. Что было в голове Германа, когда он назвал сообщника Комовым, можно только гадать. Элоиза посоветовала мне обратиться за помощью к интернету.

Терещенко достал из кармана мобильник и вышел с его помощью в интернет. Написал в поисковике Комов и стал читать про каждого претендента на роль знакомого Германа. Сами Комовы его мало интересовали, он надеялся найти подсказку, связующее звено между законспирированным абонентом Клунина и мужчинами из интернета.

Пока ни намек, ни подсказка не просматривались. Что может быть общего у легкомысленного молодого мужчины, например, с пенсионным фондом? Или с гендиректором строительной компании? Был еще один Комов – директор фабрики керамических изделий. Но заниматься им, только время терять. Подсказка должна быть зарыта глубже...

«Зарытая» подсказка навела майора на мысль - этот человек может иметь отношение к... кладбищу. Опять же земля. Или речь идет о черном копателе. Допустим, он нашел старинную ценную вещицу или целый клад, его свели с Германом Клуниным – человеком с обширными связями, который согласился стать посредником за хороший процент. Отсюда и фраза о будущем богатстве, которую он обронил школьному приятелю Маруськину... Но фиг найдешь этого копателя. На учете в полиции есть кое-кто, но чутье подсказывает, что этот копатель новичок. Новичкам всегда везет. Впервые взял в руки лопату, чтобы раскопать какой-нибудь курган, благо их в округе полным-полно – кто только не жил в прошлом в здешних местах, копнул и счастье привалило! Но пришлось поделиться счастьем со специалистом по ювелирным украшениям, у которого есть знакомства среди коллекционеров. Что еще раз подтверждает, что он новичок. У людей, «съевших на этом деле собаку», имеются свои ходы-выходы. С этой целью Герман летел в столицу. Значит, при нем должна была быть безделушка, образец. Поэтому его тело было похищено. В морге эту безделушку обязательно бы обнаружили, показали бы специалистам, а те, изучив находку, заявили об ее исторической ценности. Полицейские знали бы, в какую сторону копать тоннель, чтобы найти выход. Рано или поздно копателя бы вычислили. Свои же «однопартийцы» сдали или сам себя выдал: не затем он нашел клад, чтобы тайно им любоваться. Ему нужно его сбыть и разбогатеть. Обратится к одному, к другому, кто-нибудь да проболтается. Среди перекупщиков немало «барабанов», а как иначе им вести свой опасный бизнес? Не будешь лоялен к правоохранительным органам, окажешься за решеткой.

Но это пока предположения. Уверен в одном: когда мы обнаружим тело Клунина, то вещицы при нем уже не будет...

Если она, вообще, была.

Но для какой-то цели его тело умыкнули?!

Сидеть и ждать, когда кто-то стукнет, тоже нельзя. Надо искать Комова.

Но как? Найти зашифрованного Комова также сложно, как человека с азиатской внешностью в странах Азии.

Можно проверить шестерых жителей города. Двое из них дети: одному пять лет, другому четырнадцать. Есть еще восьмидесятилетний старикан, который из дома носа не кажет. Четвертый уже три месяца восстанавливается после инсульта. На подозрении остаются двое. Но не будет Клунин вносить их в список абонентов под своими фамилиями, не в его это правилах. Тем более, ни к чему оформлять номер телефона на чужого человека с улицы. Если с покупкой всё так закручено, значит, человек скрывал свою настоящую фамилию. И вовсе это не Комов...

Терещенко так задумался, что едва не проворонил нужную остановку. Он в последний момент вылетел из автобуса.

С неба упали первые дождевые капли.

- Только этого мне не хватало, - недовольно пробубнил майор себе под нос и посмотрел на новые туфли, которые забыл утром покрыть защитным средством от влаги.

Но дождь раздумал идти. Спиридон с опаской посмотрел на свинцовое небо и подумал, что бури всё же не миновать.

Адрес нужного человека Терещенко помнил наизусть, этот район знал отлично, поэтому уверенно свернул налево. Прошел два серых девятиэтажных панельных дома, еще раз свернул налево, отдалась от гудящих автомобилей. С одной стороны находился детский сад, с другой – еще одно жилое строение. Спиридон прошел мимо него и уперся в нужный дом. Прочел на стене табличку, убедился, что это дом номер восемь, зашел в первый подъезд и поднялся на второй этаж.

Когда ему открыли дверь, то он сразу понял, что у Клейменовой беда со зрительной памятью. Этот мужчина имел отдаленное сходство с тем человеком, которого зафиксировала камера наружного наблюдения. Разве только плотное телосложение и

мясистый нос. Тому было около пятидесяти, этот выглядит на все шестьдесят, хотя, на самом деле ему пятьдесят четыре. Оставалось надеяться, что это не хозяин, а его родственник. Терещенко показал удостоверение и спросил нужного ему человека.

- Это я, - тихо произнес он.

Развернуться и уйти майор не мог. Он спросил, есть ли у него брат? Хозяин испугался, но сразу получил разъяснение, что с братом ничего не случилось. Тогда мужчина назвал фамилию брата и его имя и отчество. Да, это был начальник Клейменовой – добрейший человек. Затем поинтересовался, не посещал ли такого-то числа торговый центр на улице такой-то. На что мужчина ответил, что дальше продуктового магазина, который находится в трех кварталах, он не ходит, у него больные ноги. Всё время сидит дома или гуляет во дворе, пересаживаясь с одной скамейки на другую.

- Извините, произошла ошибка, - скороговоркой произнес майор и потрусил по ступенькам, избегая вопросов.

Вот, кулема, - мысленно обругал он Клейменову. И даже пожалел, что из-за такой безответственной девицы вчера потратился. Подумал и опротестовал предыдущее заявление: он решил обновить гардероб не потому, чтобы понравится «Красной шапочке», а потому что захотел почувствовать себя молодым и уверенным в себе. Ведь он еще достаточно молод. Еще бы избавиться от стариковского брюзжания, но новые привычки в магазине не купишь, а старые в комиссионку не сдашь. А было бы не плохо... Что-то я не о том думаю! А почему не о том?! Мозги не могут работать в одном направлении. Перенастройка позволяет дать временный отдых, чтобы потом легко решить сложную задачу, которая была тебе неподвластна.

Сейчас главная задача – Комов. Человек, с которым Герман разговаривал по телефону чаще других. Следовательно, у них были общие дела. Общие дела отправили Клунина в Москву, до которой он так и не добрался.

Неожиданно Терещенко вспомнил доклад Прилукова о странном «поведении» тела на каталке.

- Да, нет, - вслух сказал он и замотал головой, словно выбрасывал из нее сомнения по поводу смерти Германа Борисовича. Хорошо, что улица была пустынной, и его разговоры с самим собой никто не услышал, а то было бы неловко. Быть неловким и смешным Спиридон боялся. Поэтому сменил поношенные до неприличия вещи. Сначала познакомился с Клейменовой, которая заставила его взглянуть на себя со стороны, потом ужаснулся своего внешнего вида, уловил непонимающие взгляды посторонних, подчиненные на это бы не осмелились, и решился на большие траты. Ведь в человеке всё должно быть прекрасно... Но не при его работе.

Майор снова засомневался в правильности вчерашнего поступка. И сразу нашел оправдание: если при моей работе можно оказаться в разных местах, даже в трущобах, то надо ходить оборванцем? А вдруг по служебной необходимости я окажусь в приемной мэра?..

Все-таки я ужасно закомплексованный человек? Закомплексованный и сомневающийся. Знал бы об этом Прилуков...

Через несколько дней произошло событие, которое позволило Терещенко забыть о собственных комплексах.

Обнаружили тело Германа Клунина...

Нелли Викентьевна Веприк неделю назад похоронила своего обожаемого супруга Харитона Васильевича. За месяц до этого он впервые почувствовал недомогание. Улучшение так и не наступило, он сам не мог смириться со скорым концом, и вселял уверенность жене. Поэтому для нее смерть супруга стала полной неожиданностью. Женщина не верила докторам, считала их шарлатанами, не способными поставить правильный диагноз. Ее муж здоров, просто у него временное недомогание, которое

скоро пройдет. Проявился синдром хронической усталости, Харитоша отдохнет, наберется сил, и всё вернется на круги своя. Он будет по-прежнему директорствовать на своем любимом заводе, а она заботиться о нем.

Но надежды не оправдались. Некогда здоровый и крепкий мужчина, высохший за месяц, скончался. Еще накануне он делился с коллегами, пришедшими его проведать, своими планами, Нелли Викентьевна угощала гостей пирогами и с гордостью поглядывала на супруга, который за всё время болезни ни разу не показал вида, что его мучают сильные боли. Только ночью тихо стонал и шуршал лекарственными упаковками. Жена стояла под дверью и не решалась зайти. Не хотела, чтобы он чувствовал себя виноватым перед ней. И не хотела опускаться до жалости к сильному духом человеку. А она бы опустилась, когда увидела его перекошенное от боли лицо.

И вот Харитоши не стало...

Нелли плохо помнила день похорон. Она потеряла самого близкого и дорогого человека. У нее не было никого кроме мужа, а у него была она и весь большой коллектив завода, который пришел проводить в последний путь своего мудрого руководителя. Звучали трогательные речи, люди подходили к ней и произносили слова соболезнования. Она автоматически кивала и прикладывала к глазам платочек. Видеть мужа, лежащего в гробу, у нее не было сил. Нелли выбрала себе объект-спасение, объект-обман. Это был большой портрет Харитона Васильевича, с которого он смотрел на нее ободряюще. На устах застыла укоризненная усмешка: неужели ты веришь в это представление?! Вдова старалась не отводить с портрета заплаканных глаз. Слезы лились безостановочно. Женщина не обращала на них внимания, чувствовала, что черное платье на груди стало мокрым и неприятно прилипло к телу, но боялась отвлечься от «живого» Харитона.

На следующий день за ней приехал заместитель мужа, чтобы вместе поехать на кладбище. Нелли Викентьевна слышала требовательные звонки в дверь, но не могла подняться. Мужчина вызвал полицию и неотложку. Квартиру вскрыли и нашли хозяйку, недвижимо лежащую на кровати. Она крепко прижимала к себе портрет мужа, и смотрела в потолок. Женщине сделали укол, только после этого она смогла говорить и наотрез отказалась от госпитализации.

Три дня Нелли не поднималась с постели, все заботы о ней взяла на себя секретарь Харитона Васильевича – Лидия Степановна – женщина средних лет, преклоняющаяся перед чутким и справедливым начальником. Она тайно его обожала. Теперь ее обожание перешло на его супругу. На четвертый день Нелли Викентьевна поднялась и засобиралась на кладбище. Никакие уговоры на нее не действовали. Тогда Лидия Степановна позвонила заместителю, который стал временным исполняющим обязанности директора предприятия. Тот не просто прислал автомобиль, он приехал сам, за рулем сидел всегдашний водитель прежнего директора – Дмитрий Козленкин.

Нелли Викентьевна часто видела водителя Диму. Он считала его чуть ли не членом семьи. Он был предан начальнику и его супруге.

Женщина села на заднее сиденье, рядом пристроилась Лидия. Всю дорогу Веприк изучала спину бывшего заместителя, которая напоминала ей спину любимого мужа, стараясь не замечать чужой профиль. Всё было, как обычно: рядом с водителем Дмитрием дорогой и любимый Харитоша, а она пристроилась сзади и с любовью смотрит на него... Да, всё, как обычно... Но куда они едут?

Женщина с усилием потеряла с обеих сторон виски четырьмя пальцами. Память не возвращалась. Она оторвала взгляд от знакомой спины, открыла рот, чтобы задать вопрос мужу и осеклась. Это был не Харитон. Это был чужой мужчина.

Память вернулась вместе с горьким осознанием. Она подняла правую руку и поднесла ее близко-близко к глазам. Зрение стало расплывчатым, возможно она на это рассчитывала, но ей удалось увидеть, что на привычном месте нет обручального кольца. Нелли Викентьевна посмотрела на левую руку. На пальцах не было колец. И тогда она

вспомнила, как в день смерти мужа сняла обручальное кольцо и положила в шкатулку, где хранились другие безделушки. Потом посчитала это кощунственным, переложив колечко в бархатную коробочку, которую запрятала подальше. Не желая, чтобы она попала на глаза. Надевать обручальное кольцо на левую руку она даже не думала. Это напоминание о том, что она вдова... Это не так. Душа Харитона всегда будет рядом с ней, всегда будет ее оберегать и вселять жизненные силы...

Когда приехали на кладбище, Нелли Викентьевна еле-еле доковыляла до могилы, обложенной огромным количеством венков и цветов. Долго изучала фотографию мужа, с которой он по-прежнему смотрел на нее подбадривающе и с легкой укоризной.

Почему фотография Харитоши стоит в окружении венков и цветов? – задумалась женщина.

Самообман помогал ей пережить горе, смириться с ним. Если подобное возможно.

Возможно, если есть для кого жить. У Нелли не было причины для продолжения своего существования на земле.

Но самообман не перерастал в помутнение рассудка. Практичная и рассудительная прежде Веприк такою и оставалась, с трудом выползая на время их черного горя. Кто будет ухаживать за могилой Харитоши? – мысленно вопрошала она себя, раскачиваясь на краю обрыва. - Сейчас память о нем еще жива, а пройдет месяц и сослуживцы снова вернуться к своим делам, забудут о бывшем руководителе, - продолжала рассуждать она и делала шаг назад. Теперь до пропасти был шаг, который дался ей ценой невероятных усилий. - Я должна жить! - внушила себе Веприк, - должна жить ради памяти дорогого человека.

В глазах немного прояснилось, постоянная тяжесть в затылке стала уходить, вместе с ней утих монотонный гул в голове.

Нелли будто заново увидела могилу мужа.

- Венки лежат иначе! – уверенно сказала она.

Лида, водитель и эксзаместитель понимающе переглянулись.

- Нелли Викентьевна... - начал заискивающим голосом И.О.

- Не думайте, что я медленно схожу с ума, - резко перебила его женщина. - В... тот день я цеплялась глазами за что угодно, лишь бы отвлечь внимание от самой процедуры похорон. Я отчетливо помню, что венок от жены стоял здесь! – она ткнула пальцем в место, правее себя, - я рядом стоял венок от администрации района. А сейчас мой венок оказался на противоположной стороне, а венка от администрации я, вообще, не вижу.

- Вот он! – сказал водитель Дима, показывая нужный венок, который теперь спрятался под венком от какой-то Натальи Викторовны и находился за фотографией покойного. Хотя, прежде был установлен на видном месте.

Нелли Викентьевна сунула Лидии букет роз, которые до этого прижимала к груди, и попыталась раздвинуть нагромождение венков, желая взглянуть на могильный холмик. Никто ей в этом не помог, все присутствующие заворожено следили за ее усилиями.

- Что это? – возмущенным тоном спросила она, справившись с задачей.

Первым очнулся Дмитрий. Он ласково отодвинул Веприк, одновременно схватил пару венков и перенес их ближе к оградке.

- Вакханалия какая-то, - нахмурившись, сказал он. – Я точно помню, как могильщики привычно разровняли землю. А сейчас могила выглядит так, словно ее раскапывали. Если бы вы, Нелли Викентьевна, не заметили, что венки переставлены, у нас не появилось бы желание взглянуть на холмик.

- Неужели вы, правда, думаете, что злоумышленники хотели р...раскопать м...могилу и в...вскрыть гроб? – заикаясь от испуга, поинтересовалась Лидия Степановна.

- А зачем им это? – вмешался И. О. – Мы же не цыгане, чтобы делать из могилы последнее пристанище покойного, снабжая его всем необходимым.

- Мало ли, что им пришло в голову, - передернул крепкими плечами Козленкин. – Заметили богатое убранство и решили пожить.

- Куда смотрит администрация кладбища! – излишне громко произнес новый временный директор, будто выступал на митинге.

Веприк непроизвольно скривилась и недружелюбно взглянула на мужчину. Он хотел еще что-то сказать, но под ее взглядом стушевался.

- В любом случае мы должны узнать правду, - констатировала Нелли.

- Согласен, - кивнул головой Дмитрий.

- Вы хотите провести эксгумацию? – деловито осведомился И.О.

- А ты что предлагаешь?! – рассердилась женщина, - развернуться, уйти и сделать вид, что всё нормально? Какой-то варвар... - У Нелли перехватило дыхание, она непроизвольно схватилась рукой за горло. Лида протянула ей упаковку с валидолом, но она отказалась.

- Вы не волнуйтесь, Нелли Викентьевна, мы сделаем всё, что вы скажите, - успокоил ее эксзаместитель...

Через день состоялась эксгумация. В могиле, приблизительно в метре от поверхности земли, был обнаружен труп молодого мужчины в одном нижнем белье, завернутое в старое покрывало. Тело покойного Харитона Веприк находилось в положенном ему месте, в гробу. Никто на него не покушался. Преступники выбрали могилу, загроможденную ритуальными венками, не случайно - никто не заметит их попытки «подзахоронить» человека.

Поначалу полиция решила, что покойный это человек без определенного места жительства или с определенным, но у его семьи нет достаточных средств для проведения ритуала погребения. Сомнения возникли, когда поняли, что нижнее белье на мужчине приобретено в магазине, где цены доступны лишь богатым людям.

Судебный медик, делавший вскрытие, заявил, что смерть наступила почти месяц назад. Но следов разложения почти нет, по всей видимости, тело хранилось в помещении с низкими температурами. Причина смерти - внезапная остановка сердца. Естественно, оперативники, которым поручили установить, кем является мужчина, найденный в могиле Харитона Васильевича Веприк, задали привычный вопрос: почему сердце остановилось у такого молодого еще человека?

Судебный медик заявил, что всё отразит в рапорте, но полицейским не терпелось получить объяснение здесь и сейчас.

- Внезапная смерть наступает вследствие нарушения функционирования электрических систем сердца, - быстро протараторил эскулап. – Сердце начинает сокращаться с угрожающей жизни частотой, возникает фибрилляция желудочков и к организму перестает поступать кровь.

- Но он мог выжить? – спросил капитан, ровесник покойного.

- Если бы, да кабы, - нахмурился медик. - Если бы медицинская помощь была оказана своевременно, и по всем правилам...

- По каким правилам? – уточнил полицейский, чувствуя себя прилежным студентом-медиком.

- Была необходима ручная реанимация, позволившая обеспечить мозг достаточным количеством кислорода. А если бы у доктора при себе оказался портативный дефибриллятор, который так необходим для электроимпульсной терапии нарушений сердечного ритма, то этот мужчина не лежал бы в одной могиле с известной в городе личностью, а развлекался сейчас с девчонками.

- Этак каждый может в одночасье умереть, - задумчиво предположил молодой мужчина трагическим голосом.

- Заботиться надо о своем организме. Заниматься спортом, правильно питаться и отказаться от курения, - посоветовал доктор. – Курение весьма негативно действует на сердечнососудистую систему. Кровяное давление повышается, токсические вещества в табаке повреждают стенки артерий, сосуды сужаются, уменьшается способность крови нести кислород к тканям, к сердцу... Так что, делайте выводы!

Полицейский решил с этой минуты больше не брать в руки сигарету...

Вскоре стало известно, что мужчина, умерший от внезапной остановки сердца, давно объявлен в розыск. Так была установлена личность покойного.

Капитан позвонил майору Терещенко и сказал, что его клиент обнаружен на кладбище, и сейчас находится в морге. Результаты скрытия уже готовы...

Вид у Прилукова был такой, словно он получил известие о кончине близкого родственника. Спиридон Яковлевич догадался: как стажер не пытался делать вид, что стоит на позициях начальника-реалиста, в глубине души надеялся на чудесное воскрешение авантюриста и любителя розыгрышей Германа Клунина. Как и его мать.

Элоиза Георгиевна, которая надеялась, что это очередная проказа сына, выслушала страшную новость молча. Непонимающе посмотрела на майора, потом на Эдуарда Забалуева, который последнее время постоянно был при ней, приложила указательный палец к губам, затем оторвала его от губ и размахисто помахала из стороны в сторону, как маятник, выказывая подобным жестом свое несогласие. Развернулась, но не сделала и пары шагов, как рухнула на пол, причем так неожиданно, что никто из мужчин не успел прийти к ней на помощь.

Забалуев вызвал неотложку, выпроводил полицейских и пообещал на следующий день приехать в морг на опознание. Майор закрыл глаза на то, что Эдуард Викторович не является родственником Клунина. Он не мог настаивать на присутствии убитой горем матери, потерявшей единственного сына, пусть и непутевого. В Терещенко проснулось что-то человеческое. Раньше это был бесчувственный робот. Перед ним ставили задачу, и он ее выполнял, действуя по инструкции. Разница с механизмом была в умении сопереживать, в способности находить правильный путь: идти к цели не коротким прямым путем – напрямик через бурелом, а по ломаной линии, стараясь обходить «скользкие» места, чтобы самому не набить шишек и других не калечить. Теперь это был нормальный человек. Пусть с комплексами, пусть не позволяющий себе выражение эмоций в присутствии родственников потерпевших, но живой человек, думающий не только о выполнении задания любыми средствами.

Черствость упорно прививал ему старший брат. Он считал, что сотрудник милиции или медик не могут позволить «пропускать через себя» все человеческие проблемы, можно надорваться. Спиридон никогда не высказывал своего мнения, но поначалу думал иначе. Он долго учился быть безразличным. Напускал на себя суровость, будто прослужил в органах много лет и привык к людским бедам, и мысленно спрашивал у погибшего брата: «Неужели к такому можно привыкнуть? Неужели можно быть равнодушным к слезам матери, потерявшей сына, погибшего от руки наркомана? Или к молчаливому рыданию отца, стоящего над телом маленькой дочери, растерзанным педофилом?» У нормального честного служаки должна быть правильная реакция на преступления, возможно более сдержанная, без эмоций, которые могут помешать расследованию. Но безразличие не допустимо.

Почему вдруг произошел отказ от вбиваемых с детства поведенческих норм настоящего мужчины, Спиридон сам не понял. Вчера, позавчера и много лет до этого он пытался быть одним, сегодня стал другим. Тем, который долго сидел внутри, боясь вылезти наружу.

Терещенко подумал: А что бы сказала о нем вчерашнем та девушка, портрет которой он обнаружил в альбоме Клунина? Наверное, осудила.

Ее маленькая круглая фотография до сих пор хранилась в его портмоне. Он знал, что обязан вернуть её Элоизе, но оттягивал время. Он не мог с ней расстаться. Если Спиридон попросит художника Забалува сделать для него копию, то был уверен – копия будет хуже оригинала. Это будет уже не та девушка. Безвозвратно исчезнет ее неповторимая индивидуальность, которая так потрясла Терещенко с первого взгляда.

Пока портрет незнакомки будет находиться на прежнем месте. Дело Германа Клунина не закрыто, надо найти человека, который выкрал его тело. На повестке всё тот же короткий вопрос: С какой целью?

Майор не поленился, съездил к судебному медику, делавшему вскрытие тела Клунина. Терпеливо выслушал ворчание по поводу «приставучих оперативников, которым больше нет дел, как мучить вопросами занятого человека». Но снизошел до ответа, пусть несколько на повышенных тонах.

- Молодой человек! Если бы до меня кто-то копался во внутренностях интересующего вас покойника, я бы отразил это в рапорте! А что касается странных предметов, то могу вас заверить: ничего необычного я в его желудке не нашел... Опережая ваш следующий вопрос, спешу сказать: Ни в каких других органах тоже ничего не обнаружено! Если у вас всё, то прошу меня извинить...

Значит, вещица была спрятана в одежде, но так, что ее сразу не найдешь. Точно не в кармане, - подумал Терещенко. – Но как удалось Клунину пройти досмотр в аэропорту?.. А если это было кольцо? Надел на палец и вперед, навстречу приключениям! – Родившееся предположение сразу было отвергнуто им самим, - колечко легко снимается с пальца, не надо похищать тело. Да, и не в колечке дело, путь и старинном, пусть и экземпляром из сокровищницы, найденной копателем-новичком. Для Германа Борисовича – человека незаурядного и неглупого, причем жаждущего разбогатеть не любыми средствами, а путем задействования серых клеточек мозга, простой способ перепродажи найденных в земле ценностей не подходит. Где здесь работа ума? Элементарный поиск нужных связей.

Терещенко казалось, что он начинает понимать Германа. Жаль, что не удалось познакомиться с ним при жизни, было бы интересно разгадать ход его мыслей и получить подтверждение.

Теперь разгадывать можно сколько угодно, но получить подтверждение, увы...

После того, как было обнаружено тело Клунина, майор понял: он был уверен, что Герман мертв, но мечтал об обратном. Сразу вспомнилась Элоиза Георгиевна, которая последнее время жила подобной мечтой. Когда мечту у нее забрали, она зависла между жизнью и смертью. Но ее близкий друг Забалуев утверждает, что сделает всё возможное и невозможное, чтобы удержать ее на этом свете. Женщина пока не в состоянии похоронить сына, а Эдуард не может лишить ее возможности попрощаться с ним. Бедолага Клунин никак не упокоится в земле, ждет своего часа в морге.

Терещенко стал сентиментальным. Ему было жаль Германа, очень жаль его мать. Это поначалу он не разобрался в их отношениях, ему показалось, что каждый из них живет своей жизнью, вспоминают друг о друге крайне редко. Но он ошибался. Спиридон Яковлевич не привык иметь дело с людьми, подобными Элоизе Георгиевне. Интеллигентными и как следствие сдержанными. Интеллигентность подразумевает отказ от выставления напоказ своих чувств. Но чем сдержаннее эти чувства, тем они более глубоки. Элоиза Местерская безумно любила свое взрослое взбалмошное чадо, но старалась не унижать его круглосуточным контролем. Она верила, что самостоятельность научит сына разбираться в людях, отвечать за свои поступки. Конечно, она «держала руку на пульсе», подключила своего «авторитетного» родственника Леню Косолапого, была уверена, что сдержанная материальная помощь заставит его одуматься. Не зря не дарила ему ключей от собственной квартиры, а могла бы... Но не учла тот факт, что ее сын – авантюрист по натуре. Ему скучно просто заниматься бизнесом и набивать карман.

Деньги в жизни Германа играли не последнюю роль, но и не первую. А то, что он не сдержался и предвосхитил события, заявив школьному приятелю о своем грядущем богатстве, не говорит о навязчивости идеи, которая вот-вот осуществится: просто Герман был в отличном настроении, ему хотелось с кем-то поделиться. Элоиза не в счет, она бы задала слишком много вопросов, а не получив вразумительных ответов, начала отговаривать от сомнительного мероприятия. Забалуев - ее доверенное лицо, он бы напомнил, что мать – единственный родной человек, которого нельзя огорчать, которого надо беречь. Герман ценил и любил мать, но ничего не мог поделать с духом авантюризма, вселившимся в него. Но решил подстраховаться, и как всегда завуалировано – дал Элоизе адрес некой Валентины Карасевой, по которому он якобы проживает.

Валентина Карасева давно вышла замуж на литовца и счастливо проживает с ним в Паланге. Илья Аркадьевич Кошечкин послал запрос в страну, некогда входящую в состав СССР, и получил ответ: гражданка Карасева имеет двойное гражданство – и литовское и российское, замужем за гражданином Литвы. Свою фамилию не сменила, осталась Карасевой, не захотела стать Киселюте (ее муж носит фамилию Киселюс). Адрес и телефон предоставить отказались, предложили Кошечкину дать свой номер телефона, чтобы гражданка Карасева сама решила, стоит ей звонить следователю или нет.

Карасева Кошечкину позвонила, но сразу заявила, что скоро приезжает домой на месяц, так и сказала – домой, и тогда встретится со следователем и ответит на все вопросы. Она не спросила, чем вызван интерес родной полиции, видимо спешила свернуть разговор до возвращения мужа.

Теперь Терещенко и Кошечкин ждали приезда Валентины Карасевой, которая могла пролить свет на странное заявление Германа Клунина, решившего «снять» у нее квартиру.

Тимофея Прилукова мучили два вопроса, почему тело Клунина оказалось в одной могиле с директором Харитоном Васильевичем Веприк, и почему от него, от тела, не отделались сразу, по прошествии нескольких дней, а не месяца. Он поспешил озвучить оба вопроса майору Терещенко.

Тот подумал и сказал:

- Я могу только предполагать, правду нам скажет только преступник... Думаю, он выжидал, когда ажиотаж в поисках постепенно сойдет на нет, спокойно держал тело в холодном месте. А когда первые страсти улеглись, когда мы перестали активно работать по этому делу, он под покровом темноты вывез тело на кладбище, на глаза попала могила, заставленная венками. Он «похоронил» в ней Клунина, надеясь на то, что его никогда не обнаружат. Венки уберут не скоро, а когда уберут, то следы раскопок будут уже не заметны. Дожди, усадка земли и тому подобное. Откуда ему было знать, что убитая горем супруга заметит, в каком порядке выставлялись венки и захочет взглянуть, как выглядит холмик?

- Всё равно не понимаю, почему не закопать тело Клунина за городом? Вывез в ближайшую лесополосу, выкопал могилку, уложил в нее покойника, забросал землей, ветками и всё шито-крыто! Можно еще деревце посадить, чтобы никому не захотелось порыться на этом месте. Его главная задача – чтобы тело никогда не обнаружили. Вы, Спиридон Яковлевич, сами говорили – нет тела, нет дела.

- Говорил, - согласился майор. – Но за город вывозить тело опасно, на посту ДПС могут тормознуть и проверить содержимое багажника... Впрочем, в багажник высокорослый мертвец вряд ли бы поместился. Преступник для этих целей выбрал более подходящий автомобиль, а крупногабаритные авто тем более привлекают внимание ДПСников.

- Позвольте с вами не согласиться, - отрицательно закивал головой Прилуков. - Злоумышленнику незачем было пересекать границы города, он мог ночью добраться до кладбища, как он и поступил, на его границе есть акациевая рощица, в ней мог найти

последний приют наш клиент. Свидетелей нет, так как по ночам по кладбищу никто не ходит, роща находится в запущенном состоянии, так что желающих послушать соловьиные трели не найдется.

- Но любой желающий облегчить мочевого пузырь мог заметить свежеврытую землю. Народ у нас всякий: и безразличный, и наблюдательный, и любящий доложить о своих наблюдениях кому следует. Это я о людях более старшего поколения, которых приучили к бдительности. Свежевспаханная земля навела бы на мысль, что жадные родственники решили сэкономить и похоронили человека в непосредственной близости от кладбища под сенью акаций.

- Это всё предположения, - недовольно пробубнил Тимофей.

- Факты будут после. – парировал майор.

Лейтенант хотел высказать еще ряд версий, но передумал: можно рассуждать до бесконечности. Что было в голове у преступника, который подбросил тело Германа Клунина в чужую могилу, знает только сам преступник. Сейчас Прилукова терзал другой вопрос.

- Спиридон Яковлевич, а откуда преступник узнал, что активность нашей работы упала?

- Наверное, он следил за квартирой Элоизы Клуниной, - без особой уверенности произнес Терещенко. – То мы ходили к ней несколько раз в неделю, то пропали.

- Или один из людей, с которыми мы встречались во время ведения следствия, как-то связан с преступником, - выдвинул свою версию Тимка. Подумал, подумал и выдал, - например, Людмила Клейменова.

- А причем здесь Клейменова? – удивился майор, нервно проведя рукой по лысой черепушке, словно забыл об отсутствии волос, требующих ручной укладки.

- А почему бы ей не быть соучастницей? Ее приставили к Герману, чтобы она за ним следила, а когда он умер, то позвонила своим подельникам и обо всем доложила. Пока то, да се, преступники уже в аэропорту. Один отвлекает, другой крадет тело, а Людмила Клейменова спокойно летит в Москву, чтобы никто её не заподозрил. – на лице стажера было столько эмоций, что Терещенко испугался продолжения захватывающей истории о злодейке Клейменовой. Но вмешаться не успел. – Ох, не зря она постоянно околачивается в наших краях. Ох, не зря! – Закудахтал Прилуков, исподтишка наблюдая за реакцией начальства. Начальство побагровело, желваки на скулах ходили ходуном. Но Тимку было не остановить, - я у нее спрашиваю: Людмила, что вы здесь делаете? А она зарделась, как алый тюльпан на клумбе, нацепила на губы притворную улыбочку и говорит: «Я случайно мимо проходила»... Ага, случайно, - самодовольно хмыкнул он, - раз случайно, два случайно, три случайно, выходит уже не случайно. Протоптала девочка дорожку мимо нашего родного отдела полиции! А с какой целью? С целью шпионажа!

- Это когда она тебе говорила, что оказалась здесь случайно? – насуплено спросил Терещенко, загораясь ревностью, которая вытеснила едва родившееся подозрение.

- Это она не только мне говорила, но и вам! – напомнил Прилуков. – Неужели забыли? Вы уж извините, но я оказался невольным свидетелем.

- Ты не свидетелем оказался, а шпионом! Еще другим честным людям ярлыки навешиваешь! – возмутился Спиридон. – У Людмилы неподалеку живет бабушка. Пожилая женщина требует постоянного внимания и ухода, а Людмила добрый и отзывчивый человек.

- А я думал, что вы, Спиридон Яковлевич, хорошо разбираетесь в людях, - печально вздохнул лейтенант и осуждающе покивал головой.

- Что ты имеешь в виду?

- А то, что бабушка Людмилы Клейменовой живет в нескольких кварталах от нее, а от нашего ОВД совсем не близко. И она вполне бодрая старушка, да, ее и старушкой не назовешь. Она на всё находит время: и на увлечения – она посещает танцевальные вечера

и кружок домоводства, и на правнука, и настряпню - пироги она печет наивкуснейшие. Сам пробовал, когда к ней в гости заходил.

- А что ты... там делал?

- Представился новым участковым, расспросил о соседях, а заодно о внучке.

- И что же она тебе рассказала?

- Ничего плохого! – с обидой бросил Прилуков, который надеялся, что разговорчивая бабуля выложит чистую правду про нерадивую внучку. – Бабушка жалеет Люсю, говорит, что трудно ей одной с малышом.

- С чего вдруг ты на Клейменову напустился?

- Не нравится мне, что она вокруг вас круги наворачивает? Не иначе засланный казачок.

- Значит, ты считаешь, что заинтересоваться мною Людмила не могла?! – набирая обороты, взревел Терещенко.

- Я этого говорил, - скуксился Тимофей. – Просто ее поведение кажется мне подозрительным. Вы, конечно, мужчина видный, особенно в последнее время, но меня терзают сомнения в ее искренности. Ведь вы разговариваете с ней о Клунине? Разговариваете! Он вас и свел, значит, волей неволей, а вспоминаете о нем, можете проболтаться...

- Да ты чего в самом деле! - вскипел майор, - за кого ты меня принимаешь?! За сосунка желторотого?! Мне тридцать шесть лет, я...

- Сколько-сколько? – переспросил Прилуков с гримасой на лице, оставляя без внимания наскоки начальства.

- Тридцать шесть, - обреченно повторил Спиридон. – А что?

- Нет, ничего, - бодро замотал головой лейтенант, - я думал вам тридцать восемь. Раньше думал, когда вы... с тем портфелем ходили, а теперь... вы выглядите на свой возраст, даже можно дать тридцать пять, - тараторил он, боясь продолжения разноса.

- Не вижу связи между портфелем и возрастом, - насупившись, заявил Терещенко. Бормотание стажера оставили его безучастным. Его беспокоила Людмила Клейменова, отношения с которой развивались в последнее время слишком стремительно. Еще немного и безобидная болтовня на скамейке перейдет в нечто более интимное. Про более интимное тридцатишестилетний майор думать боялся, хотя, в последнее время сны видел красочные и фривольные. Люся настойчиво вытесняла из мыслей девушку с портрета. Клейменова находилась рядом, а та - милая, тонкая, женственная, благородная - в далеком прошлом.

Вспомнив о далеком прошлом, Терещенко вернулся в недалекое прошлое, когда в очередной раз оказался в квартире Элоизы Клуниной. Тогда еще тело ее сына не обнаружили. Спиридон спросил о дворянских корнях, на которые намекал Герман в разговоре с Жанной Гоголевой. На что писательница заявила:

- У нас в роду были все сплошь простые люди, о некоторых лучше не вспоминать. Один был разбойник с большой дороги по кличке Сова, прозванный так потому, что выходил на охоту по ночам, другой – карманник первоклассный, промышлял во времена НЭПа. Сразу спускал деньги в ресторанах...

Терещенко едва не напомнил, что в настоящем у них тоже не всё чисто, имея в виду двоюродного братца, но сдержался.

Потом мысль перескочила на Жанну, которую он препоручил Прилукову. Тот описывал ее в восторженных тонах, уверял, что она необыкновенная красавица! Будто хотел отвлечь внимание майора от девушки своей мечты по имени Людмила. Сначала сделал упор на незаурядные внешние данные одной девушки, потом попытался убедить в подозрительном поведении другой – и все эти выкрутасы для достижения своей цели.

Спиридон видел фотографию Гоголевой и сделал личный вывод о ее внешности, полностью совпадающий с мнением Клейменовой, назвавшую Жанну невыразительной. И это еще мягко сказано.

Тимофей не стал переубеждать начальство, которое не видело теперешней Жанны Гоголевой.

А начальство, заподозрившее подчиненного в умышленных нападках на Люсю, не стало уходить далеко от темы.

- А с чего ты взял, что Клейменова говорила о той бабушке, которая живет за несколько кварталов от нее? Может, речь шла о другой бабушке?

- У нее одна бабушка, мать ее матери. Мать отца давно погребена на столичном кладбище. Других бабушек у нее нет.

Маленькая ложь рождает большое недоверие, - подумал Терещенко.

От дальнейших печальных размышлений его отвлек телефонный звонок. Женский голос спросил лейтенанта Прилукова.

Майор передал ему трубку.

Тимофей долго слушал, потом сказал.

- Мы сейчас к вам приедем.

Потом обратился к майору.

- Звонила жена того любвеобильного мужчины, который раздумал лететь в Москву, а предпочел провести время в обществе некой Лены на ее даче.

- И?

- Мужчина пропал. Сначала уверял супругу по телефону, что простудился и возвращение домой откладывается. Жена подтвердила, что он сильно кашлял и хрипел. Потом, вообще, перестал звонить. Тогда она не выдержала и позвонила сама на стационарный московский номер. Ответил брат, не стал юлить и сразу признался, что согласился на ложь ради брата.

- А почему звонила на московский номер?

- Мобильник супруга отключен, - пояснил стажер. - Тогда женщина не выдержала и пошла в полицию. Написала заявление, но поиски пока не принесли результата. Запеленговать его мобильный телефон не удалось, никто из коллег по работе его не видел, сам он так и не объявился. Сегодня она вспомнила обо мне. Я когда приходил к ней в первый и последний раз, то оставил визитку.

- А причем здесь ты? - недовольно буркнул Терещенко. - Пусть поисками ее мужа занимается отделение внутренних дел, на территории которого эта дружная семейка проживает? - с сарказмом добавил он.

- Я так понял, что ваша интуиция молчит? - с ехидцей спросил Прилуков. - Или вы считаете, что исчезновение пассажира со злополучного рейса не связано с делом Клунина?

- Не связано, - неуверенно обронил майор, не реагируя на нарушение субординации. Этому веснушчатому парню он прощал многое, если не всё. Спиридон видел в нем себя в прошлом - полного сил и желаний, которые старший брат душил на корню. Один хотел взлететь, другой быстро его приземлял, не давал развиваться гениальным идеям, следующим чередой друг за другом, как прицепные вагоны. В голове вагонного состава из идей младшего брата находился локомотив, роль которого исполнял старший Терещенко. Трудно пришлось неопытному Спиридону, когда локомотива не стало.

Поэтому майор не гасил «души прекрасные порывы» у молодого лейтенанта, пусть набивает шишки и одновременно набирается опыта.

Пока Терещенко предавался философским размышлениям, Прилуков пристально изучал его насупленное лицо, не сулившее ничего хорошего. Но вдруг выражение лица изменилось, на нем появилась что-то новое, Тимке показалось - снисхождение к его чудачествам. По крайней мере, так ему очень хотелось.

Но он ошибался: от короткого лирического отступления майор вернулся к рабочим будням.

Терещенко предчувствовал, что после обнаружения тела Германа Борисовича следователь Кошечкин дело не закроет. Ему нужен похититель! Вынь да полож! А где его, этого хитромудрого похитителя, искать?! В каком направлении двигаться, если везде тупик и нет ни единого нового факта, способного дать подсказку?! В подобных случаях дело спускается на самотек: задействованные в расследовании люди делают вид, что продолжают «копать», на самом деле занимаются другими, более важными делами. Новость об исчезновении свидетеля смерти Клунина это не новость в деле о похищении Клунина. В этом Спиридон был уверен. Или почти уверен. А возможно элементарно выдохся или потерял нюх. Человек не может находиться в постоянном цейтноте. Каждый день следователи ставили перед ним и его группой всё новые и новые задачи. А оперативники не железные, им иногда спать полагается. И не только...

Хорошо, что ребята, наконец, вышли из отпусков и, засучив рукава, взвалили на себя часть дел. Но дело Германа Клунина висело на Терещенко и Прилукове. И будет висеть долго, в этом майор не сомневался.

Он устало посмотрел на нетерпеливого лейтенанта, который напоминал плохо вышколенного пса-подростка, готового ринуться к миске с кормом без разрешения. Майор, напротив, походил на опытную старую розыскную собаку, уставшую, безразличную и столько повидавшую на своем веку, что удивить ее чем-то уже невозможно. Лень передвигаться, лень лакомиться вкусным кормом, лень выходить из вольера. Так бы лежал, опустив тяжелую голову на лапы, и тоскливо смотрел на скучный мир.

И с чего вдруг на меня накатила такая тоска? - спросил себя Спиридон Яковлевич. Покопался в нерадостных мыслях, явственно ощутил неприятный холодок в душе, как намек на грядущие неприятности или пролетевшее мимо ушей чужое слово, заставившее с другого ракурса взглянуть на события прошлого и настоящего. Служебные неприятности для майора так же привычны, как затяжной дождь хмурой осенней порой. Других неприятностей в его жизни не бывает. После смерти старшего брата он привык смотреть на легкие уколы судьбы сквозь пальцы. Но что же покорило его и оставило в душе осадок, после чего исчезли все желания? Из целеустремленного человека Терещенко превратился в желейную конфету. Мягкий человек-конфета на мягких ножках с мягкими ручками и со сладким месивом в голове. В чем причина?.. А причина кроется в словах Тимофея, которые он посмел озвучить в его присутствии. И касалось это Людмилы Клейменовой, которую прорицатель майор не сумел разгадать. Вот стажер сумел! Маленький паршивец с лопухими ушами и веснушчатый лицом!

Впервые Терещенко поверил женщине. И не просто поверил, а поддался ее чарам. Стал совершать несвойственные ему поступки, в общем, повел себя, как восемнадцатилетний пацан. А всё почему? Потому что читал на ночь романы госпожи Местерской, благодаря которым начал по-новому ощущать окружающий мир.

Надо на ком-то отыграться, не на себе же родимом! Благо на ум пришла госпожа писательница! – разозлился Спиридон, нервно перебирая бумаги на столе.

На глаза попало портмоне, лежащее на краю стола. В портмоне находилась фотография незнакомки из альбома Клунина.

Терещенко давно понял, кто разбудил в нем желание любви. Влюбиться в некий образ не мог - слишком реалистичным человеком он был. А потом встретил Люсю. Она не имела ничего общего с ТОЙ девушкой. Но она перевернула его мир. А он ей, увы, поверил...

Но если Клейменова связана с преступником, то надо начинать с нее. Зацепка-то есть! – с напускной радостью решил Спиридон, и желейная вялость сама собой исчезла.

Он дернулся, будто кто-то двинул ему по плечу и заставил пробудиться.

Деловой Прилуков сидел на своем месте и читал какую-то бумагу, подоткнув под подбородок два своих кулака, сложенных друг на друга и упертых в поверхность стола.

- Ну, и чего ты сидишь?! – грозным голосом спросил начальник.
- А что мне делать? – обреченно вопросом на вопрос ответил лейтенант, откинулся на спинку стула и зыркнул исподлобья на майора.
- Поехали, поехали! – поторопил его тот, поднимаясь с места и создавая кистью руки вихревые потоки в сторону выхода, будто выгонял из помещения назойливую муху.
- Куда? – сдержанно поинтересовался Тимофей, нависая над столом.
- К той дамочке, у которой муж пропал!
- Но вы же...
- Мало ли, что я сказал! – возбужденно перебил его Терещенко. – По дороге надо позвонить Кошечкину.
- Зачем?
- Пусть даст добро на наружное наблюдение за Людмилой Клейменовой.
- Я же говорил, что ее поведение вызывает подозрение, - весело зашебетал Прилуков, спуская по лестнице вслед за майором...

По пути к дому позвонившей им женщины, потерявшей супруга, Терещенко незлобно пожурил стажера за то, что упустил супруга из вида, а он - свидетель разговора Гоголевой и Клунина. Ведь знал, что тот давно должен «вернуться» из столицы. Надо было встретиться с ним и еще раз допросить, не ограничиваться телефонными переговорами.

Прилуков молчал, крыть ему было нечем. Он мечтал о скорейшем окончании испытательного срока его стажировки, может быть после этого к нему начнут относиться более уважительно. Тимка понимал, что уважение не приходит в один прекрасный день, его нужно заслужить. Поэтому он старался изо всех сил и от чрезмерного старания и усердия совершал ошибки. Он не знал, почему ему отведен самый максимальный по длительности испытательный срок – три месяца. Начальство могло ограничиться и одним месяцем, согласно статье тридцать шестой такое допускается. Прилуков догадывался о причине. Всё дело в его несерьезной внешности, сбавляющей ему годы. Жаль, что внешность нельзя изменить. Не будет же он стирать ластиком противные веснушки, как это проделывал один герой в детском кинофильме. Честно признаться, после просмотра Тимка повторил его действия, но безрезультатно, только лицо покраснело и начало сильно зудеть. Матери он не признался, та решила, что у него аллергия, дала таблетку, которую сын после выплюнул, а раскрасневшуюся физиономию намазала детским кремом. О посещении косметолога лейтенант не думал, как не думал об операции, способной победить лопухость.

Ничего, - мысленно успокаивал себя Прилуков, параллельно слушая Терещенко, - потерплю еще немного, и моему стажерству придет конец! Начальник подразделения даст заключение о проверке соответствия занимаемой должности по результатам испытательного срока, надеюсь положительное, и стану полноправным сотрудником внутренних дел.

... Еще и Леня Косолапов будет землю рыть, чтобы найти человека, который поглумился над племянником, - между тем продолжал затаенное возмущение Терещенко. - Никак не найду в себе силы сходить к Элоизе Георгиевне, чтобы она пресекла незаконные действия братца.

- Думаете, она на это пойдет? – спросил Тимофей.
- Надеюсь... И еще надеюсь, что она поделится с нами добытыми Лапой сведениями до того, как совершится возмездие.
- На расправу она добро не даст!

- А Косолапов не привык спрашивать у кого-то разрешения, к просьбе сестры еще может прислушаться, а к указаниям, извольте. Сами с усами! – спокойно возразил майор и поинтересовался, – далеко еще?
- Минут тридцать, если «пробки» на Вавилова не будет. – доложил лейтенант, покосился на начальника, словно проверял его расположение и осторожно спросил, - Спиридон Яковлевич, я слышал, как Кошечкин снова дал задание отработать засекреченного Комова?
- Понятия не имею, кого имел в виду Герман Клунин, когда вносил этого абонента в список! – поделился наболевшим Терещенко. – Где я его буду искать?! Тех двоих Комовых, которые более-менее соответствуют по возрасту и по здоровью, давно рассказали Кошечкину под протокол, что знать не знали Клунина. На двенадцатое июня у обоих есть алиби. Один из них был на даче в окружении родных и знакомых, они дружно отмечали праздник - день России, а другой, вообще, гостил у тещи в деревне Верхушкино, что в ста километрах от города. Он показал фотографии того дня, на них ясно видно время и число, когда производилась съемка. Чтобы проверить, так сказать соответствие натуры, я послал в это Верхушкино двух полицейских, показания супруги и тещи Кошечкина не устроили. Полицейские подтвердили, что фотографии сделаны во дворе и на местном пруду, где этот Комов изволил рыбачить. Соседи также подтвердили, что зять с женой и двумя детьми гостил у тещи, даже те, с которыми она в «контрах», как выразилась одна злобная пенсионерка... Я понимаю, что зашифрованный Комов – наша последняя надежда, но никакие умные мысли в голову не приходят. Надеюсь, на внезапное озарение.
- Спиридон Яковлевич, я тут вот о чем подумал: этот мужик, ну, который пропал, по телефону мне сказал, что его любовница Леночка в тот день была на работе, собиралась уходить в отпуск, но начальница заявила о переносе отпуска на неделю. Поэтому наш свидетель передумал ехать в Москву, они отправились за город, на дачу этой самой Леночки.
- И зачем ты мне это пересказываешь в сто первый раз?
- Я только сейчас вспомнил, что в тот день вся страна отдыхала. Не могла Лена быть на работе! Соврал наш свидетель! А если он соврал в одном, то мог соврать и в другом.
- Тимофей! – остудил его пыл майор, - мы не в советское время живем, когда все дружно отдыхали в положенные государством дни, кроме представителей особо значимых профессий: врачи, пожарники, пекари и так далее. Сейчас владелец каждой коммерческой фирмы сам решает, дать выходной трудовому коллективу или поизгаляться и заставить работать в праздничный день. Так что делать скоропалительные выводы я бы не спешил.
- Последнюю фразу он произнес таким тоном, что Прилуков засомневался в получении положительной характеристики.
- Проявляешь инициативу – плохо, не проявляешь – еще хуже, - разозлился он и решил вылить злость на пропавшего свидетеля.
- Вот же гад, ни словом не обмолвился, как фамилия Леночки, где она работает, где находится ее дача?
- Ваше возмущение, товарищ лейтенант, неуместно! – рявкнул на него Терещенко, - ты сам виноват, что не задал ему ни одного наводящего вопроса.
- Но я думал расспросить обо всем, когда он вернется в город, - начал оправдываться стажер.
- Никогда нельзя откладывать на завтра то, что можно, даже нужно, сделать сегодня! Понял?
- Понял и осознал – во всем виноват я сам! – миролюбиво согласился парень.
- Впредь это тебе будет наукой. – продолжил нравоучительные беседы Терещенко, но заметив скисшего стажера, сменил недовольное брюзжание на заботливое успокоение. -

И не переживай ты так. Не ошибается тот, кто ничего не делает. Вот возьми меня, будто бы битый воробей, а так прокололся с Клейменовой.

- Может, я ошибаюсь насчет Людмилы, - промямлил Тимофей и громко шмыгнул носом, намекая на то, что укор задел его за живое.

- Может, и ошибаешься, но убедиться в ее непричастности следует!... Или в причастности.

Прилуков немного воспрял духом.

- У нас есть еще Карасева! – напомнил он Спиридону. – Я уверен, кто-то из ее близких был связан с Клуниным, недаром он дал ее адрес матери.

- Я тоже на это надеюсь. – Терещенко рассказал стажеру, что удалось узнать о Валентине Карасевой.

Полученные майором сведения удивили и озадачили Прилукова. Он собрался высказать собственные предположения, уже открыл рот, но быстро передумал, чтобы еще раз не получить виртуальный подзатыльник от начальника. Надо дождаться приезда Карасевой, и тогда будет понятно – втянули ее в это дело или нет? Сам приезд в родной город скажет о многом: если за ней есть грешок, но она найдет уйму причин, чтобы задержаться в Паланге.

Терещенко про себя возмущался окружающими его людьми. Один разбрасывает идеи, а поставленные перед ним задачи не выполняет, другая, у которой отвратительная зрительная память, уводит следствие в сторону. Намеренно или случайно? Это предстоит выяснить. Едва не заставила майора заниматься длительной и рутинной работой – хождением по торговому центру в поисках человека, который разговаривал у входа с двойником Клунина, но сначала эту работу перебивали более значимые дела, затем нашлось тело Германа и надобность в поисках мужчины, который похож на брата начальника Клейменовой, отпала сама собой. Никто не мог оспорить заявление Людмилы: похож двойник на Клунина или не похож? Но были двое мужчин, один совпадает с описанием Клейменовой, другой чем-то напоминает Германа. Зачем понадобились игры в призраков? И какая роль отведена Людмиле? И где искать Лену – любовницу пропавшего мужчины, поисками которого занимается полиция другого района? И как ее зовут на самом деле? Возможно, она такая же Лена, как майор Терещенко - Миша. Если любовница была на самом деле, то кто мог о ней знать? Шило в мешке не утаишь, о внебрачных связях обязательно кто-то узнает... Теперь о Комове... Это не просто человек, это край ниточки из запутанного клубка, за которую надо потянуть, чтобы его распутать. Но где найти тот край? Он засунут так глубоко, что сие не представляется возможным. Засунут, зарыт, потому и носит фамилию Комов...

Незаметно полицейские добрались до нужного дома.

Когда хозяйка открыла дверь, Прилуков ее узнал не сразу. Женщина за короткий период времени состарилась лет на десять. Она и раньше выглядела нездоровой, а теперь и вовсе вся опухла и отекала, словно ее накачали воздухом. Глаз почти не было видно, стопы передавлены перекладной шлепанцев, дыхание затруднено. Пот ручьем лил по лицу, она вытирала его небольшим квадратным махровым полотенцем.

На это раз она пригласила полицейских в комнату. Тимофей ожидал увидеть разруху и запустение, так как болезненной хозяйке было не до уборки, но в квартире было прибрано и вся обстановка была милой и уютной. Только было очень душно. Лейтенант успел заметить, что все окна закупорены и зашторены. Сегодня выдался жаркий день, но в этом помещении было просто невыносимо. И майор, и лейтенант сразу покрылись липким потом.

Если бы я страдал клаустрофобией, то пал без чувств, - подумал Терещенко, незаметно расстегивая пуговицу на сорочке. Он оттянул сорочку пальцами и подул под неё, выпятив верхнюю губу.

Хозяйка терпеливо излагала события последнего времени. Начала «от печки», когда муж решил поехать к брату в Москву. Полицейские терпеливо слушали, не перебивали.

Когда долгий рассказ со слезами был завершен, майор поинтересовался.

- Скажите, с кем из коллег ваш муж был близок?

- Ни с кем, - сразу ответила женщина, - он всегда говорил, что с подчиненными надо держать дистанцию, а с начальством спорить нельзя, его надо уважать, но не унижаться.

При этих словах Прилуков заерзал на скрипучем стуле.

- Но с кем-то он дружил? – между тем продолжал спрашивать Терещенко.

- Со мной! Я ему и жена, и друг, и советчик, и человек, нуждающийся в постоянной его заботе и внимании. Я без него, как без рук.

- Но как же он оставил вас одну?

- Почему одну?! У нас есть дети, внуки... Конечно, они не так часто к нам приходят, как хотелось, у них свои заботы. А я не в обиде. Пока передвигаюсь на своих ногах, не хочу их лишней раз тревожить. Вы не думайте, что муж устал от моих болезней и сбежал. Я стараюсь не донимать его жалобами, когда уж совсем невмоготу, тогда прошу дать мне лекарство или вызвать скорую помощь. Но делаю это тактично, чтобы его не напугать. У него проблемы с сердцем.

У него проблемы с головой, - подумал Прилуков. – На старости лет влюбился в какую-то финтифлюшку, кувыркался с ней на даче пока... - Идея пришла внезапно: а вдруг от излишних физических упражнений у пожилого любовника прихватило сердечко, Леночка сбагрила его в больницу, где он пребывает в бессознательном состоянии. А больница находится в каком-нибудь захолустье, и никто из полицейских не додумался его там поискать.

Тимофей заерзал на стуле и начал сверлить Терещенко взглядом. Тот сделал рукой незаметное движение, будто приглашал к разговору. Лейтенант подобрался и начал.

- А ваш муж обращался к врачу?

- За два года всего один раз. Кардиограмма показала возрастные изменения, доктор сказал, что надо пройти курс лечения, но муж отказался. Когда сердце прихватывало, принимал таблетки, но не те, новомодные, что доктор прописал. Таблетку валидола положит под язык, боль утихнет, и он снова, как огурчик. Когда собрался в отпуск, а это впервые за три года, я была только рада. Он спросил, не махнуть ли мне к брату, я его поддержала. Что за отдых дома? Нужна смена обстановки... А теперь оказалось, что он никуда не поехал... Сам мне звонил и рассказывал, какая в столице погода, что он успел посмотреть...

Она делала продолжительные паузы между предложениями. То ли пыталась успокоиться, то ли про себя давала характеристику действиям мужа-обманщика. Полицейские эмоций не выказывали, будто смотрели неинтересную пьесу для одного актера с заранее известным концом.

- Я была рада слышать его радостный голос. Муж в последнее время ходил, «как в воду опущенный». Я пыталась узнать причину, но он отмахивался, говорил, что сильно устал... Я вчера снова звонила в Москву, брата пытала, он молчит, полиция тоже пока ничего не говорит... Вот я обратилась к лейтенанту Прилукову, при первой встрече он показался мне человек умным и напористым.

- Вы сказали, что все морги и больницы проверили? – уточнил умный и напористый человек.

- Проверили, - подтвердила хозяйка и в очередной раз обтерла лицо влажным полотенцем.

- Если бы он поступил к ним без сознания, то при нем должны были быть документы и меня бы оповестили.

- Но при нем, возможно, не было документов. Он мог оставить их... в том месте, где провел последнее время. – предположил Тимофей, искоса наблюдая за непроницаемым

лицом майора. – Шел где-то по улице, потерял сознание, его отвезли в больницу, где он до сих пор пребывает и не может себя назвать.

- Что значит, где-то, - не поняла женщина и замотала головой. - Он улетел в Москву... Или не улетел?

Полицейские посмотрели на нее, как на умалишенную, которая сначала опровергла высказанное минуту назад собственное заявление, а потом засомневалась и в том, и в другом.

- Мне сказали, что на рейс он зарегистрировался, но не вылетел. Я не поверила. Не мог муж меня обмануть! Перед самым вылетом из Москвы он мне позвонил, сказал, что уже в аэропорту и скоро будет дома.

- А когда он должен был вернуться?

Дама назвала число, и Прилуков вспомнил, что, именно, в этот день мужчина обещал приехать с дачи любовницы.

- Значит, позвонил и предупредил, что скоро будет дома, – задумчиво повторил лейтенант.

- Я назвала полицейским приблизительное время звонка, они проверили все ближайшие рейсы из Москвы на Ростов, человека с именем и фамилией моего мужа не было ни на одном из них. И снова попытались меня убедить, что он не покидал города. Или покидал, но другим путем... Но если он передумал лететь, то почему мне солгал? И где был всё это время?

- Он был на даче одной своей знакомой, - не выдержал Тимофей, который считал, что горькая правда лучше сладкой лжи.

- У него нет никакой знакомой, - без уверенности пробормотала женщина. Ее красное, как у рака лицо, мигом сделалось белым, словно фильм из цветного стал черно-белым.

- Жена, как всегда, последней узнает об увлечении супруга, - с упреком в ее адрес констатировал он.

- Этого... не может... быть. Он пожилой и нездоровый мужчина.

Это с вами он пожилой и нездоровый, а с Леночкой еще ого-ого, - с грустью подумал Прилуков. – Заново влюбиться в больную постаревшую супругу, у него желание не возникло, а надо бы... Кому ты нужен, старый пень! Только жене! Пусть не такой красивой и энергичной, как прежде, но такой же влюбленной в тебя, доверчивой и заботливой.

- Вы извините нас за прямолинейность, - вмешался Терещенко, - но мы располагаем сведениями, что ваш муж провел отпуск в компании некой женщины по имени Елена, на ее даче. Где, именно, в разговоре с нашим сотрудником не сказал. Он проходит свидетелем по делу о похищении тела человека из аэропорта. Но последние события позволяют нам предположить, что он был не свидетелем, а соучастником преступления. В этом кроется причина его отказа от поездки. Человек, к которому он был приставлен, внезапно скончался от сердечного приступа. Он связался с подельниками, те приехали в аэропорт, или еще не успели его покинуть, ожидая вылета самолета.

- Я не знаю, что лучше: чтобы у мужа была любовница или чтобы он был замешан в преступлении? - драматическим шепотом произнесла женщина. Она с трудом поднялась с кресла, и, с силой потирая поясницу, дотелепала до окна. Отдернула тяжелые портьеры и распахнула настежь окно. Долго стояла возле него, вдыхая воздух тенистой улицы – возле дома густо росли высокие деревья, закрывая его от жгучих солнечных лучей.

Терещенко автоматически вдохнул полной грудью, затем еще и еще, боясь, что сейчас окно снова закроется, и он окажется в душной барокамере. Параллельно он следил за хозяйкой, чтобы в любой момент прийти к ней на помощь. Прилуков попеременно переводил взгляд с майора на женщину в привычном широком сарафане, в котором она походила на постаревшую матрешку, несчастную и всеми покинутую.

Поведение начальника вызывало у подчиненного недоумение: зачем было говорить о соучастии мужа в преступлении? Чтобы сгладить заявление о любовнице? Но почему он решил, что сгладить можно таким нетривиальным способом? Он вам изменяет, замешал в преступлении, а в остальном, прекрасная маркиза, всё хорошо, всё хо-ро-шо!.. Еще час назад Терещенко уверял, что мужчина не имеет к делу Клунина никакого отношения. А сейчас изменил свое мнение на диаметрально противоположное. В чем причина? Или в ком?.. В Людмиле Клейменовой! Конечно! Уж очень не хочется Спиридону Яковлевичу подозревать знакомую. Лучше он «переведет стрелки» на человека, который сидел рядом с Гоголевой и слушал ее разговор с Германом.

И снова, в который уже раз, Тимка тут же опроверг собственное резкое предположение: Терещенко не такой! Ради дела он готов на жертвы. Значит, сыграла жалость к пожилой больной женщине. Но подобными признаниями можно окончательно добить человека. Или он лучше знает психологию женщины, поэтому пошел на это?

Хозяйка повернулась к ним лицом и спросила.

- Он жив?

- Ваш муж считается живым, пока не найдено тело, - ответил майор.

- А похищенное тело вы нашли?

- Нашли. Больше я ничего не могу вам сказать.

- Теперь вы будете искать людей, которые это сделали? – не дождавшись ответа, сказала она. - Вы меня извините, но я не верю ни одному вашему слову. Конечно, странно, что муж заявил, будто летит к брату, и неожиданно передумал. Наверное, на то были причины. Да, он мне солгал, но я продолжаю утверждать, что мой муж честный человек. И... он до сих пор... любит меня.

Терещенко непроизвольно обвел глазами скудную обстановку квартиры. Всё было чисто, мило, но убого. Старый тяжеленный телевизор, которому лет пятнадцать, не меньше, старый диван с лоснящимися подлокотниками и таким же креслами, на полу вытертый ковер, остальная мебель давно нуждается в замене и выживает благодаря заботам хозяйки, поддерживающей уют. Но в таких по-настоящему жилых домах бывает приятнее, чем в квартирах-музеях, где боишься что-то испортить. Там чувствуешь себя помещенным в холодильник, потому что зябнешь в «неживом» помещении. И пусть в нем всё «по-богатому», но за этим богатством не проглядывается душа живущим в нем людей. Они выступают не жильцами, а экскурсоводами, которые водят по музею посетителей и постоянно предупреждают словом и взглядом, как нужно себя вести. В этой квартире чувствовалась душа хозяйки. И чувствовалась любовь и забота. Здесь всё пронизано какой-то общностью. Майор живо представил себе супругов, мирно проводящих вечер у телевизора. Он читает газету и делает вид, что скептически относится к сериалу, который с интересом смотрит жена. Но в курсе всех перипетий, даже иногда не выдерживает и возмущается поведением главного героя. Она отрывается от вывязывания шерстяного носка для маленького внука, исподтишка усмехается и поддерживает мнение супруга. Тот смущается и снова утыкается в газету...

Всё от любви, - философски заключил Спиридон, - честный человек решил сделать приятный сюрприз любимой жене. Пренебрег своими принципами, и ввязался в авантюру. Возможно, я был не прав, когда вылил на нее ушат откровений, но хотел, как лучше. Предательство лично ей - гораздо хуже, чем игры с законом... А хуже ли? Для супруги, которая идеализирует мужа, и то, и другое удар по самолюбию: подобное подозрение ранит чувство собственного достоинства не только мужа, но и жены, с которой он прожил несколько десятков лет... Поспешил ты, майор, ой, поспешил с выводами. Решил, раз прожито столько лет, то и чувств не осталось. Ладно, любовь, она подергивается тонким льдом, а что делать с уважением к матери своих детей? И подернутая льдом любовь готова неожиданно оттаять, когда в жизни происходит всплеск. Будь то болезнь близкого человека, которого спасет только большая любовь, или неожиданно пришедшее в голову

воспоминание о днях минувших, когда они было молоды и полны сил... И вот однажды глава семьи вернулся с работы, увидел свою горячо любимую супругу в окружении старых надоевших вещей, которые её угнетают больше, чем его, потому как она находится здесь круглыми сутками, и захотел раскрасить ее черно-белую жизнь. А зарплата-то не ахти какая! И как найти выход? Нужно найти деньги, причем немалые...

В отлично вытопанную логическую цепочку не вписывалась девушка Елена с личным авто и дачей за городом. И сразу к Терещенко пришла догадка: с чего я взял, что Прилуков разговаривал по телефону с тем человеком, которого хотел услышать? Мог ответить совершенно другой мужчина, которому московский брат сообщил, что был звонок из ростовской полиции. Это не значит, что брат тоже соучастник, он сам не разобрал, с кем имеет дело. Если нашему свидетелю почти шестьдесят, то брату уже под семьдесят. А откуда возьмутся сомнения, если мобильник принадлежит брату, затеявшему непонятные обманные игры?.. Нет, он все-таки разговаривал с братом, который до «возвращения» был жив и почти здоров, не считая простудного заболевания, возможно, мнимого. Мужчина несколько раз звонил «из Москвы» жене, а уж кто-кто, а она голос мужа ни с кем не перепутает. А кто разговаривал с Прилуковым, еще вопрос. Допустим, мужчине сообщили, что им заинтересовалась местная полиция, он запаниковал, наотрез отказался отвечать на элементарные вопросы. Почему? Боялся выдать себя неосторожным словом, потому что врать не привык? Или не захотел рассказывать о любовнице, реально существующей или придуманной на ходу? Для отказа от полета должна быть веская причина. И эту причину нашел другой человек, который был вынужден превратиться в свидетеля. Свидетелю причина не пришлась по вкусу. Он само слово – «любовница» - произнести не может, не то, что водить шашни на чужой даче. Участвовать к неблагоприятному делу – это еще куда ни шло, всё для блага любимой супруги, а вот изменять...

- Я нисколько не сомневаюсь, что ваш муж любит вас! – излишне эмоционально заключил Спиридон Яковлевич, чего за ним раньше не наблюдалось. Брюзжать, возмущаться – это в его привычке, а вот выступать психотерапевтом – увольте!

– Спасибо, - неожиданно поблагодарила женщина.

Терещенко кивнул – выдал молчаливое «пожалуйста» - и спросил.

- Мне хотелось бы узнать, нет ли у вашего мужа в лексиконе слов-паразитов, которые он постоянно вставляет? Или у него своеобразное произношение?

Хозяйка оторвалась от подоконника и резво заходила по комнате. По всей видимости, сердечная поддержка полицейского, желающего разобраться в хитросплетениях, творящихся вокруг мужа, заставила ее забыть о недомогании и обиде.

- Мой супруг немногословен. Я знаю его много лет, и никогда не слышала, чтобы он много разглагольствовал. Его речь отрывиста. Он не картавит, не заикается, не гундосит, никогда не матерится. Наверное, на работе, среди мужчин, он позволяет себе резкие выражения, но в моем присутствии никогда.... Что еще? – спросила она у самой себя, прохаживаясь по комнате взад-вперед. – Иногда он неправильно ставит в словах ударение. Я в таких случаях его поправляю, а он не обижается и говорит: «Что с меня взять! Одним словом – рабочий класс».

- Когда я разговаривал с ним по телефону, то мне он показался весьма эрудированным человеком. Он не спотыкался, говорил бойко и складно. Честно говоря, я удивился. Знал, кем он работает. Еще подумал, что он много читает. – вмешался Прилуков.

- Он, действительно, много читает. - подтвердила хозяйка, - притом ему всё равно, что читать, предпочтений нет. – Она указала рукой на большой книжный шкаф. В нем стояли книги «не напоказ», чтобы удивлять гостей новомодными новенькими изданиями, к которым не прикасалась рука человека, а зачитанные «до дыр» старые книги с вытертыми корешками, где трудно прочесть автора и название. – Но на его речь проглатывающее чтение влияния не оказывает. Муж знает о своем косноязычии, потому

и немногословен. Поначалу я пыталась дотянуть его до своего уровня, а потом махнула рукой. Знала за кого замуж выходила. У меня высшее образование. Но человека любят не за наличие диплома, а за житейскую мудрость, умение любить. И слова здесь не нужны. Человек познается делами. А когда вас уверяют, что любят без причины, вы не верьте. Чтобы обратить на человека внимание, нужен толчок.

- Здорово сказано, - обронил Тимка и получил от начальства очередной виртуальный подзатыльник.

- Мой коллега утверждает обратное – ваш супруг в телефонном разговоре был красноречив и откровенен, - напомнил Терещенко, переводя взгляд с Прилукова на хозяйку дома.

- Он никогда не бывает откровенным, тем более с незнакомыми людьми, пусть и находящимися при исполнении! – уверенно заявила женщина и обратилась к лейтенанту – источнику информации, - скажите, а телефонный абонент не пришепетывал?

Вопрос удивил Прилукова. Он попытался восстановить по памяти тот разговор.

- Понимаете, - между тем продолжала объяснять пышнотелая дама, вновь раскрасневшись от волнения, - мой муж пару месяцев назад, наконец, внял моим уговорам и пошел к протезисту. Не буду вдаваться в подробности, но его работой он остался недоволен, к новой челюсти привыкнуть не мог, и постоянно пришепетывал.

- Сильно пришепетывал? Легко уловимо на слух? – уточнил Тимка.

- Сильно, даже присвистывал.

- Тот человек, с которым я разговаривал по телефону, точно не пришепетывал и не присвистывал.

- Ты уверен? – спросил майор.

- На сто процентов! У меня отличный слух, - не удержался от хвастовства лейтенант, - я четыре года ходил в музыкальную школу, а потом бросил.

- Если с вами по телефону беседовал не мой муж, то возникает резонный вопрос: почему его мобильник оказался в чужих руках? – заинтересовалась женщина.

- Потому что он не смог так артистично соврать про любовницу Лену, как это сделал его сообщник, - озвучил недавние соображения Терещенко.

- И всё же вы считаете, что мой муж... был соучастником преступления? Он мог участвовать в похищении человека?

- Тела человека, который умер своей смертью, без чужого вмешательства, - поправил ее Спиридон, словно это имело для расстроенной супруги немаловажное значение. - И то, что с моим коллегой разговаривал другой человек, и исчезновение вашего мужа подтверждают мои предположения. Вероятно, он хотел к вам вернуться, но у его сообщников было иное мнение на этот счет.

- Его... убили? – второй раз спросила она.

- Надеюсь, что он жив и его удерживают где-то насильно, чтобы он не проболтался, – на этот раз майор был более сдержан в заключениях.

- Но вы...

- Мы сделаем всё, что в наших силах, - заверил ее Терещенко и подумал: что-то я становлюсь сентиментальным...

На следующий день майор дал задание Прилукову во что бы то ни стало найти съёмную квартиру Германа Клунина, где может находиться нечто, способное дать подсказку: откуда появился источник будущих богатств Клунина?

- Спиридон Яковлевич, как я найду эту квартиру? Я обзванивал все агентства недвижимости, которые кроме продажи квартир занимаются сдачей жилья в наем. Никто с Германом Клуниным договор не заключал...

- Через не могу, - жестко перебил его начальник, который до этого долго выслушивал о пустых поисках пропавшего свидетеля по всем областным больницам, на которые стажер

убил все положенные выходные. – Поговори с Забалуевым, возможно, он что-то знает. Или с Маруськиным. Одноклассник в редкие встречи получал больше информации о своем школьном приятеле, чем мать. Или разживись информацией из мобильного телефона Клунина. Женских имен в перечне абонентов полно, позвони любой и спроси, куда их приводил Герман?

- Так они мне и ответили, - набычился недовольный заданием Тимофей.

- Ты не парень с улицы, а человек при исполнении, как заметила наша недавняя визави. Если вычислишь хозяйку съемной квартиры, то это, вообще, великолепно.

- Как же я ее вычислю?

- Пошевели мозгами, пошевели! – призвал его начальник и подергал пальцами над своей лысой головой. – Я начальник лояльный, хоть, и зануда, но терпеть невыполнение приказа более не намерен. Как не намерен повторять, как попугай, одно и то же по несколько раз.

Лейтенант догадывался, откуда «растут ноги» у неприкрытой неприязни к нему, не сдержался и спросил.

- Наружное наблюдение у дома Клейменовой выставили?

- Еще вчера, - с напускным безразличием ответил майор. – Пока ничего интересного.

Тимка стушевался и занялся выполнением приказа некогда лояльного начальства.

Для начала выписал всех Иришек, Светочек, Мариночек и т. д. в одну колонку, затем Нин Михалн, Ларис Ивановн – в другую. Подумал и решил для начала обзванивать абонентов из второй колонки, так как они более подходили женщинам, сдающим жилье в наем. Прилуков представлялся по всей форме и терпеливо спрашивал у ответивших на звонок женщин, не снимал ли у них квартиру Герман Клунин. Ему повезло: на четвертом звонке, некая Серафима Кирилловна сказала, что она сдала квартиру этому молодому человеку два месяца назад и получила предоплату за полгода. Когда лейтенант назвал ее по имени и отчеству, то она удивилась и заявила, что зовут ее Альбина Григорьевна, а не какая там Серафима Кирилловна. Сообразительный Тимка взял первые буквы, получил «С» и «К», что означает съемная квартира и вспомнил недобрым словом затейника Клунина, у которого вся жизнь была путаница-перепутаница.

Прилуков упробил занятую даму встретиться с ним на квартире, откуда уехал и в которую так и не вернулся Герман. Старательно записал в новый блокнот адрес, переписал его на лист бумаги и положил на стол Терещенко, который уехал в следственный отдел к Кошечкину.

До встречи с Альбиной Григорьевной оставалось два часа. Добираться до улицы Чехова было не более часа.

Тимка воровато оглянулся по сторонам. В отделе он был один. Облегченно вздохнул, повторил интонации майора: «Эх, молодость!» и наглым образом занялся стрельбой по космическим пришельцам. Так увлекся, что едва не опоздал на встречу...

Дом номер восемь по улице Чехова представлял собой новую высотку, втиснутую среди «покалеченных» старожилов, мечтающих о реставрации. Современное слово «ремонт» никоим образом не подходило к историческим постройкам вековой давности. Как не подходит головной простенький платочек даме дворянского происхождения. Барышня-крестьянка это из другой истории.

Прилуков позвонил в домофон, ему ответил женский голос. После пояснений предложили подняться на третий этаж. Стажер проигнорировал лифт, оказался на нужном этаже и сразу увидел в дверном проеме женщину лет сорока. Шатенка во всем белом эффектно смотрелась на фоне оригинальных стен прихожей «под зебру». Гость едва сдержался, чтобы не погладить обои, сосредоточился на неулыбчивой хозяйке, мысленно окрестив ее заносчивой. Она с вызовом смотрела на него, недовольно поджав губы.

Стажер ожидал увидеть квартиру в состоянии стихийного бедствия. В ней должны были побывать преступники и всё перевернуть в поисках вещицы, которую им не удалось найти

у Клунина. В квартире не было идеальной чистоты, так как хозяйка сюда не навещалась, а временный жилец покинул ее почти два месяца назад, но ураган в лице преступных элементов не пролетал. На стул были брошены мужские шорты с известным спортивным логотипом, в шкафу висела мужская одежда на все случаи жизни, в коробках хранилась обувь. Всё дорогое, стильное и изысканное.

Прилуков предъявил женщине фотографию Германа Клунина.

- Да, это он снимал у меня квартиру, - подтвердила она. – А что случилось?

Лейтенант рассказал о внезапной смерти Клунина, упустив дату, когда это случилось. Будто бы всё произошло пару дней назад, и никакого криминала не было. Затем поинтересовался.

- Как я понимаю, он вышел на вас не через агентство?

- Нет, мы случайно познакомились в баре. Герман между делом сказал, что ищет новое жилье, я предложила ему свою квартиру. На следующий день мы встретились, он посмотрел и согласился на мои условия.

- И с тех пор вы не встречались?

- А зачем? Я получила деньги за полгода, Герман показался мне приличным молодым человеком, который не станет устраивать здесь танцы и попойки до утра.

- Вы не созванивались?

Женщина недовольно передернула плечами и с осуждением взглянула на полицейского, будто он сморозил несусветную глупость.

- Я понял: Клунин не нуждался в постоянном контроле.

Заносчивая мадам удовлетворенно кивнула. Тимке показалось, что она сейчас погладит его по голове и даст конфету. Лейтенанту захотелось превратиться в плохиша и сказать какую-нибудь грубость, чтобы надменное выражение стерлось с лица женщины, уступив место плаксивому удивлению. Но он решил не растрчивать эмоции по пустякам и не реагировать на высокомерных женщин.

С разрешения хозяйки стажер приступил к осмотру. Если он обнаружит что-то подозрительное, то сразу свяжется с криминалистом, который займется своим привычным делом.

Тимофей нарушал инструкции. Для начала надо было получить ордер на обыск квартиры, но он рассчитывал на неосведомленность Альбины Григорьевны. Так оно и вышло. Наверное, женщина посчитала такое поведение полицейского обычным и удалилась в кухню.

Осмотр однокомнатной квартиры занял немало времени. Тимофей боялся что-то упустить, ругал себя за то, что не позвонил Терещенко и не уговорил поехать вместе. Но он заранее знал, что ответит майор. Он скажет: «Хватит ходить парой! Учись быть самостоятельным и отвечать за свои поступки!»

За сегодняшний проступок стажер ответит по полной программе.

Но он ошибался.

После доклада майор сказал:

- Что-то подобное я ожидал. Клунину не могли дать всю партию ценностей целиком, ему дали один экземпляр, который он вез в Москву.

- Я рассчитывал найти записку или еще что-то...

- Например, расписку: я, Клунин Герман Борисович, беру во временное пользование то-то и то-то у Закобыльского Петра Петровича и так далее, - усмехнулся Спиридон Яковлевич.

- Было бы неплохо, - печально вздохнул стажер, уставший от безрезультатных поисков.

- Не отчаивайся, у нас есть еще гражданка Карасева, на которую я возлагаю большие надежды.

Хмурое не по погоде, а по настроению начальства, утро плавно перешло в пустопорожний день, а после в мягкий вечер, приласкавший лейтенанта добрым словом того же начальства.

Не иначе встречался с Клейменовой, - решил Тимофей. – Она снова задурила ему мозги. Мы, мужчины, считаем себя проникательными, уверены, что никто не сможет нами вертеть. Но у женщин на этот счет свое мнение...

Спиридон Яковлевич, действительно, виделся с Люсей.

После долгих раздумий он купил букет милых лютиков и замер в ожидании перед офисом, где работала девушка. При этом выражение его лица было таким, словно он собрался на похороны, а не на свидание. Майор представлял, как ему «перемывает косточки» наружное наблюдение, приставленное к Клейменовой. Один парень из «наружки» - Виктор Дедов – был болтливее одичавшей пенсионерки, которая пробыла неделю в заточении, лишившись общения.

- У Витьки не язык, а помело! - утверждало всё отделение, и было недалеко от истины.

Терещенко был уверен, что о свидании уже завтра будет знать весь РУВД. Подтрунивать никто не решится, но бросать «понимающие» взгляды - это пожалуйста.

Он ждал Людмилу с опаской. Как ждут девушку, знакомство с которой произошло накануне вечером. Ты был немного навеселе, поэтому пребывал в прекрасном настроении и благодушии, любил всех людей без разбора: неказистых и выразительных, развитых и ограниченных, словоохотливых и неразговорчивых. Отлично запомнил, что назначил свидание, но не мог вспомнить, как выглядит вчерашняя знакомая.

Спиридон Яковлевич не забыл, как выглядит Люся, но это была первая встреча после заявления Прилукова, зародившее подозрение на ее счет.

Как ни старался Терещенко настроить себя на лирику, ничего поделать не мог. Раньше ему нравилась Людмила, очень нравилась, сейчас он пытался сделать интерес искусственным в душе, натуральным снаружи. Чтобы глаза горели желанием, а сердце оставалось безучастным. Как у хорошего актера.

Майор не был хорошим актером, он был сносным полицейским, как считал он сам. Изображать чувства неопытному в любовных делах мужчине весьма сложно. Это всё равно, как непьющему изображать пьяного, в состоянии которого он ни разу не погружался.

И тут он вспомнил о девушке, чей портрет лежал в его портмоне. Портмоне находилось в новом портфеле, ручку которого он с напряжением сжимал, словно просил поддержки.

Игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, - нехстати вспомнил майор и мысленно добавил, - а на сердце незаживающая рана.

Слова были чужими, заезженными и не раз услышанными с экрана телевизора, поэтому Терещенко непроизвольно скривился от избитости фразы.

- На сердце легкая грусть, - прошептал он и сразу опроверг, - на сердце радость от предстоящей встречи с лю... с симпатичной девушкой, к которой я неравнодушен! А девушка находится в оперативной разработке, поэтому я обязан...

Внушение было прервано телефонным звонком.

Люда извинилась за задержку и пообещала появиться через десять минут.

Терещенко стал прохаживаться вдоль здания. Букет лютиков он переложил к ручке портфеля, словно они предназначались той, с портрета. Ее лицо стояло у него перед глазами. Поэтому когда появилась Клейменова, Спиридон никак не мог сообразить, кто перед ним. И почему эта незнакомка поцеловала его в губы, а затем схватила под руку. Возвращение из сказочной реальности в банальную сказку, сочиненную плохим автором, далось ему не сразу.

- Куда пойдем? – спросила девушка, вдохнув аромат лютиков.

- К бабушке, - недолго думая, ответил Спиридон, наконец, переметнувшийся в придуманную им историю о влюбленном полицейском.

- А где она живет?

- Тебе лучше знать, где живет твоя бабушка. Я хочу с ней познакомиться.

Всё же в банальной сказке полицейский оказался злодеем, который предпочитает недоверие любви, не выносит недосказанности, предпочитает сразу брать быка за рога, чтобы всё было ясно и понятно.

- А... а она уехала к сестре, - сразу нашлась Люська. – В Вологду к сестре.

- Ты же говорила, что она немощная...

- Так... это... мы... купили ей путевку в санаторий. Мама ее туда сопровождала. Санаторий находится недалеко от Вологды. После двух недель лечения бабуля немного погостит у сестры. Когда еще случай представится.

- Может мне взять недельку отпуска и махнуть в Вологду? Отдохну, а заодно окажу старушке помощь на обратной дороге.

- С какой стати?! – неожиданно взвилась девушка. Поняла, что перегнула палку и более сдержанно заметала с ноткой обиды в голосе, - ты так загружен на службе, что не находишь время на меня.

- Когда-то надо отдыхать.

- Тоже мне отдых! – хмыкнула Клейменова.

- А бабушка дала тебе ключи от квартиры? Чтобы ты цветы поливала...

- У нее нет цветов! У нее аллергия на комнатные растения! И вообще... Моя бабушка не любит, когда мы приходим в квартиру в ее отсутствие.

- А вдруг трубу прорвет? – хитрым голосом спросил Терещенко.

- Ну, чего ты прицепился к чужой квартире?! – возмутилась девушка.

Спиридон остановился, загородив ей дорогу и проникновенным голосом, как ему казалось, произнес.

- Я хотел побыть с тобой наедине.

Намек был прозрачнее гладкого тюля.

Недовольство исчезло с лица Людмилы. Глаза расширились от удивления, будто она увидела бархатную коробочку с кольцом и предложение выйти замуж от младшего сына принцессы Дианы. Но быстро взяла себя в руки, сосредоточившись на ответе, который мог стать обтекаемым: ни да, ни нет.

Клейменова нервно закусывала губы, оставляя на ровных зубах следы яркой губной помады, изучала торс мужчины, стоящего перед ней в виде непреодолимой глыбы без чувств и эмоций, внутри которой, как оказалось, живут плотские желания. Затем она перешла на изучение мужского лица, желая найти подтверждение своим догадкам. Лицо было серьезным, под стать моменту. Читать по глазам девушка не научилась, но всё равно внимательно к ним присмотрелась, будто была окулистом, лишенным подручных инструментов. Сделала единственный вывод – мужчина не шутит!

Люська стала нервно подсчитывать в уме, сколько времени они встречаются? Две недели или три? Время без решительных действий с его стороны тянулось так медленно, что ей казалось, что они дружат с первого класса школы. И, наконец, стеснительный мальчик из благородного семейства решил перейти от робких поцелуев в темном подъезде к постельным баталиям, о которых познал в одной умной книге. Намекнул ей об этом, сам испугался до смерти и мечтает услышать отказ. И если сейчас она сразу согласится, то этим напугает его еще сильнее. Он возьмет и сбежит. Второго предложения точно не последует, а прогулки при луне и поцелуи в подъезде закончатся на многоточии, как в философских фильмах: додумай, мол, сама. Додумывать чужие истории Клейменова не любила, тут бы со своей жизнью разобраться.

Следовательно, она должна мягко отказаться, но намекнуть, что может быть позже, когда они лучше узнают друг друга, встреча те-а-тет станет возможной.

Людмила поводила глазками из стороны в сторону в поисках подсказки. В поле зрения попала вывеска массажного салона, который она по непонятной причине сразу связала с оказанием интимных услуг. В голове родилась известная фраза, которую девушка поспешила озвучить пока не забыла.

- Интим не предлагать! – внятно произнесла она и игриво «пробежала» пальчиками по мужской груди, обтянутой бледно-фиолетовой сорочкой.

Слова расходились с действиями, но несообразительная Клейменова этого не заметила. Причем так увлеклась «прочесыванием местности», что забрела на незащищенное тканью место – на крепкую шею, а затем на гладко выбритый подбородок.

Терещенко сначала опешил, потом хрюкнул, затем глупо захихикал – ему было щекотно.

- Ты не обиделся! – сделала поспешный вывод девушка, обхватила накачанную шею, проскользнув ладонью за ворот сорочки, и вытянула губы в трубочку, ожидая поцелуя.

Спиридон представил, как сейчас куражится Витька Дедов, не нашел ничего лучше, как освободиться от захвата, но не забыл поцеловать женскую руку.

Люська натянуто улыбнулась, спрятала пунцовое лицо в букете лютиков, но не сдалась.

- Ты же говорил, что живешь один, - пробубнила она из цветов.

- У меня временно поселился Прилуков, - доложил сообразительный Терещенко. – Всегдашнее противоречие отцов и детей, знаешь ли.

- И долго он будет... противоречиться?

- Не знаю. Выгонять я его не собираюсь, пусть живет. Он парень хороший.

- Он вредный и подозрительный! – не сдержалась Людмила.

- Нельзя судить о человеке по первым впечатлениям. Вы виделись всего один раз... Или не один?

- Один, один, - излишне торопливо закивала головой Клейменова, - и он мне показался несимпатичным.

- Неужели? Тимофей...

- Мы встретились, чтобы твоего стажера обсуждать? – поспешила вмешаться она.

- Нет! Мы... я хотел проведать бабушку... Но мы можем пойти ко мне. Посидим втроем, чаю попьем.

- Ты извини, но мне пора домой. Надо Ванечку укладывать спать.

- Я провожу тебя, - радостным голосом произнес Терещенко, будто только об этом и мечтал...

Когда они подошли к нужному дому и остановились у подъезда, Спиридон повесил на плечо портфель, чтобы освободить руки, взял девушку за плечи и спросил.

- Люся, ты раньше была знакома с Германом Клуниным?

Расчитывающая на нечто другое Люся поперхнулась и закашлялась.

Кашляла она долго и ненатурально. Покряхтев еще для видимости, скрипучим голосом поинтересовалась.

- Почему ты спросил?

- Не пойму, какую цель ты преследуешь, встречаясь со мной? Чего ты хочешь?

- Какая связь между моим желанием и Германом? – обронила встречный вопрос девушка.

- Самая прямая. Едва ты узнала, что я расследую делу об исчезновении его тела, как вдруг загорелась ко мне азартным интересом.

В Терещенко вселился Прилуков, который сначала говорил, а потом думал, притом употреблял в разговоре странные сочетания: прикладывал к существительным малоподходящие прилагательные, как теперь – азартный интерес. Как слепились эти два слова, майор не знал, но ему показалось, что они идеально подходят друг другу, так как девушка окружила его навязчивым вниманием, а сам он не при делах, отвечает пассивной взаимностью по причине хорошего воспитания – не может дать резкий отпор. А то ли было еще несколько дней назад!

Как не стыдно прикидываться невинной овечкой? – возмутился про себя Спиридон. – Стажер считает меня ответственным человеком, а я... Мог придумать целый список причин для невозможности сегодняшней встречи, потом еще и еще откладывать свидания, намекая по телефону о чувствах и поругивая службу, которая мешает им увидеться. Надо было так и поступить! Любая девушка поймет, что мужчина охладел и пытается таким образом увильнуть от выяснения отношений. Любая, но не Люся. А почему? Не пожелает принимать очевидное, потому что влюблена по уши или... глупа? Первое отвергаю, второе допускаю. Или ей приказано не выпускать меня из рук?

Перед свиданием Терещенко не ставил себе цели узнать правду. Но такие встречи, как сегодня, были в тягость прямолинейному Спиридону. По дороге к дому Клейменовой он решил: если она соучастница, то, учитывая замедленность реакции, едва ли ей удастся быстро найти правдоподобные ответы на каверзные вопросы, которые последуют после главного вопроса о знакомстве с Клуниным. Вот на бабушке она прокололась. Сразу видно – лжет!

Первая проверка подтвердила догадку майора. Но почему он не раскусил ее при первой встрече в парке, когда она потчевала его пирожками? А всё потому, что Люсю – молодую женщину с малолетним ребенком – он исключил из подозреваемых, расслабился, отключил подозрительность и растаял от неожиданного и непривычного женского внимания. Вместе с подозрением, которым его напичкал лейтенант, с майором произошла метаморфоза – он снова стал железобетонным полицейским, традиционно запрятав личные переживания глубоко внутрь.

Мужчина и женщина стояли напротив друг друга и молчали. Он напряженно ждал – следующий выпад был за ней, а она не могла сообразить, чего он добивается.

- Терещенко, ты дурак, – полувопросительно-полуутвердительно, наконец, произнесла Клейменова. – Неужели ты не можешь допустить, что в тебя можно влюбиться?

- Не могу!

- Тогда ты точно дурак! – сквозь зубы процедила она, развернулась и медленно пошла к подъезду. У порога развернулась и заявила: Германа Клунина я впервые увидела в аэропорту! А моя бабушка не уезжала ни в какой санаторий. Просто я не могла привести тебя к ней: она живет неподалеку от меня, но далеко от твоей работы. Я искала причину для встречи с тобой. Еще есть вопросы?

- Нет. Спасибо... за честные ответы.

- Никогда не звоните мне, Спиридон Яковлевич, – простонала девушка и скрылась в подъезде.

- Я и не собирался, – пробормотал себе под нос Терещенко, прижал к груди портфель, в котором лежало портмоне, а в портмоне портрет загадочной незнакомки и двинулся к автобусной остановке, размышляя о женской красоте, не играющей для него большого значения. Женщина должна быть умной, чтобы изредка могла так солгать, чтобы он ей поверил... Но изредка...

Искусственная эйфория ожидания чего-то нового, возможно чуда, стала медленно сдавать позиции под давлением прирожденной боязни. Жанна пыталась удержать эйфорию, подкупая ее шопингом, посиделками в кафе с подругой, походами в театр, но, к сожалению, не новыми знакомствами с мужчинами. Неподходящие по-прежнему мечтали познакомиться, подходящие почему-то сторонились.

Гоголева вальсировала на границе манящей к себе депрессии, удерживаясь на эйфорийной стороне благодаря Раисе Раковой.

Август выдался непривычно прохладным и дождливым, больше напоминал хмурый сентябрь, причем вторую его половину.

Жители города неохотно сменили летние веселые наряды на грустные «скафандры», способные защитить от небесных капель. Небо плакало и нагнетало тоску и уныние.

Жанка держалась на плаву иллюзорного счастья из последних сил. В минуту наивысшего отчаяния едва не позвонила бывшему супругу, но быстро справилась с ненужным желанием, от греха подальше засунула мобильник поглубже в сумку и повернула ключ зажигания.

Лимонная «Ауди» привычно двинулась к дому.

Гоголева припарковалась среди других автомобилей. Сначала из салона показалась изящная женская ручка с зонтом, распахнулся купол, потом сама девушка. Щелкнула брелоком, автомобиль прощально подмигнул, и она быстрым шагом посеменила к подъезду.

В гулком подъезде с широкими лестницами было непривычно шумно, раздавался зычный голос соседки и незнакомое мужское бубнение.

Жанна поднялась на свой второй этаж и застыла в изумлении, застав неожиданную картину. На лестничной площадке стоял мужчина и прикладывал ко лбу носовой платок, изрядно пропитавшийся кровью. На пороге собственной квартиры металась из стороны в сторону Эмма Платоновна Ключвант, ударяясь о дверной проем и не желая сделать шаг вперед или назад, чтобы выйти из ограниченного пространства и избежать увечий. В руках тщедушной старушонки была увесистая бейсбольная бита - вероятное орудие нападения на незнакомца.

Завидев Жанну, бывшая актриса местного театра, страдающая старческим слабоумием, завопила еще громче: «Бандит!», попыталась достать битой пострадавшего, но не дотянулась, а сойти со своей территории не решилась.

Мужчина повернулся к девушке и с извиняющейся улыбкой поздоровался, словно был зачинщиком потасовки и хотел покаяться.

- Эмма Платоновна, что случилось? – громко спросила Гоголева, зная о тугоухости соседки, возраст которой подбирался в неожиданной цифре девяносто: на вид ей можно было дать не больше семидесяти и то, изучив морщинистое лицо, вид сзади наводил на определенную мысль: девочка-подросток изображает на самодеятельной сцене крохотную старушку.

Жанна не удивилась отсутствию в подъезде соседей, привыкших к нечастным концертам, которые время от времени устраивала бывшая актриса редко навешавшим ее родственникам, которые «покушались на ее квартиру и всеми силами пытались запахнуть ее в богадельню». Этого мужчину девушка видела впервые.

Мадам Ключвант неожиданно вспомнила о своем дворянском происхождении, перестала верещать, превратила битую в удобную трость, на которую можно опереться, и охрипшим от крика голосом заявила.

- Жанна Андреевна, этот человек пытался проникнуть в мою квартиру с преступной целью!

- Еще скажите, что я покушался на вашу честь, - с горькой усмешкой выдал раненый мужчина, визуальное оценивая окровавленный платок. Он несколько раз его перевернул, чтобы найти чистое место, способное впитать сочившуюся из раны кровь.

- Молчать! – грозно изрекла Эмма, плохо понимая, что тот сказал, но для устрашения со всей силы стукнула битой по полу, позабыв, что пребывает не на театральной сцене, а всего-навсего на лестничной площадке подъезда, она сама не разгневанная столбовая дворянка, а перед ней не ослушавшийся холоп.

- Не надо так нервничать, - попыталась охладить боевой настрой соседки Гоголева, продолжая кричать, как на митинге, - сейчас мы всё выясним.

- Тут и выяснять нечего, - сообщил мужчина, - я приехал в ваш город по делам и хотел навестить родственников. Но не застал их дома. Позвонил к соседям, - он указал на дверь квартиры Жанны, мне никто не открыл, тогда я... - он скривился от боли, - черт меня дернул позвонить в квартиру к этой сумасшедшей.

Мадам Клювгант не расслышала, но догадалась, что речь идет о ней, изловчилась и ткнула битой мужчину в бок. Он охнул и схватился за ушибленное место.

- С вами всё ясно, - вздохнула Гоголева, - не ясно одно – почему вы истекаете кровью, но не покидаете поле боя?

- Я не могу уйти без вещей, - констатировал приезжий, который каждое слово подтверждал кивком головы. Теперь «указывающая» часть человеческого организма показала на мужскую сумку на длинном ремешке, которая соскочила с его плеча в момент удара битой и оказалась у дверей бывшей актрисы. Любая попытка завладеть собственным имуществом пресекалась на корню с помощью все той же биты.

- Жанна Андреевна, - высокомерным тоном обратилась к ней Клювгант, - надо позвонить в полицию!

- Я позвоню, - успокоила престарелую даму девушка, мягко запихнула ее в квартиру и закрыла дверь. Через минуту защелкали многочисленные замки, и наступила благодатная тишина.

- Спасибо, - поблагодарил ее мужчина, схватил сумку и хотел уйти, но пошатнулся и едва не упал.

Гоголева вовремя его поддержала.

- Куда вы пойдете?

- В гостиницу. Я остановился в «Ростовчанке», - подобострастно доложил он. Не хватало, чтобы еще показал документ, удостоверяющий его личность. Но мужчина предпочел ограничиться указанием временного пристанища.

- Но это далеко отсюда, - неожиданно обронила девушка и с сочувствием взглянула на пострадавшего.

- Ничего, доберусь как-нибудь, чай не глушь, - усмехнулся он.

- Вам надо показать врачу, пусть осмотрит рану. У вас может быть сотрясение.

- На мне все заживает, как на собаке. И сотрясения никакого нет... Так мне кажется. Еще раз спасибо вам...

- Подождите! – пресекла его попытку уйти Жанна, - давайте я вам хотя бы рану обработаю.

- А крови не боитесь?

- Боюсь, но обещаю в обморок не падать.

- А по-моему вы прямо сейчас готовы потерять сознание.

- Мы так и будем перебрасываться репликами и ждать, кто первый окажется на полу? Может быть, заключим пари?

- Пари заключать не будем, на оказание первой медицинской помощи я согласен, - отрывисто заключил мужчина. – Возможно, к тому времени мои родственники появятся и мне не придется приходить в этот дом во второй раз и подвергать свою жизнь опасности, - добавил он с кривой усмешкой.

- Не появятся, - успокоила его девушка, - они уехали отдыхать на Мальту, вернуться через три недели. У меня есть ключи от их квартиры, но, как понимаете, без разрешения я не могу вам их передать.

- А мне это и не нужно, мне есть, где переночевать, я только хотел увидеться с Рукавишниковыми...

Жанка быстро обработала рану перекисью водорода, намазала чудодейственным гелем для заживления, которым всегда пользовалась сама, и залепила широким квадратным пластырем. Полюбовалась своей работой, отойдя на пару шагов, и осталась довольна.

- Хотите чаю? – вырвалось у нее, хотя, еще полчаса назад мечтала остаться в одиночестве.

- Хочу! – сразу согласился гость, - но для начала нам надо познакомиться. Как я уже понял, вас зовут Жанна, а меня - Матвей Еременко. Живу в Саратове, занимаюсь бизнесом, сорок лет, разведен, детей нет.

Жанна не выдержала и рассмеялась.

- Меня ваша биография не интересует, я за вас замуж не собираюсь.
- Никогда не говори никогда, - философски изрек Матвей.
Девушка посерьезнела и изрекла.
- Жанна Гоголева, историк, разведена, детей нет, - так же коротко изложила она свою биографию, упустив дату и год появления на свет.
- Заметили, у нас много общего.
- Увы, но таких «родственников» у нас четверть населения...
По окну барабанил дождь. В кухне было тепло и уютно.
Настороженная односложная словесная пикировка плавно перешла в ничего не значащую беседу двух пассажиров, каратающих время в пути.
Ближе к полуночи Матвей стал в очередной раз прощаться. На этот раз Жанна его не остановила. Но очень хотела.
Она закрыла за ним дверь, выключила в кухне свет, подошла к окну, проводила взглядом нового знакомого, мысленно задавая себе вопрос: «Посмотрит или не посмотрит?»
Он не посмотрел на ее окно, быстрым шагом двинулся в сторону оживленной улицы, покидая их старый особняк, погруженный в сон.

- Тимка, ты разгильдяй! – не выдержал Терещенко, своеобразно закончив повествование о девочке, которая видела Клунина в обществе незнакомца.
- Я не разгильдяй! - обиженно парировал Прилуков.
На днях истек срок его стажировки, он получил подтверждение соответствия занимаемой должности по результатам испытательного срока, и стал полноправным членом районного управления внутренних дел.
- Еще какой разгильдяй! – зловещим голосом подтвердил майор.
Все остальные сотрудники поспешили «уйти по делам», оставив одну веснушчатую жертву на растерзание.
- Почему я должен узнавать от Элоизы Местерской, что ее сына видели возле дома, где он снимал квартиру, с неизвестным немолодым мужчиной?! Почему ты не удосужился провести поквартирный обход и опросить соседей?! Почему люди Лени Косолапого подменяют оперативников?!
- Но вы же говорили, что Леня этим делом заниматься не будет. Элоиза сама заверила вас в этом.
- Ты возмущен, что Лапа посмел ослушаться и нашел новое действующее лицо? Или тебя злит, что он оказался умнее и проворнее тебя? А ты не подумал, милый друг, что этим человеком мог быть наш разлюбленный Комов?
- Свидетель мог ошибиться.
- В чем?
- Во всем! – в сердцах воскликнул Прилуков. - Возможно, мужчина оказался приезжим и просто спросил у Германа нужную ему улицу, или поинтересовался который час, а у девочки отложилась в памяти эта мимолетная встреча. Она же не наблюдала за ними со стороны, как я понял, проходила мимо и только-то. Это первое... Второе: для нее все мужчины старше тридцати - старики. Поэтому слово немолодой может быть расценено неравнозначно: собеседнику Клунина может быть не больше сорока, а мы станем разыскивать полупенсионера. И что за описание: высокий и с темными волосами! Что значит с темными? Жгучий брюнет, шатен или темно-русый? И что значит высокий? Для малорослой девочки...
- Все мужчины ростом метр шестьдесят уже великаны, - сквозь зубы закончил за лейтенанта майор.
- Где-то так...

- Жаль, что не одноглазый хромой пират! – в очередной раз жестко перебил его начальник. – И хватит демагогии! Вот фоторобот этого человека, составленный со слов всё той же двенадцатилетней девочки, живущей в том же подъезде, где снимал квартиру Клунин, - рублистыми фразами произнес он. – Элоиза Георгиевна и Забалуев его не опознали. Поезжай к соседу Карасевой, к супруге пропавшего свидетеля, к черту, к дьяволу, но пусть кто-нибудь из них его опознает.

- Спиридон Яковлевич, я все сделаю, только вы не переживайте так.

- Ты о чем?

- Я о Людмиле Клейменовой... Наверное, я ошибался на ее счет... Наружное наблюдение не выявило подозрительных связей.

- А-а-а, ты о той симпатичной девушке, за которой ухаживал в аэропорту Герман Клунин, - ненатурально «вспомнил» Терещенко.

- О ней, - печально вздохнул Тимофей.

- Личной жизнью будешь заниматься в свободное от службы время! – рявкнул майор.

- Эта... не моя личная жизнь, она не имеет ко мне никакого отношения, - откестился лейтенант.

- Меня это не касается!

Удивительно, что он на мне не отыгрался и не выкинул из полиции, - подумал Прилуков, покидая отдел. Но развернулся на сто восемьдесят градусов и вернулся. Приоткрыл дверь, просунул голову и голосом ябедника произнес.

- Спиридон Яковлевич, вы не забыли, что завтра у вас встреча с Валентиной Карасевой.

Майор оторвался от бумаг, с осуждением взглянул на бывшего стажера, а потом запустил в него канцелярским степлером. Он ударился о закрытую дверь.

Прилуков радостно подбросил в воздух портфель, поймал его двумя руками и заключил.

- Не обижается!..

Терещенко уже не надеялся допросить Карасеву. Она несколько раз переносила свой приезд. Неделю назад позвонила сама и подтвердила, что будет в Ростове в первой декаде августа. Ее литовского мужа задержали дела, но он разрешил ей его не ждать. Когда она окажется дома, то свяжется с майором.

Майор нервничал и звонил в ее пустую квартиру каждый день. И каждый раз с отчаянием бросал трубку, устав выслушивать долгие гудки.

Но однажды на шестом гудке ему ответил запыхавшийся знакомый голос Валентины. Они договорились о встрече на завтрашний день...

Стройная блондинка выглядела великолепно. Если бы Спиридон не знал, что ей сорок три года, то решил, что она ровесница Клунина.

Для начала майор рассказал ей историю в аэропорту и последующих за ней событиях, чтобы женщина осознала серьезность дела, с которым столкнулись оперативники вместе со следственным комитетом.

Показал ей фото Германа.

- Очень симпатичный молодой человек... Со всей уверенностью могу заявить, что впервые его вижу.

- Валентина Ивановна, подумайте, почему Герман Клунин дал своей матери ваш адрес?

- Я понимаю, вы меня подозреваете... Раз у человека была судимость, то на него можно вешать всех собак, но вы многого не знаете.

- Так расскажите! – возбужденно поторопил ее Терещенко. Кое-что он знал, но это были очевидные факты, за которыми могло прятаться что-то другое.

- Мой бывший муж работал в кардиологическом отделении медицинского института. Проводил операции на сердце. Однажды по его халатности на операционном столе умер пациент. Ему дали условный срок. Но он продолжал работать на том же месте. Через полгода случился еще один инцидент: после неудачно проведенной операции больной впал в кому и, не приходя в сознание, скончался. Но главврач мужа «прикрыл»

- не хотел портить репутацию лечебного заведения, но предложил ему уволиться по собственному желанию. Он был рад такому исходу, подал заявление об уходе и уговорил меня замолвить за него словечко перед моим руководством. Я в то время работала кардиохирургом в больнице скорой медицинской помощи. Я видела, что с мужем происходит, и согласилась. Не прошло и двух недель, как снова кома и снова смертельный случай уже на новом месте работы. Теперь ему грозил уже реальный срок. Он уговорил меня взять вину на себя, но клятвенно пообещал уйти из профессии. Мы уговорили медперсонал подтвердить, что оперировала я. В итоге меня приговорили к двум годам колонии. Честно говоря, ничего подобного я не ожидала, рассчитывала получить высылку, в крайнем случае - условный срок, но вышло так, как вышло. Муж приезжал ко мне на свидании, присылал посылки. Когда я освободилась, то подала на развод.

- Ваш бывший супруг сдержал обещание и кардинально сменил профессию?

- Вот именно, что кардинально! Чего-чего, а подобной выходки я от такого белоручки, как он, не ожидала. Пока отбывала чужой срок, он пристрастился к спиртному. Раньше тоже был не прочь приложиться к бутылке, а потом и вовсе стал спиваться. Уж не знаю, что на него подействовало: развод или новое знакомство, но общие знакомые утверждают, что он не пьет.

- А про новую знакомую вы что-то знаете?

- Не знаю и знать не хочу! Что касается жизни бывшего супруга, мне не интересно. Но думаю, он с ней познакомился, пока я отбывала срок. Только ступила на порог родного дома и предложила развестись, как он сразу согласился, собрал имущество и ушел. Еще раз говорю: куда, не знаю. Наверное, было к кому идти. Что с ним произошло за эти годы, я не в курсе. Мы с ним давно не виделись. Я не горю желанием, да и он, по всей видимости, тоже.

Терещенко достал из портфеля фоторобот человека, с которым разговаривал Клунина, и протянул Карасевой.

- Валентина Ивановна, посмотрите внимательно - этот мужчина вам знаком?

- Еще как знаком, - хмыкнула она и присмотрелась пристальнее, - хотя, очень изменился. Не скажу, что постарел... Он другой...

- Фоторобот составлен со слов девочки, которая видела этого человека в обществе Германа Клунина. Вы должны прийти к следователю и подтвердить под протокол, что это ваш бывший супруг.

- Конечно, я приду. - женщина снова взяла в руки фотографию некогда близкого ей человека. - Остепенился в одном, впутался во что-то другое.... Теперь я понимаю, почему покойный оставил матери мой адрес.

- А мне пока не всё ясно. Вы в разводе, он проживает в другом месте...

- Где он проживает, мне знать не нужно, а прописан он здесь. Мы пытались заняться разменом, но не вышло. Потом я уехала в Палангу, предлагала ему пожить в этой квартире, но он отказался. Уж, не знаю, по какой причине. Я настаивать не стала, чем меньше у меня с ним точек соприкосновения, тем лучше...

Терещенко покинул квартиру Карасевой и сразу перезвонил Прилукову, который маялся в ожидании.

- Тимофей, Валентина подтвердила слова своего соседа! - обрадовал майор лейтенанта и быстро пересказал суть разговора.

- Молодец старикан, не ошибся! - возрадовался Тимофей. Вчера он беседовал с разговорчивым соседом Карасевой, у которого они были вместе с Терещенко еще на заре расследования дела. - Товарищ майор, он мне сегодня с утра успел позвонить. Сказал, что вспомнил, где видел Германа Клунина. Помните, в нашу первую с ним встречу он уверял, что где-то встречал нашего клиента, только выглядел он несколько иначе. Так вот... Видел он его в обществе бывшего супруга Карасевой.

- А почему Клунина выглядел иначе?

- Герман был с бородой и усами, что его видоизменило и прибавило возраст. Сосед Карасевой рассказал, что он походил на капитана дальнего плавания, только вместо трубки он курил сигарету. На нем был белый костюм и синяя сорочка. Сочетание цветов у соседа ассоциировалось с морской формой.

- Однако, наблюдательный старик, - с удивлением протянул майор. – Но я впервые слышу, что Клунин носил бороду и усы.

- А мы об этом никого не спрашивали. После звонка соседа, я перезвонил Забалуеву, и он подтвердил, что Гера поспорил с одним приятелем и проиграл. О предмете спора он не знает, но на кону стоял отказ от бритья на два месяца. Это для Клунина было смерти подобно... Ой, извините, я снова сморозил глупость.

- Продолжай!

- Где-то за пару недель до поездки в Москву срок спора истек, и Клунин, наконец, побрился. А сосед Карасевой его видел в период бородатости.

- И когда это было?

- Он утверждает, что перед самыми майскими праздниками. На улице установилась теплая погода, и пожилой мужчина решил прогуляться, полюбоваться городом, украшенным ко Дню Победы. Доехал до центра города и завернул в парк имени Горького. Таи и увидел в одном из кафе своего бывшего соседа и «капитана дальнего плавания».

- Ошибиться он не мог?

- Маловероятно.

Неопределенность Прилукова не отразилась на приподнятом духе Терещенко.

- Теперь нам остается вывести на чистую воду бывшего супруга мадам Карасевой, - бодрым голосом заключил Спиридон Яковлевич, мечтая расквитаться с этим запутанным делом. – Тимка, а мы с тобой молодцы! Кажется, мы вычислили загадочного Комова.

- Точно! Это бывший муж Карасевой, ведь в прошлой жизни он был хирургом! Именно у него умирали пациенты или впадали в кому!

- Думаю, Клунин поинтересовался его биографией перед тем, как затевать великие дела... Раскопал интересные моменты, узнал о бывшей супруге, которая имела за плечами судимость. Разузнал ее адрес, по которому также был прописан человек, названный им Комовым, и дал адрес матери. Подстраховался на всякий случай. Мало что с ним могло случиться – хирург был для него темной лошадкой. Но отказываться от заманчивого предложения не стал.

- Слишком заманчивым оно было. Недаром он поделился с Маруськиным тайной о грядущем богатстве. Его прямо распирало от счастья. И что же это за золотая жила, которую нашел хирург?

- Скоро мы обо всем узнаем из первых рук! - с уверенностью произнес Спиридон Яковлевич...

Но полицейский предполагает, а преступник заочно опровергает его предположения.

Едва полицейские вышли на след бывшего хирурга, как он исчез. Уволился с работы и пропал, причем пропал вслед за человеком, который в скором времени обещал «вернуться» из Москвы. Как оказалось, мужчины были знакомы – вместе работали.

Терещенко и Прилуков безуспешно пытались найти теперь уже двух пропавших мужчин, пока один из их коллег по работе не вспомнил, что видел одного из них на железнодорожном вокзале в обществе очаровательной блондинки. Коллега встречал тещу, а хирург сел в поезд. Кажется в скорый поезд «Ростов-Казань».

Полицейские уточнили, какого числа произошла случайная встреча и в котором часу? По этим данным установили номер поезда, опросили всех проводников, предъявили им фотографию хирурга. Одна женщина средних лет опознала его и сказала, что он был не один, вместе с ним была девушка. Где пара вышла, она вспомнить не смогла: случилось это почти месяц назад. Но точно они не доехали до конечного пункта...

Когда человек находится на вершине отчаяния, неожиданно приходит помощь.

На это раз помощь пришла в лице несостоявшегося пассажира рейса 3401, решившего вернуться домой...

Жанна страдала и пыталась удержать страдания внутри себя, внешне изображая вселенскую радость. Радость была с толстым налетом грусти, поэтому наблюдательная Раиса Ракова быстро раскусила подругу.

- По ком сохнем на этот раз? – бесшабашным голосом поинтересовалась она, делая вид, что в признаниях особо не нуждается, чтобы девушка не приняла свой привычный вид черепахи в панцире.

Подруги проводили обеденный перерыв в кафе и клевали салатки.

- Рая, я полная идиотка! – трагически заключила Гоголева, отрываясь от тарелки с салатом, над которым трудилась последние десять минут – терпеливо отделяла кружочки репчатого лука от основной массы из огурцов и помидоров.

Ракова успела расправиться с овощами, залитыми оливковым маслом и сидела в ожидании котлеты по-киевски без гарнира. Гарнир это было чересчур для женщины, поддерживающей себя в прекрасной форме.

Рая с подобострастием оценила худошавую фигуру Жанна и констатировала.

- Полной тебя можно назвать с большой натяжкой! – в довершении протянула руку и ущипнула «полную» подругу за бок, – кожа и кости! – добавила она с сожалением, как это делают заботливые матери, считавшие, что худоба идет ребенку во вред.

- Не ерничай! – окрысилась Гоголева. – У меня трагедия, а ты...

- А я пытаюсь тебя растормошить. Я устала видеть твою хмурую физиономию! Что опять стряслось? Ненаглядный муж объявился? Хотел помириться, да ты дала окончательную отставку, а теперь страдаешь и сожалеешь?

- Причем здесь Наум?! – взъерепенилась тихоня Жанка. – Я про него забыла. Почти забыла. Он мне иногда снится, но во снах мы только спорим и ругаемся.

- А если бы тебе приснилось, что он мечтает о воссоединении, то ты была бы уже в Москве? Заявилась в новое супружеское гнездышко и заявила, что готова ему всё простить. Представляю его «счастливую» физиономию!

- Рая! Я не хочу разговаривать о бывшем муже. Он остался на двадцать пятой странице жизненного романа. Эту страницу я давно перелистнула и возвращаться к ней не собираюсь!

- Хорошая аллегория, – похвалила ее подруга. – И что же у нас произошло удивительного на нынешней странице жизненного романа?

- А то и произошло, что я встретила мужчину, – с придыханием доложила Гоголева, склоняясь к тарелке с салатом, словно делилась именно с ней животрепещущей новостью, а не с сидящей напротив подругой.

- Ага, мужчину, – задумчиво произнесла Ракова, прикладывая усилия, чтобы вспомнить, что за люди такие – мужчины?

- Да, мужчину! – с вызовом подтвердила Жанна. Откинулась на спинку стула, на ее лице повисла мечтательная улыбка, которая пришла на смену страданиям последних дней. – Он такой...

- Не от мира сего, – подсказала Рая, у которой слова слетали с языка, как ненужные отходы с металла, над которым трудился координатный пресс для пробивки отверстий.

- Сама ты не от мира сего, а он... взрослый и умный.

- Взрослый в смысле старый для тебя?

- Почему сразу старый? Ну, он немного старше меня.

- Говори прямо – ему под пятьдесят!

- Ему... всего сорок лет, правда, выглядит он чуть-чуть старше. Но возраст для меня не имеет значения. Вот твои родители...

- Да, мои родители это показатель крепкой и дружной семьи, только отношения у них, как у отца и дочери. Старшей дочери, потому что я младшая. Отец к матери снисходителен, она внимательна и тактична. Наверное, они любят друг друга, но мне в их отношениях не хватает взрыва, уж слишком всё тихо и спокойно, без эмоций.
- А что в этом плохого? Неужели любовь надо подогреть выяснением отношений, битьем посуды? Или походами налево, чтобы получить подтверждение – твой муж лучше?
- Кому как, - неопределенно заметила Рая, плотоядно оценивая принесенную официантом котлетку гигантских размеров. Сегодня ей не хотелось вести заумные беседы, поэтому снова перескочила со здоровой рассудительности на беззаботный треп, – прощай, любимая талия, через десять минут я превращусь в бочонок, напичканный вкусностями, – посокрушалась она и взялась за нож и вилку.
- Ей про Фому, а она про Ерему, - обиделась Жанна.
- Еда милой беседе не помеха, напротив, заставляет правильно реагировать на признания. Когда человек голоден, он неадекватен, думает о вкусной пище, и не может дать дельный совет. А когда сыт...
- Ты будешь слушать?! Или будешь философствовать?
- Излагай! – миролюбиво предложила подруга, смакуя котлету. – Или тебе мешает мой задорный аппетит?
- Не мешает, но ты изредка отрывай взгляд от тарелки, я хочу видеть твои глаза.
- Эти глаза напротив - калейдоскоп огней, - с набитым ртом пробубнила Рая слова известной песни.
- Ты сегодня невыносима!
- Просто у меня хорошее настроение. Хорошее настроение без причины это такая редкость в наши дни. И я хочу передать тебе частичку этого веселья, чтобы ты перестала изображать из себя школьницу, безнадежно влюбленную в учителя, а спокойно, без восторженных эмоций, рассказала о встрече с мужчиной.
- И Гоголева рассказала.
- И что теперь? – задала резонный вопрос Ракова, выслушав историю знакомства подруги с родственником соседей, уехавших в дальние края, а именно на Мальту.
- Ничего, - развела руками Жанна и обреченно вздохнула.
- Ну, чего ты куксишься?! Ты знаешь, в какой гостинице он остановился, знаешь, как его зовут, возьми и позвони.
- Я так не могу.
- А как ты можешь?.. Тебе понравился мужчина, ты постеснялась спросить номер его телефона, а он побоялся спросить твой.
- Почему побоялся? Я не кусаюсь. Мы провели с ним приятный вечер, никто не думал о продолжении. А когда он ушел...
- А когда он ушел, ты поняла, какой он умный, а умный, потому что взрослый. А раз взрослый, то многое повидал в своей жизни, многое и многих познал, поэтому сможет оценить тебя по достоинству. Тебя и твое отношение к нему, - на одном дыхании выпалила подруга.
- Ты его не знаешь, а так... нехорошо отзываешься.
- Ты о том, что он многих познал?.. Извини, я могу ошибаться.
- Если бы я тебя плохо знала, то подумала, что ты пострадала от гадкого мужчины и теперь обозлилась на весь свет.
- Ни на кого я не обозлилась, ни от кого не пострадала. Еще скажи, что я догадалась, о ком идет речь? Он оказался моим любовником, который несколько раз год приезжает ко мне из своего Саратова и каждый раз обещает жениться. И теперь я мучаюсь вопросом: кого отравить первым – тебя или его?

- Рая, а ты точно не знакома с Матвеем Еременко? – осторожно поинтересовалась Гоголева.
- Жанна, у меня нет знакомых в Саратове, - таким же проникновенным голосом заявила Ракова, мило прикартавливая название города. – Нет, вру! – Вспомнила она. – В Саратове живет мой сокурсник Женька Лаптев! Представляешь, на последнем курсе он предлагал мне выйти за него замуж, я отказалась, но он, недолго думая, женился на другой девушке из нашей группы. – Объяснение было произнесено чересчур безразлично.
- Почему ты отказалась? – поникшим голосом поинтересовалась Жанна, стараясь заглянуть в глаза подруги. Ей это не удалось, а если бы удалось, то могла легко понять, что Рая сожалеет о своем отказе.
- Женька мне нравился, но не более того, - сообщила она с набитым ртом, кромсая котлету.
- По-видимому, ты ему тоже только нравилась.
- Наверное, так и было, - быстро согласилась Рая.
- А вы виделись с ним с тех пор?
- Еще спроси, переписываемся ли мы в «Одноклассниках»? – хмыкнула она.
- А это так зазорно?
- Нет, просто каждый убивает свободное время по-своему, у меня его просто нет.
- Все-таки, ты, Раечка, от меня что-то скрываешь! И это что-то тебя очень тяготит и мучает. А заглушаешь ты переживания незлобным остроумием и бесшабашным весельем.
- Сама придумала или кто подсказал?
- Я, конечно, идиотка, хоть и неполная, но иногда бываю девушкой наблюдательной и способной анализировать.
- Я в этом не сомневалась, - с легкой улыбкой подтвердила Ракова и приступила к фруктовому салату.
- Что ж, я тебя за горло не беру, захочешь, сама расскажешь, - обреченно произнесла Жанна и резко отодвинула от себя тарелку с надоевшим салатом, на которой помидоры и огурцы находились на одной половине, а репчатый лук, порезанный тонкими кольцами, на другой.
- Давай все же решим, что будем делать с твоим саратовцем, - пошла на мировую Раиса.
- Пусть остается всё так, как есть.
- Но он же тебя заинтересовал, а такое не каждый день случается. Тебе привычнее сторониться мужчин, какими бы качествами они не обладали. А этот чем-то тебя подкупил... Я догадалась: он был сдержан в выражении чувств, но чисто интуитивно, по-женски, ты сообразила, что не оставила его равнодушным.
- Всё правильно, - подтвердила Гоголева, наблюдая за ловкими движениями рук и челюстей подруги.
- Значит, остается ждать, если ты не хочешь первой сделать шаг к сближению, - с неискренним сожалением добавила Ракова. – А пока ты будешь изображать из себя благовоспитанную девицу, твой мужчина тью-тью в свой Саратов, так мы его и видели.
- Не хочу я ждать! – призналась Гоголева, - под лежащий камень вода не течет.
- Это ты правильно заметила!
- И как мне поступить? Вдруг он уже укатил?
- При желании можно найти иголку, потерянную в одной из комнат четырехэтажной виллы, - многозначительно протянула Рая.
- Ты мне предлагаешь ехать в Саратов?
- Глупенькая! Ты можешь навести о нем справки через его родственников! – заметив недоуменный взгляд Гоголевой, она пояснила, - твои соседи – его родственники? Родственники! Они-то точно знают, как с ним связаться.

- Когда это еще будет, - печально заметила девушка. – Соседи не скоро вернуться с Мальты.

- Понятно: уж замуж невтерпеж! Тогда ты не скупердяйничай и позвони им.

- Почему сразу замуж? – сосредоточилась на поставленном диагнозе подруга. Про звонок ей думать не хотелось: как она будет выглядеть в глазах соседей, когда станет расспрашивать про Матвея Еременко из Саратова? Ладно бы просто доложила о его приезде и хочет узнать: можно ли поселить его к их квартире?.. Но он на этом не настаивал, зачем брать инициативу? Допустим, они обожают своего родственника и мечтают, чтобы он поселился у них, но тогда почему Жанна спрашивает номер его мобильного телефона, если он топчется на пороге и ждет, когда ему дадут спальное место?

Но Гоголева не хотела «нырять головой в прорубь», как это сделала с Наумом. Сейчас она будет действовать под девизом: Доверяй, но проверяй! Поэтому не станет скупердяйничать и потревожит соседей. Расскажет о Матвее Еременко и спросит: существует ли такой человек на самом деле? А то столько развелось авантюристов! И наведет о нем справки с другой стороны, для подстраховки. Пусть Райкин однокашник подтвердит сведения, который Матвей рассказал о себе.

Между тем Ракова продолжала гнуть свою линию.

- А почему бы не выйти замуж за хорошего человека?! Таких умных и разведенных раз-два и обчелся.

- А откуда ты знаешь, что он хороший человек?

- На плохого ты бы внимания не обратила.

- Не считай меня умнее, чем есть на самом деле. На одного я уже обратила, - напомнила Жанна, - на свою голову.

- Что-то я запуталась в твоих желаниях, - попеняла ей Раиса.

- Я сама давно плутаю, никак из дебрей не выберусь. По кажется, впереди замаячил просвет. – она взглянула на Ракову, замершую с вилкой в руке. За ее щекой выпирал заморский фрукт, создавая иллюзию разболевшегося зуба. Весь задумчиво-болезненный вид вызывал смех и жалость одновременно.

- Говори яснее, - попросила девушка, перекатывая во рту «флюс» - теперь он перешел на противоположную сторону.

- Ты предлагала действовать? - спросила Жанка и сама ответила, - предлагала! Будем двигаться в двух направлениях! Одно направление назовем разведывательным, а другое – наступательным.

- Правильно! Нельзя откладывать важное дело в долгий ящик! - поддержала ее Рая, успевшая в рекордные сроки расправиться с фруктом. - Сегодня прямо после работы мы отправимся в гостиницу «Ростовчанка». Если ты боишься, то можешь оставаться в машине, а я найду и спрошу на ресепшене, проживает ли у них Матвей Еременко?

- И что дальше?

- Дальше будем действовать по обстоятельствам!.. Подожди, а на что ты намекала, когда говорила о разведывательной операции? Неужели решилась позвонить соседям, чтобы разузнать о саратовском родственничке? Есть ли такой на самом деле или это очередной потенциальный жених, решивший идти окольными путями?

- Ты как всегда догадлива, подруга! И как всегда мне без твоей помощи не обойтись.

- Раз меня назвали догадливой, то спешу оправдать комплимент. Ты меня попросишь связаться с Женькой Лаптевым и попросить навести справки о Матвее Еременко.

- Думаешь, я опережаю события? - спросила Гоголева.

- Лучше опередить, чем потом раскисать...

Вечером Жанна и Раиса отправились в гостиницу «Ростовчанка», предварительно узнав, в каком районе города она находится. Это было малоизвестное место, спрятавшееся в

узкой улочке старого города. Здешние дома были пришельцами из позапрошлого века. Одни выкупались предприимчивыми людьми, которые устраивали офисы: и место проходное и от центра недалеко, каких-то десять минут ходьбы, в других маялись старожилы и терпеливо ждали капитального ремонта.

В одном из зданий и находилась нужная девушкам «Ростовчанка». Фасад гостиницы был окрашен в оранжево-желтый цвет, за блестящими стеклопакетами окон виднелись зеленые жалюзи, поэтому все здание напоминало громадный сказочный цветок, случайно распустившийся среди отбросов. Таких «цветков» здесь было несколько, и они разбросались по всей улице.

Раиса прочла вывеску на здании и приказала подруге остановиться.

- Я проеду дальше, не хочу светиться возле входа, - прошептала Жанна.

- А почему ты шепчешь? – удивленно вскинула брови Ракова, - не бойся, тебя никто не услышит.

- Я трясусь, как заяц, чудом избежавший участи быть съеденным. Сердце так и выпрыгивает из груди.

- Жаль, что ты за рулем, а то неплохо было принять на грудь пятьдесят граммов коньячку. Для успокоения.

- Позже примем на грудь, если будет на то причина.

- Причина всегда найдется! – заверила ее Рая, но уточнять какая именно – плохая и хорошая - не стала. Пусть подруга надеется на лучшее.

Она выпорхнула из лимонного автомобиля и бодрым шагом поспешила к гостинице.

В небольшом холле стояли два ярко-оранжевых диванчика, между ними - круглый стол со стеклянной столешницей и одинокое дерево, чем-то похожее на уличную тую. Прямо перед ней находилась стойка ресепшена, за которой маячила миловидная девушка. Она так приветливо улыбнулась, причем это была не дежурная улыбка, что Ракова подумала: её здесь очень ждали. Она ответила на приветствие и сразу приступила к делу.

- Скажите, у вас остановился Матвей Еременко?

Хотела объяснить причину своего интереса, но вовремя опомнилась: это не советское прошлое, когда надо было расшаркиваться перед грозным администратором гостиницы, чтобы получить нужную справку или проскользнуть в номер к приятелю.

Раиса то время не застала, но была наслышана от старших товарищей, переступивших ту возрастную границу, за которой они предпочитали больше говорить о прошлом, чем о настоящем или будущем.

Девушка заглянула в экран компьютера, бойко водя «мышью».

Можно подумать, она не помнит всех постояльцев, - мысленно фыркнула Райка, - в этом миниатюрном здании всего-то номеров десять, не более.

- Да, ест такой, - наконец-то, заявила администратор, отрываясь от экрана. – Матвей Еременко остановился в седьмом номере.

- А вы не знаете, он у себя?

- Извините, не знаю, десять минут назад я начала свой двенадцатичасовой марафон, - с извиняющейся улыбкой пояснила она, - но могу позвонить ему в номер. Или вы сами поднимитесь?

- Спасибо, в другой раз, - торопливо перебила ее Ракова, еще раз поблагодарила и попрощалась. У дверей оглянулась и спросила, - Матвей еще долго пробудет в нашем городе?

Девушка снова сосредоточилась на данных компьютера.

- Срок оплаты за номер истекает завтра.

- Уже завтра? – удивилась Раиса и поспешила с новостью к подруге.

- Он завтра уезжает? – трагическим голосом повторила Гоголева и чуть не плача сказала,

- ну, почему у меня все не так, как у нормальных людей?!

- Откуда ты знаешь, как всё происходит у нормальных, - зло обронила Рая. Она не смогла помочь подруге, не успела разработать план неожиданной встречи с мужчиной ее мечты, отсюда и злость.

Жанка продолжала причитать и размазывать выступившие слезы. Райка не вмешивалась в ее монолог-страдание, лишь протянула упаковку бумажных салфеток и отвернулась, чтобы не видеть скорбной мимики на ее лице.

- Рая! Это он! Это он! – придушенным шепотом произнесла Гоголева и стала тыкать пальцем в мужчину, который проходил по тротуару мимо их автомобиля. В его руках была дорожная сумка.

- Быстро заводи машину! – скривив рот, приказала Ракова подруге.

- З...зачем? - прогундосила та, заикаясь.

- Проследим за ним! И не надо меня ни о чем спрашивать! Трогай, трогай!

Жанна послушалась и медленно тронула «Ауди» с места.

Пока они пререкались, Матвей успел завернуть за угол. Когда автомобиль выехал на другую улицу, девушки увидели Еременко. Он стоял у обочины, у его ног притулилась дорожная сумка. Мужчина не «голосовал», желая остановить частника, просто замер у дороги и смотрел вдаль.

- Наверное, ждет такси, - предположила Жанна.

- Такси по вызову подъехало бы к гостинице, - логично сказала Рая.

- Тогда почему он здесь?

- Пойди и спроси!

- Прямо так пойти и спросить?

- Для начала надо проехать мимо, остановиться возле него, сделать удивленное лицо и тогда спросить.

- А выходить из салона нужно или можно спросить через окно? – задумчиво поинтересовалась Жанна, пристально наблюдая за одинокой фигурой мужчины.

- Я тебя сегодня придушу! – доброжелательно пообещала Ракова.

Подруга встряхнулась и двинулась со средней скоростью по улице. Автомобиль сначала проехал мимо, потом сдал назад, благо улица была пустынной, Жанка перегнулась через подругу и окликнула Матвея. Тот повернул голову. Сначала на его лице не отразилось никаких эмоций, потом повисло удивление, за ним радость.

- Жанна, здравствуйте, - поздоровался он и улыбнулся.

- Здравствуйте, а мы мимо проезжали, смотрю – вы стоите. Кого-то ждете?

- Друг обещал до вокзала подкинуть, но что-то опаздывает.

- А вы уже уезжаете?

- Все дела сделал, пора домой.

- Садитесь, мы вас доведем до вокзала, - вмешалась в разговор Рая, которой надоела черезоконная беседа.

- Спасибо, а то я на поезд опаздываю, - поблагодарил он, подхватил сумку, бросил ее в багажник и сел на заднее сидение «Ауди».

Гоголева познакомила подругу с Еременко. Раиса обернулась и по достоинству оценила симпатичного блондина с серо-голубыми глазами.

- Приятно познакомиться, - кивнул Матвей и спросил, - как вы думаете, Жанночка, поспеем мы к поезду по вечерним пробкам?

- Будем стараться, - успокоила его Гоголева, лихо обгоняя внедорожник, замешкавшийся на светофоре.

Раиса постучала пальцем по лбу, выполнившим роль дятла, скосив при этом глаза, чтобы видеть шустрого водителя. Потом повернулась к водителю лицом и покрутила тем же пальцем у виска, будто вкручивала винт для ускорения сообразительности. Прodelала это незаметно для гостя из Саратова. Жанна пошевелила бровями, намекая на непонимание.

Тогда Рая задала наводящий вопрос.

- Жанна, а ты сегодня в сервис не заезжала?
- Зачем? - удивилась та.
- Ты же говорила, у тебя что-то постукивает и побрякивает при езде, - «напомнила» она.
- Да, точно, - спохватилась подруга, - но сегодня утром ничего не постукивало, я и забыла. А сейчас снова начало.
- В салоне повисла напряженная тишина. Шум автомобилей мешал расслышать неполадки в работе двигателя.
- По-моему, всё нормально, - успокоено протянул спешивший на вокзал пассажир.
- В этот момент двигатель «сдулся», автомобиль замер посередине дороги.
- Все-таки это случилось, - упавшим голосом сообщила Жанна. – Матвей, сколько у нас есть времени?
- Двадцать минут.
- Если остановить такси, то можно успеть, - быстро посчитала Раиса и расстроенным голосом добавила, - а мы с Жанной позвоним в сервис и будем ждать помощи. И за это время многое узнаем о себе от проезжающих мимо водителей... Кстати, ты включила аварийные огни?
- Естественно!
- Я разбираюсь в автомобилях, - предложил свои услуги Еременко. Покидать салон он не спешил.
- Нет, не нужно, моя «Ауди» находится на гарантии, так что лучше в ее внутренностях не копаться, - пресекла его порыв Гоголева. – У нее такое бывает: отдохнет немного и снова поедет.
- Такой надежный автомобиль, практически новый и барахлит? – удивился Матвей. – Вам надо от него избавляться, пока срок гарантии не истек.
- Я так и сделаю, - пообещала она. – Спасибо вам за совет и прощайте.
- Мужчина ее не слушал, и хлопал себя по карманам.
- Я, кажется, паспорт и кошелек в номере оставил. Хорошо, что кинулся здесь, а не на вокзале.
- Теперь вы точно на поезд опоздаете.
- Придется переночевать в гостинице, тем более мой номер оплачен до завтрашнего дня.
- Вы можете временно побыть моим соседом, - осмелела Жанна, - я в том смысле, что могу дать вам ключ от квартиры родственников.
- Но ты же им еще... - начала Рая и вовремя осеклась. Пусть поступает так, как считает нужным. Мы потом проверим, кто такой Матвей Еременко.
- Ваше предложение очень кстати, - обрадовался мужчина, - я не знаю, удастся ли мне взять билет на завтрашний день, время отпусков еще не прошло.
- Тогда мы сейчас вернемся в гостиницу, вы возьмете свою потерю, по дороге завезем Раечку и поедем домой...

С раннего утра Жанне позвонила Ракова и приказала ей на сегодня взять отгул. О Матвее она ни словом не обмолвилась. Подруга согласилась и сама рассказала, как чудно они провели вечер. Долго болтали, потом он пошел ночевать к своим родственникам.

- И не намекал, чтобы остаться? – хмыкнула Рая.
- Представь себе.
- А если бы...
- А если бы намекнул, то я бы... не дала ему ключ от соседней квартиры.
- Взрослеешь на глазах, – похвалила подруга и отключилась.
- Повертела в руках мобильник, потом осторожно положила его на кровать рядом с собой, будто он был сделан из хрусталя. Отвернулась, чтобы он не попался на глаза.
- А что я теряю, если ему позвоню?! - вслух спросила себя Раиса. – Тем более у меня есть веская причина: меня Жанна попросила навести справки о саратовском жителе

Матвее Еременко... Неужели это судьба?.. Какая судьба! – тут же гневно возмутилась она. – У нас не может быть ничего общего. Он женат, а я... с ума схожу от одиночества, причиной которого явилась сама. Постоянно думаю о нем и ругаю себя последними словами. Видишь ли он не так, как мне бы хотелось, предложил выйти за него замуж. Я не просто отказала, а еще сказала какую обидную глупость. Уж, не упомню, какую. Он едва не грохнулся в обморок, покраснел, как вареный рак, развернулся и ушел. И даже не оглянулся ни разу. Я решила, что завтра он прибежит ко мне, как не раз бывало, и снова попросит выйти за него замуж. Попросил, но не меня, а эту дуру Семенову, которая сохла по нему с первого курса. А я осталась на бобах... Так мне и надо! А еще других учу ум-разуму. Как говорит про себя Жанка - полная кретинка. Нет, она говорит, полная идиотка. Я недалеко от нее ушла, я полная идиотка, что отказалась выйти замуж за парня, которого обожала! Любила до сумасшествия! У меня начинала кружиться голова, заплетаться ноги и жечь в желудке, когда он появлялся на горизонте. Но я быстро брала себя в руки: изображала утомленную усталость от прожитых двадцати лет, напускала безразличие и еле сдерживалась, чтобы не повиснуть у него на шее. Я так боялась этого нездорового обожания, что отказалась выйти за него замуж. Думала, что растворюсь в нем окончательно, перестану существовать, как личность, не достигну того, о чем всегда мечтала. Позже я поняла - любимый мужчина не может быть помехой на пути совершенствования! Он помощник, поддержка, опора... И еще поняла - как плохо мне одной без моего чудного, доброго, лучшего на свете Женьки Лаптева. И пусть он принадлежит Семеновой, но в душе он мой!.. А недавно мне позвонил еще один мой сокурсник и доложил, что ему звонил Лаптев и спрашивал обо мне. И зачем-то просил дать номер моего мобильного телефона. Тот отказался, но обещал дать мне номер его мобилника, чтобы я сама решила, стоит нам общаться или не стоит... До сегодняшнего дня я трусила. А что я, собственно, теряю? Вот возьму и позвоню! Вот прямо сейчас возьму и позвоню!.. Или чуть позже, когда он будет на работе. Зачем создавать человеку проблемы в семье?..

Рая позвонила около десяти, когда стояла на пороге своего музея.

Евгений сразу догадался, кто звонит, едва она назвала его по имени, будто сомневалась, он это или не он?

- Райка, я так рад, так рад! – счастливо завопил Лаптев. Девушка осмотрелась по сторонам, решив, что его слышит весь город. – Я спрашивал у всех общих знакомых, как с тобой связаться, но мне никто не помог. Ты их об этом просила? Неужели я тебе так неприятен? – испуганно спросил он.

- Вроде бы глупым ты никогда не был, - пролепетала она. Язык плохо поворачивался во рту, будто туда пришелся укус вездесущей пчелы.

- Рая, я был глуп! Я был ужасно глуп, когда женился тебе назло. Я тебя по-прежнему очень люблю.

- Ты не можешь меня любить, ты женат, - протараторила девушка, разглядывая шустрого воробья, скачущего с ветки на ветку. Он помогал ей держать себя в руках и говорить спокойно. Язык стал обычного размера после пилюли-заявления, которым ее попотчевал Евгений.

- Я уже свободен. На прошлой неделе мы развелись, так и не став близкими людьми.

- Семенова дала тебе развод?! Я думала, она в тебя вопьется, как клещ, и не выпустит.

- Я не хочу говорить о своей бывшей жене, - повел себя по-джентльменски Женька. – Лучше расскажи о себе.

Его просьбу Ракова оставила без внимания. Вернее, она еле-еле сдержалась, чтобы не сказать, что ей плохо без него, что она постоянно думает о нем. Думает, страдает, мечтает, развлекает себя и подругу выдуманными байками, чтобы не умереть от горя и тоски.

- Женья, ты можешь мне помочь в одном вопросе? – деловым голосом попросила девушка.

- Всегда готов!

В этом был весь Евгений Лаптев: он не стал вставлять ненужных слов, типа, для тебя я готов свернуть горы, он сразу откликнулся на просьбу. И Раиса была уверена – добытым им сведения можно доверять...

- Я постараюсь сегодня заняться твоим делом, - сказал он, внимательно выслушав подробности.

- Делом моей подруги, - поправила его Рая. Она не хотела, чтобы он подумал, что Матвей Еременко имеет к ней отношение, а некую Жанну Гоголеву она придумала для отвода глаз, как это часто бывает.

- Сегодня пятница, - задумчиво пробормотал Евгений.

- Пятница, - подтвердила она.

- Думаю, мне хватит одного дня, чтобы собрать сведения о Матвее Еременко. У меня много друзей, которые способны без проволочек предоставить нужную информацию. А вечером я сяду в автомобиль, и уже завтра буду у тебя.

- Как у меня? – испугалась Ракова.

- А ты что-то имеешь против? – хитрым голосом спросил он.

- А зачем тебе приезжать, если можно всё рассказать по телефону.

- Для того, чтобы посмотреть в твои необыкновенные глаза и спросить: Райка, ты выйдешь за меня замуж?

Внезапно земля содрогнулась от сильного толчка, почва уплыла из-под ног девушки. Хорошо, что на помощь пришел музейный охранник, стоящий неподалеку. Он поддержал ее и спросил, не нужен ли врач.

Женька услышал, как в ответ на его вопрос в телефоне сначала что-то зашуршало, затем вдали раздался чужой голос.

Он испугался: ведь я не додумался спросить, замужем ли она? А разве меня это остановит?

Конечно, он мог быть более настойчивым, узнать ее номер телефона и позвонить. Но твердил себе, что для начала надо завершить все дела с разводом. А потом... А потом стал уверять себя, что в одну реку два раза не входят.

- Жень, - услышал он тихий голос Раисы, - ты приезжай. Я буду тебя рада тебя видеть. И не совершу больше той глупости, которую совершила восемь лет назад.

- Мы начнем нашу новую жизнь с той точки. Мы повернем течение в обратном направлении: ты не отказывала мне, я никогда не был женат. Иначе и быть не могло. Я всегда любил и буду любить только тебя одну.

- Я тоже любила только тебя...

Ракова прогулялась вокруг здания музея, чтобы успокоить возбужденную нервную систему, а потом позвонила подруге. Не стала ничего рассказывать о возможных изменениях в своей жизни: надо было начинать рассказ с самого начала, а ей не хотелось возвращаться в прошлое. Она коротко доложила, что Лаптев обещал всё узнать о Еременко.

- Рая, я послушала твоего совета и потревожила своих соседей. Сначала они перепугались, решили, что случилось что-то страшное с их квартирой, но я их быстро успокоила.

- И что они тебе рассказали?

- Рассказали, что у них, действительно, есть родственник в Саратове, зовут его Матвей Еременко, он приходится главе семьи троюродным братом.

- Ты описала им Матвея?

- Описание совпадает. Чтобы окончательно убедиться, можно этого братца щелкнуть на мобильник и послать им фото. Но папарации из меня никудышный, вдруг Матвей заметит, как я ему объясню свой порыв?

- Жанна, не усложняй себе жизнь! Узнала, что у них есть такой родственник из Саратова, описание совпадает, что тебе еще надо?!

- Хорошо бы, чтобы подтвердил еще Лаптев.
- Завтра ближе к вечеру он будет в Ростове, а сегодня посвятит день твоему Еременко. Кстати, где он?
- Поехал на вокзал. Я хожу из угла в угол и молю Бога, чтобы ему не удалось приобрести билет на поезд.
- Если имеет на тебя виды, то приложит все силы, чтобы билетов не было.
- Хорошо бы...
- Через час вернулся Матвей. Взглянув на его счастливое лицо, Гоголова решила, что ему повезло и билет у него в кармане. Но не тут-то было. Оказывается, он взял билет только на вторник, на более раннее время билетов не было.
- Жанка подсчитала, что в ее распоряжении три дня, вспомнила тоскливую песню Пугачевой о трех счастливых днях и внезапно загрустила. Еременко принял ее грусть на свой счет.
- Я могу перебраться в гостиницу, чтобы вас не беспокоить.
- Нет, что вы, - слишком поспешно сказала она, - вы меня нисколечко не беспокоите.
- Разговор прервал звонок в дверь.
- На пороге стоял незаменимый Геннадий Ветров.
- Что тебе нужно? – недовольным тоном поинтересовалась Жанна, выныривая из прихожей и закрывая за собой дверь.
- Почему ты не на работе?
- А почему ты пришел? Следишь за мной?
- Просто проезжал мимо.
- И решил заглянуть, зная, что в это время я всегда на работе?
- Увидел тебя в окне.
- Ага, увидел, - разозлилась она, - а я-то решила, что игры в белых и красных давно закончены. Неужели мой папенька не убрал слезку в лице подобострастного и преданного ему усатого няня?!
- Слишком длинная для понимания фраза спутала мысли Геннадия. Он хлопал глазами и ждал продолжения, которое позволит ему понять смысл «наезда».
- Хватит меня контролировать! – взвилась девушка.
- А кто тебя контролирует?! Я проезжал мимо, увидел тебя в окне и решил, что ты заболела, поэтому заглянул в гости, думаю, вдруг помощь моя нужна.
- Помощь не нужна, но любезность оказать можешь.
- Какую?
- Иди отсюда!
- Жанна, ты очень изменилась в последнее время. Сначала эта прическа, потом странные наряды, а теперь еще и характер испортился. Раньше...
- Раньше я была бессловесная бледная поганка, а теперь превратилась и кровожадный цветок.
- Кровожадных цветков не бывает, - проявил знание ботаники Ветров.
- Еще как бывает, - с угрозой заявила Гоголева, - например, мухолов. Его цветки ловят мух и с жадностью расправляются с ними.
- Да, ладно, - испуганно пробормотал молодой мужчина и поскреб выбритый затылок.
- Так что иди милый мой подбру-поздорову.
- А почему ты дома? – не унимался Генка.
- У меня отгул! Решила заняться генеральной уборкой. Еще есть вопросы?
- Нет, - отрицательно замотал головой парень, - так бы сразу и сказала.
- И не говори маме, не надо, – произнесла она таким тоном, как говорил Саид в легендарном кинофильме «Белое солнце пустыни», когда забирал ружье у обалдевшего басмача. Но смягчилась и пояснила, - а то она примчится и будет мешать мне заниматься хозяйственными делами.

- Ладно, не скажу... А может я....

Жанна захлопнула дверь, не услышав продолжения. Вернулась в квартиру и застала Матвея с ножом в руках. Он ловко чистил картофель.

- Любишь жареную картошку? – спросил он, продолжая начатое дело.

Девушка думала, что его заинтересует приход мужчины, чей голос раздавался на всю ивановскую. Но если и заинтересовал, то он умело это скрыл.

- Люблю, - ответила она и села на стул, подсунув ладони под себя. При этом по-детски замотала ногами.

Еременко взглянул на нее и улыбнулся.

- Ты похожа на маленькую девочку, которая проголодалась и ждет, когда ее пригласят к столу.

- В детстве я никогда не испытывала чувства голода, накормить меня была большая проблема. Да, и сейчас я не делаю из еды культа.

- А готовить умеешь?

- Честно?

- Честно.

- Не для кого, а для себя лень. В рабочие дни обедаю в кафе, выходные провожу у родителей. – Жанна напряглась: сейчас Матвей спросит, кто ее родители? Но его больше занимал картофель.

- На чем будем жарить?

- На растительном масле.

- Доставай!

Нерадивая хозяйка хлопнула дверцами шкафов и задумчиво произнесла:

- Кажется, масло закончилось. Но это не беда, я сейчас быстренько сгоняю в магазин.

- Давай лучше я, - предложил мужчина.

- Ты этот район хорошо знаешь?

- Я, вообще, в Ростов приехал в третий раз. Первые два раза был в детстве и отрочестве.

- Вот видишь! – попеняла ему девушка, будто выражала неудовольствие подобным игнорированием южной столицы. – Ты дольше будешь искать магазин.

- Тогда я переберусь в соседскую квартиру, которая стала мне временным пристанищем.

- С чего вдруг? – удивилась она.

- Но ты меня почти не знаешь...

- Не говори ерунды... Я скоро...

Первое, что спросил Матвей, когда она вернулась, были слова.

- Жанна, я ты на все выходные переберешься к родителям?

- Нет, все выходные я поведу с тобой, а родителям найду, что сказать...

Субботнее августовское утро выдалось солнечным. Наконец, тучи перебежали в другое место, небо очистилось.

Лучик солнца кольнул Жанку в глаз, она сонно перевернулась и уперлась во что-то мягкое. Открыв глаза, она увидела рядом с собой Матвея.

- Доброе утро, красавица!

- Привет, - ответила она хриплым голосом.

- Пора вставать, уже почти полдень.

- Неужели? Если учесть, что мы заснули ближе к утру, то полагается вздремнуть еще пару часиков.

- Вставай, соня! Или тебе подать завтрак в постель?

- У меня прослеживаются дворянские корни, но я барства не приветствую. Так что завтракать будем в кухне. Что тебе приготовить? – спросила она, вскакивая с постели.

- Вчера ты утверждала, что кухня не то место, где ты любишь проводить время.

- Для любимого мужчины я готова поступиться принципами, - вырвалось у Жанны. Нашептывать ответные слова любви лунной ночью это одно, в громко произносить их ярким днем это другое.

- Иди ко мне, моя девочка, - нетерпеливо произнес Матвей и протянул руки для объятий.

Девушка не стала спорить и спрятала пунцовое лицо у него на груди...

- Какие у нас на сегодня планы? - задал вопрос Еременко, намывая посуду после завтрака.

Не мужчина, а клад, - подумала Гоголева, исподтишка любуясь им. – И почему таких жены бросают?

Вчера Матвей ей рассказал, что бывшая супруга нашла ему замену. Замена оказалась жирным боровом с кругленькой суммой в различных банках, в том числе и зарубежных, и многочисленной недвижимостью по всему миру. В итоге разбогатевшая дама больше нежилась на заморских курортах, чем проживала в России. После развода они ни разу не встречались.

- Ты ее любил? – спросила Жанна Матвея, выслушав его грустную историю.

- Конечно, любил. И все годы после развода продолжал любить, пока не встретил тебя.

- А хотел уехать и даже не попытался встретиться, - с обидой заявила она.

- А зачем я тебе? Женщины любят богатых, а я бизнесмен средней руки. Очень средней руки, - с усмешкой произнес он.

- Сорок лет живешь на свете и ничего в женской психологии не понимаешь!

- Можно прожить всю жизнь рядом с женщиной и не разобраться в ней до конца, - философски заметил он. – Не все такие открытые, как ты. У тебя всё написано на лице.

- Я знаю, - печально вздохнула Жанна. Она всегда считала это своим недостатком. Думала, что переборола его, но нет...

- Так что мы будем делать? – снова спросил Еременко, вырывая Жанну из воспоминаний о вчерашнем дне.

- Поехали на Дон, позагораем.

- Поехали, - поддержал ее инициативу мужчина.

- Только я сделаю два звонка: маме и Раисе.

- Жанна, никогда не надо отчитываться передо мной. Ты не тот человек, который может сделать другому больно...

Уже вечером, когда они сидели в кафе и любовались лунной дорожкой на глади реки, ей позвонила Рая.

- Жанна, ты где?

- На левом берегу.

Никто из жителей города не прибавлял название реки Дон, все и так знали, о чем идет речь. Левый берег Дона прославился не только известной лирической песней, но и большим количеством питейно-закусочных мест, где можно приятно провести время без значительного материального урона.

В одном из них сидели Гоголева с гостем из города Саратова, который стоял на величественной Волге.

Жанна бывала в Саратове и знала, какая широкая и красивая река в том месте, но свой Дон-батюшка она любила и не боялась сравнений.

Матвей не прислушивался к разговору и с аппетитом поедая шашлык.

- Рая, у тебя что-то случилось? – напряженным голосом спросила Гоголева у подруги.

- Приехал Женя, - очень тихо доложила она, будто его прибытие было под строжайшим секретом, доверить который можно лишь Жанне. – Все хорошо. Ты меня поняла?

- Очень хорошо, что... у тебя всё хорошо, - запуталась в словах девушка, пряча глаза от Еременко.

- Все подробности позже. Так что можешь ничего не бояться и смело выражать свои чувства.

- Спасибо...

Ночь пролетела незаметно, они уснули на рассвете.

Воскресенье было решено провести в Таганроге – родине Антона Чехова.

Добирались они на автомобиле Гоголевой. Она легко вела «Ауди», ветер лохматил ее волосы, рядом сидел Матвей и постоянно поворачивал голову в ее сторону, словно проверял, существует она на самом деле или нет. А она не верила, что всё происходит именно с ней...

Вернулись они поздно, родной город встретил их пустыми дорогами и зажженными фонарями.

- Как жаль, что мне завтра на работу, - пробормотала, засыпая, Жанна.

- А не пойти нельзя?

- Не-а, у нас и так половина работников в отпусках. Но я постараюсь смыться пораньше.

Но утром она никуда не пошла, у нее поднялась температура, отчего ее знобило и ломило суставы. Матвей укрыл ее теплым одеялом, напоил чаем и вызвал терапевта.

Старушка-божий одуванчик, которой впору сидеть на завалинке и греть косточки под палящим солнцем, а не ходить по вызовам, долго изучала шкалу термометра. При этом она осудительно покачивала головой: то ли не верила, что у больной высокая температура, то ли ее возмутил тот факт, что такая молодая девушка не смогла самостоятельно справиться с заболеванием, а побеспокоила загруженного терапевта. В итоге решила отомстить за всё сразу. Для начала проверила горло, глубоко засунув чайную ложку, услужливо принесенную мужчиной, чем едва не вызвала у больной рвотный рефлекс. Потом стала тыкать в спину холодным стетоскопом, издевательски повторяя: дышите не дышите, а больная вспомнила мультфильм про кота Леопольда, где доктор-пес говорил: мышите не мышите, и начала нервно подхихикивать, чем окончательно вывела из себя «одуванчика». Она поставила диагноз – ОРВИ и написала длинный список лекарств, которые надо пить горстями. Список был не только длинным, но предназначался для особо одаренных людей: людей, которые легко читают «филькину грамоту». Ни Гоголева, ни Еременко не поняли ни одного слова из этого списка. Они немного поспорили. Девушка утверждала, что не будет пить никаких лекарств, а мужчина принялся рассказывать о нерадостном будущем, которое наступит, если просто так лежать и страдать, не предпринимая попыток для избавления от хвори. В результате ему надоел бессмысленный спор, он прихватил список и отправился в аптеку, где работают люди, способные понять, что в нем написано.

А Жанка в это время позвонила маме и бодрым голосом доложила, что она на работе и у нее хорошо. Потом набрала Раису. Та посочувствовала и одновременно порадовалась, что надлежащий уход ей обеспечен.

- Быстро рассказывай новости, пока Матвей не вернулся! – поторопила ее больная подруга.

- Матвей Еременко, сорок лет, проживает в Саратове, прописан по улице..., разведен, детей нет, у него небольшое кадровое агентство, которое скоро вливается в крупную компанию, головной офис находится у нас в Ростове. Поэтому он сюда и приехал. Женька привез фотографию, правда на ней Матвеем не больше двадцати пяти. Конечно, изменения на лицо, то есть на лице, но он все равно узнаваем. Так что можешь успокоиться – перед тобой не проходец. Не хотелось, чтобы в твоей жизни появился очередной Наум Рысс. Бр-р-р! И что за фамилия такая – Рысс?! Я бы от мужчины с подобной фамилией бежала без оглядки, только пятки бы сверкали.

- Причем здесь фамилия, - отмахнулась Гоголева. – Если бы у твоего будущего мужа была фамилия Дураков или Мордастиков, ты бы за него замуж идти отказалась?

- Не знаю, не задумывалась. Кстати, забыла сказать, - начала безмятежным голосом Рая, сделала многозначительную паузу, собралась с духом, а затем выпалила на одном дыхании, - а я замуж выхожу за Лаптева!

- К... когда вы успели сговориться?

- На это ушло бесконечных восемь лет, - пространно пояснила Ракова, - и не спрашивай меня ни о чем, иначе я расплачусь.

- Райка, я рада за тебя, а о своих тайнах расскажешь, когда сочтешь нужным... - и тут же ей возмутилась, - ну, ты молчунья! А вспомни - я всегда утверждала, что у тебя живет печаль в душе. Ты была грустным клоуном, сама страдала, а старалась растормошить меня.

- Благодаря тебе я и держалась на плаву. До нашего знакомства я медленно умирала, но никогда не показывала вида.

- Я тобой горжусь!

- А я желаю тебе счастья с твоим Матвеем.

Как обе девушки не держались, но все равно зашмыгали носами.

После телефонного разговора Раиса быстро привела себя в порядок и вернулась в рабочий кабинет как всегда собранная, подтянутая и с дерзко вздернутым подбородком.

А Жанна еще немного поплакала в подушку, вспоминая о завтрашнем дне, когда ее гость вернется к себе в Саратов.

Постепенно веки начали слипаться. Уже покидая явь, девушка почувствовала подступающую к горлу тошноту и едва успела добежать до туалета. Ее рвало долго и мучительно. После этого она переместилась в ванну и умылась холодной водой. Полюбовавшись на свое отражение в зеркале, назвала себя зеленой истощавшей жабой, криво ухмыльнулась, вернулась в кровать и моментально отключилась.

Жанна не слышала, как вернулся Матвей с пакетом продуктов и лекарствами. Он постоял на пороге спальни, внимательно изучая ее бледное изможденное лицо и, стараясь не шуметь, переместился в кухню...

На следующий день Гоголева почувствовала себя совершенно здоровой и засобиралась на работу.

- Я ненадолго, сделаю кое-какие дела и вернусь – хочу проводить тебя, - сказала она, обращаясь к непонимающему Еременко: еще вчера она едва перемещалась по квартире, больше лежала, укрывшись грудой одеял, и тихо постанывала во сне, а сейчас спешит на свою обожаемую работу.

- Жанна, тебе только кажется, что болезнь отступила, - ласковым голосом начал он, заправляя ей волосы за уши, - уже к полудню температура вновь поднимется, тебя снова начнет знобить...

- Нерадостная перспектива, - прервала поток грустных предсказаний девушка. Она вспомнила о своем недостатке – оттопыренных ушах и сразу вернула взлохмаченные пряди на место, прикрыв любопытные ушики.

- Я прекрасно себя чувствую! Старенькая докторица ошиблась с диагнозом. У меня случилось обычное отравление!

- Мы питаемся одними и теми же продуктами, а я, как видишь, здоров, - привел веский аргумент Матвей. Просунул пальцы-гребни в ее волосы и повторил ее движения по вхлохмачиванию. - Ты похожа на маленькую бандитку из «Снежной королевы».

- Хорошо, хоть, не на Герду, - хмыкнула она. Заигрывания с волосами, заставили ее усомниться в своем желании идти на работу в надоевший музей. А не лучше ли... – нагло влезло в голову начало некорректной мысли, окончание которой она домысливать не стала, чтобы не дать ей расположиться в голове по-барски, оттеснив иные мысли, более подходящие для начала рабочего дня.

- Чем же тебе Герда не угодила? – уточнил мужчина, любуясь ее зардевшимся лицом.

- Она какая-то... безлика, - с трудом подобрала определение Жанна, - таковой я была еще месяц назад. Одним словом – бледная поганка.

- Напрашиваешься на комплимент?

- Ни в коем разе! – резко задергала она головой, поочередно закрывая волосами то левую щеку, то правую. – Я образец удачного перевоплощения неказистой женщины в более-менее симпатичную.
- Жанка, ты прелесть! – восхитился Матвей и прижал ее к себе, - в одном предложении соединила легкую самоиронию и снисходительное отношение к конечному результату, который я могу оценить по достоинству.
- Тебе, правда, нравится? – пробубнила девушка, положив голову ему на плечо и уткнувшись носом в шею.
- Я могу долго рассуждать о второстепенности внешности и первостепенности души, но не стану этого делать. Любую женщину классный стилист может изменить до неузнаваемости, но... - он поднял вверх указательный палец, - но внутреннее состояние все равно вылезет наружу, и сведет на нет старания специалиста.
- Ее внутренний настрой выдадут глаза, - догадалась она. – Если во взгляде нет искры, то это не просто прибавит ей годков, но и отрезвить желающих познакомиться с ней.
- Могу поспорить с тобой...
- Я готова!
- А ты хитришь, моя дорогая! Мечтаешь выпытать правду? – усмехнулся Матвей Еременко.
- Я? – удивилась девушка, округлив прекрасные очи и сделав правдиво-непонимающее лицо, как у любителя поест, который умял кружок краковской колбасы и свернул на безответного кота.
- Ты, ты... Но я не буду скрывать, что обратил на тебя внимание в первую нашу встречу, несмотря на то, что был нокаутирован злой старухой Ключант... Шучу... Я был нокаутирован взглядом твоих глаз, в которых поселилась тоска и безысходность. Мне захотелось взять тебя на руки и спросить: «Девочка, что у тебя случилось? Кто тебя обидел? Я могу тебе чем-то помочь?»
- Ты рыцарь, - с глубоким вздохом, высказалась она, словно это обстоятельство ее не особо радовало. – Другим мужчинам нет дела, что у меня творится в душе.
- И очень хорошо! Я быстро устраню конкурентов! А они могут появиться: в последнее время ты стала совсем другой, и стилист здесь ни при чем. У тебя глаза счастливые и задорные.
- Давай оставим эту тему, - мягко попросила Жанна, втайне надеясь услышать продолжение рассказа о себе. Но так как Матвей был сдержан в выражении эмоций, а едва пробившийся росток красноречия был втоптан в землю, пусть и без особого усилия, то не стал спорить и перескочил на свой отъезд в Саратов.
- Я не хочу, чтобы ты ехала со мной на вокзал.
- Почему? – удивилась она и представила, как они стоят на перроне, лицом друг к другу, и разговаривают на отвлеченные темы. И каждый из них с ужасом ждет минуту расставания. Затем он произнесет именно те слова, о которых она мечтает, торопливо скользнет своими губами по ее щеке... Или страстно ее поцелует так, как умеет только он... Наум никогда ее так не целовал... А причем здесь Наум?! Неужели ей придется всю жизнь сравнивать мужчин с бывшим супругом?! Да она знать не знает никакого Наума Рысс. Тоже мне мужской эталон нашелся! Вот Матвей это эталон из эталонов!
- Почему? – переспросил Еременко. – Не люблю долгих проводов. Давай сделаем вид, что я отлучаюсь ненадолго.
- Как ненадолго? – встряла со своим животрепещущим вопросом Жанна.
- Уже в субботу я вернусь.
- Среда, четверг, пятница, - медленно протянула девушка. Так же долго будут тянуться дни без него. – Опять три дня.
- Почему опять?

- Потому что три дня мы были счастливы, теперь три дня проведем в разлуке... Не жизнь, а неминуемая череда разнополярных событий.
  - Жизнь не может состоять из одних счастливых дней.
  - Не может, но очень бы этого хотелось.
  - Ты бы заскучала.
  - Рядом с любимым человеком – никогда!
  - Все! Иди на свою работу! Иначе я передумаю уезжать, потеряю бизнес, лягу на диван и буду смотреть телевизор, пить пиво, есть чипсы, сорить, толстеть и постепенно превращаться в брюхастого ворчуна.
  - Не представляю, чтобы ты...
  - Ты меня еще плохо знаешь, - «обнадеживающе» заявил мужчина. Оценил ее внешний вид, видимо остался доволен, потому что ласково подтолкнул к двери.
  - Вот дожила – из собственного дома выгоняют!
  - Я не выгоняю, сейчас возьму сумку с вещами, и мы выйдем вместе, - сказал Матвей и отлучился в квартиру Рукавишниковых. Вернувшись, он протянул Жанне связку ключей.
  - Я не поняла, зачем ты это делаешь? Допустим, не хочешь провести время до отъезда в квартире родственников, но тогда оставайся у меня. Вот тебе мои ключи...
  - Но куда я их дену? Оставлю озверевшей госпоже Ключгант? - усмехнулся мужчина и непроизвольно приложил ладонь к зажившему лбу. – Не хочется возвращаться в Саратов с забинтованной головой, будто я был не на переговорах, а поучаствовал в боях без правил.
  - Оставь ключи себе. У меня есть второй экземпляр. Еще один у мамы.
  - Жанна, нельзя быть такой доверчивой! – попенял ей Еременко и отвел ее руку с протянутыми ключами.
  - Но где ты проведешь время до поезда?
  - Не волнуйся, на вокзале сидеть не буду, найду, чем себя занять.
  - Но я могу тебя куда-нибудь подвезти.
  - Не нужно, попрощаемся сейчас.
- Слова, которые мечтала услышать Жанна, Матвей не произнес.
- Наверное, это к лучшему, - мысленно решила она, отъезжая от дома. - Если он не привык бросаться подобными словами, значит, относительно меня у него серьезные намерения...
- Гоголева думала, как будет убивать тягучее время до его возвращения, но уже на следующий день с утра забыла обо всем.
- Ее качало из стороны в сторону, ноги дрожали, снова подкатывала тошнота. Девушка уговорила себя выпить чашку крепкого кофе. Ей стало немного лучше, только сердце попыталось выпрыгнуть из груди. Тогда она задобрила его еще одной чашкой кофе. Сердце возмущенно подергалось, а потом вернулось к обычному ритму. Слабость постепенно отступала, но ноги отказывались идти.
- Жанка, как на ходулях, доковыляла до автомобиля, но не стала садиться в салон, постояла, приткнувшись к капоту, и полной грудью вдохнула свежий ароматный воздух, намекающий на приближение осени. В итоге в глазах прояснилось, будто с них сняли темные очки, неуместно напыленные в пасмурную погоду, вращение окружающих предметов замедлилось, затем и вовсе остановилось.
- Жаль, что Райка укатила к своему Женьке, не у кого спросить совета, - подумала девушка, - матери нельзя жаловаться на недомогание, она сразу возьмет меня за руку и поведет обследоваться... А может я беременна? Нет, не может быть, чтобы симптомы появились так сразу.
- Работа немного ее отвлекла. Но идти на обед в кафе она не захотела: без подруги было скучно, и аппетит напрочь отсутствовал.

Но к концу рабочего дня желудок свернулся в узел и взвыл. Жанна съела бы что угодно, даже ненавистный бамбургер из «Макдональдса». Но рисковать не стала. Заехала в супермаркет, купила замороженную пиццу, которую считала более полезным продуктом, чем различные фаст-фуды, вернувшись домой, быстро приготовила ее в микроволновке и слопала с большим удовольствием за несколько минут. Хотела выпить чай, но у нее не было сил его заваривать. Просто налила себе воды из кулера, залпом выпила и с чувством выполненного долга и с полным желудком завалилась спать.

Жанна не спала, а пребывала в каком-то кошмаре. Ей снилось что-то страшное, она металась по кровати, пыталась пробудиться, чтобы прервать эти жуткие видения, но не могла. Тело горело огнем, словно ее поджаривали на вертеле, как барана. Ей очень хотелось пить, но подняться и дойти до кухни не смогла. Наослепь водила руками в надежде найти стакан с ледяной водой, который способен погасить пожар внутри. Распухший плохо ворочавшийся язык постепенно перекрывал доступ воздуха. Жанна задыхалась. Еще немного, и она умрет от удушья.

Воды, воды, - кричала она. Или не кричала, а шептала, поэтому ее никто не слышал.

Вернул в реальность звонок будильника.

Гоголева открыла глаза, убрала с лица влажные волосы, провела языком по сухим потрескавшимся губам и с трудом повернула голову в сторону тумбочки, на которой она обычно ставила стакан с водой.

Стакана не было. Жанна нашла в себе силы сесть на кровати. Комната начала вращаться вокруг нее. Проходить подготовку в отряд космонавтов и проверять вестибулярный аппарат она не захотела и снова рухнула на кровать. Полюбовалась потолком, который не участвовал в хороводе, сосредоточилась на еле видимом пятнышке, неизвестно откуда взявшемся. Когда ей надоело его изучать и вспоминать о происхождении, Гоголева опять попыталась принять сидячее положение, выбрав для визуального изучения объект за окном. Объектом послужила береза, наклонившаяся влево. Сначала девушка решила, что у нее обман зрения, после вспомнила, что такое наклонное положение дерево приняло еще в марте, когда по их улице стали проводиться ремонтные работы. Видимо, у березы повредили корень, жители подумали, что дерево засохнет, но нет – в апреле оно зазеленело, теперь уже в наклонном состоянии.

- Я здорова. Я совершенно здорова, – обратилась девушка к березе сильным голосом. - Просто не могу обрести нормальное состояние после отравления. Наверное, что-то съела в ресторане на левом берегу... Конечно, надо выпить лекарство. Матвей столько всяких таблеток принес, а я ни одной не выпила, - в голосе появились нотки гордости собой. – Но сейчас понимаю, что зря. Вот возьму и выпью какой-нибудь сильный антибиотик, чтобы убить все вредоносные микробы, попавшие в мой организм.

Жанна поднялась на ноги, немного постояла, не выпуская из поля зрения березу.

- Я пошла за таблеткой, - объяснила она дереву, зашевелившему листвою, и походкой моряка, решившего прогуляться в шторм по палубе, потопала в кухню, где в одном из шкафчиков находилась аптечка. Покопалась в ней, нашла нужное лекарство, высыпала на ладонь две таблетки, полюбовалась розовенькими кругляшками и отправила их в рот, сразу запив минеральной водой.

- Сейчас приму контрастный душ и приду в норму, - убедительно заявила девушка, поискала за окном глазами березу, оставшуюся дожидаться ее в спальне, и направилась к ванной.

Душ, действительно, ей помог. Она взялась за банку с кофе, открыла ее, принялась, вздрогнула, будто держала в руках не ароматный кофе, а банку с отходами, хранившимися в теплом месте несколько дней.

- Не буду усугублять свое более-менее нормализовавшееся состояние. Или буду? По крайней мере, вчера от чашки кофе мне полегчало.

Монолог вслух помогал ей забыть о пугающем одиночестве.

Жанна сварила крепкий кофе, выпила его маленькими глотками, посидела несколько минут, стараясь не прислушиваться к процессам, происходящим внутри, а потом двинулась в прихожую.

По дороге на работу она поговорила с мамой по телефону, старалась быть веселой, что ей давалось с трудом. Ладони потели, платье прилипало к спине, а во рту было так сухо, словно она более месяца блуждала по пустыне без воды.

В обед уговорила себя сходить в кафе. Съела гречневую кашу без гарнира и выпила три чашки чая с лимоном.

Настроение улучшилось, а после звонка Матвея она, вообще, взлетела по крутым ступенькам музея, как делала это прежде – без передыхов и со скоростью спортсмена-спринтера, решившего подкачать ноги.

По дороге домой заехала в магазин, накупила продуктов, решив потренироваться в приготовлении блюд.

Ввалившись в квартиру с двумя полными пакетами, она выложила покупки на стол, пока не решив, что именно ей понадобится.

Налила себе воды из кулера, выпила, потом повторила, и, избавившись на время от постоянной жажды, полезла в интернет, чтобы найти изысканный рецепт из имеющихся в наличии продуктов. Нашла рецепт куриного филе с соусом «бешамель», который способна приготовить даже такая нерадивая кулинарка, как она, и вернулась в кухню.

Недомогание накатило внезапно.

Жанна поняла, что ставить эксперимент она сегодня не в состоянии. С трудом уложила продукты в холодильник, выпила еще один стакан воды и еле-еле дотащиась до спальни, не забыв прихватить с собой еще большую чашку.

Сон-обморок завлек ее в свои сети.

Она вновь металась по кровати, вновь бродила по пустыне, вновь её жарили на костре. Все было, как в прошлую ночь. Новым были звуковые галлюцинации. Ей мерещилось, что кто-то ходит по квартире, причем не таясь. Наглость непрошенного гостя ее так возмутила, что она нашла в себе силы разомкнуть слипшиеся веки и открыть глаза. Мимо нее проплыла белокурая девушка в джинсах и темной футболке. Ее повседневная одежда навела хозяйку на мысль - это не привидение. Привидения одеваются в светлые балахоны и не ходят, а парят над землей. Откуда взялись такие глубокие познания о жизни привидений, Жанна не догадывалась. Она проводила внимательным взглядом белокурую девицу в современных одеждах, которая не повернула головы в ее сторону и исчезла в прихожей.

Гоголева не стала сдерживать вялых эмоций, решила ее окликнуть, чтобы узнать, что та делает в ее квартире, но крик застрял в пересохшем горле.

Она протянула руку к прикроватной тумбочке, на которой стояла чашка с водой. Жадно выпила теплую воду и... отключилась.

Ей снова казалось, что кто-то ходит по квартире, двигает мебель, хлопает дверями шкафов, выдвигает ящики...

Потом стало тихо.

Так тихо, что Жанна испугалась.

И вдруг появился бывший муж Наум Рысс. Он присел на край кровати и взял ее за руку. Ей было приятно – рука Наума была холодной, в отличие от ее руки, которую до этого приложили к утюгу.

- Откуда ты здесь? – спросила девушка совершенно нормальным голосом, каким разговаривала когда-то.

- Пришел повиниться. Я принес тебе немало страданий.

- Не надо извиняться. Ты заставил меня стать другой. Я пыталась избавиться от комплексов и мне это почти удалось.

- Значит, ты меня прощаешь?

- Прощаю.
- Тогда мы можем вместе оказаться в раю.
- Ты предлагаешь мне снова стать твоей женой и будешь мне преданным мужем?
- Нет. Я не люблю тебя.
- Ты очень изменился, Наум. Раньше я не слышала от тебя ни слова правды.
- Покидая земную жизнь, мы все меняемся в лучшую сторону, молим о прощении тех, кого обидели при жизни. Каждый мечтает попасть в рай. Раньше никто об этом не думает, все считают себя бессмертными. Потому и грешим направо, а теперь...
- О чем ты говоришь? Я не понимаю!
- Я хочу попасть в рай вместе с тобой. Да, я грешен, это ты у нас невинная дева. Сравнение с невинной девой Гоголеву разозлило.
- Все мы грешны, - нравоучительным голосом изрекла Жанна, совладав с эмоциями. Раз человек пришел извиняться, то ни к чему начинать «разборку в маленьком Ростове». Но кроме невинной девы ее покоробил очередной намек на совместное пребывание в раю. - А зачем ты меня к себе приплетаешь?! Мы с тобой развелись, ты нашел свое счастье. Не знаю, надолго ли. И меня судьба свела с мужчиной, о котором я всегда мечтала.
- Жанна! Прекрати говорить высокопарными словами! – скривился человек, мечтающий о райской жизни. Или о жизни в раю? Это не одно и то же. - Подобными словесами ты меня всегда раздражала.
- Я тебя раздражала каждой мелочью. Не так встала, не так села, не так сказала, не так пошла, не так оделась.
- Ладно, хватит! Я не за этим к тебе пришел, - остудил её пыл Наум. – Я пришел просить прощения...
- Чтобы со спокойной душой предаться райской жизни за чужой счет. Впрочем, как обычно, – досказала за него бывшая супруга.
- Рысс одарил ее недоуменным взглядом, хмыкнул и изрек:
- Жанна, ты полная идиотка!
- Ты мне так долго вбивал в голову это клеймо, что мне волей-неволей пришлось его запомнить. Теперь я каждый раз себя так называю, когда совершаю глупые поступки.
- Ты сегодня заткнешься?! Или так и будешь гудеть?
- Я не трубоч, чтобы гудеть! – звонко парировала девушка, в очередной раз порадовавшись своему чудесному выздоровлению.
- Да, ты стала другой, - с осуждением заметил Наум.
- Девушка неписанной красоты и с горящим взором! – подсказала Жанна.
- Жаль, что покидаешь этот мир, не успев вкусить всех его прелестей. А могла бы... У тебя были такие возможности... Я папахена твоего имею ввиду.
- Не трогай отца! Его деньги не имеют ко мне никакого отношения!
- Ну, да, конечно, - ухмыльнулся Рысс и обозрел спальню с шикарными мебелью. - Все люди смертны, невзирая на богатства, - философски заключил он. - И никто тебе, Жанночка, помочь не в силах. Разница лишь в том, что гроб у тебя будет подороже и место на кладбище более престижное. Потом тебе памятник забабахают их золотом, но тебе-то будет до фени, в чем ты лежишь, где ты лежишь, и что на тебя давит сверху.
- Наум, иди прочь! Я устала от твоей демагогии.
- Мы теперь с тобой неразлучны... Если ты меня конечно простила.
- Простила я тебя, простила...
- Ну, тогда собирайся.
- Куда? – с тревогой спросила Жанна.
- А ты до сих пор так не докумекала?.. Жанна, дорогая, ты умираешь. Ты почти умерла. И я пришел за тобой.
- Но ты же жив!
- Я умер.

- Как тебе не стыдно постоянно лгать! Не надоело?
- Теперь я буду говорить правду и только правду! – без всегдашней ехидной усмешки произнес Наум, глядя на нее непривычно-странным взглядом, не таящим подвоха. Впервые он смотрел открыто, без презрения и с некоторой долей сочувствия.
- Я... умираю? – скрипучим голосом спросила Гоголева, пристально всматриваясь в лицо бывшего супруга. - Но... но я не могу... Я не хочу... умирать! Не хочу! У меня такие планы...
- У тебя больше нет планов...

- Итак, гражданин Рудый Иван Павлович, - начал следователь Кошечкин, - расскажите нам всё по порядку.

Осунувшийся мужчина лежал на больничной койке и безразличным взглядом смотрел в окно, за которым очнулся август и напоследок заявил о себе жгучим солнцем, высокой дневной температурой и наплывом ночных кровососов-комаров.

За спиной сидящего на стуле Кошечкина толклись Терещенко и Прилуков. Их недавняя знакомая - супруга Ивана Павловича - пристроилась на краю кровати и с укоризной поглядывала на лейтенанта, словно он был инициатором всей заварушки. Тимка прятал глаза, чувствуя за собой непонятную вину. Если он не смог найти исчезнувшего мужа больной женщины, а тот сам вернулся спустя два месяца, за это стоит себя винить? Не стоит! Потому как он делал все или почти все, чтобы его разыскать. Ведь, сам был заинтересован увидеть его живым, хотя, с каждым днем надежда таяла.

- Я не знаю, как всё случилось. Совсем с ума сошел на старости лет, - с трудом подбирая слова, произнес Рудый и оторвал взгляд от пейзажа за окном. Смотреть в глаза супруге он не мог, сосредоточился на немолодом следователе.

- Господа полицейские! – встряла женщина, - вы бы оставили моего мужа в покое, не видите, что ему трудно с вами разговаривать.

- Извините, но я должен его допросить! – строгим голосом, не терпящим возражений, пресек дальнейшие уговоры Кошечкин.

- Наташа, ты бы пошла прогуляться, - предложил ей супруг, скользнув по ней взглядом.

- Я не уйду! – сразу отвергла она. Заметив недовольное лицо следователя, который хотел поддержать Рудого, но в строго-ультимативной форме, женщина пролепетала, - я больше и рта не открою! Обещаю!

Внимание присутствующих снова переместилось на человека, лежащего на кровати.

- Вы извините, если я буду нескладно излагать все события последнего времени. Мы университетов не кончали.

- Главное – расскажите всё честно, а там разберемся, - успокоил его Илья Аркадьевич, выравнивая бланк протокола допроса строго по папке, на которой он лежал.

Поначалу он хотел записать разговор на диктофон, но передумал: лучше действовать по старинке, в этом случае подследственный будет более ответственно относиться в даче показаний. Кошечкин проникся к пожилому мужчине сочувствием. Ну, запутался человек, бывает, но отвечать по закону придется.

- Мне стыдно перед женой, перед детьми и внуками, - дрогнувшим голосом сказал Иван Павлович и приложил ладони к вискам, преграждая путь непрошенным слезам. - Всю жизнь я был честным человеком и вдруг... Это случилось еще в марте. Моя бригада занималась прокладкой нового трубопровода. В котловане обнаружили человеческие останки. Пока все ребята стали судить-рядить, я первым спустился в яму, чтобы изучить обстановку. Присел на корточки, смахнул рукой глину с черепа и... увидел какую-то штуковину. Штуковину на цепочке, а цепочка оказалась зажата зубами черепа. Я ловко освободил его, ребята ничего не заметили. Зажал находку в кулаке и вылез из ямы. Сам не знаю, зачем так поступил? Автоматически подхватил, будто не взял чужое, а вернул

свою вещь, случайно выпавшую из кармана. И так мне стало не по себе, что я еле-еле дошел до вагончика. Там немного пришел в себя, выпил лекарство, подумал и решил оставить эту вещицу у себя. А как бы я ее вернул? Вышел бы к ребятам и заявил: Смотрите, что я нашел в котловане! А они бы спросили: Почему сразу не рассказал? В общем, прикарманил я находку... Потом приехали ученые. Я ходил вокруг них кругами, все раздумывал: вернуть - не вернуть? Думаю, сейчас подойду к краю ямы и подброшу её. Постоял, постоял, развернулся и ушел, чтобы соблазна не было. Не мог я расстаться с этой вещью. Не мог и всё! Такое счастье меня охватило, словно я нашел семейную реликвию нашего рода. Знаю, что в моем роду все трудяги, благородных не было, я глянь ты, захотелось мне иметь старинный медальон. На великую ценность он не тянул, но меня его цена не интересовала. Я тайно им любовался, пытался очистить от грязи и плесени. Постоянно думал о нем, представлял, как его носила когда-то милая девушка. Не дама, а девушка. Это они любили медальоны с портретами.

При этих словах Терещенко подобрался и поозирался по сторонам, выискивая девушку с медальоном на груди, чей портрет находился внутри медальона. Она так прочно засела в голове майора, что он с легкостью представил ее. Оставалось протянуть руку...

Кошечкин спиной почувствовал шевеление в немногочисленных массах и осудительно закричал.

- Я что-то не то сказал? – испугался Рудый.

- Нет-нет, все нормально, Иван Павлович, продолжайте, - деловым тоном произнес следователь.

- Так вот... Любовался я им недолго. Однажды проснулся, увидел свою квартиру другими глазами и понял, в каком убожестве мы с женой живем. Конечно, мы не бедствуем, стараемся помочь детям, когда появляется лишняя копейка. На себя тратить не хотим. А в Европе люди после пенсии только жить начинают. Я сам читал в одном журнале. Они путешествуют, познают мир... А мы с Наташей дальше нашего Черного моря нигде не были, и то лет пятнадцать назад, когда Наташа была не так больна.

- Мы много денег тратим на лекарства, они очень дорогие... Но мы не жалуемся, милостыню не просим, последний кусок хлеба не доедаем, - вмешалась супруга, - а то, что не можем себе позволить лишнего, так это ничего... Правда, Ванечка?

- А почему бы не позволить себе лишнего, если очень этого хочется? - возразил ей муж. – Никогда я не мечтал о чем-то несбыточном, а тут размечтался. Привиделся мне домик с садом, а в саду сидит моя Наташа, счастливая и здоровая... Решился я продать медальон, чтобы зажить на старости лет по-человечески. А если не успею купить дом с садиком, у меня в последнее время сердце стало пошаливать, то оставлю вырученные деньги жене. Пусть она сама ими распоряжается. По своему, так сказать, усмотрению.

Женщина громко всхлинула, хотела что-то сказать, но передумала. Погладила мужа по ноге, спрятанной под одеялом, и снова посмотрела на Прилукова. Во взгляде явно читалась гордость, что у нее такой заботливый муж. То, что этот муж присвоил чужую старинную вещь, ее внимание не зацепило. Главное - делал все ради нее!

- Неужели медальон был таким ценным, что вы могли выручить за него большие деньги? Вы же сами сказали, что... - он пробежал глазами ранее записанный текст, чтобы в точности повторить слова подследственного, - что великой ценности медальон не представляет?

- Медальон обладает не художественной, а исторической ценностью. – напряженно выговорил мужчина, явно повторяя чужие слова. – То, что он не из золота, я понял сразу, но коллекционеры могли заплатить неплохие деньги за этот медальон.

- Вы к кому-то из них обращались за консультацией?

- У меня нет таких знакомых. Пораскинув мозгами, я разоткровенничался с моим помощником Сергеем Беленоватым. Он мужик грамотный, с высшим образованием. Пусть не спец в этих делах, а доктор, хоть, и бывший, но человек интеллигентный и

вообще... У него есть знакомые в нужных кругах. Один из них посоветовал обратиться к Герману Клунину. Парень не гнушается никакими заработками, не обманет и много за труд не возьмет. И что главное – умеет держать язык за зубами. Сергей забрал у меня медальон и отправился к Клунину. Не хотел меня вмешивать в это дело. Честно признаться, я испугался: думаю, обманут меня ребята. Продадут медальон, а мне кукиш покажут. И что тогда делать? Жаловаться в полицию, что у меня забрали медальон, который я сам украл у трупа?

- Значит, Герман Клунин вызвался вам помочь?

- Да, он пообещал показать медальон специалисту. Беленоватый предложил отправиться вместе, то Герман заявил, что его знакомый при виде чужого человека и рта не раскроет. И если с самого начала дело строится на недоверии, то он умывает руки. Пришлось нам доверить ему находку. Через несколько дней Сергей встретился с Клуниным. Его знакомый ничего конкретного не сказал, только предположил, что медальон с секретом. И чтобы этот секрет разгадать, нужен более компетентный специалист.

- У медальона было двойное дно? Или что? – сбивчиво поинтересовался Прилуков, не выдержав затянутого повествования.

Терещенко на него цыкнул, но он весь был в ожидании ответа, потому не повернул головы в сторону майора. Майор сам нервничал, но порывы сдерживал.

- У медальона этого форма была странная, - сказал Рудый. - Какие бывают медальоны? Круглые, овальные, еще какие-то... А этот был круглый, а с противоположной от петли с цепочкой стороны перекрестие.

- Может, это своеобразный католический крест? – высказал предположение Терещенко, уставший стоять и молчать.

- Нет! – уверенно заявил Иван Павлович, - на самом окончании перекрестия имелся еле заметный загиб. Мы на него сразу внимания не обратили, уже после его заметил Клунин, перед самым отъездом в столицу к специалисту по таким загадочным вещицам. Мы до последнего раздумывали: отдавать - не отдавать? Я был готов отдать медальон Герману, а Сергей боялся, что тот его возьмет, и поминай как звали. Покумекали мы покумекали, и другого выхода не нашли, согласились на условия Клунина. А условие было такое - он едет в Москву один. Без Сергея. Про меня-то он ничего не знал. Но раз он меня в глаза не видел, то я мог за ним спокойно проследить.

- Подождите! Подождите! – прервал поток откровений Тимофей. – Вы забыли рассказать, что сказал Герман, когда заметил загиб на конце крестообразного выступа?

- Я не сказал? – удивился мужчина, - надо же... Он предположил, что это может быть ключ. Ключ-медальон.

- Ключ-медальон? – повторил за ним, как эхо, Прилуков.

- Ключ, который его владелица носила на шее, чтобы его никто не выкрал и не добрался до шкатулки с ее драгоценностями.

- Внутри медальона находился женский портрет? – спросил Кошечкин, опережая Терещенко.

- Да, был портрет! – подтвердил Рудый. – Портрет очень милой девушки благородного происхождения. Его забрал на время Клунин. Сказал, что он будет храниться у него. Что-то, а портрет едва ли заинтересует специалиста.

- Значит, вы решили проследить за Германом Клуниным? – вернул его на нужные рельсы повествования следователь.

- Да, решил проследить. Мое решение немного успокоило Сергея. Он назвал Германа скользким типом, несмотря на положительные рекомендации и заявил, что ему нельзя доверить зонт в хорошую погоду. Но выхода у нас не было, - повторился Иван Павлович.

- Поначалу всё шло нормально, Герман увивался возле смазливой девицы, которой в пору самой в куклы играть, а она успела сына родить. Напрочь о нем забыла, с красивого мужика глаз не сводила, кокетничала, а мальчишечка-безотцовщина на коленках по полу

автомобиль таскал. Жаль мне его стало... Потом вижу, Герман в лице переменялся и стал на девушку пялиться, что неподалеку от меня сидела. Девушка, как девушка, ничего особенного. Но он молодую мамашу оставил и к этой подсел.

- И что он ей говорил?

- Так Беленоватый все рассказал полицейскому по фамилии Прилуков. С моих слов рассказал. Я не мог так складно все выложить, сильно волновался, вот Сергей и предложил поговорить с полицейским вместо меня. Он же моего голоса никогда не слышал. А мне перед этим позвонил из Москвы брательник и предупредил, что мною интересуются.

- Еще раз повторить сможете, о чем говорили Клуниин и та девушка? – терпеливо попросил Кошечкин, нахмурившись по причине постоянных перешептываний за его спиной. Выставить коллег он не мог: он не учитель в школе, а они не болтливые ученики, сами должны понимать, что присутствуют при допросе, где главным действующим лицом является следователь.

А в это время неугомонный Прилуков бубнил, обращаясь к Терещенко.

- Спиридон Яковлевич, а всё-таки Комовым оказался Сергей Беленоватый, бывший кардиохирург, у которого на операционном столе пациенты либо впадали в кому, либо умирали... Ох, и хитрец был Герман Борисович Клуниин!

Майор не стал напоминать, что данная идея пришла в голову именно ему, а не лейтенанту, пытавшемуся сейчас убедить его в обратном, а именно в своей догадливости и упертости начальства, не принимавшего во внимание чужие соображения...

- В точности повторить не смогу, столько времени прошло и столько событий, но постараюсь... - между тем продолжал несколько успокоенный Иван Рудый, который сначала подумал, что его увезут в КПЗ с больничной койки. Перекладывать вину на своего сообщника и выгораживать себя он не собирался, привык отвечать за свои действия, впервые – за преступные деяния. – Клуниин подсел к девице и попытался познакомиться. Она вздрогнула, когда услышала рядом с собой чужой голос, ненадолго задержала на мужчине взгляд, пытаясь вспомнить, кто перед ней, а когда Клуниин себя назвал, догадалась, что они не знакомы и произнесла свое имя. А потом отвернулась и, как мне кажется, больше не поворачивалась. А он между тем заливался соловьем, что-то плел про сон. Будто бы дело происходило в глубокую старину, он танцевал на балу с очаровательной девушкой, и совсем забыл об этом сне, пока не увидел в зале ожидания Жанну. Она – копия девушки из сна. Потом спросил, не было ли у нее в роду женщин, на которых она похожа, как две капли воды? Жанна ничего не ответила, только неопределенно передернула плечами. Но Герман не отстал, начал рассказывать о прапрадеде, который участвовал в войне с Наполеоном, потом переключился на прадеда, перешедшего на сторону большевиков. Но в конце тридцатых годов был арестован, как враг народа, и расстрелян. Не знаю, прибрехивал он или правду говорил? И зачем ему надо изворачиваться перед нею? Еще назвал ее как-то странно.

- Как? – снова встрял Тимофей.

- Не помню.

- Случайно не девушкой-удачей?

- Может быть... Он что-то трепался о том, что она послана ему судьбой, после встречи с ней его жизнь изменится. Но она не придала его болтовне никакого значения, так многие молодые люди говорят, что запудрить девушкам мозги.

- Вы Жанну хорошо рассмотрели? – спросил Илья Аркадьевич.

С этим же вопросом обратился Терещенко к Прилукову, который разговаривал с ней еще в то время, когда тело Германа не было найдено. Тот утвердительно кивнул.

- И что? – шепотом спросил майор.

- Вы намекаете на то, что она должна быть похожа на дворянку с портрета?

Терещенко не ответил, прожег бывшего стажера убийственным взглядом и заскрипел зубами.

- Я к ней не присматривался, – зашептал, оправдываясь, лейтенант, склонившись к самому уху майора.

- А чего головой киваешь?!

- Вы про Жанну спросили, а я про ту говорю, с портрета...

- Жанну? – переспросил Рудый. – Вроде бы хорошо рассмотрел? А что?

- Она вам никого не напомнила?

Иван взглянул на жену, которая должна была знать: на кого похожа девушка из аэропорта? Не дождавшись подсказки, сказал:

- Я ее впервые увидел в зале ожидания.

- Я не про это... Жанна не напомнила вам девушку с портрета, который находился внутри медальона?

- Вот значит как, – протянул Рудый, – теперь понятно, почему Герман ею заинтересовался. Если Жанна похожа за ту девушку, то через нее можно выйти на сокровища, которые спрятаны в шкатулке, ключ от замка к которой столько лет пролежал в котловане.

- И что интересно, работы по закладке нового трубопровода ведутся по улице, где живет Гоголева, – тихо пробубнил Прилуков.

- Совпадение? – шепотом спросил Терещенко.

- Вряд ли. Домишке-то более ста лет... Допустим, шла дамочка к себе домой и внезапно скончалась на пороге. Время смутное, ее здесь же и похоронили, чтобы не заморачиваться, а нашли останки почти через сто лет.

- Сомневаюсь, что останки принадлежат девице, – тихо парировал майор, одновременно прислушиваясь к разговору следователя с Рудым. Пока ничего нового он не услышал: Кошечкин прилагал усилия, чтобы тот вспомнил девушку с портрета и сравнил его с Жанной. – Ты когда-нибудь слышал, чтобы женщины носили медальоны с вложенными в них собственными изображениями? Лично я не слышал.

- Я тоже. Женщины дарили медальоны с портретами своим возлюбленным.

- Вот именно. Значит, в котловане нашли останки жениха прабабушки Гоголевой.

- Но никто не подтвердил их сходства.

- Дело выеденного яйца не стоит. Надо поехать к Жанне и предъявить ей для опознания женский портрет. Будет лучше, если поеду я.

- Почему?

- Даже если Гоголева ничего о ней не знает, я смогу отыскать общие черты. – он хотел признаться, что столько вечеров провел, любуясь девушкой с портрета, и теперь легко может представить, какой она была в жизни. Уже открыл рот, но произнес совсем другое,

- вот Герман сразу догадался, что между Жанной и той девушкой существует родственная связь. Представляешь, как удача?! Он не знал пока, что у него в руках: ключ или медальон? Подозревал, что ключ, надеялся на это. За старинный медальон больших денег не выручишь. А ключ от тайника – это уже более существенная находка. Он может выйти на этот тайник через Жанну. И Клунин не подумал, что тайник могли давно найти, он был уверен, что не зря в дело вмешалось провидение... А про себя произнес: Девушка-удача Жанна Гоголева.

- Он и раньше надеялся стать миллиардером, а теперь надежда превратилась в уверенность. И так разволновался, что отдал Богу душу, – тихо тараторил рядом Тимофей. – Спиридон Яковлевич, а вы думаете, что Жанна что-то знает о существовании тайника прабабки?

- Сомневаюсь, что знает...

- Что произошло после того, как скончался Клунин? – спросил следователь. Рудого

- Я позвонил Сергею. Он не успел далеко отъехать от аэропорта. Нам нужно было забрать у Германа медальон.
- А вы знали, где он его спрятал?
- Нет, не знали. Шарить по карманам у покойника при всем честном народе мы не могли, поэтому решили выкрасть тело. Я сел за руль автомобиля Беленоватого, его знакомая отвлекала охранника на воротах, а сам Беленоватый взял Германа за талию, перебросил его руку через свою шею и покинул таким образом территорию аэропорта. Со стороны они напоминали подвыпивших мужиков, один из которых еще держится на ногах, а другой уже нет. Мы посадили Клунина на заднее сиденье и уехали. Позже к нам присоединилась знакомая Сергея. Мы поехали к ней на дачу.
- Знакомую зовут Елена?
- Да, Лена, фамилии я не знаю. Тело Клунина держали в погребе. Домик ветхий, а погреб глубокий и холодный. А чтобы тело не разложилось, обкладывали его льдом.
- А медальон нашли?
- Нашли. Он был пришит к внутреннему карману пиджака вместо пуговицы. Пришит за петельку, через которую когда-то была продета цепочка. Со стороны все казалось естественным. Обычная пуговица, пусть несколько великоватая и странной формы.
- К чему были такие сложности с уходом за телом Германа? Не проще было от него избавиться.
- Мы пережидали, когда утихнет шумиха вокруг его поисков. Сергей следил за квартирой матери Клунина. Он мог свободно перемещаться по городу, о его участии никто не догадывался. Когда исчезло наружное наблюдение, и полицейские перестали наносить ей визиты, мы решили – можно!
- И поехали на кладбище, чтобы похоронить Германа в чужой могиле?
- Это я настоял. Не зарывать же его, как собаку в лесу? Теперь собак и тех на специальных кладбищах хоронят, а тут человек. Он нам ничего плохого не сделал. Вывезли мы ночью тело, заметили могилу, обложенную венками и цветами, и решили, что это самое подходящее место. Никто не заметит, что к нему подзахоронили еще одного человека.
- Сердобольные пошли преступники, - не сдержался от высказывания Прилуков.
- Мой муж не преступник! – вступила на его защиту супруга, - каждый может оступиться.
- Что произошло после того, как тело Клунина было предано земле? - спросил следователь.
- Беленоватый сказал, что пока я не могу вернуться домой. Меня подозревают. Надо придумать, как все вывернуть так, чтобы я остался не при чем.
- А он чем занимался?
- Ходил на работу. Пока я был в отпуске, он меня замещал. А однажды вернулся позднехонько и говорит: Иван Павлович, что-то вы выглядите неважно. Наверное, давление подскочило. Давайте, сделаем укольчик. Я отказывался, но он настоял. Сделал мне внутривенный укол, и я отключился. Когда пришел в себя, то ни Сергея, ни Лены уже не было. Смотрю, а он меня наручником приковал к батарее. Я стал звать на помощь. Звал, звал, пока не охрип. Так меня никто и не услышал. Наверное, умер, если бы поселковые мальчишки не решились пошуровать в садовом домике на отшибе. Там неподалеку находится поселок, мы в тамошний магазин за продуктами ходили. А сады в округе почти все заброшенные, земля там плохая, ничего не растет, лучше купить домик с садом в поселке, и цены не высокие, и земля хорошая... Я спрашивал. А мальчишки, увидев меня, сначала испугались и хотели уносить ноги, но я уговорил их вызвать полицию... Так оказался здесь... А Беленоватого нашли?
- Один из ваших работников рассказал, что видел, как он садился в казанский поезд вместе с блондинкой.
- Это Лена... А кто рассказывал?
- Виктор Недошуров. Он на вокзале встречал тещу.

- Что он брешет! У него и тещи никакой нет, он не женат.
- Пока вы на чужой даче отдыхали, он успел жениться и обзавестись тещей.
- Ну, надо же...
- А Сергея Беленоватого не нашли, но это дело времени. Не думаю, что он уехал из города навсегда. Задача с медальоном пока не решена. И я знаю, на кого мы будем его ловить.
- На Жанну или на Лену? – спросил Рудый.
- Вы что-то знаете о Лене?
- Кажется, она работает администратором в гостинице. Но в какой...

Кошечкин дал операм приказ не выпускать из вида Жанну Гоголеву. Беленоватый может объявиться в любую минуту.

Терещенко и Прилуков отправились к ней. Как майор не пытался отделаться от лейтенанта, тот неотступно следовал за ним. И рассуждал о пропавшем Сергее – весьма сообразительном мужчине, который так красочно обрисовал жизнь в загородном доме своей любовницы, выдавая себя за Рудого, что Тимка ему поверил. Дом оказался заброшенной лачугой. А он представлял себе аккуратный домик на берегу пруда, в котором водится крупная рыба. Несмотря на то, что не был фанатичным рыбаком, в тот момент позавидовал рассказчику. Ему захотелось отдохнуть, посидеть с удочкой на берегу и ни о чем не думать. Ни об исчезнувших трупах, ни о медальонах, ни о ключах странной формы, ни о тайниках складами. И чтобы рядом ни души! И никто ему не нужен! Ни Люська, ни Жанна, ни Катя... Никто. Он еще так молод для серьезных отношений. А на несерьезные у него нет времени...

На долгие звонки в дверь никто не отреагировал. Пришлось звонить соседям.

В одной квартире никого не было, дверь другой им открыла старушенция грозного вида. Полицейские предъявили удостоверения. Та смягчилась и пригласила их к себе.

Назвалась Эммой Платоновной Ключант, актрисой драматического театра на пенсии, усадила их на стулья, а сама замерла с бейсбольной битой в руках, перегородив проход. Она выглядела комично, походила на бабу Ягу, сменившую привычную метлу на современное средство передвижения, оно же средство защиты.

Сначала она стала рассуждать на темы морали современных девиц, которые пускают к себе в дом невесть кого. Устав от затяжного обличительного монолога, майор деловито и уважительно поинтересовался, кого конкретно она имеет в виду? Тогда старушенция рассказала о мужчине, который хотел обчистить квартиру богатых соседей, предпочитающих заморский отдых. Хотел, но получил хороший урок от бдительной дамы. В качестве урока использовалась все та же бита, которой упомянутая дама потрясла над головой, с трудом удерживая в высохших руках.

- Прэлэстно! – выдал излюбленное словечко лейтенант и порадовался, что ближе к грозной даме находится майор. При этом Тимка осудительно покачивал головой и не сводил с орудия возмездия настороженного взгляда.

- Если бы все граждане были таким бдительными, то полиции осталась не у дел, - завуалировано похвалил ее действия Терещенко, желая сгладить неловкость от поведения подчиненного.

- Вы и так ничего не делаете! – взвилась старуха. – Вам зарплаты прибавляют, форму вам новую шьют, автомобили покупают, а вы... Бездельники! – скривившись, заявила она и стукнула битой по полу.

«Бездельники» стушевались, переглянулись, не зная, как перевести разговор на мужчину, который получил увечье от рассвирепевшей бабуленции.

- Эмма Платоновна, а с соседями вы в каких отношениях? – решил задать вопрос Спиридон Яковлевич.

- Ни в каких! Они все ворье и хамье!

- Так уж и все?

- Почти. Жанна, моя ближайшая соседка, мне нравилась. До поры до времени.
- А что же такого произошло, что ваше мнение о ней изменилось?
- С бандитом связалась! Стала его привечать, поселила у себя.
- Это не того ли вы мужчину имеете в виду, который покушался на чужое имущество и получил от вас удар битой?
- Того самого! Он уверял, что является родственником Рукавишниковых. Это те, что на моря укатили.
- А это не так?
- Не так! Он хотел подобраться к их квартире, а там немало добра, есть чем поживиться.
- А Жанна, значит, поселила его у себя?
- В тот день, когда я его по лбу треснула, он зашел к ней, видимо она ему помощь оказывала. Ушел он достаточно поздно, уже ночь на дворе была. Ушел и как в воду канул. Думаю, боялся появляться, чтобы еще раз по своей дурной башке не получить!.. Прошло достаточно времени, и что я вижу?!
- Что? – поторопил ее Прилуков, у которого начала раскалываться голова от постоянного крика возбужденной бабули и громкого постукивания битой по полу.
- Жанка этого пришибленного, которого, как оказалось кличут Матвеем, к себе привела. Правда на ночь не оставила, он ночевал в квартире родственников. Рукавишниковых, значит. Она ему поверила, а зря. У него на лице написано – жулик! И что потом случилось, вы себе представить не можете!
- Она его к себе пригласила, - «догадался» Тимка, не желая слушать повтор предыдущей серии о поведении современных девиц.
- Ага, он у нее обосновался, но я не об этом. – здесь нужна была пауза, чтобы слушатели осознали важность момента и прониклись пониманием роли оратора.
- Неужели этот жулик обчистил ее квартиру?! – задохнулся от возмущения Прилуков, - а ведь вы предупреждали! Но разве современная молодежь слушает старших мудрых товарищей?! - Он покосился на старшего мудрого товарища, сидящего рядом с ним. Товарищ хмурился и с трудом сдерживал желание дать представителю современной молодежи увесистый подзатыльник.
- Да, не обчистил он ее, - радостным голосом сообщила Клювгант, будто защита чужого жилища возлагалась на нее, и она с честью выполнила свою тяжелую обязанность. – Этот мужик сотворил кое-что похуже! – округлив глаза, заявила грозная старушка, - он свою любовницу... того...
- Убил? – опешил Терещенко.
- Тьфу на тебя! Жанна жива, слава Богу! – подумала и добавила, - благодаря мне жива осталась!

Эмма Платоновна рассказала, что совершенно случайно увидела, как ранним утром из квартиры Гоголевой выходит Матвей. Но он давно должен быть у себя в Саратове, она сама видела, как дня за два или три до этого они прощались у подъезда и упоминали город на Волге. В руках мужчины была дорожная сумка. Когда он успел вернуться, соседка прозевала. Ну, вернулся и вернулся, что такого. У Эммы мелькнула мысль, что он вовсе не жулик, а нормальный мужик, который полюбил Жанну. А почему бы не полюбить? Не кривая, не косая, квартира у нее хорошая в центре города, машина дорогая... И все бы ничего, но следом за Матвеем из квартиры выпорхнула молодая девица развязной наружности? Почему развязной? На ней были надеты такие облегчающие брюки, будто она была голой. Куда парочка делась, когда вышла из подъезда, Эмма не знает, потому что пока дошла до окна их и след простыл. Жулик! - снова решила она и стала дожидаться появления соседки, которая выходит на работу в одно и то же время и которая могла объяснить, что в ее квартире делала развязная девица. Когда в положенное время Жанна Гоголева не появилась, Эмма Платоновна забеспокоилась и решила постучать в ее дверь. Ей никто не открыл. Клювгант вернулась к себе и прильнула к

окну, желая проверить, на месте ли желтый автомобиль соседки. Автомобиль стоял и ждал хозяйку. Тогда Эмма снова вышла в подъезд и с силой забарабанила по двери Гоголевой. Безрезультатно. Эмма повернула дверную ручку, и дверь распахнулась. Бдительная соседка окликнула Жанну. Не услышав отклика, старушка прошлась по огромной квартире и обнаружила её, лежащей на кровати без чувств. Эмма Платоновна с трудом расслышала биение сердца и вызвала неотложку. Пока машина скорой помощи мчалась по вызову, она не стала медлить и предприняла кое-какие действия. Привела девушку в чувство, при этих словах оба полицейских покосились на битую, и заставила выпить несколько сырых яичных белков. Сама не знает, что заставило ее это проделать, если диагноз не был установлен, а Гоголева не могла объяснить, что у нее болит.

- Но почему всё-таки сырые яичные белки? – удивился Тимофей.

- Это лучшее рвотное средство при отравлениях. Я предположила, что этот злодей Матвей мог ее отравить, чтобы спокойно обчистить квартиру. Еще и бабу с собой привел, сволочь этакая!.. А потом приехали доктора и увезли Жанну в больницу. А я покопалась в ее мобильнике и нашла номер телефона матери. Позвонила ей и обо всем рассказала.

- С Жанной все нормально? – спросил Терещенко.

- Теперь уже все позади. Вчера ее перевели из реанимации в обычную палату. Мне ее мать рассказала. Она вчера заезжала, чтобы меня поблагодарить. Деньги предлагала, но я отказалась. Но цветы взяла и коробку конфет. – Клювгант кивнула в сторону стола, где красовался красивый букет роз и лежала большая коробка конфет. – Угощайтесь, - предложила хозяйка совсем другим голосом – спокойным и приветливым. Визгливые интонации исчезли, гости тоже стали говорить тише, и не остались не услышанными.

- Эмма Платоновна, вы замечательная актриса и великолепный знаток медицины! – похвалил ее на прощание Прилуков.

- А вы никому не расскажите?

- О чем?

- О том, что я никогда не была актрисой, но сорок пять лет, действительно, прослужила в театре. Только костюмером, с улыбкой добавила она.

- Никому! – хором пообещали полицейские, поблагодарили хозяйку и отправились в больницу, где проходила лечение Жанна Гоголева.

Лечащий врач Жанны рассказал, что его пациентка чудом осталась жива и чудом избежала инвалидности. Обычно после отравления раствором сулемы смерть наступает от нефротоксического шока через один – два дня. Но Гоголева принимала яд в малых дозах, пила много кофе, что несколько смягчило действие яда. Естественно, полицейские завели уголовное дело. Отец Жанны поднял всех на ноги. Как оказалось, раствор сулемы находился в воде в кулере, который стоял у нее в кухне.

- А как вы обнаружили наличие в организме раствора сулемы? – поинтересовался Терещенко у доктора.

- Показал обычный анализ мочи.

- А можно нам поговорить с пострадавшей?

- Уже можно, но недолго.

Когда полицейские переступили порог одноместной палаты, то увидели на кровати бледную девушку. Она держала в руках электронную книгу. Чтение ее так увлекло, что она не сразу заметила посетителей. Наконец, повернула голову, посмотрела на мужчин непонимающим взглядом, но затем ее лицо просветлело.

- О! Любитель сольного пения в салоне автомобиля! – улыбнулась Жанна, заметив старого знакомого. – А я хотела вам звонить. Подумала, вдруг история, которая со мной приключилась, как-то связана с тем случаем в аэропорту.

- Жанна Андреевна, разрешите вам представить моего начальника и просто хорошего человека Спиридона Яковлевича Терещенко.

- Жанна, - еще шире улыбнулась она.

Майор непроизвольно растянул губы в подобие улыбки, потом опомнился – он не на светском приеме. Сюда его привело «долгоиграющее» дело Германа Клунина, переплетенное с событиями последних дней.

- Вы извините, что пришлось вас потревожить, - просипел он чужим от волнения голосом.

- Я понимаю.

- У нас к вам несколько вопросов... На первый взгляд они покажутся вам странными...

- Я отвечу на любые ваши вопросы, - пообещала девушка, удивляясь смущению взрослого мужчины.

- Жанна Андреевна, у вас в роду была женщина дворянского происхождения, на которую вы очень похожи?

- Еще скажите, что ваш предок служил в армии Кутузова и воевал против Наполеона, - усмехнулась она, - что-то всех мужчин в последнее время при первой встрече со мной тянет на воспоминания о чем-то далеком.

Спиридон достал из портмоне портрет девушки и протянул его Гоголевой.

- Откуда он у вас? – возмущенным голосом спросила она, - кто дал вам право копаться в моих вещах?!

- Этот портрет мы обнаружили в альбоме Германа Клунина.

- Но каким образом он туда попал? – удивилась Жанна.

- Сначала вы мне всё расскажите, а потом я, - поторговался майор.

- У меня тоже хранится портрет моей прабабушки, – девушка повертела в руках изображение родственницы, - сейчас я понимаю, что портреты разные. Тот, что принадлежит мне, форматом побольше, а я сначала подумала... Вы уж извините, что набросилась на вас..

- Это ваша прабабушка?

- Да, моя прабабушка Лидия Эдуардовна Мурзаева-Тихвинская.

- Вы с ней очень похожи! – с чувством произнес Прилуков, удивляясь, что не заметил ранее этого сходства.

- Неужели? Ее все считали первой красавицей, а я... а у меня самая обычная внешность.

Терещенко понял, что девушка не напрашивается на комплимент, она, действительно, считает себя обычной.

- Дом, в котором находится моя квартира, до революции полностью принадлежал Тихвинским. Так утверждает моя мама, но документальных подтверждений тому нет. Ей рассказал об этом ее отец и так далее по цепочке. После революции старшие Тихвинские эмигрировали во Францию, а их дочь Лидия осталась в России. Она вышла замуж за высокопоставленного военного, так сказать из бывших, который отказался от своего дворянского происхождения и перешел на сторону красных. У них в браке родился сын, потом дочь. Вскоре после вторых родов Лидия скончалась от какого-то вирусного заболевания. От предков мне по наследству досталась только фотография Лидии Мурзаевой, в девичестве Тихвинской, и нательный крестик... Мне больше нечего добавить. Теперь ваша очередь, Спиридон Яковлевич...

- Ничего себе, - протянула девушка, выслушав историю обнаружения человеческих останков неподалеку от ее дома. – И кто это мог быть?

- Следователь Кошечкин узнал у специалистов, что останки принадлежат молодому мужчине.

- Я слышала, что возможно установить пол и возраст человека по останкам, которым много лет, но как-то сомневалась.

Про то, что она сомневается и сейчас, Жанна умолчала.

- Говорят, что возраст определяют по зубам, а пол – по точкам на черепе, - с умным видом заметил Прилуков.

Ранее он этого не знал и своевременно обратился за советом к всезнающему профессору Чапле, чтобы теперь блеснуть знаниями. Владлен Борисович обстоятельно ему рассказал обо всех тонкостях исследований во время очередной пробежки по парку в обществе новой пассии, которая была моложе предыдущей. Успел между делом похвалить Тимофея за выдержку и умение выслушать собеседника до конца. Тот хотел раскрыть правду и поделиться секретом, что ведет себя сдержанно только в его присутствии, желая услышать добрые слова хотя бы от одного авторитетного человека. Другой неоспоримый авторитет – майор Терещенко – постоянно его третирует и выказывает недовольство не только взглядом своих «живых» глаз, которые говорят лучше всяких слов, но и прямо обещает «выгнать его из отдела к чертовой матери». Особенно ему досталось после допроса Рудого в больнице. Лучше об этом не вспоминать. И что обидно больше всего? Что сам Терещенко тоже не мог сдерживать эмоций, а виноват он, Тимофей... Но все равно Спиридон Яковлевич – классный мужик. Как-то Тимка случайно услышал, как Кошечкин возмущался поведением бывшего стажера, а майор стал спорить и заявил: у Прилукова один недостаток – молодость, но с годами это пройдет...

- Надо же, - продолжала удивляться девушка и вдруг опомнилась, - а что же вы стоите, присаживайтесь. Вот один стул у кровати, а у окна еще один. Терещенко, естественно, пристроился у кровати, а Прилуков подцепил другой стул и так же пристроился поближе к Гоголевой.

- Жанна, мы бы хотели услышать, что с вами произошло? Кое-что нам рассказала ваша соседка – Эмма Платоновна Ключант, что-то добавил лечащий врач. Вы уж извините соседку за болтливость, но мы осведомлены о появлении в доме некоего Матвея Еременко, который якобы приехал к своим временно отсутствующим родственникам. И знаем о последующих за его появлением событиях.

- Он не к ним приехал, а в командировку, а родным хотел навести визит. Их не оказалось дома, он позвонил соседке. Эмма Платоновна у нас женщина взрывная и своеобразно отреагировала на его желание узнать, когда вернуться Рукавишниковы. И тут я вернулась с работы, пригласила мужчину к себе, чтобы обработать рану. Вы не думайте, моя соседка добрый и отзывчивый человек, только немного неуравновешенный. От своей ненужности, наверное. И от одиночества. Любой другой на ее месте волком взвоят, а она... иногда скандалит, чтобы напомнить о своем существовании, или следит за всеми жильцами, чтобы придать своей однообразной жизни некий смысл. Раз ее это развлекает, то пусть скандалит и подсматривает. Надо признать, что ее любопытство спасло мне жизнь. Если бы она не решилась ко мне зайти в тот день, то сейчас бы я с вами не разговаривала. Ладно, не будем вспоминать плохое, - отмахнулась девушка.

- Не будем, но надо, - изрек Прилуков.

- А вы считаете, что... что Матвей может быть причастен к моему отравлению?

- Но раз он не появился в указанный день, то это говорит о многом, - ускользнул от прямого ответа Терещенко и остановил упреждающим взглядом своего помощника, который вел себя по обыкновению прямолинейно. Видимо брал пример с начальника. С того начальника, который заново переродился и перестал быть бессердечным роботом. Разница состояла в умении думать, прежде чем говорить. Пока подобная черта в лейтенанте не прижилась.

- Вы и об этом уже знаете? – недовольным тоном спросила Жанна, опустила голову и надавила двумя пальцами на переносицу.

- Мы связались со следователем, который ведет ваше дело. – оправдался майор.

- Ну, тогда мне добавить нечего.

- Но все же расскажите еще раз и с самого начала.

Как бы Гоголевой не хотелось очередной раз возвращаться, но пришлось...

- Понятно, - протянул майор, дослушав до конца. Он вытащил из портфеля фотографию Сергея Беленоватого и показал ей. – Вам знаком этот человек?

- Это Матвей, - уверенно ответила она, - только на фотографии он шатен с проседью, а в жизни блондин.

- А как выглядела девушка-администратор в гостинице «Ростовчанка»?

- Об этом вам лучше спросить мою подругу Раису Ракову. Это она заходила в гостиницу и расспрашивала о Матвее, я оставалась в машине.

- А вы могли бы ей позвонить, чтобы не откладывать дело в долгий ящик.

- Могу, конечно.

Жанна позвонила Раисе, сказала несколько слов и передала трубку майору.

- Симпатичная блондинка. Миниатюрная, приветливая... Так сказать, без особых примет.

- задумчиво повторил Терещенко, возвращая девушке мобильный телефон.

- А почему вы ею заинтересовались?

- Сообщница преступника, который похитил тело Клунина, работает администратором в одной из гостиниц города. Мы в общих чертах знаем, как она выглядит, и знаем только ее имя – Елена. А ваша подруга сказала, что у администратора в «Ростовчанке» на бейджике было написано – Елена Протасова.

- В телефонном разговоре со мной Беленоватый просчитался, когда назвал девушку настоящим именем, - высказался Прилуков, - мог придумать что-то более оригинальное.

- Лен в Ростове, как рыбы в Дону, - констатировал Терещенко и обратился к Жанне, - не будем вам больше мешать, спасибо за помощь, до свидания. - И вытолкнул из палаты Тимофея.

Когда оперативники оказались в коридоре, майор заявил.

- Значит так, милый друг, позвони в гостиницу и спроси: когда работает Протасова? Я в это время узнаю, где она живет. Лена-администратор наша последняя надежда.

- Спиридон Яковлевич, вы не подумали, что это может быть другая Леночка? Сами же нашли подходящее сравнение...

- Не зря Беленоватый поселился в этой гостинице. Паспорт у него был на свою фамилию, а не на фамилию Еременко. Почти уверен, что он не успел обзавестись «липой», а настоящий Еременко паспорт не терял. Каким-то образом Беленоватый зарегистрировался в «Ростовчанке» под чужой фамилией?

- Ясно, без помощи сообщницы дело не обошлось.

- Причем слишком уж вовремя он покинул гостиницу. Только-только подруга Жанны вышла, переговорив с администратором, как Сергей, он же Матвей, нарисовался на улице. Рассчитывал на то, что с ним вступят в разговор.

- Но почему он не предпринял никаких действий раньше? После первого знакомства мог прийти к Гоголевой еще раз. Или пригласить ее на прогулку.

- Жаль, что ты не догадался, что за человек Жанна. А надо бы... Хороший оперативник должен быть чуть-чуть психологом. Гоголева – человек замкнутый, живет в своем мире и боится пустить в него посторонних. Исключение - если посторонний ее не заинтересовал до такой степени, что она пренебрегает своими принципами. Но этот посторонний не должен быть излишне инициативным, навязчивым. Она шарахается от таких, как от прокаженных. По всей видимости, у Беленоватого было время, чтобы раскусить ее. Он сделал первый шаг и затаился в ожидании ее выхода.

- Не пойму, откуда он узнал о существовании Матвея Еременко? Тот живет в Саратове, а он в Ростове. Вычислил через Рукавишниковых, соседей Жанны? Тогда получается, что они его подельники?

- Сейчас ты всех жителей нашего города и города Саратова зачислишь в соучастники преступления. А что касается ответов на немалое количество вопросов, заданных тобой, то надеюсь, на них ответит Леночка - подруга Беленоватого. Она же поможет нам отыскать Беленоватого.

- Если они оба еще не смылись из нашего города.

- Пока они не найдут ту замочную скважину, к которой подойдет ключ-медальон, они не уедут.

- А вы думаете, что они еще не нашли?

- Думаю, нет. И подтверждением этому будет наличие дома или на работе Елены Протасовой. Зачем ей таиться?! Про нее никто не знает, кроме Ивана Рудого, который, по их мнению, уже отдал Богу душу в заброшенном садовом домике. Если она не признается, то проведем очную ставку с охранником Марченко. Ее впечатляющая внешность намертво засела в его памяти...

Очную ставку с Анатолием Марченко проводить не пришлось.

Когда оперативники нагрянули домой к Елене Протасовой, она спокойно собиралась на работу. Сначала сделала удивленное лицо, а когда полицейские в красках обрисовали ее будущую жизнь в местах не столь отдаленных, она сникла, долго рыдала и проклинала Беленоватого.

Протасова видела Сергея последний раз в ту ночь, когда они обыскивали квартиру Жанны Гоголевой, находящейся в полуобморочном состоянии. С тех пор он не объявлялся.

Это Лена позвонила ему в номер, когда незнакомая девушка пришла в гостиницу и стала им интересоваться. То, на что они надеялись, наконец, стало сбываться. После предупредительного звонка Сергей выглянул в окно и увидел автомобиль Жанны. Быстро схватил дорожную сумку и покинул «Ростовчанку».

Все прошло так, как он и рассчитывал. Из соседней квартиры он переехал в квартиру Гоголевой, несколько дней изображал влюбленного мужчину, потом «вернулся» в Саратов, оставив на память раствор сулемы в кулере с водой.

- Я категорически возражала, но Сергей сказал, что у нас нет выхода, - прогундосила зареванная Протасова, спихивая вину с себя на подельника. - Он совсем умом тронулся, все мечтал, как мы отыщем тайник и разбогатеем. И страшно злился, что время идет, а результатов нет.

- А почему он решил, что у него в руках ключ, а не обычный медальон?

- Клунину об этом намекнул один коллекционер. Он только предположил, но Сергею и этого хватило. А когда Рудый ему рассказал об интересе Германа к девушке в аэропорту, он все про нее узнал, а когда увидел ее своими глазами, то сказал, что удача нас не покинула.

- А Беленоватый не подумал, что тайник могли давно обнаружить? Столько лет прошло.

- Я тоже сказала об этом Сергею, но он стоял на своем – если ключ у него, то и тайник не опустошен. Я же говорю – он стал сам не свой, когда Рудый ему рассказал о находке рядом с человеческими останками, которую он присвоил, а потом не знал, что с ней делать. Сначала-то подумали, что это старинный медальон, который можно выгодно продать коллекционеру. Потому и обратились к Клунину, у которого везде свои люди. А потом так все закрутилось!.. А вы меня арестуете?

- Вы думали, что можно участвовать в похищении тела, покушаться на жизнь своего сообщника, который мог вас выдать, покушаться на жизнь Жанны Гоголевой и остаться безнаказанной?

- Сережа сказал, что ей ничего не грозит, просто будет лучше спать по ночам, чтобы мы спокойно могли обыскивать квартиру. Он сделал слепок с ее ключей и заказал дубликат... А то, что ей стало плохо и ее увезли по скорой, в наши планы не входило. Не обязательно, что квартира осталась бы пустой, в ней мог поселиться кто угодно. Для охраны. Тогда мы не смогли продолжить поиски.

- А откуда вы знаете, что Гоголеву увезли по скорой?

- Мне об этом рассказал Беленоватый. Он мне позвонил и настойчиво порекомендовал забыть о его существовании и обо всём, что произошло за последние месяцы. Он меня не

знает, я его не знаю... - девушка снова расплакалась. – А ведь он... ведь он так меня люби-и-ил, - взвыла она, еще порыдала, затем долго всхлипывала, и добавила с неприязнью в голосе. – Пьяница несчастный! Если бы не я, он давно спился и сдох под забором!

- Надо было думать, прежде чем вступать в преступный сговор, - осудительно произнес Прилуков. – Уговорили бы мужчин вернуть найденный медальон, и все было осталось по-прежнему.

- А я не уговаривала?! – без особой уверенности проблеяла Лена, - еще как уговаривала, но им обоим захотелось красивой жизни. Сережа уверял, что за столькие годы терпение ему Бог помогает.

- Бог в преступных делишках не помощник, - заметил Тимофей.

- Наверное... Но Сергей часто вспоминал то время, когда остался без работы, без семьи. Туго ему пришлось. Временно поселился у приятеля, после познакомился со мной. Долго не мог найти себя, все думал, думал. Куда не сунется, ему отказывают. Однажды проснулся и решил устроиться на любую работу, лишь бы не сидеть на моей шее. Случай привел его в «Водоканал». Естественно там удивились его желанию, но рабочие руки им были нужны, тем более люди с высшим образованием, пусть и не специальным. Так Сергей стал помощником бригадира... Обещали в скором будущем повысить, - усмехнулась она.

- А как ему удалось превратиться в Матвея Еременко? – спросил Терещенко.

- Случай помог.... В один из дней он по обыкновению следил за Гоголевой. Сидел в машине неподалеку от ее подъезда. И вдруг из подъезда выходит его бывший коллега Виталий Рукавишников. Они коллегами были недолго, он быстро ушел из профессии и занялся бизнесом. Мужчина раздобыл, полусел, но все же был узнаваем. Сережка вышел из автомобиля, оба были рады встрече. Поговорили, вспомнили былое, а потом началось самое интересное. Во дворе появилась женщина. Заметив Сергея, она расплылась в улыбке, назвала его Матвеем и полезла с объятиями. Супруг попытался урезонить её, объяснил, что это Сергей Беленоватый, они вместе работали когда-то. Она смутилась и сказала, что Сергей очень похож на ее родственника Матвея Еременко, прямо одно лицо. Только родственник натуральный блондин, а Сережа шатен, и, как выяснилось, тот на пять лет моложе. Рукавишников засомневался в сходстве мужчин, но не стал спорить с женой, себе дороже. Факт сходства с неким Еременко из Саратова Беленоватого заинтересовал. Он задал пару наводящих вопросов, так, из праздного любопытства, и заодно спросил, в какой квартире проживают Рукавишниковы. Вопрос пришелся кстати, так как Виталий настойчиво приглашал бывшего коллегу в гости. Оказалось, что Рукавишниковы живут по соседству с Гоголевой... Остальные сведения о Матвее Еременко Сережа пополнил уже в самом Саратове, куда мы с ним вместе ездили.

- На поезде? – уточнил майор.

- Да, на поезде, - подтвердила Лена и назвала число. – Вам, наверное, Недошкуров доложил. Сережка заметил его на вокзале, но мы постарались не попадаться ему на глаза.

- А он вас все же увидел. И выполнил свой гражданский долг! - с важным видом заметил Прилуков.

Терещенко спрятал улыбку: бывший стажер так старательно прибавлял себе возраст, что выглядел смешным. Он напомнил майору честного пионера, попавшего на партийное собрание и пожелавшего поддержать оступившегося человека, который еще недавно совершил благородный поступок.

- И после возвращения из Саратова Беленоватый превратился в Еременко, - досказал за девушку Спиридон Яковлевич. – А он не побоялся проверки?

- Так я же говорю, Сережке сопутствовала удача. Соседи Жанны уехали в отпуск, а Матвей Еременко приехал по делам в Ростов.

- Таких совпадений не бывает, - насупился лейтенант. – Не может человек постоянно оказываться в нужное время в нужном месте!

- Как оказалось – бывает! Сережка везунчик по жизни. Бывают черные полосы в жизни, но они быстро проходят, не оставляя следа.

- Теперь оставят глубокий след, - пообещал Тимофей.

Лена самоуверенно хмыкнула, словно не сидела перед двумя полицейскими и не рассказывала о своих преступных деяниях.

Неужели она думает, что Беленоватый избежит наказания и поможет ей в этом? – подумал Спиридон. – А знает ли она, что бывший кардиолог подставил под статью собственную жену? Или решила, что с ней он так не поступит? А кто ты ему, девочка? Тихая пристань перед очередным подъемом наверх.

- Вы, гражданка, Протасова, не хмыкайте, а рассказывайте, что было дальше?! - возмутился лейтенант и покосился на примолкшего майора, мысленно вопрошая его: Все ли я правильно сказал? Судя по сведенным бровям, не все!

- А что было дальше? Нам оставалось только изменить Сергею цвет волос, что я и сделала. Паспорт на имя Еременко ему был не нужен, я без проблем устроила его в свою гостиницу под липовой фамилией. Сережа засветился в доме Гоголевой, и мы стали ждать развития событий.

- Откуда такая самоуверенность, что Жанна им заинтересуется? – искусно пряча ревнивые нотки, спросил Терещенко. – И почему вы решили, что она не потребует показать паспорт?

- Беленоватый всё про нее узнал. Молодая женщина находилась на грани отчаяния. Преобразилась, приукрасилась, а рыба на новую наживку не клюет. А если кто и клюёт, то неподходящие по всем статьям кандидатуры: страшненькие, убогенькие. Или лысые старикашки... Вас я не имела в виду, спохватилась Лена, обращаясь к Спиридону Яковлевичу, - вы еще молоды и лысина вам очень идет.

- Оставим меня, вернемся к Беленоватому.

- Что бы женщина ни говорила о красоте мужской души, она все равно в первую очередь обращает внимание на внешность мужчины, а уж потом познает его внутренний мир. И как говорил великий Пушкин: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей». Учитывая неотразимую внешность Сергея и его безмерное обаяние, а также тонкие психологические уловки в общении с противоположным полом, которыми он обладал, мы были уверены, что Жанна сначала задумается, потом будет ждать возвращения мужчины, которым заняты все ее мысли, потом нервничать, страдать, а после начнет действовать. В тот момент ей будет не до проверки документов, тут бы мужчину возле себя удержать.

- А если бы Жанна не начала действовать? – сквозь зубы поинтересовался Терещенко.

- Тогда бы на сцене вновь появился объект ее обожания. Процесс обольщения занялся бы больше времени, но исход был бы один и тот же.

- А вы не ревновали?

- Я Сережку всегда ревную.

- Он по натуре бабник?

- Еще какой, - вздохнула девушка. Глаза ее затуманились, видимо вспомнила особые случаи из жизни донжуана Беленоватого. – Я его даже к автомобилю ревную.

- Кстати, а Сергей уехал на автомобиле? – безразличным голосом спросил майор, желая поймать Елену на противоречии.

- Я думала, что на автомобиле, а потом случайно заглянула в гараж, а автомобиль на месте. Зачем Сережке лишняя обуза, по которой его легко найти?

А девушка не глупа, - подумал Спиридон, - еще неизвестно, кто был мозгом операции – она или ее сожитель? В любом случае она пока останется на свободе. Приставим к ней человечка, вдруг объявится Беленоватый.

- Елена, вы сейчас поедете с нами к следователю Кошечкину и всё ему расскажите, - вслух заявил он.
- Меня арестуют? – вновь поинтересовалась она.
- Не мне решать, но думаю, пока все ограничится подпиской о невыезде. Вы же согласились сотрудничать со следствием...

Прошло десять дней.

Беленоватый не объявлялся.

Жанну Гоголеву выписали из больницы. Возле нее постоянно находились мать и преданный Геннадий Ветров.

Терещенко не выдержал и нагрязнул к ней без предупреждения. Так мечтал увидеть Жанну, что когда она предстала перед ним, он растерялся. Еще в прихожей начал бубнить извинения, то и дело перекидывая портфель из одной руки в другую, начинал что-то говорить, потом перескакивал на другое, в общем, растратил в один момент все козыри, которые могли ему помочь заинтересовать девушку.

Ей надоела неопределенность. Она прямо спросила:

- Вы по делу или так? В смысле поведать?
- Я по делу и в смысле поведать, - окончательно запутался Спиридон.
- Надеюсь, чай или кофе делу не помеха? – улыбнулась Жанна.

Так божественно улыбаться может только она, - подумал Терещенко и двинулся за ней в сторону столовой.

Мужчина сел на стул и пристроил на коленях портфель.

- Вам он не мешает? – спросила Гоголева, кивнув на важное приобретение прошедшего лета.
- Ничего, все нормально, - промямлил Спиридон. Опомнился, лязгнув замком портфеля и стал в нем копать.

Значит, пришел по делу, - мысленно опечалилась девушка и занялась приготовлением кофе, украдкой поглядывая на мужчину.

Тот явно давно нашел то, что искал, но почему-то тянул время.

- Я кое-что принес, - наконец, произнес он и покраснел, будто сделал что-то непристойное в приличном обществе, и теперь ожидал изгнания. Пунцовым были лицо, лысина, даже шея, выглядывающая из выглаженного ворота сорочки. лысину покраснело. Вздыхнул и решительно бухнул на обеденный стол коробку конфет.
- Обожаю трюфеля, - поблагодарила его девушка, сразу приступив к распечатыванию коробки с любимыми конфетами.

Она стояла так близко от гостя, что у него от волнения вспотели ладони. Он с трудом сдерживал себя, чтобы не дотронуться до нее. Наверное, так бы и поступил, если бы ладони не были потными.

- М-м-м, как вкусно, - промычала Жанна, отправляя в рот конфетку.

Она положила колено на стул и водила туда-сюда белоснежной ступней. Голая пятка заняла всё внимание майора. Он походил на кота, перед физиономией которого водят блестящим фантиком, перетянутым ниткой. Не хватало еще протянуть руку и поскрести коротко остриженными ногтями по розовой пяточке. Ах, если бы не потные ладони...

Жанку забавляла игра. Она чувствовала свое превосходство над сильным мужественным полицейским, который в ее присутствии растерял свои качества.

Еще там, в больнице, девушка почувствовала, что произвела неизгладимое впечатление на серьезного мужчину, который старательно делал вид, будто полностью погружен в расследование. Поняла по глазам, по голосу, прощальному взгляду и сдерживаемому желанию что-то сказать напоследок.

Но окончательно подкупило ее не это. А одиночество и тоска в глазах, отступавшая лишь в то мгновение, когда он смотрел на нее.

Несмотря на наличие родителей, Раисы Раковой, преданного Генки, Жанна была тоже одинока.

Один раз она сошла с ума от болезненной привязанности к Науму, который с самого начала их знакомства был чрезмерно инициативен и напорист, не дал ей опомниться и повел под венец. После чего Жанна стала домашней собачкой, которую можно приласкать, а можно не обращать внимания. Другой раз сама проявила инициативу, и ничего хорошего из этого не вышло: едва не отправилась к праотцам. Она не отдавала отчета своим поступкам, как утопающий схватилась за спасительную соломинку, не задумываясь о последствиях. Матвей... или как там его... загипнотизировал ее. Он внушил ей: ты найдешь свое счастье только со мной. Мир сузился до одного человека.

Оба раза в голове происходил взрыв. Девушка с трудом осознавала реальность, на ходу сочиняя бесконечную сказку.

Любовь – это не взрыв, – неожиданно догадалась Жанна. – Хотя, многие считают, именно, так. Но когда «сносит башню» невозможно оценить ни собственные действия, ни отношение к тебе мужчины. А если он тебя обманывает? Ты не можешь разобраться, действуешь наобум, не прислушиваешься к мнению людей, способных угадать истинные намерения мужчины. Ты влюблена, ты ослеплена, ты превратилась в другую женщину, с которой ранее не была знакома, не знала, что она сидит внутри и ждет. Ждет, когда рядом появится беспрерывно болтающий Наум Рысс, не дающий возможности опомниться, или сдержанный в эмоциях и необыкновенно обаятельный Сергей Беленоватый, действующий на нее, как волшебная дудочка Нильса на крыс: она пойдет за ним куда угодно, не разбирая дороги. Один обаял буйной фантазией, которая оказалась глупой болтовней, другой – безразличием, за которым должна затаиться неземная любовь, по ее мнению. А затаилась злоба и желание медленно ее убить. Он ходил мимо нее по ее квартире и не обращал внимания на ее мучения. На это способен не каждый убийца. А она думала, что во второй раз будет умнее... Полная идиотка. Правильно про нее говорил Наум... Жаль человека, ушел из жизни совсем молодым. Конечно, во всем виноват он сам: не надо было садиться за руль в пьяном виде... За все в этой жизни надо платить... И хватит пережевывать прошлое!

Терещенко смаковал кофе и старался не смотреть в сторону хозяйки.

Ну, до чего же он симпатичный, – мысленно возрадовалась Жанна. – Я хочу быть рядом с ним. Просто рядом. И не будет унижением желание угодить ему. Я тоже личность, а не раба или домашнее животное. Я не буду постоянно думать, что он обо мне подумает? Как мне правильно отреагировать на его слова? Что сделать, чтобы его интерес не угас? И как разжечь этот интерес еще сильнее? Я устала от самоконтроля. Захочу что-то сделать для него, сделаю! И не потому, что хочу показать какая я хозяйка, какая любовница, какая умница-разумница, а просто хочу ЭТО сделать, чтобы ему было приятно, чтобы он перестал чувствовать себя одиноким. Мне не «сносло башню», я понимаю, чего я хочу, легко догадаюсь, чего хочет он. Я медленно постигаю свое чувство, которое пока не имеет названия, и меня подобное состояние устраивает... Всё очень просто. Просто... На сегодня в этом слове сосредоточились все мои желания.

Терещенко стусевался под пристальным взглядом карих глаз. Попытался завести разговор, но не мог найти подходящей темы.

- Спиридон Яковлевич, вы были женаты? – задала Гоголева неожиданный вопрос, которого меньше всего ждал мужчина.

- Нет, не был, – сразу ответил он, чтобы у нее не было повода усомниться.

- А я...

- Я все знаю, – перебил он Жанну, догадываясь, что воспоминания её расстроят.

- Теперь, – с ударением произнесла она, – я могу спокойно об этом говорить, как человек, который выздоровел после тяжелого заболевания... Странно, но встречи с мужчинами,

которые... которые меня заинтересовали заканчивались практически одинаково: после первого раза я получила душевную травму, после второго – физическую.

- Бог любит троицу, глядишь, в следующий раз повезет, - ляпнул майор, вновь почувствовав себя болтуном Прилуковым.

- Не знаю, стоит ли пробовать, может быть, я невезучая, - осторожно заметила девушка, сосредоточившись на чашке в крепких мужских руках.

Еще немного и он ее раздавит, - подумала она, - волнуется. И чего это он так разволновался?.. Все-таки Спиридон не такой, как все. Рядом с ним чувствуешь себя защищенной женщиной, которая имеет с мужчиной равные права. Или большие права, чем он, потому что во многих вопросах женщина ориентируется лучше него... Тоже мне нашлась ориентировщица на запутанном жизненном пространстве! Кто бы говорил... Пару раз уже ступила в навоз и решила, что сильно поумнела, и следующего раза не будет. Будет, но теперь я наступлю на миллион алых роз, брошенных к моим ногам. И почему бы нет?! Майор Терещенко может бросить хоть розы, хоть ромашки, мне без разницы. Если ему намекнуть. Сам он вряд ли догадается. Я буду его ориентиром, а он моей защитной стеной. Пару раз намекну, а так он парень сообразительный, то очень быстро освоит учение об уходе за девушкой, которая не мечтает о дорогих подарках, а хочет лишь одного – внимания!

- Если не проверить, то не поймешь, везучая или невезучая? – предложил или предположил Спиридон Яковлевич.

- Вы так считаете? – задумалась Жанна. – Я недавно познакомилась с одним мужчиной...

Еще не дослушав продолжения, гость неопределенно пожал плечами в ответ на ее вопрос, и замер, когда ему ударила по голове фраза о новом знакомстве.

Ничего не понимаю: то ли Терещенко выдвигает свою кандидатуру для проведения эксперимента, то ли просто рассуждает вслух? - с недовольством подумала она.

Терещенко, ты кретин! – мысленно обругал себя он, - чего ты сидишь и мямлишь, как недоразвитое существо?! Ты трус! Ты боишься признаться в своих чувствах. И твоя трусость может дорого тебе стоить. У нее есть на примете следующая кандидатура! Естественно, такая девушка не останется без мужского внимания... Я видел, как Ветров на нее смотрел. И сейчас уже несколько раз заглянул в столовую и одарил меня таким взглядом, что другой на моем месте отклонялся и ушел, а не сидел с чашкой в руках и нес непонятную чушь не по существу. А по существу надо бы прямо сказать о... Или намекнуть... Уф, как жарко. Или жарко только мне? На плечи Жанны наброшена теплая кофта, а я весь вспотел. И ладони... - он незаметно провел влажными ладонями по отутюженным брюкам. – Она намекнула на новое знакомство, следовательно, это не Ветров. – «включил» мыслительный процесс Спиридон, заставляя себя расслабиться. – Тогда кто? И когда она успела?! - он хлебал кофейную жижу и не морщился. – А если я сейчас наберусь наглости и всё же признаюсь? Начну издалека, с портрета... А она скажет, да вы, дорогой товарищ, сбрендили! Как это можно влюбиться в портретный образ, а затем перенести любовь на одушевленный предмет, который на него похож. Так кого вы любите, мою прабабку или меня? И что это за любовь-следствие... Нет, неправда, это не любовь-следствие. Та девушка с портрета, поразила меня своей необыкновенностью. Немаловажное значение сыграло то, что она жила в прошлом. Как ни странно это звучит. Она разбудила чувство в моем сердце и оставила спокойным: я не расстанусь со своей холостяцкой жизнью. Мне так комфортно, меня все устраивает. И будто бы не одинок, и нет никакой ответственности за другого человека, которому нужны твои объяснения, твое постоянное заверение в преданности... Интересно, а Жанне нужны признания? Нужны, как и всем женщинам. И каким бы острым умом она не блистала, ей захочется услышать слова любви... А почему я страшусь этих слов? Да, потому, что

никогда и никому их не говорил! А зачем пришел? Чтобы кофе попить? А в следующий раз заявишься, а здесь дети бегают. Заметь, чужие дети, не твои и её.

- Жанна...

- Спиридон...

- Вы что-то хотели мне сказать?

- Нет, это вы что-то хотели сказать.

- Да, я хотел сказать... Следствие еще идет, преступник пока не найден, но вы не волнуйтесь, вам ничего не грозит, вы...

- Я ничего не боюсь! - пресекла ненужные откровения девушка, рассчитывающая на нечто иное.

- Тогда я пойду? - торопливо произнес майор, не забыв добавить вопросительные нотки.

- Идите, - брякнула Жанна и едва не расплакалась от отчаяния, от обиды, от своей нерешительности, от его трусости. Ну, не это он хотел сказать! Не это! А почему не сказал?.. Или я ошиблась? Приняла желаемое за действительное?..

- Я пошел, - задумчиво сказал Терещенко, продолжая сидеть на стуле. Ко всему он взял и облокотился на спинку стула и схватился за чашку с кофейными разводами, будто она была якорем, который не выпускал его из этой тихой гавани.

- Что, решили напоследок погадать на кофейной гуще, - грустно усмехнулась она.

- Нет, я и так про себя все знаю.

- Неужели? – вскинула четко очерченные брови Жанна, а мужчина подумал: какая же она красавица! И еще некоторые личности посмели утверждать, будто она невзрачная.

- Да, я знаю, что сейчас уйду отсюда и моя жизнь, которая и без того была в сущности черно-белой, потеряет последние краски.

- Это почему же? – хитро прищурилась Гоголева, как девочка-подросток, желающая получить признание в любви от своего ровесника, который болен аутизмом, в чье замкнутое пространство она смогла проникнуть.

- Потому что... - начал Спиридон и осекся.

- Убедительный ответ.

- Потому что я впервые... меня впервые заинтересовала девушка и боюсь в этом признаться. Боюсь, что она рассмеется мне в лицо... Или удивится, что такой человек, как я, посмел не только влюбиться в нее, но еще и заявить об этом вслух... Кто я и кто она? Она Эсмеральда, а я Квазимодо. И если я сейчас уйду, то больше сюда не приду. Не найду в себе силы...

- Это пространное высказывание можно расценивать, как признание?

- Все-таки мне нужно было придти в другой раз. Найти силы и прийти.

- Когда? Когда снег выпадет? Вас не устраивает ранняя осень?

- Не в этом дело! Преступник, который покушался на вашу жизнь, еще на свободе...

- А-а-а, вы хотели принести мне его шкуру и бросить к моим ногам, - протянула Жанна. Она представила, как окровавленный Терещенко врывается к ней в дом и бросает к ногам нечто, похожее на сдутую резиновую куклу, отдаленно напоминающую обольстителя Беленоватого. В довершении Спиридон ставит на куклу ногу, как это делают охотники, позируя перед объективом после удачной охоты. Нарисованная картинка ее рассмешила.

- Вот, видите, я был прав! Вам смешно, - заявил Терещенко с таким видом, словно выиграл в споре крупную сумму денег. Избавился от чашки, прихватил портфель и собрался уходить.

- Стойте! Просто так вы от меня не отделаетесь!

- Я и не собирался, - сообщил майор, замирая перед ней с портфелем под мышкой.

- Спиридон Яковлевич, вы необыкновенный человек! – восторженно произнесла Жанна, теперь уже вслух. - В вас уживаются противоположные по возрасту и по характеру два человека.

- Какой из них вам больше нравится? – осмелел Терещенко.

- Оба! – не раздумывая, объявила она. – И на сегодня достаточно откровений! Не будем торопить события, всему свое время. Всему свое время: время молчать и время говорить.
- Время разбрасывать камни и время собирать камни...

Они проговорили на отвлеченные темы до вечера, не заметив, как быстро бежит время.

- Мне, пожалуй, пора. Завтра понедельник, рано вставать, - шепотом сказал Терещенко, заметив, что мать девушки несколько раз показывалась в дверном проеме и неодобрительно поглядывала на дочь, которая не обращала на нее никакого внимания.

Жанна проводила его до двери, смахнула с его плеча невидимую пылинку, он перехватил ее руку и прижал к своим губам. Потом приложил к своей щеке и признался.

- Я не хочу уходить.

- Посиди еще чуть-чуть. Только семь часов.

- Мне неудобно, - вздохнул он и дернул головой в сторону комнаты, где находились люди. – Я завтра тебе позвоню?

- Позвони... Я буду ждать.

- Ну, тогда до свидания.

- Пока...

Терещенко сбежал по ступенькам, вышел на улицу и поднял глаза на ее окна.

Жанна стояла у окна. Она улыбнулась ему и помахала рукой. Он помахал в ответ.

Шум экскаватора, не смолкающего даже в выходные дни, отвлек майора от лирического настроения. Он вспомнил о медальоне, обнаруженном Рудым на дне котлована.

Спиридон не удержался и повернул голову, чтобы еще раз увидеть девушку. Она так и стояла у окна и провожала его взглядом.

Счастливый человек двинулся по улице. Он скрылся из вида, прошло несколько минут, и вдруг раздался сильный взрыв. Терещенко подбросило вверх, затем грубо опустило вниз, припечатав к земле...

Спиридон пришел в себя на следующий день.

Он с трудом разлепил веки и увидел Жанну Гоголеву и Тимофея Прилукова.

- Ой, он очнулся! – воскликнула девушка и склонилась над ним.

- Привет, - прохрипел он, – как ты?

- Я нормально, а у тебя контузия. Но жизнь вне опасности. Тебе вкололи снотворное, чтобы ты выспался.

- Я не сомневаюсь, что моя жизнь вне опасности, потому что я не могу сейчас умереть. Я только-только жить начинаю.

- И я, - прошептала она и уткнулась лбом в его щеку. – Я так испугалась. Думала, что ты... Что ты серьезно ранен.

- Я, пожалуй, схожу к лечащему врачу и скажу, что вы пришли в себя, - обиженно пробормотал Прилуков и исчез.

В это время в сумочке Гоголевой зазвонил мобильный телефон.

- Это папа, - озадаченно пояснила она Терещенко, - что за срочность такая... Да, я слушаю... Ну, и что, что не отвечает на твои звонки, может она не слышит... Генка был со мной в больнице, а потом поехал к себе домой переодеться, а мама никуда не собиралась... Кажется... Я не знаю, когда буду дома... Позвони Ветрову, пусть ускорится... Что значит, он стоит у моих дверей и не может попасть в квартиру? – Жанна отняла от уха мобильник и обратилась к Спиридону, - представляешь, Генка Ветров вернулся в мою квартиру, а войти не может. Дверь закрыта изнутри на задвижку, на звонки мама не реагирует... А вдруг с ней что-то случилось? – дрожащим от волнения голосом произнесла она.

- Мы сейчас вместе туда поедem! – заявил Терещенко, решительно отбрасывая одеяло.

- Тебе нельзя вставать!

- Когда моей будущей теще грозит опасность, я не могу бездействовать!

Взволнованная Жанна в другое время порадовалась завуалированному предложению руки и сердца, но не сейчас. Тревога за близкого человека заставила забыть обо всем...

Уже через двадцать минут Терещенко, Прилуков и Гоголева стояли у дверей квартиры и слушали сбивчивые объяснения Геннадия Ветрова. Жанна приложила ухо к двери и прислушалась.

- Кажется, я слышу шаги, - шепотом произнесла она.

- Тебе показалось, - заявил Генка.

- Через эту бронированную дверь так просто в квартиру не попадешь, - рассудил Тимофей, визуально изучая преграду. – Если бы не внутренний запор на двери, мы бы вызвали дядю Петю – золотые руки, он бы нам в два счета замок вскрыл.

- Мне показалось, что в спальне приоткрыто окно, - вспомнил Терещенко.

- Это в корне меняет дело! – воодушевился лейтенант. – Сейчас я по выступам и лепнинам быстро заберусь на второй этаж и постараюсь проникнуть внутрь.

- Тима, не спеши, - остудил его пыл майор.

Присутствующие непонимающе покосились на него.

- Что-то мне всё это не нравится, - задумчиво пробормотал Спиридон.

- А мне как это не нравится! - возмутилась девушка, - моя мать не реагирует на звонки в дверь, думай, что хочешь! Может быть, ей плохо с сердцем, может быть... - Она прикусила губу, чтобы не расплакаться.

Спиридон обнял ее за плечи.

- Все будет хорошо.

- Но почему ты запрещаешь Тимофею проникнуть внутрь? – сдерживая эмоции, спросила она.

- Я не хочу, чтобы твоя мать пострадала.

- Я тебя... не понимаю, - пролепетала Жанна.

- Прилуков, вызывай группу захвата! – приказал он лейтенанту. – А ты, Геннадий, бери Жанну и уходите отсюда.

- Я никуда не уйду! - отчеканила Гоголева.

- А я сказал, чтобы через секунду тебя здесь не было! – резко бросил ей майор.

И она послушала.

А потом начался фильм по освобождению заложницы. Группа людей во всем черном профессионально проникла в квартиру через окно и застигла преступника врасплох. Он занимался изучением камина. В том момент, когда рядом со злодеем возник «черный» человек», из каминной трубы с грохотом выпал цилиндрический предмет. Он ударил согнувшегося в три погибели искателя кладов по плечу и скатился к ногам человека в комфляже и в черной маске с прорезями для глаз. Спезназовец отбросил цилиндр ногой, не выпуская из вида преступника, который только сейчас заметил, что комната заполнилась людьми.

Почерневший от сажи жестяной цилиндр подкатился к ногам Терещенко, будто был ему предназначен. Он не успел его поднять, как Беленоватый ринулся к цилиндру, схватил его и прижал к себе.

- Не отдам! – истерично закричал он.

В комнату вбежали Андрей Гоголев и его дочь.

- Где моя жена?! – рассвирепел он и двинулся на преступника.

- Стой, где стоял, - пятась, произнес Сергей. В его руке появился нож.

- Ваша жена в соседней комнате, с ней все нормально, - отозвался Терещенко, не спуская глаз с преступника.

Гоголевы бросились в соседнюю комнату.

- Отдай нож, - приказал майор Беленоватому.

- Дайте мне уйти! – проскрипел тот зубами.

- Иди, - спокойным тоном разрешил Спиридон.

- Пусть все зайдут туда, - он повел рукой с ножом в сторону комнаты, в которой исчезли Гоголевы.

- Тебя никто не тронет, иди.

- Я тебе не верю!

- Твое право!

Беленоватый стал отступать в направлении прихожей вместе с цилиндром. Он почти достиг входной двери, распахнутой настежь, когда из-за нее вывернул Прилуков и перехватил руку преступника с ножом. К ним подоспел Терещенко, потом другие бойцы. Нескольким здоровенным мужикам еле-еле удалось справиться с бывшим кардиохирургом, силы которого увеличились в несколько раз после того, как он стал обладателем заветного тайника.

Преступнику надели на запястья наручники и бросили на стул. Озлобленный зверь стал наблюдать, как лысый мужик открывает жестяной цилиндр, чем-то похожий на тубус для хранения чертежей, только меньшего размера. Когда крышка была снята, майор наклонил другую часть цилиндра и из него выпала кукла.

- Кукла? – удивленно сказал он.

- Ой, кукла, - хором произнесли Жанна и ее мать, освобожденная от пут, которыми она была привязана к стулу. Вокруг губ на коже остались складки от скотча.

- Кукла, - протянул Прилуков.

- Кукла? - опешил от увиденного Беленоватый. – А как же тайник?

- Это и есть тайник. И сейчас мы убедимся в этом, - заявил Терещенко. – Тимофей, забери у него медальон, - приказал он лейтенанту, кивнув на преступника. Тот заерзал на стуле, выказывая всем видом, что готов к сопротивлению, но Тимка быстро нашел у него в кармане брелок ключ-медальон.

Все сгрудились вокруг Прилукова. Сначала ключ взяла Жанна, потом ее мать, в итоге он оказался у Спиридона, на руках которого была красивая кукла в пожелтевшем от времени белом платье, украшенном кружевами, с подрезом на груди. На шее был повязан алый бант, концы которого свисали почти до края длинного до пят платья. Длинные белокурые волосы были заплетены в косу.

Майор повертел в руках медальон, изучая его с обеих сторон. Потом сосредоточился на кукле. Сел на стул и зажал ее ноги между коленями. Прощупал руки, сместился к шее, проверил там, потом отбросил ей за спину косу, оголив край одного уха, в котором блеснула потускневшая от времени серьга. Заправил прядь волос за другое ухо, в котором тоже была сережка. Серьги были крупные и отличались друг от друга: на одной была прорезь, на другой ее не было. Майор интуитивно вставил в прорезь ключ-медальон и провернул по часовой стрелке. Внутри куклы что-то щелкнуло, спереди платье оттопырилось. Спиридон задрал его и увидел, что в туловище куклы открылась дверца.

- Что там? – хриплым голосом поинтересовался Беленоватый.

- Сейчас посмотрим, - очень тихо произнес Терещенко, словно боялся спугнуть прошлое, решившее открыть свои тайны. Он осторожно достал небольшого формата тетрадь, свернутую в трубочку, развернул ее и прочел надпись, выполненную аккуратный красивым почерком:

- Личный дневник Лидии Эдуардовны Тихвинской.

- И это всё? – задохнулся от возмущения Сергей.

Майор заглянул в тайник и «успокоил»:

- Больше там ничего нет!

- Может быть, она пишет, где спрятаны сокровища?

- Не думаю. Для молодой девушки самым ценным являются чувства, которые она не может выразить вслух... Жанна, этот дневник по праву принадлежит тебе...

- Дело передано в суд, все преступники понесут заслуженное наказание, - облегченно вздохнул Кошечкин.
- Не все, - вставил Терещенко, - Иван Рудый скончался сегодня ночью от инсульта.
- Вел человек праведную жизнь, а на ее исходе решил себе изменить.
- Кто его знает, сохранило ли это жизнь ему или Герману Клунину, - рассудил майор и поделился новостью, - мне звонил Забалуев, рассказал, что они с Элоизой Георгиевной решили пожениться. Уступила писательница его напору. И еще сказал, что они хотят взять ребенка из детского дома.
- Молодцы, - похвалил их заочно следователь. А у тебя как дела на личном фронте?
- Пока не знаю.
- А кто должен знать? Бери инициативу в свои руки! Не жди милостей от нерешительных женщин.
- Илья Аркадьевич, я не могу ее силой вести в ЗАГС!
- А ты не силой, ты подкупай женщину своей безграничной любовью... А ты Жанну точно любишь?
- Точно люблю!
- А как же Людмила Клейменова?
- А причем здесь Клейменова?
- Так у тебя с ней вроде бы тоже была любовь-морковь?
- А вы откуда...
- Работа у меня такая, - перебил его Кошечкин. – Обязан держать руку на пульсе, чтобы знать о настроении оперативных работников. Иначе никак...
- Не было у меня с Клейменовой никакой любви, одно заблуждение. Прилуков рассказывал, что видел ее недавно с каким-то мужчиной, шли, улыбались, он ее сына держал на руках.
- И то славно, она баба неплохая, хоть, и репей, а от таких мужики шарахаются.
- Видимо осмыслила свое поведение, или нашелся любитель репейных женщин, - усмехнулся Спиридон.
- Видимо так... И почему у тебя такой унылый вид?! Следствие закончено, ты, наконец, встретил женщину, которая тебя растормошит.
- Все думаю о Лидии Тихвинской. Это же надо увидеть, как убивают твоего любимого, которого ты столько лет ждала, из-за которого ты отказалась покидать Россию. Все надеялась, что он вернется, несмотря на то, что ей рассказали, будто он погиб в Первую мировую. Ждала и дождалась. Ему осталось пройти несколько метром до ее дома. Она как чувствовала его приближение, подошла к окну и увидела, как двое нелюдей расстреливают его. Лидия потеряла сознание, а когда очнулась, то на улице никого не было. Ни двух красноармейцев, ни тела ее возлюбленного. И кто бы мог подумать, что они закопают его там же, не отходя далеко, а почти через сто лет его найдут и обнаружат рядом с останками ключ-медальон, который она ему вручила перед уходом на фронт, вложив внутрь свою фотографию... И если бы не дневник, в котором она описала те страшные события, мы никогда не узнали, кем был тот человек, которого нашли работники «Водоканала» спустя столько лет.
- А если бы не он и подаренный медальон, у некоторых личностей не возникло желание найти тайник. Всё взаимосвязано. Забыл спросить тебя, Спиридон, как ты догадался и тайнике внутри куклы?
- Читал когда-то, что в старину из Голландии в Россию привозили куклы с секретом и дарили их детям на Новый год. А когда увидел прорезь в сережке, которая больше подошла бы девочке, чем ее кукле, то сразу понял, что это и есть своеобразная замочная скважина.
- Да, полное разочарование для Беленоватого, он едва умом не тронулся.

- Он давно умом тронулся, когда загорелся нездоровым желанием найти клад... Говорит, что раньше заглядывал в камин и ничего не увидел. Наверное, цилиндр с куклой сдвинулся с потайной полки, когда на улице взорвалась мина, пролежавшая в земле еще с Отечественной войны. Ковш бульдозера ее зацепил и рвануло. Хорошо, что никто не погиб. Просто чудо какое-то.

- И еще одно чудо, что кукла пролежала в потайном месте столько лет и никто ее не обнаружил... Ладно, Спиридон, давай по домам, - покряхтел Кошечкин, поднимаясь со стула, и со счастливой улыбкой сообщил, - вот сейчас приду домой, меня встретит жена, приласкает, приголубит, вкусно покормит. А тебя никто не ждет! Сколько можно жить бобылем?! Тебе скоро сорок лет!

- Не скоро! Еще четыре года до сорока.

- Чепуха, - отмахнулся Илья Аркадьевич, - человек не может жить один, это противоестественно.

- Я собаку заведу.

- Ты лучше жену заведи... Давай, не дрейфь, майор, действуй!

Прошло полгода...

Спиридон проскрежетал ключом в замочной скважине и стал тихонечко открывать дверь, закусив от напряжения губы. Он боялся потревожить спящего человека.

Занырнув в прихожую, он от неожиданности вздрогнул и непроизвольно попятился.

- Почему ты не спишь, уже почти полночь?

- Тебя жду, - сладко зевнув, ответила Жанна.

- Не обижайся, что я так поздно...

- Я не обижаюсь, знала, за кого замуж иду, - улыбнулась она и повисла у мужа на шее.

- А чем у нас так вкусно пахнет? – промурлыкал Терещенко, находясь на пике блаженства от ее близости, от домашнего уюта, который она создала в его некогда убогой квартирке, и от вкусных запахов, доносящихся из кухни.

Как он давно мечтал об этих милых и дорогих мелочах!

- А я борщ сварила! – похвасталась молодая жена, - ведь ты любишь борщ?

- Я люблю тебя, а борщ мне нравится.

- А котлеты? Тебе нравятся котлеты?

- Из твоих рук я могу есть всё, что угодно, хоть, свежескошенную траву.

Жанна отпрянула от мужа, внимательно изучила его счастливое лицо и с серьезным видом произнесла.

- И все-таки я тебя люблю, Спиридоша.

- А почему и все-таки?

- Раньше я не могла понять, люблю я тебя по-настоящему: твердо и навсегда, или мне кажется, что я тебя люблю, потому что ты такой...

- Какой такой?

- Настоящий и надежный, - без запинки ответила она.

- Понятно... А теперь разобралась?

- Разобралась. Я тебя просто люблю, без всяких потому что... Ой, чего я же всё болтаю и болтаю! – встрепенулась она, - ты же голодный!

- Я страшно голодный, - подтвердил муж и для большей убедительности ласково укусил ее за ухо...

Терещенко сел за накрытый стол и стал следить за ловкими движениями супруги. Он испытывал такое наслаждение, что даже пугался своего состояния.

Как здорово, что я причалил к нужному берегу, повернув против течения, - подумал он.

А Жанна наливала в тарелку горячий борщ и мысленно рассуждала: Когда человек счастлив, он не старается разглядеть неприятности под увеличительным стеклом, он не обращает на них внимания. А почему? Потому что все его мысли заняты любимым

Лара Альм. «Против течения»

человеком. А эталон он или не эталон, тебе без разницы. Для тебя он самый, самый, самый...

Весна 2013года